Великая Отечественная: Неизвестная война

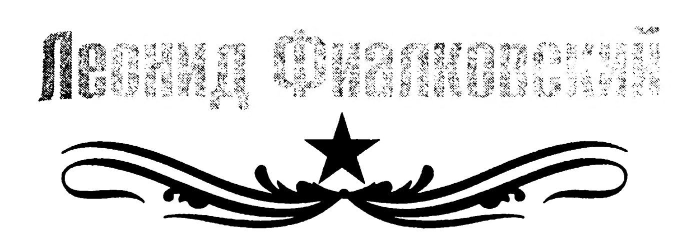
Леонид Фиалковский

Сталинградский апокалипсис

Танковая бригада в аду

Великая Отечественная: Неизвестная война

Сталинградский апокалипсис

Танковая бригада в аду

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2011

УДК 355/359
ББК 68
Ф 48

Оформление серии *П.Волкова*

Фиалковский Л. И.

Ф 48 Сталинградский апокалипсис. Танковая бригада в аду / Леонид Фиалковский. – М. : Яуза : Эксмо, 2011. – 448 с. – (Великая Отечественная: Неизвестная война).

ISBN 978-5-699-49076-9

Хотя дневники на фронте были под полным запретом, автор вел ежедневные записи на протяжении всего 1942 года. Этот уникальный документ – подробная летопись Сталинградской битвы, исповедь ветерана 254-й танковой бригады, прошедшей решающее сражение Великой Отечественной от донских степей до волжских откосов и от ноябрьского контрнаступления Красной Армии до отражения деблокирующего удара Манштейна и полной ликвидации «котла». За 200 дней и ночей Сталинградского побоища бригада потеряла более 900 человек личного состава и трижды переформировывалась после потери всех танков. Эта книга – предельно откровенный и правдивый рассказ о самой кровавой битве в человеческой истории, ставшей переломным моментом Второй Мировой войны.

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-699-49076-9

Посвящаю светлой памяти моих однополчан по 254-й танковой бригаде, отдавших свою жизнь в Сталинградской битве за нашу Родину, за освобождение народов от фашистского ига. Да будет священна память о них!

От автора

Сегодня, когда столько нападок на прошлое, когда много изъянов было и еще больше выпячивают, каждое новое поколение, мой сын и внуки в том числе, хотят знать и спрашивают: как мы жили и работали, о чем думали и мечтали, как выдержали и победили в такой кровопролитной войне, как Великая Отечественная, когда такой сложный и тяжелый период прошли до нее. Чем была война, навязанная нам? Лавиной, поглощавшей нас, как стихийное бедствие, для каждого в отдельности и всего народа в целом? Что она с нами творила, до чего доводила, как входила в судьбу каждого человека и крошила его? Человек оказался щепкой в водовороте, а народ выстоял, победил. Как современному человеку представить, что было тогда, в то время, во время войны?

Спрашивают, как могли допустить врага до Кавказа и Волги, неизбежны ли были такие тяжелые потери, понесенные нашей армией и народом? Как получилось, что в послевоенное время жизнь победителей стала намного хуже побежденных? Все ли было по правде, по совести, на что надеялись в будущем?

Да, мы, фронтовики, надеялись, что Родина после войны будет необыкновенной по социальному устройству, величественной по своему авторитету, равно справедливой для всех национальностей, ее населяющих, просторной для души и мысли, станет маяком для всех угнетенных народов мира. Ведь мы явились силой, которая избавила мир от фашизма. И почему наши надежды на послевоенную

справедливую, просто по-человечески нормальную жизнь не оправдались?

От этих вопросов не уйти. И отвечать на них мучительно трудно, потому что нам было не все понятно и ясно в то время. Прошло почти семь десятков лет. Все меньше в живых остается очевидцев и непосредственных участников войны. Автор написал о лично им пережитом.

Книга построена на боевом материале 254-й танковой бригады, активно участвовавшей в Сталинградской битве от начала до ее завершения, в составе которой автор проходил службу в должности старшего военного фельдшера.

Автор рассказал о воинах бригады — танкистах, ремонтниках боевой техники и медицинских работниках, об их повседневных заботах и ратных делах, подвигах, дружбе, любви, подлости, предательстве, о судьбах женщин-медиков на войне, участи гражданского населения, беженцах в зоне боевых действий, показал войну, какую сам видел и пережил — беспрецедентную трагедию народа.

Изложенный материал дает возможность представить через боевую жизнь и судьбы рядовых тружеников войны почти все этапы Сталинградской битвы, которая длилась 200 дней и ночей, с 17 июля 1942 года по 2 февраля 1943 года, день за днем.

Если у читателя есть желание узнать от очевидца и участника этих событий, как он и его однополчане тогда жили, воевали, о чем мечтали, на что надеялись — прочтите эту книгу. Вы найдете честное и правдивое изложение этих событий.

Леонид Фиалковский, 1923 года рождения,
подполковник медицинской службы в отставке,
ветеран Великой Отечественной войны
(Сталинградский и 3-й Белорусский фронты),
ветеран Советской Армии и труда.

Глава первая

РОДИНА ЗОВЕТ

(17 июля – 5 августа 1942 г.)

Пятница, 17 июля 1942 г. ПОЛУЧИЛ НАЗНАЧЕНИЕ.

Наконец получил назначение в танковую часть. Нас, шесть военных фельдшеров, завтра повезут в одну из танковых бригад, формирующихся в лесу под Костырёвом Тульской области. Находились около двух недель в Москве в резерве Главного военно-санитарного управления Красной Армии, куда были направлены по окончании Ленинградского военно-медицинского училища имени Н. Щорса уже в Омске, где продолжили учебу после эвакуации с осени 1941 года.

Разместили нас в казарме какого-то военного училища. Большие комнаты, нары в два этажа. Кормили в резерве три раза в день и очень скудно. Все время хотелось есть. Пока ждали назначения – осматривали Москву.

После тылового Омска поразил военный облик столицы. Суровая, ощетинившаяся, шинельная. В небе на тросах – аэростаты заграждения. На земле – зенитные установки, вокруг которых в основном хлопотали девушки в военной форме. Военные легковые машины, колонны транспортных автомашин с пушками на прицепе, военные подразделения в пешем строю. Открытые бортовые машины с гражданскими людьми, вооруженными старыми винтовками, машины и автобусы с мужчинами и женщинами с лопатами и ломами в руках. Мешки с песком на памятниках. Бумажные ленты, наклеенные крест-накрест на стекле окон. Надолбы на перекрестках. Патрули: военные и гражданские с красными повязками на рукавах. Все это

настораживало. Особенно тревожило отсутствие детей. Не видно их на улицах. Это еще больше подчеркивало прифронтовое состояние города. Часто объявляли воздушные тревоги. Нередко над городом шли воздушные бои. Взрываются в разных районах бомбы прорвавшихся одиночных и небольших групп самолетов врага.

В резерв прибыло много медицинских работников: врачей, фельдшеров, фармацевтов. Долго не задерживались — убывали на фронт. Приезжали представители разных родов формировавшихся частей. Каждое утро нас строили и объявляли, куда требуются люди, и спрашивали желающих. Поднимали руки, выходили из строя, уходили оформляться в канцелярию и тут же убывали. Нередко вызывали из строя по списку, приглашали в канцелярию и выдавали направления в части.

Обстановка на фронте все усложнялась. В последние дни в резерве пошли разговоры о прорыве немецкими войсками нашей обороны на большом участке на юге страны, вражеские полчища устремились за Дон к Кавказу. Нужно было определяться.

На вечернем построении зачитали, что нужны военные фельдшера в формирующиеся танковые бригады, и я почему-то поднял руку. Сразу был представлен командиру-танкисту, который подбирал военных фельдшеров. В военное время это был не самый правильный выбор. У меня не было четкого представления о характере службы в зависимости от рода войск и места. Не думал о выгоде — шла война, везде стреляли. Танковые войска? Пусть будут танковые.

Суббота, 18 июля 1942 г. ФОРМИРОВАНИЕ РОТЫ.

Привезли нас в какой-то лес, в штаб танковой бригады. Вскоре помощник начальника штаба построил нашу группу по росту и стал определять по подразделениям бригады, начиная с самого маленького ростом. Я оказался определен в роту технического обеспечения бригады старшим военным фельдшером. Мне указали место расположения

роты – участок лагерной территории: несколько землянок для людей и площадка для транспорта.

Возле землянок стоял стол, грубо сколоченный из свежих досок. За ним сидели и стояли около десятка командиров. Более старших по званию, чем с тремя кубиками в петлицах, не было. Мне указали на командира роты. Я представился ему и доложил, что прибыл для прохождения службы в должности старшего военного фельдшера роты технического обеспечения танковой бригады.

Его первый вопрос меня удивил:

– Триппер можешь лечить?

Находившиеся рядом командиры заулыбались.

– При наличии соответствующих медикаментов смогу, – ответил я.

– Учти, доктор, это была не шутка, – и добавил: – Запасись нужными для этого медикаментами – на войне пригодятся.

Еще сказал:

– Надеюсь, руки, голову и еще там чего перевязать сможешь?

– Смогу.

– Это уже шучу. Должно быть, этому тебя научили. Слушай меня внимательно, доктор, – продолжал командир. – Сейчас пойдем на построение роты. Будем распределять людей по взводам и отделениям. Приказываю тебе вместе со старшиной роты подобрать двух поваров, кладовщика и командира хозяйственного взвода из выделенных в роту людей и отправить их на склад бригады получить полевые кухни, инвентарь, продукты. С завтрашнего дня своих людей кормим сами и вообще, полностью отвечаешь за санитарию и все, что связано с приготовлением пищи. Ты и никто больше. С тебя и буду спрашивать. И чтоб вшей не заводили в роте. Следи за этим. После построения роты получи в санвзводе бригады всякое там положенное имущество... И от триппера тоже – специально удели этому внимание, – засмеялся своеобразно с придыханием. Смех был ехидным, без улыбки на лице и сразу же обрывался.

Потом обратился ко всем:

– Все идите на построение.

Я поднял чемодан и спросил командира, куда его девать.

– Мне, что ли, стеречь? Камеры хранения здесь нет, и заводить ее не собираюсь.

Заметив мой растерянный вид, добавил:

– В той вот крайней левой землянке размещаются командиры, туда и ставь свой чемодан. И бегом в строй.

Я стал среди командиров во главе роты. Раздалась команда старшего лейтенанта:

– Рота, становись!

Через секунд двадцать:

– Равняйсь! Смирно!

Команда была произнесена очень тихим, несколько сипловатым голосом с двумя ударениями на каждом слове.

– Товарищ военный инженер! Рота технического обеспечения танковой бригады по вашему приказанию построена. Докладывает заместитель командира роты военный инженер Калмыков.

Командир роты приподнял к фуражке правую руку с повернутой ладонью к строю и произнес:

– Здравствуйте, товарищи красноармейцы и командиры!

– Здравствуйте! Здравия желаем! Здравия желаем, товарищ командир! – прозвучали вразнобой нестройные голоса.

– Ну и войско! – произнес, наконец, командир. – На приветствие нужно отвечать: «Здравия желаем, товарищ военный инженер!»

Прошел вдоль строя, остановился и повторил:

– Здравствуйте товарищи красноармейцы и командиры!

– Здравия желаем, товарищ военный инженер! – хором ответил строй.

– Я ваш командир – военный инженер. Фамилия моя Михайловский. Обо мне все. Представляю остальных начальников. Заместитель по политической части – наш

комиссар, старший политрук Титов. Мой заместитель, военный инженер Калмыков. Командир ремонтного взвода, военный техник второго ранга Гуленко. Командир транспортного взвода, военный техник второго ранга Манько, командир отделения по ремонту электрооборудования, военный техник третьего ранга Дьяков, командир отделения по ремонту вооружения...

Вы входите в состав роты технического обеспечения танковой бригады, – продолжал Михайловский. – Пока без номера и полевой почты – днями присвоят. Наша основная задача – обеспечить исправность танков и колесных машин, вооружения, ремонтировать их на поле боя или возле поля боя, или в некотором удалении, в зависимости от обстановки. Ремонт военной техники в любых условиях, в любой обстановке! Танки должны быть на ходу, колеса на всех машинах должны вращаться, пушки, противотанковые ружья, винтовки, автоматы и пистолеты должны стрелять. Далее. Наши транспортники будут доставлять на передовую горюче-смазочные материалы и продовольствие. Это наша служба, наша боевая жизнь. Сейчас все будут распределены по взводам и отделениям. Внешний вид ваш никуда не годится. Вы подразделение боевой танковой бригады, а не... – умолк, затем добавил:

– Черт знает что. Посмотрите сами, на кого вы похожи!

В строю стояли в подавляющем большинстве своем средних лет и пожилые мастеровые люди: шоферы, трактористы, токари, слесари, жестянщики, сварщики, плотники и другие. Почти все до единого еще вчера были сугубо гражданскими людьми, как красноармейцы, так и командиры, одетые во все военное. Возможно, ни одного кадрового среди них не было. Это определялось по внешнему виду, по походке, по тому, как разговаривали, как отдавали честь, как носили обмундирование. Люди эти привыкли к мирному труду, к земле, семье, к домовитости, к разным житейским заботам. А тут их собрали для выполнения совсем другой работы. Да еще непривычная одежда. Обмундирование не по росту подобрано. Не успели или не

подходило по размерам. Безусловно, суть не во внешнем виде, не на парад собрались. Но и для ратного дела по виду своему не очень подходили. Весь облик говорил, что не место им здесь в лесу, среди танков и машин. Не нужен им этот строй, обмундирование, снаряжение, отдание чести и прочие атрибуты военной жизни. Казалось, что последует команда, и все разойдутся по домам. И тем не менее они уже себе не принадлежали. Все это непривычное станет содержанием их новой и необычной жизни.

Раздался голос командира:

– Командиры взводов и отделений! Сейчас подберите себе людей по штатному расписанию и приведите их в порядок. Что можно подобрать у старшины роты из обмундирования и обуви – получить и заменить. Но не сейчас. Старшина еще ничего не получал. Пока меняйтесь между собой, если найдете подходящий обмен.

Подобрали из стоявших в строю командира хозвзвода – Мезенцева (студент, музыкант), кладовщика – Лукьянова (бухгалтер, лет под 50, хромой), поваров – Харитонова (тракторист по профессии) и Шихалева (разнорабочий). Профессионалов не оказалось.

– Как думаешь, доктор, можно им доверить пищу готовить?

– Они не повара, надо искать других.

– Других не будет. Пока не будет. Из ресторанов не пришлют. Выбирать можно только среди этих людей. Будешь снимать пробу, первым же будешь кушать, первым и отравишься. Так что строго контролируй и помогай. Проверь всю эту братию на сифилис и прочее. Присмотримся, что за народ. Все идите получать на бригадном складе: кухни, инвентарь, продукты. Строго по ведомости. За все материальную и моральную ответственность несет Мезенцев. Старшим пойдет лейтенант Завгородний. Идите. И ты, доктор, можешь идти получать свое имущество.

На площадке продолжалось распределение остальных людей по взводам и отделениям роты.

Воскресенье, 19 июля 1942 г. МНЕ ГРОЗИТ ТРИБУНАЛ.

Я получил большой нагоняй за первый завтрак. Сварили перловую кашу с тушенкой и чай. Каша оказалась не только с тушенкой, но и с какой-то мазеобразной примесью темного цвета.

Накануне вечером после получения кухонь, инвентаря, продуктов мы долго обсуждали, как варить кашу, суп, борщ и другие премудрости поварского ремесла. Знания у моих подопечных очень скудные. Да и у меня не было опыта и никакой подготовки по приготовлению пищи. Допоздна знакомились с устройством кухонь, осмотрели инвентарь, решали, что к чему. Ночь почти не спали. Поехали с кухнями к колодцу, залили котлы водой и для пробы затопили их. Убедились, что в топках хорошая тяга, что вода закипает и избыток пара с шипением выходит из предохранительного клапана. Предупредил поваров, чтобы хорошо вымыли котлы этой же горячей водой, а для завтрака залили свежую. Как мыли котлы, не видел. Ушел под утро отдохнуть. Когда снимал пробу (попробовал ложкой из черпака), каша была как каша. Правда, как мне показалось, с каким-то металлическим привкусом. Но я посчитал, что это из-за нового котла. Чай не пробовал. Разрешил выдачу завтрака. Первые группы людей получили и поели кашу, а последующие стали замечать в каше какие-то полосы черной массы и подняли шум. Повара Харитонов и Шихалев были в недоумении, растерянные, объяснить ничего не могли.

– Какая-то чернота, черт бы побрал ее, тянется из котла, – все твердил Шихалев.

Я взял черпак, стал на подножку кухни и зачерпнул кашу, поведя по дну и стенке котла. В черпак, кроме каши, набралась черная густая масса от дна и стенки котла. Обратился к поварам:

– Кто мыл котлы и заливал воду?

– Я заливал и Шихалев заливал. Мы оба ездили с кухнями к колодцу, тому самому, где вы вчера разрешили брать воду, и залили оба котла, – ответил Харитонов.

– Смотрели перед заливкой котлы, чистые были? Кто их мыл?

– Чистые, мытые. Шихалев мыл.

– Как мыл котлы, Шихалев?

– Горячей водой, что кипела.

– И еще чем? Дальше как было?

– Так и было. Вылил ту воду сначала ведром, затем черпаком и залил у колодца свежую.

– Дно котла чем вытирали?

– Ничем. Вычерпал всю воду и залил свежую.

– Никто не мог залить что-нибудь в котел?

– Не должно. Мы все время были рядом.

Подошли командиры роты и замполит – старший политрук Титов. Уже кто-то им доложил о случившемся. У кухни собирались красноармейцы и командиры – пришли с котелками за завтраком.

– Что натворили? Докладывай, доктор!

– В кашу какая-то масса попала, темная, как мазь.

– Откуда попала? Кто мог подсыпать? Людей травить вздумали, горе-кашевары. Под трибунал пойдете все и ты с ними! Ты присутствовал при закладке продуктов? – уставился он на меня.

– До поздней ночи обсуждали, как все делать, все просмотрели, кухни проверили и протопили. Проинструктировал поваров, где воду брать и когда закладывать продукты...

– Я спрашиваю: при закладке продуктов присутствовал?

– Нет. Очень поздно было.

– Вот и будешь отвечать в первую очередь. Не дай бог, если будет хоть одно отравление. Первый пойдешь под трибунал.

– Не повар я. Не я кашу готовил и не должен себя привязывать на все время к кухне.

– Молчать! Оправдания мне не нужны. Я приказал заниматься тебе питанием, доктор, тебе! И с тебя спрашивать буду. Комиссар! Собери всех людей, кто уже кушал

кашу, в одно место и наблюдайте за ними, а ты, доктор, пойдем со мной.

И командир быстрой походкой пошел к своей машине с будкой, в которой размещался. Что-то меня осенило, и я подошел ко второй кухне, открыл крышку котла, где заварили чай, и черпаком провел по дну и стенке котла. Так же набралась в черпак густая черная масса. Побежал в машину к командиру с черпаком. Он звонил в штаб бригады и докладывал о чрезвычайном происшествии в роте и просил для расследования направить представителя особого отдела.

Я попытался ему доложить свои соображения, но он и слова сказать не дал. Замахал рукой, а когда положил трубку – разошелся. Из его уст посыпался поток брани вперемешку с матерщиной. Впервые в жизни получил разнос в самых хлестких выражениях. Он сказал, что кто-то пытался вывести людей из строя, чтоб сорвать отправку их на фронт, и я помог этому отсутствием бдительности. И не миновать мне трибунала, поскольку я должен четко выполнять его приказания, а не пускать дело на самотек. Не должен отходить от кухни, пока вновь испеченные неопытные повара чему-нибудь научатся. Оказывается, я маменькин сынок, которому нельзя доверять, что при первой возможности он избавится от меня и все в таком духе. Я стоял навытяжку и слушал. Забыл, что у меня в руках черпак со злополучной смазкой. Когда он уже, как мне показалось, выговорился, я вставил несколько слов.

– Зачем вы кричите и так оскорбляете меня?

– Молчать, сосунок! Еще поучать меня вздумал, – перебил он меня, – людей травишь, а мне молчать.

– Прошу не оскорблять меня.

– Травишь людей, а мне любоваться тобой!

– Никто не отравлен, котлы были покрыты антикоррозийной заводской смазкой, и повара не сняли ее с поверхности котлов, – удалось вымолвить мне. – В котле, где чай, тоже такая смазка. – И я протянул ему черпак.

– Вот видишь! Кто должен проверять котлы? Кто должен был контролировать все, что касается питания? Кто, я спрашиваю!? Кому я приказал отвечать за приготовление пищи? Отвечай! Не мне же всем заниматься.

Наступило какое-то безразличие ко всему, что он говорил, я даже перестал различать смысл слов... Понял, что мне надо уходить, открыл двери и стал выходить из машины.

– Стой!– услышал опять его голос. – Передай старшине, чтобы выдал личному составу сухой паек на завтрак: хлеб и консервы, а я с тебя удержу его стоимость. Теперь иди!

Я вышел. Зачем он так оскорблял меня, и как дальше быть? Наказал бы, если виноват, но выслушать поток такой матерщины? Как же будем дальше вместе служить? Едем же на фронт, и как так можно? Мне надо уйти из роты. Как быть дальше? Я, возможно, что-то упустил, но не за повара должен работать. У меня же масса других дел, а на фронте будет еще больше. А повара никудышные и не то еще могут отколоть, а спрос будет с меня. Кому их учить? Меня в училище учили контролю за питанием, нормам, подсчету калорийности пищи, санитарно-гигиеническим правилам и кулинарной обработке продуктов, сохранению витаминов в пище, но не как готовить ее. С такими мыслями я шел от командира после чудовищного разноса и не знал, как мне быть дальше. Ко мне подошел комиссар, несколько успокоил, посочувствовал, сказал, что командир резок, горяч и быстро отходит, чтобы я не копил зла на него и занимался своим делом, что завтрак сорвали, а могло быть еще хуже, если бы отравились люди. Хорошо еще, что все так обошлось. Этот случай послужит хорошим уроком на будущее для меня и для горе-кашеваров.

Понедельник, 20 июля 1942 г.

ПОЛУЧАЕМ ТЕХНИКУ, ИМУЩЕСТВО.

В течение дня прибывало пополнение: красноармейцы, в основном водители, младшие командиры. Получали и осваивали военную технику – специальные машины с

большими будками вместо кузова. Их называли летучками – мастерские на колесах. Получали тракторы, тягачи, колесные грузовые машины ЗИС-5, ГАЗ-51 и иностранные: студебекеры, форды, мотоциклы с коляской марки «Харлей». Удивлял вид наших транспортных машин, особенно ГАЗ-51. Странно выглядела кабина машины. Остов ее был из дерева. Спереди — плоское стекло в деревянной раме. Крыша брезентовая. Сбоку в дверях, в нижней части тоже натянут брезент, а в верхней стекол не было – гулял ветер. Для лета кабина терпима. А как же зимой?

– Экономия металла, стекла. Понимать надо, братцы!

– А как в дождь или когда ударят холода? – раздавались голоса.

В батальоны прибывали экипажи с танками Т-34 и Т-70. О первых машинах слышали как о самых лучших наших танках. И не только наших. Ходили смотреть их. Экипажи держались именинниками. Получили снаряжение и принадлежности, которые и распределяли по штатному расписанию. Пока занимались техникой, осваивали ее, проверяли исправность, доукомплектовывали. Большинство людей роты уже работали в других подразделениях – ремонтировали машины, танки. Бегали, суетились, ругались.

Многие водители возмущались и не хотели брать недоукомплектованные машины, но деваться было некуда. Стали пропадать ключи, заводные ручки, запаски – резина с дисками. Тащили друг у друга.

Я получил медицинское имущество: комплект «ПФ» (полевой фельдшерский) – набор медикаментов и инструментов, санитарную сумку, носилки, комплект перевязочного материала и шин. Обратился к командиру:

– Куда погрузить медицинское имущество? Определите мне место, транспорт.

– У меня без нянек. Сам выбери машину, где свободнее, и с другим имуществом положи свое. На этой же машине и будешь ездить. Специальная машина или личная для доктора не предусмотрена. Кстати, – продолжал он, – почему избегаешь меня, не здороваешься?

Я пожал плечами, ничего не ответил.

– Не жениться собрались мы. Воевать предстоит, так что не строй из себя кисейную барышню. Я, как командир, должен добиваться порядка во всем и средств не выбираю. Привыкай и делай свое дело как можно лучше, – покровительственно добавил он.

Нужно было где-то определяться с имуществом. Обратился к командиру транспортного взвода Манько, и он определил мне бортовую машину ГАЗ-АА, в кузов которой я сложил медицинское имущество и держался этого водителя. Санитарную сумку с самыми необходимыми медикаментами и перевязочным материалом носил с собой.

Вторник, 21 июля 1942 г. СМОТР БРИГАДЫ.

Настал день смотра бригады представителями бронетанковых и механизированных войск наркомата обороны. Утром на построении Михайловский объявил, что после обеда будет смотр личного состава и техники и вручение Красного знамени. Приказал всем командирам тщательно подготовиться к этому событию. Формирование бригады еще не завершилось, не все штатные должности были заполнены людьми, да еще и не вся техника получена. Только прибыл почти полностью укомплектованный мотострелковый пулеметный батальон под номером 194. Танковые батальоны под номерами 655 и 656, которых называли соответственно 1-й и 2-й, все еще доукомплектовывались, приводили в порядок технику. Наконец стало известно, когда и куда мы поедем, на какой фронт.

После обеда вытянули в один ряд весь транспорт, полностью загруженный имуществом роты так, как предстояло следовать в пути. Затем построили личный состав роты. Никто толком не знал, где и как должно носиться снаряжение. Перевешивали его с одного плеча на другое, потом выяснялось, что первоначально было правильно, и опять перевешивали. Приказали выложить содержимое каждого вещмешка. Разрешили оставить самое необходимое,

остальное выкинуть. Но все казалось самым необходимым, много чего прятали по карманам, за пазухой. Трудно было расставаться с привычными предметами, возможно и не нужными, но связывавшими с прошлым.

Наконец последовала команда: «Становись!» Мы и так все стояли. По центральной дороге подошел автобус, въехал на поляну, остановился перед строем бригады. Последовала команда: «Равняйсь!» Мы как-то равнялись, ибо из-за скатки шинели не видели соседа справа, и командир роты вместе со старшиной нас то выдвигали, то задвигали в строй. Из автобуса вышла группа командиров.

– Смирно!

Командир бригады доложил:

– Товарищ полковник! Танковая бригада по случаю сформирования построена. Докладывает командир бригады подполковник Липин.

– Здравствуйте, товарищи танкисты!

– Здравия желаем, товарищ полковник! – не совсем дружно, вразнобой, но во весь голос ответил строй.

– Слушайте приказ заместителя наркома обороны, командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии Советского Союза генерал-лейтенанта Федоренко № 0703293 от 21.07.42 года...

Полковник развернул папку и зачитал, что нам присваивается боевой номер 254 и полевая почта номер 32500. Затем сложил папку и произнес более высоким голосом:

– Поздравляю вас по случаю сформирования танковой бригады!

– Урааа!.. Урааа!.. Урааа!.. – прокатилось над строем и разнеслось по поляне, лесу.

– Командующий поручил мне вручить вам символ части – боевое Красное знамя!

От автобуса отделился офицер из прибывшей группы с развернутым знаменем в руках в сопровождении двух автоматчиков и приблизился к месту, где стояли полковник и командир бригады. Полковник взял знамя в руки и сказал:

– Смирно! Командиру принять боевое Красное знамя. Желаю 254-й танковой бригаде победы над врагом!

Командир бригады опустился на колено, взял край знамени в руки, приложил к губам, встал, взял знамя из рук полковника и произнес:

– Товарищ полковник! Передайте командующему, что я, танкисты и весь личный состав вверенной мне 254-й танковой бригады не пожалеем крови и самой жизни для полной победы над проклятым врагом – немецко-фашистскими захватчиками!

Затем повернулся к строю, приподнял знамя правой рукой над головой и воскликнул:

– Клянемся, товарищи!

– Клянемся! – от сердца прозвучали голоса из строя.

– Автоматчики роты управления, ко мне!

Четким строевым шагом к командиру направилась группа автоматчиков из разведвзвода во главе со своим командиром, которому командир бригады передал знамя.

– Под боевое Красное знамя, бригада, смирно! – И командир повернулся к разведчикам. – Вдоль строя в голову колонны, шагом марш!

Четким шагом, держа развернутое Красное знамя, разведчики последовали в голову колонны. Личный состав сопровождал ее глазами. Разведчики стали в строй во главе бригады.

Полковник из штаба бронетанковых и механизированных войск вновь раскрыл папку и зачитал:

– 254-й танковой бригаде надлежит погрузиться в три эшелона и убыть в распоряжение командующего... – полковник сделал паузу, – энского фронта. – Погрузка первого эшелона 23 июля сего года. – Оторвал взгляд от папки и добавил: – Через день. Порядок, время подачи эшелонов и путь следования будут доведены до сведения командира бригады и его штаба. Погрузка в Костырёве. Еще раз поздравляю вас с сформированием бригады, вручением ей боевого Красного знамени. Приказываю за оставшиеся один-два дня привести в порядок технику и вооружение.

Проверить все, дополучить, что положено. Нам предстоят тяжелые бои с коварным и сильным противником. Народ и партия доверили нам первоклассную боевую технику, и это доверие мы должны оправдать. По подразделениям шагом марш!

Все строем пошли в свое расположение, где возле техники и протоптались дотемна.

Среда, 22 июля 1942 г.

ГОТОВИМСЯ К ПОГРУЗКЕ В ЭШЕЛОНЫ.

Началось формирование эшелонов и подготовка к их погрузке.

Работали день и ночь. Готовили проволоку, веревки, бруски для крепления машин. Писали письма, спешили сообщить номер полевой почты родным, без надежды, что письма к ним дойдут. Немало нас из западных областей – люди не знали, куда писать: остались ли родные в оккупации, выбрались ли куда и живы ли. Я сообщил о себе дальней тетке в Ленинград. Мы договорились с родными еще в начале войны, когда разъехались, что все будем писать тетке, а она нам сообщит о каждом из нас. Никто и думать тогда не мог, что враг дойдет до Ленинграда.

Четверг, 23 июля 1942 г.

СОВЕЩАНИЕ МЕДРАБОТНИКОВ.

Перед ужином состоялось совещание всех медицинских работников бригады. Собрали нас на лужайке возле машин медсанвзвода (МСВ), ждали военврача 3-го ранга Раппопорта, который был на совещании в штабе.

Военврач пришел, вытащил из планшета исписанный листок бумаги, положил его на столик, сказал:

– Товарищи! Я уже познакомился с личным делом каждого из вас. Для общего знакомства буду по списку называть звание, фамилию и должность каждого, а вы встаете и представляетесь.

Так я познакомился с военврачом 3-го ранга Гасан-Заде. Врачом медсанвзвода Зоей Ложкиной – среднего роста, крепко сбитой, румяной, светловолосой женщиной, с короткой стрижкой, лет двадцати пяти. Ее ровесницей младшим врачом Майей Вайнштейн – смуглой, щупленькой, с выразительными темно-синими глазами, охваченными длинными черными ресницами.

Из медсанвзвода была еще представлена санинструктор Люда, строгая, неулыбчивая женщина лет тридцати, военфельдшер Шепшелев – начальник аптеки, санинструктор Иванов, военврач мотострелкового пулеметного батальона Панченко, военфельдшер этого батальона Леня Модзелевский, военфельдшер роты управления Семен Гомельский, военфельдшера танковых батальонов.

Бригврач уточнил нашу укомплектованность по штатному расписанию. На вопросы, когда и куда поедем, ответил, что не знает, но скоро должны отбыть на фронт. Напомнил о порядке эвакуации больных и раненых.

Вечером началась погрузка первого эшелона бригады. Настроение в роте было тревожное, об обстановке на фронтах нам не говорили, газет нет, радио здесь негде послушать.

Суббота, 25 июля 1942 г. В ОЖИДАНИИ ПОГРУЗКИ.

Нас никто не провожает. Что нас ждет? Что уготовила нам судьба? Прошел месяц, как я вышел из стен медицинского училища. Присвоили звание «военный фельдшер». В петлицах по два кубика. Новое хлопчатобумажное обмундирование, брезентовый ремень, пустая кирзовая кобура, пилотка, сапоги, вещмешок – все, что было при нас. Нет, не все. Еще нам было восемнадцать лет.

За время учебы прошел нелегкий кусок жизни, особенно зимой – создавали обстановки, близкие к боевым. Пережили и бомбежки с пожарами в Ленинграде, участвовали в ликвидации их последствий, пережили бомбежки и в дороге, холодный и полуголодный Омск. За короткие дни и длинные вечера нам кое-что вложили

в головы, нужное для войны. Разъезжались группами, в основном на запад.

Моя Белоруссия уже год как под немецким сапогом. Я сам никак не мог понять, почему немцы одерживали победу за победой. Как же мы допустили? Почему ему поддаемся, на что рассчитываем? Войне уже более года, а поворота не видно. Боюсь всех этих мыслей, которые обуревают меня, и тем более не могу высказать их кому-нибудь вслух. Меня могут неправильно понять и сделать зловещие выводы по законам военного времени. Я думаю, что мои товарищи не потеряли веру в победу над врагом, но сколько можно отступать? Как объяснить хотя бы себе, почему это продолжается?

Воскресенье, 26 июля 1942 г. НАШ ЧЕРЕД.

Утром после завтрака рота в полном составе со всем своим транспортом вышла из лагеря и расположилась у железной дороги недалеко от погрузочной площадки. Там уже стояли танки 2-го батальона. В течение дня проводилась погрузка техники небольшими партиями по мере подачи платформ. Танки и колесные машины укреплялись на открытых платформах. Личный состав размещался в товарных вагонах – «теплушках», где были оборудованы нары в два этажа. Стелили под себя шинель и частью шинели накрывались. Под голову вещевой мешок. В некоторых вагонах на нарах была солома. В одном из вагонов поместили продсклад и полевую кухню – самый нужный и почитаемый объект в нашей военной походной жизни. Этой же ночью наш эшелон отправился в путь.

Понедельник, 27 июля 1942 г. ЧТО НАС ЖДЕТ?

Первые сутки мы больше стояли в тупиках, маневрировали на путях, останавливались на маленьких станциях и полустанках. Крупные проезжали без остановок.

Мне определили место в вагоне, где разместились в основном старшины-ремонтники и командиры-

воентехники, у которых не было в подчинении личного состава. Мы занимали нары на одной половине вагона. Здесь же у дверей теплушки разместился я со своим имуществом, создав место для оказания медицинской помощи.

Не спалось. Где родные мои: мать, три сестры, брат, где отец? Еще смутно представляли, что хотим от жизни, какой она должна быть. Жили под кровом родителей далеко не в достатке, верили, что будем жить лучше их и делать ее, жизнь, своим трудом более красивой, счастливой. Запросы наши не казались большими.

И все же каждый из нас вынашивал планы, мечты, к чему-то стремился. Складывалось отношение к жизни, к товарищам. Формировались понятия о дружбе, любви. Последнее мы в большинстве своем еще не испытали. Все было впереди. Но вся наша жизнь вдруг перевернулась и попала в страшный водоворот – война. Мечтам не суждено было сбыться. Наши судьбы стали решаться помимо нас. Для этого нас ускоренно и готовили. Мы молоды и здоровы. Кому, как не нам, идти на войну? Понимали, что это не прогулка. С нее мало шансов вернуться, да и некуда. Она поглотила огромную территорию, миллионы жизней ни в чем не повинных людей. Очередь за нами. Сможем ли мы что сделать, пока живы?

Больше года шла война. Она коснулась всех, от мала до велика, каждого по-разному. Война вошла в нашу жизнь: в быт, действия, психику. Все перевернула в каждом из нас. Что происходит? Как все это осознать? Что ждет нас в этом водовороте?

Убаюкивает перестук колес. Поезд все мчит нас на юг.

Вторник, 28 июля 1942 г. ЭШЕЛОН ИДЕТ НА ЮГ.

Эшелон все шел на юг, все короче и реже становились остановки в пути. Едва успевали запасаться водой для приготовления пищи и питья. Еще сложнее стало справлять естественные надобности. Маленькие дела приспосабливались совершать из дверей на ходу поезда, а крупные приходилось долго терпеть.

Среда, 29 июля 1942 г. КТО ОСТАНОВИТ ВРАГА?

Проехали Ряжск, Мичурин, Грязи. Эшелон мчит нас на юг. От местного населения узнали, что наши войска оставили Ростов. Враг рвется на Кавказ, к Волге. Когда же конец этому будет?

Я и мои товарищи негодовали, возмущались, недоумевали, некоторые плакали от боли и бессилия, когда узнавали, что враг занимает все новые и новые территории. Так ли уж он силен?

Что случилось с такой большой страной, как наша? Где ее сила, мощь? Нам годами твердили, что мы победим любого агрессора, который посмеет на нас напасть, и в песнях распевали: «Если завтра война, если завтра в поход – мы сегодня к походу готовы...» или «...мы сильны, и танки наши быстры...» А что на деле? Ведь мы всему верили. Многие писали рапорты, просились на фронт до окончания учебы. Кто и когда остановит врага? От кого ждать помощи? Видно, от нас самих все зависит. Дальше для народов нашей страны продолжаться так не может. Это становится противоестественным его силе, его духу, его истории. Советский Союз сплотил народы нашей страны в монолитную семью, для которых интересы Родины – их собственные. Много крови и жизней отдал советский народ за свободу, независимость. Все это хотят у него отнять. Лишают самого ценного – жизни. Мало умереть за свободу, за избранный уклад жизни, надо отстоять все это. Каждый народ будет стоять друг за друга, как за самого себя. У всех одна беда, одна судьба. Вместе стали строить новую жизнь, тем более будут отстаивать ее. Если уже не для себя, то ценой нашей жизни для детей, сестер и братьев. Отстаивать своими силами! Надеяться не на кого. Обещанный второй фронт союзники не открывали. Какие еще нужны усилия народа, страны? Что же партия, товарищ Сталин, которым безгранично верили и верим? Не настал еще час?

Огромное страшное чудовище поглощает территорию и народы разных стран Европы. Коричневое чудовище народилось около десяти лет назад. Не могли не понимать,

какую угрозу он, фашизм, несет человечеству. Почему не остановили его в зародыше, почему подкармливали? Разве не знали правители других стран, той же Франции, Англии и многих других стран Европы, пострадавших от фашизма, какую опасность для существования их всех представляет коричневая чума? Почему не останавливают его сейчас? Уже идет второй год войны. Где второй фронт?

Пожилой ремонтник, внимательно слушавший наши разговоры, тяжело вздохнул и произнес:

– Жаль мне вас, ребятки. Здоровые, умные, а ждет-то вас что? Как и моих детей и внуков? Куда супостат дошел, и никак не остановят. Информбюро еле успевает за ним, – и, несколько раздумывая, продолжил:

– Под Москвой стоит, так? Ленинград на измор взял – долго ли продержится там народ? Прибалтика под врагом, Белоруссия, Украина, Крым, Воронеж взял, Ростов. Всю Россию подбирает. Что же будет дальше? Что нас всех ждет? Мы свое отжили, а вас, сынки, жалко.

– И куда ты гнешь, старик? – вспылил старшина. – Неверие в победу. Контру разводишь!

– Какая я тебе контра, сынок? Душа болит. Сколько русской земли потеряли, и конца этому нету. Доколе же это будет?

В разговор вмешался старший воентехник Саркисян и с армянским акцентом сказал:

– И раньше были войны. За территорию, за короля, за власть. Но эта война особая. Немцам нужна не только территория наша, они хотят нас уничтожить. Им и империалистам других стран советская власть, наш социалистический строй не нравятся. Вот и позволили вырасти фашизму в надежде, что он уничтожит наше социалистическое государство. Фашизму пока удалось нанести нам крупный урон, но поражение во всей войне потерпит он. Это историческая неизбежность. Хотя и расчетливая нация немецкая, но на этот раз ее генералы во главе с Гитлером просчитались. Они взялись за неосуществимое и будут жестоко наказаны.

Его убежденность передалась и нам. Он рассеял сомнения, настроил наши мысли в единственное русло – неизбежность победы.

По рукам шел свежий номер газеты «Красная звезда», раздобытый кем-то на станции. Старшина «Крошка» вслух зачитал статью Ильи Эренбурга «Судьба России».

Будут ли у меня дети, внуки? Кто останется в живых, будет в большом почете перед детьми, внуками, своим народом и всеми народами мира. Да, победители будут прославлены на многие годы, века...

Четверг, 30 июля 1942 г.

ЛЬЮТСЯ ПЕСНИ НА ПРОСТОРЫ.

После обеда старшина автовзвода, которого за глаза называли «Крошкой» из-за огромного роста и богатырского телосложения, решил расшевелить всех в вагоне:

– Чего приуныли, братцы, еще будет повод, а сейчас споем, что ли?

И он, житель таежной Сибири, охотник, запел тихо, протяжно о золотоискателе, который мечтал разбогатеть, обзавестись семьей, купить домик, а стал добычей волков.

– Этой песней еще больше грусти навел, послушайте эту.

И запел он старую русскую песню о молодцах, которые пошли свататься к одной молодице, и, чтобы понравиться ей, каждый старался выделиться своей удалью, мастерством, а выбрала она самого неудачника, пожалев его. Пел он сочным баритоном, интонациями выделяя каждого молодца, как заправский артист. Приятно было его слушать. Да и песен этих раньше не слышали. Народ немного расшевелился. Запел и командир транспортного взвода Манько Николай. На украинском языке, высоким, почти женским голосом. Поддержали его и другие товарищи. В какую-то паузу послышался голос Саркисяна, который зашел к нам в теплушку перевязать ссадину на кисти и не успел уйти к себе.

– Слушал ваши песни. Хорошие, ничего не скажешь. Послушайте и наши.

И полилась вначале тихая, протяжная, а затем на более высоких нотах, поддержанная шофером Сульяном, мелодия-плач о далекой Армении, о ее долинах и виноградниках, о высоких горах, о любимых, до которых так далеко. Хотя слов песни не знали, но казалось, что об этом пели ребята, судя по грустной мелодии. Каждый, как умел, подпевал другим. Так полились русские, украинские и армянские песни – музыка разных народов, которых свела и сплотила общая беда в одно целое, совершенно разных людей, но отныне одной судьбы.

Песни, спетые сообща и в отдельности, согрели людей, сблизили их всех. Лица просветлели, на душе стало легче, мысли и заботы каждого слились в общее русло, а сообща все переносится легче. А эшелон все мчался на юг.

Пятница, 31 июля 1942 г.

КОНЕЦ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ ПУТЯМ.

Все меньше остановок в пути. На полустанках стояли группами женщины, дети, старики с фруктами, молоком, яйцами, но эшелон часто проскакивал мимо. Там, где поезд останавливался, люди подходили к вагонам, предлагали молочные продукты, фрукты. Просили взамен чай, соль, мыло, хлеб. Иногда и так отдавали, как своим родным. У многих, если не у каждого, были на фронте родные и близкие. Многие местные жители приходили на полустанки просто посмотреть на уходящие составы. Стало привычным для этих людей встречать и провожать поезда на фронт.

Поздно вечером наш эшелон подошел к станции Серебряково Сталинградской области и стал. Нас долго не принимали. Станция оказалась разбитой, догорали некоторые здания. Накануне ее бомбила вражеская авиация. У служащих узнали, что до бомбежки прошли на юг эшелоны с танками. Возможно, это были машины нашей бригады.

Суббота, 1 августа 1942 г.
СТАНЦИЯ СЕРЕБРЯКОВО.

Эшелон застрял у Серебряково. На рассвете красноармейцы, командиры стали вылезать из вагонов, осваивать близлежащие канавы, кусты. Метрах в трехстах дымились развалины. От железнодорожников узнали, что впереди лежащие станции, ведущие в Сталинград, также разбиты немецкой авиацией. Стало ясно, что дальше следовать железной дорогой не придется. Предстояло разгружаться здесь, хотя специальных платформ не было. Начальник эшелона Михайловский ждал указаний. Красноармейцы рассыпались по окрестности – разведывали местность вокруг, разумеется, без команды.

Стало известно, что на путях за станцией красноармейцы обнаружили цистерну с медом и уже орудуют там. Меня вместе с лейтенантом Завгородним послали узнать, в чем дело. Пошли. У одного отдельно стоявшего товарного эшелона увидели группу наших красноармейцев, куда и направились. Оттуда раздавался шум, хохот. Жестикулировали, суетились, показывали на люк цистерны. Некоторые взобрались по узкой металлической лестничке на ее вершину. У люка расположились несколько бойцов. Подойдя ближе, увидел, что из цистерны за ноги кого-то извлекают. Цистерна была облита светлой густой тянущейся массой. Многие пили ее непосредственно из кружек, котелков, запрокинув голову, или хлебали ложкой, облизывали пальцы. Так же головой вниз, держа за ноги, его подали стоявшим внизу хохотавшим товарищам и положили на землю. Рот, нос, уши были забиты этой массой. Он находился в состоянии удушья. Тело корчилось, подергивалось. Вблизи стоявшие поняли, что с ним случилась беда, и стали звать доктора. Мой приход оказался кстати. Подбежал к пострадавшему, положил его на спину, повернув голову набок. Рукой, а затем шпателем, обмотанным марлей, попытался извлечь эту массу. Удалось несколько вычистить полость рта и носа, но свободное дыхание не наступило. Тело обмякло. Повернул его на живот, подвернул песок и гравий

под нижнюю часть грудной клетки и нажал несколько раз резко на угол лопаток. В какой-то миг толчком была выброшена из горла, как пробка, часть массы, и он шумно, с визгом задышал, но в сознание не приходил.

Вспыхнул смех с истерическим надрывом. Пострадавший все еще находился без сознания, и я стал делать ему искусственное дыхание. Послал одного красноармейца к нашему вагону за носилками и комплектом «ПФ». Наверху цистерны вокруг люка еще толпились красноармейцы, наполняя этой массой котелки, банки, фляги, передавали их вниз и набирали в новую посуду. Среди этого шума и хаоса раздалась команда:

– Прекратить разбой, строиться!

Галдеж и хохот заглушили эту команду.

– Выходи строиться! Смирно! – повторно последовала команда.

Никто не обратил внимания, хотя узнали голос командира роты.

– Смирно! – прозвучало еще раз. – Строиться!

Не помогло. И вдруг прозвучали выстрелы. Командир роты Михайловский стрелял в воздух. Хохот стал затихать. Всех сдуло с цистерны. Раздался голос старшины роты Николаева:

– В шеренгу по два, становись! Равняйсь! Смирно! – и подошел к командиру, который дрожащей рукой никак не мог попась пистолетом в кобуру, висевшую у него на ремне где-то сзади на спине.

– Товарищ военный инженер! Красноармейцы по вашему приказанию построены. Старшина роты Николаев, – и что-то тихо ему сказал. Командир вытащил из пистолета магазин с патронами, выстрелил в воздух оставшийся в стволе пистолета патрон, вставил магазин в пистолет и положил его в кобуру, клапан которой остался незастегнутым. Военнослужащие стояли в строю с расстегнутыми воротниками, со сбитыми набок ремнями, кое-как надетой пилоткой. Гимнастерки и брюки были вымазаны липкой массой. Некоторые были с оружием, большинство без.

В руках держали котелки, банки, фляги, один – ведро. На лицах – жалкие, виноватые улыбки. Командир обошел строй, встал перед ними и с презрением процедил сквозь зубы, подчеркивая каждую фразу:

– На кого вы похожи? Скоты! Дикие животные! Грабители народного добра! Расстрелять вас мало! Меда захотели? Не исключено, что это отрава. И черт с вами! Туда вам и дорога. Где оружие остальных? Где оружие?!

Строй молчал, люди переминались с ноги на ногу.

– Где твоя винтовка? – обратился к одному, затем к другому: – Где твоя? Куда дели оружие?

– В вагоне осталось, – послышались голоса.

– Понимаете ли вы, до чего дошли? Время военное. Вы бойцы Красной Армии. Приняли присягу. Тяжелую войну ведет страна, а вы мародерством занялись у своей же страны. Я отдам вас под трибунал. Всех!

Быстро зашагал вдоль строя, остановился и сказал:

– Котелки и ведро оставить здесь. Всем снять ремни, оружие и отдать старшине. Вы арестованы.

Улыбки с лиц исчезли. Послышались недовольные голоса, возгласы.

– Выполнять приказ! – Командир взялся за кобуру пистолета.

Стали снимать ремни, винтовки и складывать возле старшины.

– Лейтенант Завгородний, старшина! Ведите арестованных. Посадить в отдельный вагон. Младший командир Синицын и красноармеец... Как твоя фамилия?

– Нагиба, товарищ командир.

– Возьмите оружие и ремни и следуйте за арестованными.

Я возился с пострадавшим. Из нашего вагона два водителя принесли мой комплект «ПФ» и носилки. После инъекций аналептиков солдат стал приходить в сознание. Командир спросил у меня, что это за масса в цистерне. Я не знал – раньше не встречал. Один из водителей сказал, что она похожа на патоку. Пострадавший, как и многие другие,

пытался зачерпнуть патоку, нагнувшись в люк. Товарищи ради шутки приподняли его за ноги и протолкнули внутрь цистерны. Эта шутка, к счастью, закончилась благополучно. У цистерны поставили часового. Люди объелись патокой на месте, многие успели унести в котелках еще до эпизода с арестом и также ели и угощали других. Старшина роты прислал писаря с хозвзвода, и тот набрал два термоса. Вскоре патока дала о себе знать. У многих расстроился живот, и пострадавшие испытывали большие неудобства из-за частой необходимости справлять нужду.

Получили команду разгрузить эшелон и рассредоточить технику, так как мы были удобной мишенью для авиации противника. Необходимо было срочно соорудить разгрузочную площадку. Вокруг росли вековые лиственные деревья, неподалеку стояла сосновая роща. Свалили несколько десятков деревьев. На руках по бревнам спустили с платформы две бортовые машины, на которых стали подвозить бревна из ближайшей рощи для сооружения разгрузочной площадки. На руках сгрузили два мотоцикла и кухню.

Во время разгрузки заметили, что мимо станции гражданские несут сумки и мешки с банками консервов. Узнали, что рядом разрушен консервный завод, изготавливавший консервы с фаршированным перцем и рисом в томате в стеклянных пол-литровых банках. И здесь красноармейцы не упустили случай. Стали просачиваться на территорию завода и «осваивать» его продукцию.

Администрации и рабочих не было видно. Старик-сторож прохаживался по территории и говорил солдатам: «Берите, пользуйтесь. Завод не работает. Остановите немцев – восстановим, пропустите – пусть лучше нашим достанется».

Вскоре банки с консервами оказались у многих в вещмешках. Ходили небольшими группами. Когда узнали, что взяли под арест красноармейцев за патоку, вылазки прекратились. Не без ведома старшины Николаева Мезенцев одним рейсом привез машину с ящиками консервов, ко-

торые сгрузил недалеко от эшелона, пока сооружали разгрузочную площадку.

Люди столкнулись с проявлениями войны: разбитая станция, консервный завод. Догорали платформы, вагоны. Бесхозная патока, консервы – бери, кому надо. Поведением людей руководила стихия, в какой-то степени вседозволенность. Надлом устоявшихся устоев, заведенного порядка, проявление низменных инстинктов, анархических повадок. Гражданское население стало тащить государственное имущество. Занялись этим и наши военнослужащие. Не организовали сохранность его, а стали расхищать. И враг еще далеко, и мысли не было о возможности захвата им этой территории. Что же происходит?

Следующий эпизод отрезвил людей, вернул их к реальной действительности. Привлек внимание возникший над нами воздушный бой. Сначала услышали гул и увидели, как на два наших истребителя вывалился из-за облака «мессершмитт» с характерным свистящим звуком, и после прозвучавших нескольких коротких очередей задний начал падать к земле с длинным шлейфом черного дыма. От самолета отделился летчик, раскрыл парашют. Немецкий истребитель сделал круг и расстрелял пулеметной очередью летчика. Видно было, как тело его повисло, стало неподвижным. Парашют относило далеко в сторону.

Воздушный бой этим не кончился. Видно, немецкий летчик увлекся, и этим воспользовался наш второй истребитель.

Немец также выбросился с парашютом. Меня вместе с группой вооруженных красноармейцев на бортовой машине послали к месту падения нашего летчика. Захватил с собой санитарную сумку и носилки. На мотоцикле с вооруженными автоматчиками поехали за немцем.

Наш летчик был мертв. Грудная клетка, живот в сквозных ранениях. Юноша, почти мальчик в военной форме с двумя кубиками в петлицах. Всех нас потрясла эта смерть-гибель мальчика-воина. Положили тело летчика на носилки, погрузили на машину и отправились к месту падения

самолета в надежде что-нибудь там подобрать, но взрыв остановил нас. Мы развернулись и поехали к месту падения немецкого летчика. Это почти по дороге.

Я сказал, что изучал в школе немецкий язык и смогу с немцем изъясняться. Кстати, его задержали гражданские, также наблюдавшие за воздушным боем. Они его разоружили, хорошо помяли при этом, что было видно по синякам на лице и разорванной одежде.

Лежал немец на земле на какой-то телогрейке. Руки связаны за спиной. На шее крест. На груди какие-то значки или медали.

Окружающие сказали, что у него что-то с ногой — перелом или вывих голеностопного сустава — стоять он не может. Я спросил, не нуждается ли он в медицинской помощи, показав для убедительности санитарную сумку. Он повел головой из стороны в сторону, отвернулся и ничего не сказал. Пытался посмотреть ногу — не дал, выругался, как я понял. На вопрос, откуда вылетел на задание, где стоит его часть, надменно процедил сквозь зубы, что русской свинье ничего не скажет и кончайте со мной. Держал себя очень высокомерно, заносчиво. Нам тогда стало ясно, с каким врагом мы будем иметь дело. Немецкий самолет догорал. Подъехала еще одна наша машина с красноармейцами и командиром роты. Связанного немца положили в ту же машину, где лежало тело убитого им летчика, выделили охрану и уехали в поисках летной части.

После обеда построили личный состав роты. Очень гневно выступил Михайловский.

— Впредь за подобные нарушения буду действовать по законам военного времени — предавать суду военного трибунала. Люди гибнут, защищая Родину. Только что видели гибель нашего летчика. А вы занялись мародерством?!

Прибыли представители штаба бригады, которые должны были везти подразделения в новые районы сосредоточения. Первоначальные планы пришлось изменить.

Воскресенье, 2 августа 1942 г. МАРИНОВКА.

Еще ночью, до рассвета, роту вытянули в походную колонну. Догрузили машины оставшимся имуществом из эшелона. В конце колонны поставили группу инженерно-технического обеспечения. И меня туда определили и указали место на открытой бортовой машине с запчастями.

Наш путь лежал через степь – безводную, выжженную многодневной жарой. В трещинах пересохшая земля, давно не знавшая дождя, нещадно палило солнце. Тучи пыли, поднятые машинами, закрывали дорогу и пространство вокруг. Пыль и песок попадали в нос, уши, глаза, хрустели на зубах. Мучила жажда. Колодцы по пути нашего следования были пусты: высохли или вычерпаны. Ехали быстро.

В полдень сделали привал для завтрака у глубокого оврага, проросшего кустарником. На дне оврага протекал измельчавший ручеек.

Перво-наперво бросились осваивать кусты. Оказалось, что у многих расстройство кишечника. Медикаментов, вяжущих и дезинфицирующих, у меня оставалось мало. Приготовил марганцовку и давал каждому по стакану.

К вечеру приехали в станицу Мариновка. Богатое казацкое село. Жили там зажиточно. Дома добротные, из кирпича и дерева. Сады, заборы. Мужчин почти не было. Женщины, старики, дети.

В станице стояла наша кухня с готовым обедом или ужином. Расположились на ночлег в машинах и домах. Некоторые организовали посиделки с молодухами и самогоном. Меня пригласил старшина Николаев. За столом уже сидела компания: наши воентехники, старшины и казачки. На столе стояли бутылки с самогоном. Разнообразная домашняя закуска и наши злосчастные консервы. Вокруг крутились дети. Женщины поделились своими заботами, тоской по ближним, которые где-то воевали, если еще были в живых. По-женски сочувствовали. Эти совершенно чужие и незнакомые люди стали чем-то близки нам. Они понимали, что фронт приближается к их станице. Спрашивали, как мы могли допустить врага до Дона? Где наша

сила? Допустимо ли, чтобы он дошел до Волги? Это же конец всему. На что им решиться без мужиков? Некоторые в голос плакали. Что мы могли им ответить?

А самогон делал свое дело. Пили за победу. Люди размякли. Запели песни грустные, печальные, русские и украинские. Задержались за столом допоздна. Детей уже уложили спать. Опустошили чугун с вареной картошкой. Некоторые разобрались парочками, шептались, обнимались, добивались близости. Одна, а затем вторая пара встали из-за стола и ушли в другие комнаты или на сеновал.

Я был самым младшим среди всех. Другие имели семьи, профессию, житейский опыт. Как-то не вязалось в моем, должно быть, неопытном по молодости сознании, что после недавнего любования в эшелоне фотографиями своих жен, невест, близких и родных можно так быстро перестроиться, расплескать чувства... Близость ли фронта тому причиной? Или такими должны быть взрослые? Чем и как соразмерить свои поступки? Как мне поступить с соседкой по столу? Сколько боли и тоски в выражении ее лица, в словах о муже, в страхе за судьбу ребенка.

Я пожелал ей скорой встречи с мужем и ушел спать в кабину машины. Может, надо было остаться и утешить ее? Приняла бы она мое утешение? Решимости попытаться или настоять у меня не хватило. Даже на фоне самогона и примера более опытных товарищей. На следующий день на вопрос Николаева, как провел ночь, ответил: «Нормально!»

– Молодец, доктор, – услышал в ответ.

Что бы ни думали обо мне, я на этот раз остался доволен собой. Правда, не решился сказать, что продрог в кабине. С остальными товарищами к разговорам о прошедшей ночи не возвращались. Чего-то стеснялись друг друга.

Понедельник, 3 августа 1942 г. ДОРОГИ ВОЙНЫ.

Подняли всех рано. Только рассвело. Уже готова была солдатская каша, чай. Дальше этого фантазия не шла, да и ассортимент продуктов не позволял. Гостеприимная Мари-

новка и ее приветливые жители провожали. «Родненькие, остановите врага, не допустите в наши края, детей наших пожалейте», – со слезами на глазах просили женщины.

Машины вновь вытянулись в колонну и двинулись к Сталинграду. Опять необозримая калмыцкая степь, выжженная зноем земля, безводные балки, овраги и дорожная пыль.

Участками вдоль дороги и оврагов женщины и подростки копали рвы, ставили надолбы. Навстречу двигались большие толпы беженцев – с Украины, из Крыма. В основном старики, женщины, дети. Основная масса шла пешком с узлами на спине или на тележках. Встречались и повозки, груженные домашним скарбом и детьми. За многими тянулись привязанные к ним коровы.

Были сооружены временные пристанища: навесы из простыней, брезента. Варили пищу, отстирывались. Вдоль дороги и прямо по степи перегоняли большие гурты скота из районов, оккупированных врагом. Встречался и бесхозный скот, бродивший группами и в одиночку в поисках воды.

Беженцы неоднократно подвергались бомбежке в пути. Стоял непрерывный гул: рев моторов, окрики людей, плач детей, мычание скота. Все это было окутано клубами пыли, зноем палящего солнца. Поток двигался на восток, к Сталинграду, к Волге, подальше от наступавшего врага, от бомбежек.

Вдоль пути нашего следования из группы технического обеспечения курсировали летучка из ремвзвода с группой автослесарей и бортовая машина с запчастями. Возглавлял группу воентехник второго ранга Ген Александр. На бортовой машине ездил младший воентехник Костя Наумов.

Далеко за полдень, в один из своих приездов, ко мне подошел Костя и сказал:

– Поедешь со мной по одному делу.

– Куда и зачем? – спросил я.

– Пошли, увидишь, – повернулся и пошел к стоянке машин, по дороге добавил: – Машина с людьми опрокинулась. Надо оказать помощь.

— Доложу командиру.

— Я уже доложил ему, что захвачу тебя.

И он повел меня к стоянке машин, подошел к мотоциклу, взял автомат.

— Садись в коляску.

— Пойду за комплектом с медикаментами.

— Садись. Обойдемся сумкой.

Сел в коляску, прикрылся брезентом. Рванул в сторону и повез меня в степь. Минут через сорок-час подъехали к какому-то населенному пункту.

— Куда все-таки едем? – еще раз спросил я.

— Узнаешь, пока сиди спокойно и без вопросов, – ответил он. Въехали в населенный пункт, повез по безлюдным переулкам. Видно, потерял ориентировку. Развернулся, выехал назад к окраине и повез меня в другой переулок, подъехал к воротам. За забором был небольшой дворик с цветником, кустарником. Выключил зажигание мотоцикла, открыл калитку. «Пошли за мной», – и повел по аккуратной дорожке к длинному дому, подошел к двери, верхняя половина которой была застеклена. Вывеску этого здания не заметил, а на дверях была табличка с указанием времени приема больных. Это была какая-то амбулатория. Дверь не поддавалась – была закрыта внутренним замком. Несколько раз с силой нажал на ручку, потом выломал замок. Повел меня внутрь по коридору, завел в кабинет и стал перед застекленным шкафом. Пытался его открыть, но он был закрыт на замок.

— Посмотри, есть ли тут лекарства от триппера.

— Надписи через стекло не видны, – сказал я и добавил:– Надо спросить у дежурного. Кто-то должен здесь быть.

Не снимая автомат, Костя прикладом разбил стекло шкафа. Осколки стекла с резким треском рассыпались вокруг. Казалось, взорвался снаряд. Я оторопело уставился на него: до того неожиданно все это получилось.

— Ты что? Быстро возьми, что надо, и едем.

Среди осколков я нашел красный стрептоцид в двух стеклянных трубочках, марганцовокислый калий, взял кружку Эсмарха с наконечниками для спринцевания, ножницы.

– Больше подходящего ничего нет, – пробормотал я.

– Пошли! – скомандовал он и направился к выходу. Я засеменил за ним, еще не осознав, что произошло и участником чего я оказался. У выхода мы столкнулись с каким-то пожилым человеком, спешившим из глубины двора, возможно, со сторожем.

– Зачем ворвались в поликлинику? Что вам там нужно было? – воскликнул он. – Дверь же закрыта, как вы смели взломать ее?!

– Нужно было, папаша!– ответил Наумов и быстро вышел на улицу, завел мотоцикл. Я едва успел вскочить в коляску, как машина рванулась с места и понеслась в обратный путь. Не мог прийти в себя от случившегося. В руках держал кружку Эсмарха, заполненную наконечниками и лекарствами. Наконец спросил Костю:

– Что же мы натворили, что о нас подумают?

– Война все спишет, – последовал ответ. – Об этом никому ни слова, если не хочешь попасть в беду.

– Какая ты сволочь! И меня втянул в эту мерзость, – только и смог ему ответить.

Было противно от содеянного, от участия в этом, от соприкосновения с Наумовым. Что он за человек? Нам вместе предстоит жить, общаться, воевать. Он на все способен.

– Ладно, чего нос повесил? У меня не было другого выхода. Заразился триппером еще до Костырёва. Обнаружил перед отправкой. Я как-то спросил у тебя насчет лечения, ты сказал, что лечить можешь, но нет лекарств. Вот мы и раздобыли их. Скажи, как лечить?

– Покажи, что там у тебя.

– Я знаю, что такое триппер. Не впервые. Показывать не буду. Расскажи, как лечить?

Я отдал ему кружку Эсмарха с принадлежностями и лекарства и рассказал, как нужно все делать.

– Напоминаю еще раз! Об этом ни одна живая душа знать не должна. Скажешь, если спросят, куда ездил, что возил для оказания помощи красноармейцам разбитой машины не нашей части.

Никто ни о чем меня не спрашивал. После ужина вновь тронулись в путь в южном направлении. Двигались колонной в темноте с выключенными фарами. Подсвечивали дорогу подфарниками, ориентировались на стоп-сигналы впереди идущих машин. Большой помехой была сплошная пыль. Дорогу различали с трудом. Часто останавливались, долго стояли. К рассвету вышли к поселку Зеты.

Вторник, 4 августа 1942 г. ПОСЕЛОК ЗЕТЫ.

До нашего прибытия в населенный пункт Зеты там уже сосредотачивались подразделения бригады: штаб и рота управления, танковые батальоны, медсанвзвод. Подтягивался и мотострелковый пулеметный батальон. Совершили они марш своим ходом после выгрузки из эшелонов. И ушли еще дальше на юг в направлении Абганерово. Оставили неисправную технику – колесные машины и несколько танков. Немало автомашин и танков стояло в пути следования, по которому курсировали наши ремонтные группы и восстанавливали их на месте или подтягивали в Зеты, где на западной окраине расположилась рота технического обеспечения. Часть людей рыли укрытия для машин и людей. Каждый получил задание и занимался своим делом.

Недалеко от нас в овраге расположились бригадные склады.

Зеты резко отличаются от Мариновки. Живут здесь в основном калмыки, соответственный и был уклад жизни. Невзрачные домики из кизяка, покрытые глиной сверху, грязные дворы, огороженные заборами из кизяка или глины. Во дворах овцы, коровы, лошади, много детей. Я познакомился с хозяевами дома, калмыками, где раз-

вернул медицинский пункт. Жена работала учительницей, сравнительно хорошо говорила по-русски. Муж – на скотоводческой ферме. Не слышал, чтоб он говорил по-русски, как и многие другие в поселке. Не мог или не хотел. Угрюмый, замкнутый, держался обособленно, даже избегал меня. В семье было двое детей-дошкольников. Учительница знакомила с жизнью и бытом калмыков. В отличие от мужа была очень приветлива, разговорчива. Уступила мне самую большую комнату — для приема больных. Но пока основное время я находился в подразделении.

Мимо поселка протекала Донская Царица – обмелевшая в это время, но местами встречались ямы достаточной глубины, где обмывался личный состав, стирали портянки, обмундирование. До глубокой ночи продолжался ремонт неисправных танков и машин. Приказано их к утру отправить в подразделения. Вокруг кошар вырыли траншеи.

После полуночи разрешили расположиться на ночлег. Места для отдыха не были оборудованы. Каждый устраивался, где как мог. Кто следовал со спецмашинами, устраивался лучше других. Там были приспособления для отдыха: подвесные и откидные полки. Водители обычно спали в кабинах своих машин, а остальные – в кузове. В домах гражданского населения располагаться не разрешали, да и забиты они были воинами других частей. Меня на ночевку пригласил к себе командир автотранспортного взвода старший лейтенант Манько. На дно кузова одной из бортовых машин ГАЗ-АА сложили солому, которую взяли в кошарах, и покрыли сверху брезентом. Сами прикрылись шинелями. Ночи становились прохладными.

Казалось, что никто и ничто не разбудит людей, но уже на заре почти все были на ногах. Поднялись без команды. Слышались приглушенные звуки отдаленной канонады: слабые, пушечные залпы и более продолжительные, глухие взрывы авиабомб. Приближался фронт. Бой шел где-то северо-западнее. Наши танкисты, автоматчики ушли на юг. Не обходит ли нас противник? Каким колоссальным

вооружением должен он владеть, чтобы так наступать? И, видимо, здорово обучены немцы. Мы уже имели возможность убедиться, что и у нас хорошая военная техника и не в малом количестве. Очень надежно и грозно выглядят новые танки Т-34, о которых прекрасно отзываются танкисты. Мы видели, как в Костырёве под Москвой формировались еще пять таких же танковых бригад. Встречали по пути следования новые формирования с Урала, Сибири. Шло много военной техники. Тут враг должен найти погибель или погибнем мы и весь наш строй. Потерять Сталинград и Волгу – значит потерять все: так думали и рассуждали мои товарищи.

Среда, 5 августа 1942 г.
ПРИКАЗ НКО СОЮЗА ССР № 227.

В Зеты подходила отставшая техника роты, да и всей бригады. Из 2-го танкового батальона, после двухсоткилометрового марша, пришли шесть танков, а остальные шестнадцать по разным причинам застряли в дороге. Немало стояло и колесных машин. Их надлежало как можно быстрее вернуть в строй. Большинство отставшей техники приходило своим ходом после несложного ремонта, который удавалось произвести на месте. Заместитель командира бригады по технической части военный инженер 2-го ранга Иванов организовал ремонтные группы, которые возглавляли воентехники РТО Воропаев, Ген, Гуленко, Ванин, Саркисян, Наумов, Дрозд, старшина Кругляков, сержант Король и другие. Они курсировали по пройденному пути, восстанавливали неисправные машины и направляли их в подразделения, а требовавшие более сложного ремонта – доставляли на буксирах в Зеты. Одна хозяйственная группа развозила в термосе горячую пищу людям, находившимся с отставшей техникой, имела с собой и запас сухого пайка для водителей и экипажа танков, вынужденных долго находиться вдали от своих подразделений. В роту прибыл начальник политотдела бригады батальонный комиссар 2-го ранга Максимов.

Нас построили.

Начальник политотдела обвел всех взглядом и четким, не сильным голосом произнес:

– Здравствуйте, товарищи красноармейцы и командиры!

– Здрав... желаю... ем, товарищ батальонный комиссар 2-го ранга, – громко, несколько вразнобой ответил строй. Начальник политотдела раскрыл планшет, вытащил несколько листочков с типографским текстом и стал читать:

– Слушайте приказ народного комиссара обороны Союза ССР товарища Иосифа Виссарионовича Сталина № 227 от 28 июля 1942 года.

Мы вытянулись в струнку, замерли, старались не пропустить ни одного слова. Приказ со всей прямотой раскрыл перед нами отчаяннейшее положение страны. Прямо говорилось, что ей угрожает смертельная опасность. В нем указывалось, что под пятой врага находятся Прибалтика, Белоруссия, Украина, ряд западных областей Российской Федерации, что враг уже захватил Ворошиловград, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, рвется к Северному Кавказу, к Волге, к Сталинграду. Немецкие оккупанты блокировали Ленинград, стоят в 130—150 километрах от Москвы. В нем указывалось, что мы потеряли десятки миллионов населения, сотни миллионов пудов хлеба, миллионы тонн металла, тысячи заводов и фабрик. Приказ требовал от воинов прекратить дальнейшее отступление, остановить наступление врага. «Отступать дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину... Выдержать их удар сейчас и в ближайшие несколько месяцев, – это значит обеспечить за нами победу». Приказ требовал крепить дисциплину и порядок, истреблять на месте паникеров и трусов: «Ни шагу назад без приказа высшего командования!»

Батальонный комиссар положил приказ в планшет и продолжил:

– Немцы прорвали нашу оборону и двумя потоками идут на Сталинград. С запада идет 6-я армия генерала Пау-

люса. С ним армии румын и итальянцев. Прорвали нашу оборону на Дону и теснят наши войска к Волге. С юга из района Котельниково вдоль железной дороги, ведущей в Сталинград, идет 4-я танковая армия генерала Гота. Враг наступает большими силами. У них танки и авиация пока в большем количестве на этих направлениях, чем у нас. На их пути наша 254-я танковая бригада и другие части и соединения 64-й армии, в состав которой мы вошли. Но наших войск мало. Они только подходят, выгружаются из эшелонов. Товарищи! Бригаде предстоит взаимодействовать в предстоящих боях с 204-й стрелковой дивизией. Основное требование – не допустить врага к Волге, к Сталинграду, остановить продвижение его любой ценой, стоять насмерть, пока не подойдут основные резервы. Мы должны остановить врага, не щадя своей жизни. Отступление исключается. Это требует приказ товарища Сталина. Этого ждет от нас Родина! Танкисты, автоматчики, все воины бригады готовы выполнить свой долг. Вам, ремонтники, надлежит за оставшийся день и ночь отремонтировать всю технику, которую сосредоточили в мастерских и которая стоит в пути. Каждый танк, каждая машина нужны бригаде, фронту. За работу, товарищи! Смерть немецким оккупантам!

– Смерть! Смерть! Смерть! – прогремел строй.

Приблизился к строю командир роты.

– Товарищи командиры и красноармейцы! Мы прослушали приказ товарища Сталина № 227. Кончилось наше отступление. Врага нужно остановить и разбить его! Завтра к рассвету ни одного танка, ни одной машины не должно остаться в мастерских – все должны уйти исправными в батальоны на передовую. Также должна быть отремонтирована отставшая техника в пути и отправлена в подразделения. Приказываю автовзводу передать всех свободных от рейса водителей в помощь ремонтному взводу. Все колесные машины продолжать зарывать в землю, закончить рытье траншей и убежище для личного состава. Враг будет бомбить наше расположение, возможны и воздушные де-

санты. Быть ко всему готовым! Дополнительные задания командиры получат после построения.

И люди опять приступили к работе, которая от них сейчас требовалась. Каждый понимал, что судьба Родины решается здесь, у Волги, и дальше отступать некуда, здесь же решится и его судьба, его жизнь. Вспоминались семья, родные, любимые, как что-то далекое, уже несбыточное. Да, до каждого четко дошло, что исход войны решится здесь. И что можем мы? Нам не выпало пока стрелять во врага. Наш вклад в победу – ремонт неисправной техники, на которой будут сражаться наши товарищи. И люди самозабвенно занялись этим делом.

Глава вторая

ВСТРЕЧА С ПРОТИВНИКОМ

(6–23 августа 1942 г.)

Четверг, 6 августа 1942 г. ЛИСТОВКИ.

Утром наше расположение облетела «рама» и ушла. Даже боевая тревога не была объявлена. Через небольшое время вновь вернулась, сделала несколько кругов над нашими позициями и сбросила листовки. Была объявлена боевая тревога. Прекратили ремонтные работы и уставили свои взоры в небо. Смотрели на красиво падающие листовки и улетавшую «раму». Некоторые без команды стреляли из винтовок, карабинов, пистолетов по далеко улетевшему самолету, не причинив ему никакого вреда, только раскрыли себя как воинское подразделение. Листовки падали на территорию расположения роты и вокруг, в степь, куда относило их ветром. Люди стали подбирать листовки, читать их. Каждая листовка, кроме текста, имела еще и пропуск на переход к противнику.

Некоторые рвали не читая, другие, будто шутя, складывали их, клали в карман гимнастерки, за отвороты пилотки. Красноармеец из ремвзвода Вернигора сказал демонстративно: «Кушать не просят, на всякий случай пусть лежат». Одну листовку положил за отворот пилотки, а от другой оторвал пропуск и положил его в левый карман гимнастерки. Что-то думал при этом? Может быть, и самому себе не сказал бы. Но, видно, какая-то затаенная надежда, далеко спрятанная в подсознании, еще не осмысленная, заставляла прятать листовки. А вдруг попадет в плен раненый или даже здоровый? Чтобы враг не добил, покажет пропуск. Шанс на сохранение жизни, возможно,

очень сомнительный шанс. Но все же... Скажет, что собирался, ждал удобного момента перейти на сторону немцев. А вдруг с этим посчитаются и сохранят жизнь? На других фронтах, особенно в начале войны, в окружение попадали целые наши армии, соединения, части. Многие сражались до конца, выходили из окружения или погибали. Некоторые попадали в плен, не имея возможности сопротивляться дальше из-за ранения или тяжелой болезни. Но и немало сдавалось врагу, видя безнадежность дальнейшего сопротивления, будучи окружены или при других обстоятельствах, и этим, возможно, сохраняли себе жизнь. А какую – вопрос другой. Но были и единицы, которые добровольно переходили к врагу, ненавидя наш строй, ради власти или только для сохранения жизни. Как же поведут себя наши? Мало мы знаем друг друга, подумалось мне тогда, хоть и живем в одном государстве, при одном общественном строе. Всех постигла одна беда, и Родина у нас одна. Укоренилось определенное отношение к ней, к ее общественному укладу. Тогда зачем же прятали листовки или отдельно оторванные пропуска?

Бумажки продолжали падать на землю. Раздавались голоса:

– Не зря прилетела «рама». Это самолет-разведчик. Жди после нее бомбардировщиков.

– Олухи безмозглые! Рты поразевали и вставили зенки в небо – на, фотографируй нас, военных!

– Еще стрельбой себя выдали, вояки бестолковые!

– Так и разбежались в плен, жди!

– Приучает к культуре – задницу подтирать будем не листом лопуха, а немецкой бумажкой.

Разговоры быстро прекратились. К кошарам спешил командир роты, а за ним политрук. Командир приказал срочно строить роту. Последовала команда дежурного по роте младшего воентехника Завгороднего:

– Рота! Выходи строиться!

Послышались удары гонга. Все шли к главному входу в большую кошару, где проводились основные ремонтные

работы. Она считалась центральной. Рядом был вкопан столб с перекладиной, с которой свисала подвязанная короткая железная труба-гонг. Здесь же находилась основная курилка – яма и несколько скамеек, место, где обычно можно узнать все новости. Раздавались команды командиров взводов и отделений.

– Ремвзвод, становись!

– Автотранспортный взвод, становись!

– Отделение по ремонту вооружения, становись!

– Отделение по ремонту электрооборудования, становись!

– Хозвзвод, становись!

Красноармейцы бежали в строй. Личное оружие обычно держали при себе, и почти каждый захватил его.

Выслушав доклад дежурного, командир пристально оглядел каждого, стоящего в строю. Внешний вид не соответствовал воинскому подразделению. Часть людей была в грязных комбинезонах, основная масса в пилотках, у некоторых танковые шлемы на головах. В руках разводные ключи, молотки, котелки. Не все носили противогазы. Снаряжение лежало у кого где: у большинства по машинам, в мастерских, которые могли быть далеко от места пребывания на момент построения или тревоги. Людям толком так и не объяснили, что и когда иметь при себе. Строй ждал бурю, и она разразилась.

– Что за строй тут собрался?! С кем мне предстоит воевать? Это стадо, а не воинское подразделение!

Командир пошел вдоль строя и стал тыкать в грудь почти каждого красноармейца, спрашивая:

– Где твой противогаз? Где твои патроны? Почему в шлеме стал в строй, где пилотка? Где вещмешок?

Еще несколько раз прошелся вдоль строя, остановился на середине и произнес:

– Слушайте меня внимательно. При себе всегда иметь, где бы ни были, оружие и патроны, противогаз, сумку или планшет для командира. Флягу на ремне, шинель-скатку, вещмешок. С этим и строиться. Через

пять минут всем стоять в строю. Командирам остаться. Разойдись!

И спросил командиров:

– Почему не занимаетесь подчиненными, мать вашу... так и перетак? Людей распустили и сами разболтались. Впредь не только за работу, но и за каждого подчиненного буду спрашивать только с вас.

При повторном построении командир вновь осмотрел каждого и продолжил разнос:

– Кто давал команду стрелять по немецкому самолету? Что за самовольство, анархия! Безмозглое стадо! Разве у вас нет командиров? В армии без приказов ничего не делается. По боевой тревоге без команды самовольно стали стрелять в немецкий разведывательный самолет и выдали противнику себя и свое расположение. Вместо того чтобы сидеть в кошарах или прятаться в траншеях – выскочили на открытую площадку, уставились на самолет и еще выдали себя стрельбой. Младшего воентехника Завгороднего отстраняю от дежурства. Принять дежурство по роте воентехнику 3-го ранга Дьякову. Водители машин! Машины с горючим и боеприпасами немедленно вывести в район оврага и разместить их в капонирах изолированно друг от друга. Разместить в овраге все колесные машины, которые на ходу, и к вечеру выкопать для них капониры. Командир транспортного взвода! Стройте своих людей отдельно. Соберите у них листовки, все, которые попрятали у себя, и сдайте их комиссару, затем выведите все автомашины в овраг. Автотранспортный взвод, выйти из строя! Выполняйте приказ!

Из строя вышла группа красноармейцев и командиров и ушла за своим командиром.

Командир роты продолжал:

– Ремонтному взводу сдать листовки и немедленно приступить к работе. Всем остальным собрать разбросанные по территории листовки и сжечь их здесь, у гонга. Заместителю по политической части проследить за вы-

полнением приказа. Дьякову выставить наблюдателей с ракетницами – следить за воздухом. Разойдись!

Михайловский повернулся и быстро ушел к себе в машину-летучку, которую оборудовали для него и его заместителей. До этого летучка была полностью укомплектованной спецмашиной для ремонтных работ. Токарный станок и другие приспособления демонтировали и куда-то перенесли. Ординарцем у них был водитель этой машины. У гонга разгорался костер, куда бросали листовки. Занимался сбором политрук Титов.

О листовках в первые часы избегали говорить. Они были двух видов. Синие плотные бумажки размером приблизительно пятнадцать на семь сантиметров. На одной стороне вверху посередине была свастика и по обе ее стороны напечатано типографским шрифтом крупными русскими буквами справа «пропуск», слева – по-немецки, а ниже более мелкими буквами по-русски, что этот пропуск дает право перейти линию фронта. Тем, кто последует по доброй воле, будет гарантирована жизнь и работа в новом немецком государстве и право возвращения к семьям по месту постоянного жительства. Ниже русского текста по-немецки напечатано то же самое. На обратной стороне листка – обращение к гражданам России и бойцам Красной Армии, где писалось, что они обмануты большевиками, комиссарами и евреями, напрасно гибнут в войне. Более жирным шрифтом указывалось, что дальнейшее сопротивление бесполезно, и призывалось прекратить вооруженную борьбу, переходить на сторону немцев, которые гарантируют новую счастливую жизнь в великой Германии.

Белые листовки в половину стандартного листа. Сверху по-русски и по-немецки «Пропуск» со свастикой между ними и таким же по содержанию текстом, что и на синих листовках. Под текстом пропуска – перфорированная линия для его отрыва. А под линией – воззвание к гражданам России того же текста. Все было напечатано на одной стороне листа.

Содержание листовок и сам факт обращения немцев к нашим войскам постепенно стали обсуждаться личным составом. Равнодушных не осталось. По-видимому, читали все, если не открыто, то украдкой. Делились мнением обычно небольшими группами по два-три человека. Образовывались и большие группы во время перекуров. Основное направление разговора шло о том, что враг выдыхается, резервы его на исходе и рассчитывает обещаниями сломить наше сопротивление.

Но имели место и другие мнения. Особенно много говорил Вернигора во время работы со своим напарником Кихтенко. И разговор чаще заводил он. Говорил, что немцы не заинтересованы всех убивать. Им нужны люди для работы. Вот и призывают сложить оружие и сдаться. Чувствуют силу и не хотят напрасных жертв. Им заводы, фабрики и мосты нужны в исправном виде. Кто будет сопротивляться, того, конечно, станут уничтожать. Многие ему возражали.

– Пока мы тут работаем, «рама» направит бомбардировщиков и хана нам всем будет. В порошок сотрут.

– Не каркай. Он выберет покрупнее дичь, чем мы.

– Он все слопает. Сила-то какая! Куда зашел? Все прет и прет. Съест нас с потрохами.

– Не говори. Тут немцу крышка. Хоть и сила, но и наших много идет.

– Не хватит у него людей, чтоб удержать столько земли. Да и народы не захотят под ним жить. Французов выгнали, хотя они столько бед не натворили, а наши немца тем более не потерпят.

– Чтобы удержать завоеванное, он уничтожит много наших людей.

– Делов-то у него уже немного осталось, – все твердил Вернигора, – вот он уже где. Возьмет Сталинград и на Москву попрет, а там и войне конец.

– Гад же ты, как я вижу! Вон и листовку-пропуск за пилотку положил. К немцу собираешься? – возмутился старшина «Крошка», снял с его головы пилотку, вытащил из

отворота листовку, порвал ее и бросил в огонь, а пилоткой шлепнул его по голове. – Контра ты и больше ничего.

– Я что, я как все, а ты рот не затыкай. Что вижу, то и говорю, как понимаю. И это мое дело. Ты о моей семье, о моем семени не думаешь. Попробуй, достань их из-под Полтавы и помоги им. Руки коротки. Кто о них подумает? Кто им поможет? У них вся надежда на меня.

– И как же ты думаешь им помочь? Сдашься немцу и под юбку к жене? А на остальные семьи тебе наплевать?

– Если ты умный такой, скажи, как им помочь. Твоя семья в Сибири, ей ничего не грозит, и душа твоя спокойная, а моя разрывается на куски. Как мне быть?

– Как всем. Разбить и выгнать немцев и всех наших освободить.

– Это слова красивые, а дела-то не видно.

– Вот нам и надо дело всем делать, а с тобой не очень-то далеко пойдешь.

– Я не хуже тебя в деле буду. Время покажет.

На этом перекур закончился. Разошлись по рабочим местам.

Во второй половине дня в расположение роты прибыл заместитель командира бригады по технической части военный инженер 2-го ранга Иванов. От него мы узнали, что 1-й танковый батальон под командованием капитана Рустикова в районе разъезда 74-й километр, между станциями Абганерово и Тингута, на марше был внезапно обстрелян из небольшой рощицы артиллерийскими снарядами. Батальон не успел опомниться, как потерял семь танков – шесть из них подбиты, а один сгорел. Из рощицы вышли четыре немецких танка, развернулись и ушли в степь, в сторону Аксая. Им вслед запоздало открыли беспорядочный огонь из уцелевших танков и даже не преследовали, настолько были растеряны. Потеряли при этом одиннадцать человек убитыми и ранеными. Батальон отошел западнее разъезда 74-й километр и занял там оборону.

Срочно создали группу по ремонту танков и отправили туда во главе с военным техником 2-го ранга Дроздом.

В том же районе во время рекогносцировки местности был ранен в ноги осколком снаряда командир бригады подполковник Павел Иосифович Липин и отправлен в госпиталь в Сталинград. Бригада, по сути, оказалась обезглавлена перед боевыми действиями. Командовать стал его заместитель по строевой части капитан Садовский. Личный состав встречался с комбригом хоть и короткое время, но уже проникся к нему доверием и уважением. Садовского вообще не знали, и мало кто видел его в лицо. Очень трудная ноша и большая ответственность выпала еще не воевавшему офицеру, которому так внезапно пришлось вступить в командование танковой бригадой в такой тяжелой обстановке. За неделю формирования, следования в эшелонах и на марше не могло быть налажено взаимодействие подразделений. Не успело познакомиться должным образом командование между собой и с командирами подразделений и с личным составом.

Ранение комбрига и убытие его на лечение перед самым первым боем, при таком стремительном наступлении врага, потери 1-го танкового батальона – все это не могло не сказаться на настроении личного состава. Всех нас эти известия ошеломили. В бой еще не вступили, а такие потери. И так много танков и машин стоят в пути неисправными. Подразделения бригады еще на марше, до пунктов сосредоточения не дошли. От наших людей потребовали наибыстрейшего ремонта техники, и люди все свои возможности отдали этому. Большая ответственность легла на плечи начальника политотдела батальонного комиссара Максимова, начальника штаба майора Маликова и других начальников, командиров и политработников по мобилизации, сколачиванию и сплочению личного состава в боевую единицу, которая так неожиданно столкнулась с врагом.

Пятница, 7 августа 1942 г. ВРАГ НАСТУПАЕТ.

За последние четверо суток люди почти не спали, некоторым, возможно, и удавалось вырвать какие-то десятки минут для сна, и то днем, рядом с ремонтировавшейся тех-

никой. Многие еле стояли на ногах, небритые, грязные, в пропитанных маслами и соляркой комбинезонах, обмундировании и белье. Но каждый понимал, что от его работы многое зависит. Несмотря на чрезвычайную физическую усталость, разбитые, в ссадинах и ранах, пальцы и кисти рук, ремонтники не прекращали работу. Помогали им и водители. Торопили, хотя в последнем нужды не было. Держал на ногах людей все усиливающийся гул канонады – приближался фронт.

В расположение роты с донесением прибыл командир отделения связи бригады. После его отъезда комроты созвал всех начальников. Вначале доложил обстановку: 2-й танковый батальон, следуя в район сосредоточения, на марше был подвергнут бомбардировке немецкими самолетами и обстрелу со стороны наступающей вдоль железной дороги авангардной группы танковой армии противника. Батальон потерял Т-34 и три танка Т-70 и отошел югозападнее, в район совхоза им. Юркина, где занял оборону. Там же сосредоточились штаб бригады, рота управления, мотострелковый пулеметный батальон, батарея противотанковых ружей и медико-санитарный взвод. 1-й танковый батальон остался западнее, где занял оборону.

– Враг упорно продвигается вдоль железной дороги от Котельниково к Сталинграду, – продолжал комроты. – Занял Аксай, Абганерово, тяжелые бои идут за разъезд 74-й километр, рядом с которым заняла оборону и наша бригада. Стрелковым дивизиям и спешно прибывающим другим частям не удается задержать его продвижение. Обстановка для нашей бригады создалась очень тяжелая. Враг еще очень силен. Всего можно ожидать. Не исключается его прорыв и к нам, может высадить десант. Приказываю быть готовыми вступить в бой. Оружие, патроны всегда держать при себе. Необходимо повысить бдительность, усилить караулы. По возможности загрузить машины на случай внезапного отхода. Обратить внимание на людей. Знать, чем они дышат. Не зря прятали у себя листовки. Не думаю, что могут изменить Родине, но береженого бог

бережет. Смотреть за подчиненными, держать их в руках. А сейчас – за работу!

Водители транспортного взвода роты почти все время пребывали в рейсах. Возили боеприпасы, горюче-смазочные материалы, продовольствие из армейских и фронтовых складов в подразделения бригады. Им немало доставалось в пути, нередко подвергались налетам вражеской авиации, сутками не принимали горячую пищу. Они были осведомлены больше других о положении на фронте и других событиях и охотно делились всеми новостями. За ужином только и было разговоров о рвавшемся враге к Сталинграду. Хватит ли сил удержать его?

– Как отбиваться будем, доктор? – спросил Саша и добавил: – Приехал старшина Кругляков из расположения 2-го танкового батальона. Сказал, что в полдень немцы овладели разъездом 74-й километр и идут в направлении станции Тингута. У них много танков, мотоциклисты с автоматами. Самолеты неоднократно бомбили наши войска. Да и мы здесь целый день слышали взрывы. Только сейчас немного утихло.

– Станция Тингута всего в 30 километрах от Сталинграда, – проговорил Саркисян.

– Если пойдет по железной дороге дальше, то мы окажемся в мешке, – сказал Манько, – ведь севернее нас от Дона также идут немцы, румыны и итальянцы.

– Да, на северо-западе форсировали Дон и идут на Сталинград. Откуда же взялись немцы с юга? Они захватили Ростов, но до Котельниково много сотен километров. Карту бы нам, как-то разобрались бы, – вмешался я.

– Нечего разбираться. И так ясно. Немцы вышли на Кавказ после Ростова. Я эти места хорошо знаю. Они, видимо, далеко зашли на Кавказ, раз вышли на Котельниково. На Северном Кавказе есть станция Тихорецкая, от которой прямая железная дорога на Сталинград через Ремонтную, Котельниково и дальше на север. А если бы пошли на юг, то до моей Армении добрались бы. Ну и дела, – сокрушался Саркисян.

— Сталин не допустит, чтобы враг захватил его город, — авторитетно вставил я.

— Конец войны тут будет решаться. Или его остановят и начнут бить и гнать из России, или нам конец. Если он возьмет Сталинград — ему откроется дорога на Астрахань, Баку. И на Москву может пойти и взять ее, — заключил Саркисян.

— Считал тебя умным человеком, а ты о нашей кончине толкуешь, — горячо вмешался Манько, — а Сибирь какая у нас? Да и Москва наша и Ленинград держатся. О какой кончине можно говорить? Будем истреблять друг друга, а победит тот, у кого больше людей, а у нас-то и больше.

— Кому тогда жить, — вставил молчавший до сих пор Ген, — кто ж там останется? Нас уже не будет, когда до Сибири дойдет. Это все, братцы, решится раньше и решится, пожалуй, здесь. Может, мы и не доживем до победы, многие из нас не доживут — на то и война, а интересно, как это все произойдет? Дожить бы до того времени, когда его начнут гнать в шею.

— А пока он на твоей шее висит. Что ж ты думаешь делать?— спросил Манько.

— Что все будут, то и я. Драться. Из родных у меня, видно, никого не осталось. Все жили в Киеве. Евреи. Известно, что всех их уничтожили. Думаю, что жену-украинку и сына не пощадили. Так что некому даже оплакивать меня.

Тихо, проникновенно заговорил Саркисян:

— Несчастный еврейский народ — нация мучеников и изгоев на протяжении многих веков после лишения исторической родины. Фашисты приход к власти начали с обвинения евреев во всех трудностях немецкой нации и стали жестоко их преследовать: лишали работы, отбирали имущество, гноили в тюрьмах. Изгнали большинство из Германии. В эту войну фашисты решили уничтожить евреев не только в своей стране, но и в оккупированных странах, что и делают, — вздохнул глубоко и сказал: — Судьба евреев, армян и многих других народов зависит от того,

выстоит ли Советский Союз в борьбе с фашизмом или будет побежден. Если наши народы немец превратит в рабочую силу, в рабов для себя, то евреев уничтожит, так же и армян, если не сам, то руками турок, как уже было. Может уничтожить и другие народы или часть их. Нам ничего не остается, как драться и только драться вместе с Россией до победы! Так нужно настраивать и подчиненных. За ночь нужно отремонтировать и отправить в батальоны четыре танка. Это наша работа, и пойдем ее делать, – встал и направился в мастерские. За ним стали подниматься и все остальные.

– Да, разговорами не изменишь дело. Пошли, – поднялся и Ген, догнал неразлучного друга, и оба ушли в сторону мастерских.

И я взял санитарную сумку и пошел в кошару, где ремонтировались колесные машины. У противоположных дверей на улице заметил оживленную группу водителей и механиков, среди которых жестикулировал старшина Кругляков, крепко сбитый, лет тридцати, несколько выше среднего роста.

– О чем разговор?

– Да вот из пекла вырвался старшина, невеселую историю рассказывает.

– Чудом в живых остался. И моя машина в пробоинах – борт зацепило, а у старшины капот и кабина в дырках, – говорил один из водителей.

– Хватит антимонию разводить! Подумаешь, напугали сверху, – раздался голос воентехника Гена из открытых ворот кошары, – за работу! Дел-то сколько!

Все стали расходиться по своим местам: каждого ждала работа.

Я направился на постоянное место для перевязок – в кошару ремонтного взвода, где пострадавших было больше. Так же место для перевязок и оказания другой медицинской помощи было у кухни в примитивной курилке. Личный состав три раза в сутки собирался для приема пищи. Серьезных больных пока не было. Основной спрос

был на перевязочный материал, и не только из-за ссадин и ушибов. Немало и из-за фурункулов на трущихся о загрязненную одежду частях тела.

Суббота, 8 августа 1942 г. НА РУБЕЖЕ АТАКИ.

Удары гонга позвали на завтрак. Из ремонтных кошар выходили солдаты, работавшие всю ночь, в измазанных комбинезонах и обмундировании. Сбрасывали с себя все по пояс, протирали участки тела ветошью, смоченной в бензине, а затем мылись водой из бочки, которую накануне вечером заполнили для противопожарных нужд. Некоторые бегали к речушке – Донской Царице, протекавшей в трех сотнях метров. Позавтракав, многие из ремонтников тут же ложились у кустов и засыпали. Удары в гонг и команда строиться будили с трудом. На разводе распределяли личный состав на работы. Полчаса сна становилось достаточно, чтобы прояснилась голова, снялась тяжесть и скованность во всем теле.

Личный состав роты выстроился возле кошар. Перед строем выступил подполковник Иванов.

– Товарищи! Вы хорошо поработали в эту ночь, отремонтировали немало техники, и она уже ушла в свои подразделения. К исходу дня все остальные танки до единого, повторяю, к исходу дня все танки и колесные машины должны быть отремонтированы и убыть своим ходом в подразделения, которые заняли исходные рубежи. Эти машины полностью загрузить боеприпасами и горючим. Их ждут батальоны.

Командир роты поставил конкретные задачи каждой ремонтной группе, каждому технику по ремонту машин и танков. Назначил группу по охране территории, выделил наблюдательный пункт на случай высадки десанта. Все разошлись по объектам.

Перед обедом меня вызвал командир роты и приказал взять все необходимое для оказания медицинской помощи, так как я еду в составе группы инженерно-технического обеспечения бригады в район боевых действий. Уже был у

командира военный техник 3-го ранга Воропаев, который будет возглавлять эту группу. Боевую задачу поставил нам подполковник Иванов. Бригаде предстояло во взаимодействии с 204-й стрелковой дивизией и другими частями выбить противника из разъезда 74-й километр. Отбросить неприятеля от железной дороги Абганерово – Тингута, ведущей в Сталинград, и задержать его продвижение до прибытия резервных войск. Нашей группе надлежало во время боев следовать за 1-м танковым батальоном, ремонтировать поврежденные машины непосредственно на поле боя, оттянув их в укрытия, а мне – оказывать медицинскую помощь раненым и обожженным. В состав группы технического обеспечения вошли два тягача, две ремонтные летучки – по электрооборудованию и оружейная, две бортовые машины с запчастями, два бензовоза с соляркой, бортовая машина с бочками бензина. Летучки – это мастерские, оборудованные станками токарными, фрезерными, тисками, сваркой, инструментом.

Из личного состава в группу подобрали самых опытных ремонтников, которые успели зарекомендовать себя за эти дни. Кроме старшего группы Воропаева, из командиров вошли в нее военный техник 3-го ранга Дрозд – специалист по ремонту двигателей танков, а также сержант Король – командир отделения. Старшина Кругляков возглавлял отделение по ремонту колесных машин. Красноармеец Нагиба – электросварщик, Тарас Колесник – оружейный мастер, лейтенант Балашов – электротехник, сержант Синицын – электрик, слесари и водители. Группа находилась в непосредственном подчинении зампотеха бригады. Оставив часть перевязочного материала старшине роты, я взял с собой все остальное свое имущество: носилки, набор медикаментов и инструментария – комплект «ПФ», комплекты бинтов и шин и погрузил все на тягач водителя Саши Цветкова. Санитарную сумку держал при себе.

Группа получила сухой паек: сухари, консервы, кашу и суп в концентратах, сушеный картофель, соль, сахар, чай.

Водителям было приказано отдыхать – предстоял ночной марш. Выезд назначен сразу после ужина.

С наступлением темноты погрузились и выехали в южном направлении. Шли без света. Ориентироваться должны были на стоп-сигналы впереди идущих машин, но сплошная пелена пыли резко ухудшала видимость и движение. Особенно много пыли выпало на наш замыкающий тягач, а отстать – значит потеряться в степи. Все в машинах спали, настолько устали за последние напряженные дни. Бодрствовали только водители за рулем и рядом сидящие, чтобы не дать уснуть водителям. Вел колонну зампотех бригады по каким-то только ему известным ориентирам. Шли медленно, часто останавливались. Иванов объезжал колонну много раз, пересчитывая машины. Еще до рассвета добрались до позиций 1-го танкового батальона северо-западнее разъезда 74-й километр. Мы уже знали, что правее нас, в районе совхоза им. Юркина, разместился 2-й танковый и мотострелковый пулеметный батальон. Там же находились штаб и рота управления бригады, вспомогательные подразделения, медсанвзвод. Бригада расположилась в боевых порядках 204-й стрелковой дивизии, с которой надлежало взаимодействовать в бою. Иванов с Воропаевым убыли в штаб бригады доложить о прибытии и для получения боевой задачи. Нам приказали рассредоточиться, сидеть в машинах и ждать указаний. Мимо нас все проходили воинские части, некоторые останавливались и размещались рядом.

Воскресенье, 9 августа 1942 г.
РАЗЪЕЗД 74-й КИЛОМЕТР.

Начало светать. Мы оказались в лощине, проросшей кустарником. В дымке рассвета вырисовывались силуэты рассредоточенных танков, прикрытых маскировочными сетями, ветками, грузовых специальных машин. Стали различимы позиции артиллерийских батарей, зенитных установок, вкопанных в землю. Между ними вклинились только что прибывшие воинские подразделения, воен-

ная техника. Вокруг копошились красноармейцы, командиры. Много всего военного скопилось на этом участке, представлявшем такую удобную мишень для противника. Ночь выдалась прохладной, несколько озябли. Вышли из машин, размялись. Осмотрелись. Обложили кустарники своими «минами», добавив их к наложенным до нас.

Наша группа все еще ждала воентехника Воропаева. В это время к танкам подъехали крытые брезентом машины. Прибыли автоматчики из мотострелкового пулеметного батальона. Стали выгружать ящики с гранатами и бутылками с горючей жидкостью и крепить их на броне танков, где и сами размещались за башней каждого танка по четыре-пять человек. Привязывали себя к скобам, крышке трансмиссионного люка, чтобы не свалиться при движении или ранении. В их задачу входило огнем автоматов, гранатами и бутылками с горючей жидкостью подавить огневые точки и живую силу противника при прорыве танков в его боевые порядки, способствуя этим продвижению нашей пехоты. В сознании уложилось убеждение, что танкисты внутри машины надежно укрыты от пуль и осколков. И на этом фоне со всей откровенностью выпячивалась беззащитность автоматчиков сверху.

Вернулся из командного пункта бригады Воропаев и доложил обстановку:

– С минуты на минуту ожидается атака наших войск на разъезд, с задачей выбить противника и отбросить от железной дороги. До разъезда от нас менее полукилометра. Нам приказано следовать за 1-м танковым батальоном, который должен прорвать оборону врага. 2-й батальон и мотострелковый с такой же задачей действуют справа от нас.

Там был ранен зампотех батальона, и временно туда направили воентехника 3-го ранга Дрозда.

Вдруг в тревожную тишину рассвета ворвались голоса громкоговорителей из расположения противника. Это было так неожиданно, что мы насторожились, затаив дыхание. Громкий, четкий, лающий голос, эхом раскатившийся вокруг, на чистом русском языке приказывал пре-

кратить сопротивление и добровольно сдаться немецким войскам. Предварительно уничтожив всех коммунистов, комиссаров и евреев. Немецкое командование гарантировало тогда всем сохранить жизнь и возвращение к семьям по окончании войны, исход которой уже предрешен. Из репродукторов неслось, что с запада немецкие войска вошли в Сталинград, который прекратил сопротивление. Начался решающий штурм Москвы и Ленинграда, дни которых сочтены. Красная Армия разгромлена. Дальнейшее сопротивление бесполезно. Настойчиво и часто повторялась угроза полного уничтожения всех, кто не прекратит сопротивление. Все это оказывало жуткое, парализующее действие, будто сковало. Конец каждого слова эхом повторялся, дробясь в отдалении. Ни бомбежка, ни артобстрел не наводили такую жуть, как этот лающий голос в гробовой тишине. Предлагалось выходить группами и в одиночку с личным оружием в направлении переднего края, неся впереди себя древко с любым белого цвета материалом.

На фоне вещания стали раздаваться единичные разрозненные залпы. Взорвавшаяся, наконец, артиллерийская канонада с нашей стороны заглушила, а затем и оборвала голоса громкоговорителей. Стреляли батареи, минометы. Справа от нас пролетали огненные полосы, сопровождавшиеся довольно звонким, свистящим, необычным для слуха треском, и оказывали жуткое воздействие на психику, и особо выделялись в этой общей какофонии звуков стрельбы, взрывов и огня. Сознание, что так стреляют наши реактивные установки, вызывало внутреннюю радость и восторг. Над нами в сторону врага полетели группами на небольшой высоте самолеты-штурмовики ИЛ-2, и через непродолжительное время мы услышали более сильные и глухие взрывы.

Стал отвечать и противник. Начали рваться снаряды и мины в боевых порядках. Слышны были короткие частые пушечные выстрелы и пулеметная дробь, резкий гул входивших в пике и пролетавших над нами самолетов. По-

трясали землю вокруг более мощные взрывы авиабомб. Мы инстинктивно вжимались в землю, надеясь спрятать себя, но земля была твердой, сухой и нашим стараниям не поддавалась. Нас обсыпали комья земли. Появились убитые и раненые. Послышались крики: «Фельдшера! Санитара!» В гул канонады ворвался мощный рев сразу всех заведенных двигателей танков. Задрожала истерзанная земля.

Все это было непривычно, неестественно для человеческого слуха, сознания, существования. Ни один зверь, ни одна птица не остались в этих местах – убрались заранее, будто предчувствовали какое-то стихийное бедствие. Казалось, что больше ничего не должно уже нас удивлять, но обратило внимание появление большого количества ящериц, мечущихся по иссушенной потрескавшейся земле. Должно быть, взрывы снарядов и бомб они приняли за землетрясение и выскочили из нор на поверхность. А каково человеку в этих условиях? В состоянии ли выдержать все это психика, не говоря уже о человеческом теле, которое так беззащитно и в отчаянии вжималось в твердую, неподдающуюся землю, ища в ней защиту. И как тут не позавидовать ящерицам, которые могли себя спрятать в любой расщелине?

Взрывы бомб, мин и снарядов, пули и огонь разрушали деревья, сооружения, технику – железо и сталь, рвали в клочья человеческие тела, дырявили их или обжигали, нанося здоровому цветущему организму увечья, несовместимые с жизнью, или обрекали на длительные муки и страдания. Не извержение вулкана, землетрясение или другое стихийное бедствие переживали люди. Создали весь этот ад они сами, на погибель себе подобных. Для того ли возвысился человек над всем живым на земле, чтобы уничтожить себя и все им созданное? Почему так неразумно поступает самое разумное из всех живых существ? Почему мы должны лежать здесь грязные, голодные, вгрызаясь в высохшую, твердую землю, ища в ней спасение от пули, осколка, огня – всего того, что несет смерть?

Когда придумали ад и все муки грешников венчал котел с кипящей смолой, то воображение у них в то время, надо сказать, было скудное. Грешник был в чем-то виноват, и ад становился расплатой за грехи. А чем виноват наш советский человек, народ, которому выпали такие испытания, особенно его воинам? Мы не завоевывали чужие земли, не захватывали их богатства, не вмешивались в жизнь и дела других народов. Это к нам пришли захватчики, разорили наши дома, поубивали родных и близких, а оставшихся в живых превращают в рабов... Нет, не выйдет! Платой за муки и страдания будет победа над ненавистным врагом. Для многих это будет стоить жизни уже сейчас, через минуты, часы, дни и месяцы, а может быть и годы. Ради жизни и счастья всех, кто останется в живых.

Реальность требовала действий, и на крики о помощи я оторвался от земли и стал переползать от одного раненого к другому, перевязывая их. Вокруг нас все взрывались снаряды и мины, и нас обсыпало комьями земли.

Оторвала меня от раненых команда Воропаева: «По машинам! Заводи!» Все вскочили, стряхнули с себя песок, пыль. Сел в тягач и я. Наши танки с автоматчиками на броне тронулись из укрытий, вышли через гребень лощины и на большой скорости пошли в направлении разъезда через проходы, обозначенные фишками, в оборонительных рубежах. С болью в сердце наблюдал за прижавшимися фигурками автоматчиков к башням танков. Поделился своими мыслями с Воропаевым.

– Как можно наверняка обрекать людей на гибель, располагая их так открыто?

– Таков приказ, – последовал ответ Воропаева, – война – сплошной риск. Рассчитывают ими забросать и подавить огневые точки и живую силу противника.

Вслед за танками пошла мотопехота. На исходных рубежах и на переднем крае наших войск продолжали рваться снаряды, горели машины, танки. Уже было немало раненых и убитых в наших боевых порядках. Ими занимались в районе нашего участка наступления военфельдше-

ра и санитарные инструкторы артиллерийских батарей и пехотных подразделений и военфельдшер 1-го танкового батальона, следовавший за своими танками в составе технического обеспечения батальона. Бои уже шли в районе разъезда.

Двинулись и мы, группа инженерно-технического обеспечения бригады, по перепаханной солдатскими лопатами и снарядами степной земле. Бензовоз с соляркой и машину с бочками бензина оставили в лощине. Впереди идущий тягач остановился, выпрыгнул из него красноармеец и остановил наши машины. Подбежал ко мне и крикнул, что ранен или убит один из ремонтников в тягаче. Я направился к ним. В кузове лежал пожилой красноармеец-ремонтник лет сорока пяти и прикрывал руками окровавленную массу на животе. Между пальцами из изорванной гимнастерки выпячивались петли кишечника. Крупный осколок снаряда или мины разорвал переднюю стенку брюшной полости, и в образовавшуюся рану выпятился кишечник. Красноармеец был в сознании. В грохоте боя услышал его тихий голос: «Вот и мое время пришло. Ничего не успел сделать... В левом кармане гимнастерки письмо с адресом. Допиши, чтоб сын мать берег...» Я обещал дописать и отправить письмо. Утешал его, что заштопают живот и еще воевать будет. При этом старался заправить выпавший кишечник в рану рукой в перчатке, обработанной спиртом. Но мне это не удавалось. Часть запихивал, а рядом выпячивалась другая его часть. И это происходило на виду у всех, среди лоскутов окровавленной гимнастерки и нижнего белья. Лежал он на грязном, пыльном полу тягача среди запчастей, на куске брезента. Заправить вывалившийся кишечник в рану не удалось. Наложил повязку из нескольких перевязочных пакетов поверх раны и петель кишечника, укрепил их полотенцем и завернул все это сверху вокруг живота и спины бинтами. Во время перевязки он был в сознании, просил отправить письмо и все сожалел, что никакой пользы не успел принести, даже ни одного немца не убил, а сам должен умирать. Сделал ему

инъекцию морфина, бережно на плащ-палатке его сняли с тягача и отнесли в ближайший пункт сбора раненых. Все наши машины стояли, пока занимался раненым. Танки ушли далеко вперед. Воропаев все торопил меня.

Наконец, мы поехали по следу прошедших танков. Это был мой первый настоящий раненный в бою. У меня дрожали руки, и перед глазами все стоял не поддающийся вправлению кишечник. Почему он не вправлялся в брюшную полость? Все ли правильно я делал? Надо было обмыть петли кишечника стерильным теплым физраствором, обработать раневую поверхность перед вправлением. Но как поступить в таких условиях? Его бы доставить в специализированное лечебное учреждение в ближайшие часы, но практически это невозможно. Я понимал, что такой раненый погибнет на ближайших этапах эвакуации. Что я не сделал, что мог бы сделать для него? И что смогу сделать для других в этом аду?

Мы уже овладели тем, что было раньше станцией – разъездом 74-й километр. Бои шли восточнее железнодорожного полотна или того места, где проходила железная дорога, ибо рельсы со шпалами были выворочены, разбросаны вокруг и деформированы. Постройки станции почти все разрушены и горели. Машины стояли за развалинами длинного здания из кизячных блоков – бывшего угольного склада.

На участке небольшой, нами пройденной дороги лежали подбитые и исковерканные автомашины, танки, орудия. Часть из них горела. Лежали трупы, раненые. В котлованах, воронках, за подбитыми машинами – группы раненых и оказывающие им медицинскую помощь медики. Мы не останавливались, ибо нашей задачей было следовать за нашими танками.

Когда шли по оборонительной полосе противника, взору нашему предстала еще более ужасная картина молоха войны. На перепаханной снарядами и бомбами земле лежала исковерканная, вывороченная грудами военная техника: танки, орудия, автомашины, военное имущество.

Особенно много лежало трупов в серо-зеленых мундирах, темно-серых касках. Много, много трупов в разных позах висели на искореженной технике, лежали под ней, на земле. Гитлеру бы посмотреть на своих вояк. Вперемешку стояла и подбитая наша техника. Все горело, дымилось. Тошнотворный запах горелого человеческого мяса. Местами встречались пункты сбора раненых, где работали наши медики. Раненых немцев не встречал. Не видел здесь и пленных.

Невдалеке еще шел очень упорный бой. Немцы оказывали сильное сопротивление. У железнодорожного полотна стоял один из подбитых наших танков. Из люка вывалились два танкиста, ползком добрались к нам. Руки и комбинезоны их были в крови, но они не ранены. Доложили, что башня танка прошита снарядом насквозь и в ней лежит командир. Машина застряла на насыпи, так как снарядом разорвало одну гусеницу. Один из них, все заикаясь, повторял:

– Командира там насквозь, прямо насквозь там командира...

Воропаев дал команду водителю тягача Цветкову Саше оттащить танк с насыпи в укрытие. Вместе с двумя танкистами зацепили танк тросом, но буксировать его не удалось. Он несколько развернулся по уцелевшей гусенице, а катками другой стороны, на которой была сорвана гусеница, врезался в землю. Перевязали трос, и немного удалось оттащить его ниже железнодорожного полотна, где и остался стоять.

Невдалеке шел бой, вокруг свистели пули, рвались снаряды. Я пытался через десантный люк, расположенный под танком, залезть в машину для оказания помощи командиру, но мне не удалось это сделать, так как машина почти касалась твердого грунта. Подкопать и открыть полностью не удавалось. Пришлось лезть через верхний люк. А кругом шла стрельба. Шел танковый бой, поддерживаемый мотопехотой и авиацией с обеих сторон. Самолеты охотились за вражескими танками, бомбили и обстреливали из

пулеметов и пушек. Видно было, как шли и стреляли наши танки с хода или коротких остановок.

Через люк пролез в танк с санитарной сумкой в руках. С трудом протиснулся мимо безжизненного тела. Когда руками стал ощупывать его, то наткнулся в области грудной клетки на жидкое теплое месиво. Он был насквозь прошит снарядом, как и башня танка с двух сторон. Я обхватил тело у бедер, пытался поднять его к люку, весь перемазался кровью, но вытолкнуть это безжизненное тело через люк башни мне не удавалось. Оно валилось на меня и не лезло в люк. Пришлось обвязать его санитарными лямками, вылезть наверх через люк, но и тогда мне одному не удалось его извлечь из танка. Забрались на башню его товарищи и со страхом смотрели на меня. Видимо, вид мой был ужасен, весь перемазанный кровью. Попросил их помочь, и все вместе вытащили окровавленное, безжизненное, еще теплое тело командира. Мы его на плащ-палатке отнесли к лежавшей неподалеку группе убитых наших воинов, прикрытых накидками, которыми занималась специальная похоронная команда.

Я отполз в сторону и стал водой из фляги отмывать руки, но гимнастерка и брюки были в крови. У меня стали ватными ноги, что-то сжало в подложечной области, затошнило. Я опустился на колени, и началась у меня рвота, затем и рыдания, которые мне не удавалось сразу прекратить. И было мне очень стыдно перед товарищами за мою душевную слабость. Видимо, сказалось нервное напряжение последних дней, измазанное кровью мое обмундирование и мертвое тело танкиста.

Никто меня ни в чем не упрекнул. Воропаев подполз, похлопал по спине, протянул свою флягу с водой. Я сделал несколько глотков. Лучше не стало. Еще раз вырвало. Кто-то принес мне гимнастерку и брюки без крови, должно быть, снятые с трупа погибшего красноармейца. Я тут же переоделся. В последующем раненые и убитые такого воздействия уже не оказывали. Общение с ними стало профессионально привычным, но не безразличным. Каж-

дый оставлял какой-то след в душе, особенно знакомый чем-то до этого.

В это время наши ремонтники заменили разбитые траки у танка, натянули гусеницы, и он снова стал боеспособным. Сквозные две дырки в башне не были помехой. Танкистов подчинили другому командиру. Бой шел беспрерывно весь день. Все новые и новые части подтягивались и уходили в степь. За угольным складом скапливалась подбитая техника, которая смогла подойти своим ходом. Кое-что подтягивали тягачи.

Получил ранение в мягкие ткани бедра авторемонтник старшина Кругляков. Сделал ему перевязку, но он отказался уехать с передовой, и я оставил его пока в одной из летучек. Тяжело ранили в грудь автослесаря Кобзева, которого отправил в медсанвзвод.

Во второй половине дня началась ожесточенная контратака противника. После массированного налета авиации прорвалась группа танков противника в сопровождении мотопехоты и оттеснила наши войска к самому полотну железной дороги. Отошли оставшиеся на ходу танки, машины с автоматчиками. Заняли оборону у железнодорожного полотна. Оставшиеся в степи машины, пехота продолжали вести бой юго-восточнее разъезда, заняв иногда круговую оборону.

Упорно оборонялись и подразделения 204-й стрелковой дивизии. Большой урон врагу наносили «пэтээровцы» – они немало подбили техники врага.

Наша группа технического обеспечения оставалась за обломками угольного склада и продолжала ремонт поврежденной техники. Часть машин ремонтировали непосредственно на поле боя. Я оказывал помощь раненым и обожженным. К исходу дня были еще две яростные атаки врага, который пытался выбить наши войска с западной части разъезда, но все атаки были отбиты. Был контужен электросварщик – красноармеец Нагиба. Он почти ничего не слышал, но убыть в медико-санитарный взвод отказался, продолжал с товарищами ремонтировать танки.

Недалеко от нашего расположения военфельдшер 1-го танкового батальона развернул медицинский пункт, где и я помогал ему оказывать помощь раненым, готовил к эвакуации. Пункт расположился на открытой площадке у небольшой лощины у полуразрушенной постройки с провалившейся крышей. На площадке носилки, ящики с перевязочным материалом. Рядом у стены – санитарная машина. Большинство раненых лежало на земле на большом растянутом брезенте – тент от танка. Нас забрасывало песком, щебнем, угольной пылью. К некоторым добавлялись новые ранения от рвавшихся рядом снарядов и мин. Мы делали перевязки, накладывали шины, жгуты. Раненые поступали не только из танкового батальона, но и из пехотных подразделений 204-й стрелковой дивизии и Житомирского курсантского полка, который занимал оборону левее нас, на северо-западной окраине разъезда. Большие потери понес курсантский полк на рассвете перед атакой от артиллерии врага. Много потерял курсантов и в полдень от вражеских бомб при попытке врага повторно овладеть разъездом. Часть раненых курсантов отправляли в медицинские пункты 204-й стрелковой дивизии. Санитарная машина курсировала от нас до медсанвзвода. Раненых отправляли и на транспортных машинах, направлявшихся за боеприпасами, горючим. Санитарные машины не возвращались, как нам обещали. Видимо, были перегружены перевозкой раненых в лечебные учреждения. К исходу дня были еще две яростные атаки врага с авиаподдержкой. Он пытался выбить нас с западной части разъезда, но все атаки были отбиты.

Мне передали, что есть убитые и раненые в районе ремонтной группы. Я побежал к ним. Передо мной предстала страшная картина. Бомба попала в один из тягачей и опрокинула его набок. Водитель убит. Убиты слесарь и водитель бортовой машины. Ранен в плечо электрик, сержант Синицын. Большие потери понесли пехотные части. Раненых сносили в пункт сбора, где работала санинструктор – девушка и два санитара. Я присоединился к ним на

некоторое время большого наплыва раненых, затем отвел в БМП 1-го танкового батальона сержанта Синицына, откуда его эвакуировали вместе с другими в медсанвзвод бригады. Многие раненые и обожженные танкисты попадали в медицинские части других частей и соединений и эвакуировались в армейские полевые лечебные учреждения, минуя наш медико-санитарный взвод. Они попадали в списки пропавших без вести.

С наступлением темноты боевые действия затихли с обеих сторон. Подтягивали подбитые машины, подбирали раненых и убитых. Подходили свежие части стрелковой дивизии и занимали оборону. Оставшиеся в живых из нашей группы технического обеспечения собрались в одном месте за тягачом Саши Цветкова в небольшой лощине. Постелили брезент на земле, расселись. Спать не хотелось никому, да и не решился бы никто в этой обстановке. Знали, что все начнется снова, возможно с часу на час. Очень хотелось пить, пересохло в горле. С медпункта 1-го батальона принес два котелка воды. Мочили сухари и грызли их. Хотелось съесть чего-нибудь горячего. Пачки концентратов, крупа, заварка, сахар – все это было, но огонь разводить не решались. Грызли сухари. В полночь, наконец, разыскали и приволокли кухню 1-го танкового батальона с еще теплой кашей в котле и с горячим чаем. К чести хозяйственников – они еще днем готовы были кормить людей, но обстановка не позволяла. При виде кухни почувствовали, как проголодались. Как бы ни были напряжены – возможность покушать всколыхнула всех, приободрила. Кто мог ходить, захватили котелки и двинулись к кухне. Накормили и раненых. Каша осталась – недосчитались многих едоков.

Поздний ужин совсем разморил людей, и почувствовали неимоверную усталость, стало клонить ко сну, и тут же начал раздаваться храп. Команда Воропаева: «Подъем! Предстоит работа!» – вернула всех к действительности. Он пришел от комбата и сказал, что неподалеку стоят два под-

битых танка и их нужно к утру восстановить. В ремонте нуждаются еще и несколько колесных машин.

Ремонтники поднялись, разбились на группы и двинулись к своим объектам. Руки у них были окровавлены, в ссадинах, ранах. Обматывал бинтами, и люди продолжали работать.

Один из слесарей протянул мне изящную плоскую коробку, в которой был уложен ряд инструментов: ножнички, пинцеты, щипчики, пилочки и другое.

– Возьми, доктор. Какой-то деликатный инструмент. Может, пригодится. Мне в слесарном деле он ни к чему. Раздобыл его в немецком хламе.

Я посмотрел. Это не медицинский инструмент, как я его представил. Предметы с нежными пластмассовыми ручками уложены в изящную коробку, выстланную голубым бархатом. По всей вероятности, это мог быть набор для чистки ногтей. Я их еще никогда не видел. Но это мог быть он. Поблагодарил и взял, может, для чего и пригодится.

Понедельник, 10 августа 1942 г.
КОНТРУДАР УДАЛСЯ.

После полуночи 204-я стрелковая дивизия подтягивала свежие силы – подъехала и затаилась пехота на автомашинах, мимо прошли «пэтээровцы» с ружьями на плечах, таща на спине ящики с патронами. Невдалеке расположилась артиллерийская батарея. Заняли исходные рубежи и наши оставшиеся на ходу танки 1-го батальона, на этот раз без автоматчиков. Мало кто из них остался в живых.

Еще при звездном небе на заре наши войска перешли в контратаку. Начался массированный артобстрел восточной части разъезда, затем огонь был перенесен вглубь вражеской обороны. Последовал ответный обстрел наших позиций со стороны противника. Вокруг рвались снаряды, мины. Вновь появились раненые, убитые. Над головами прошли наши штурмовики, и вскоре услышали, как отбомбились. Загудели моторы танков, и машины двинулись

вперед. Темп боя нарастал, наши танки с боями уходили все дальше на восток, за ними следовала мотопехота. Шла еще перестрелка севернее и восточнее разъезда – пехотинцы добивали врага. У станции лежали развороченные орудийные установки, танки противника и несколько наших танков. Вдали в степи виднелись застывшие и горевшие немецкие танки в большем количестве, чем накануне в первый день боя, и больше, чем стояло и горело наших. Стало очевидно, что враг отброшен от разъезда далеко на юго-восток.

В группе убили еще одного ремонтника. В медсанвзвод отправил старшину Круглякова, раненного в бедро еще накануне. Обещал после обработки раны забрать его.

В полдень прибыл зампотех бригады и сообщил, что противник отброшен за реку Аксай, где наши заняли оборону на прежнем рубеже. Зампотех бригады приказал мне ехать в поселок Зеты, где расположена наша рота технического обеспечения и склады бригады. Сказал, что Зеты бомбили и там среди наших ремонтников были убитые и раненые. Помогли в оказании помощи медработники соседних частей. Тяжелораненых отправили в Тундутово, а с остальными велел мне разобраться. Медработников там сейчас поблизости нет.

Остатки бригады отходят к совхозу им. Юркина, где занимают оборону и приводят себя в порядок. В строю осталось всего 10 исправных танков и меньше половины личного состава. Особенно большие потери понес пулеметный батальон.

Выехали в Зеты на бортовой машине ГАЗ-51. Со мной поехал ремонтник Ожешко для получения запчастей и продуктов на ремонтную группу. Захватил раненых танкистов до медсанвзвода, расположенного в совхозе им. Юркина, до которого предстояло сделать небольшой крюк в сторону. Да и мне нужно было пополниться перевязочным материалом, медикаментами и хотелось кое-кого повидать. В кабину посадил одного из раненых. Сел в кузов машины рядом с Ожешко. Поделился он со мною своими заботами. Дома осталось у него шестеро детей. Как без

кормильца будут жить? Правда, жена усвоила элементы его профессии – жестянщика. Может лудить, паять. Этой работы всегда хватает. Но как они будут расти без отца, беспокоило его.

– Отчего так рано себя хороните? Вернетесь к своим детям, – заверил я его.

– Из такого пекла, чувствую, не вырваться. Тут будет погибель проклятому, дальше его не пустят. Некуда дальше, но и мы все тут поляжем. Может, за редким исключением, но мало нас останется. Исход войны решится здесь, – задумался и добавил: – Больше отступать не будем.

Так думал и убежденно говорил очень простой наш человек, малограмотный, но житейски мудрый. Считал, что он может не выжить, но верил в победу народа.

– У меня мать с четырьмя детьми где-то мыкается в эвакуации... без отца. Он на фронте. Как она их вытянет? – поделился я своей болью. – Почти безграмотная, без профессии и малые дети.

Своя ноша для каждого казалась тяжелее других. Но непосильной она была у всех.

Добрались за разговорами до совхоза. Медсанвзвод располагался во дворе, огороженном глухим забором. В саду на брезенте и на траве у деревьев лежали раненые. Некоторых грузили в санитарную машину, а более легких в транспортную для эвакуации.

Получил все мне нужное у Шепшелева. На этот раз он не скупился, хотя ворчал, что средств у него мало осталось. Командир медсанвзвода военврач 3-го ранга Гасан-Заде, врачи Ложкина, Вайнштейн, фельдшера, медсестры были заняты ранеными, готовили их к эвакуации. Все были озабочены, уставшие, в загрязненных халатах со следами крови, йода, риванола.

Ко мне подошла Майя Вайнштейн.

– Рада вас видеть в здравии. Как вы? Спокойно ли в Зетах?

– Какое там спокойно.

– В каком мы аду!..

– Я был у разъезда 74-й километр с группой ремонтников. Там было хуже ада. И Зеты бомбили, есть убитые и раненые. Еду туда.

Передо мною стояла щупленькая девушка-женщина в непомерно длинном халате, в пятнах йода и крови, поверх гимнастерки с подвернутыми до локтей рукавами, с расстегнутым воротником, обшитым изнутри белым уже не свежим подворотничком, в солдатских хлопчатобумажных брюках, заправленных в кирзовые сапоги. Стоял зной. Было жарко и душно. Помнил ее другой.

– Где ваши волосы? – растерянно спросил я. Вот оно что. Этих пышных черных волос, собранных в клубок сзади, на которых так щеголевато сидела пилотка, уже нет.

– Отрезала, мешали, ухаживать за ними стало невозможно. А что, очень плохо выгляжу? – спохватилась она, а потом добавила: – Будет целой голова — до свадьбы отрастут.

Озабоченно спросила:

– Выберемся ли мы из этого кошмара? Опять же будет наступать...

– Должны выбраться! Говорят, что подходят большие силы наших. Но бои будут жестокие. Мне бежать надо. До встречи, Майя! Можно вас так?

– Конечно, чего же?

Я на несколько шагов отошел, быстро вернулся и сказал ей:

– Не уходите, я вам что-то оставлю на память, – и убежал к машине. Достал вещмешок, развязал, вытащил футлярчик и прибежал к ней.

– Это вам.

– Что это?

Я раскрыл.

– Должен подойти для чистки ногтей.

– Прелесть какая! Это же маникюрный набор. Какой роскошный! Где раздобыли?

– Ограбил арийскую принцессу. Понял, что вам больше подойдет.

– Спасибо, шутник!

– Выберетесь из кошмара и доживете до свадьбы, обязательно доживете и все у вас будет хорошо, – крикнул я, уже удаляясь.

Она все стояла, прижимая обеими руками футлярчик к груди, и смотрела вслед. Взмахнул я рукой уже издали и потерял ее из виду. И подумалось – может быть, впервые за всю эту кошмарную неделю, – что и мне тоже следовало бы выбраться из этого кошмара, если выберется Майя. Хотя зачем я ей?

Из совхоза им. Юркина выехали в направлении Зеты. На выезде встретил санитарную машину с красным крестом и возле нее военфельдшера мотострелкового пулеметного батальона Модзелевского. Он также возвращался с медсанвзвода, куда привозил раненых из батальона. Водитель его монтировал колесо машины. Леня выглядел богатырем: высокого роста, широкий в плечах, стройный. Всегда с улыбкой – добродушный здоровяк. Осталось от прежних встреч с ним приятное впечатление. Казалось, он всегда рад встрече. Узнав, что еду в Зеты, сказал, что непременно нужно заехать по дороге к нему. Батальон его находится в нескольких километрах отсюда. Не слушая возражений, усадил меня в кабину полуторки, сам втиснулся рядом, крикнул своему водителю следовать за нами и повез меня к себе. Их батальонный медицинский пункт был свернут. Все было готово к маршу.

Радушно встретила меня врач пулеметного батальона Панченко – слегка располневшая плотная женщина, среднего роста, лет тридцати. Организовали ужин в подошедшей их санитарной машине. Выпили немного спирта за встречу. Накормили горячей кашей, попили чаю с сухарями. И у них сухари. Хлеб за последние недели не видел. Поделились впечатлениями о проходивших боях. По имеющимся неполным данным, у них осталось едва ли четверть людей и техники. Большинство автоматчиков, располагавшихся во время боев на броне, погибли. Много погибло и в следовавших за танками в автомашинах во время атак и преследования противника.

Погоревали о потерях, тепло попрощались, пожелали боевых успехов и встречи на следующих этапах. Успел заметить по взглядам, прикосновениям, что между Модзелевским и Панченко установились не только коллегиальные отношения. В душе пожелал им счастья. Поздно вечером прибыл в Зеты.

Вторник, 11 августа 1942 г. ВРАГ ОСТАНОВЛЕН.

Утром 10 августа немцы бомбили Зеты. У нас были взорваны две транспортные машины. Одна бомба ударила у края большой кошары, где размещались мастерские ремонтного взвода, несколько упали недалеко от расположения роты. Более десятка взорвались в поселке. Убитых из личного состава похоронили на окраине Зеты, недалеко от ремонтных мастерских. Часть раненых отвезли в Тундутово. Легкораненых оставили в роте. Ими-то я и занялся. Сделал перевязки, разобрался с больными. Приходила фельдшерица – калмычка, единственный оставшийся медработник на весь поселок Зеты. Большинство медицинских работников участковой больницы еще в прошлом году были мобилизованы и отправлены на фронт, а оставшихся призвали в ополчение и направили в Сталинград. Из местных жителей-калмыков мало кто выехал.

Среди гражданского населения были убитые и более полутора десятков раненых. Отправлять их было некуда, и родственники не решались трогаться в путь из родных мест. Больничка пустовала. Раненые находились в своих домах. Их обслуживала фельдшерица.

Переходили из дома в дом. Ранеными были в основном женщины и дети. Почему-то судьба пощадила мужчин. Они работали в поле или во дворе и успели спрятаться в укрытия. Не выходил из памяти ребенок — девочка лет пяти с осколочным ранением участка мягких тканей бедра и более обширного – голени с повреждением костей. За все время, в течение которого делали перевязку и накладывали шину на ножку, девочка терпела боль, так же сдержанно, не повышая голоса, всхлипывала, но не плакала,

все разрешала с собой делать. Что еще будет с ножкой, как пойдет заживление ран? В стационар бы ее. Но куда везти ее и многих других раненых? За что им такие испытания? В чем вина ребенка, женщин? За страдания наших людей должны понести наказание оккупанты. Все это виденное взывало к возмездию.

Стали известны некоторые данные о потерях танковой бригады за эти последние два дня боев в районе разъезда 74-й км. Очень мало осталось в живых танкистов без машин. Большинство погибли или ранеными и обожженными попали в полевые лечебные учреждения других частей и соединений. В мотострелковом пулеметном батальоне бригады только автоматчиков в строю осталось меньше четверти. Смертельно ранен начальник штаба бригады майор Маликов. Вместо него назначен капитан Калинин.

Ценой жизни большинства людей бригады и других частей и соединений удалось пока задержать наступление врага с юга на Сталинград. Противник понес большие потери в жилой силе и технике и перешел к обороне.

Среда, 12 августа 1942 г. УСЛОЖНЯЮ СЕБЕ ЖИЗНЬ.

Наступило время обеда. Направился в расположение кухни. Пробу снять надо, продукты посмотреть. Старшина получал из бригадного склада свежее мясо в эти последние дни. Выдавали на одни сутки из списочного расчета личного состава и прикрепленных, стоящих в роте на довольствии. Привозили мясо к вечеру для выдачи на следующий день. Больше чем на одни сутки не решались брать, ибо стояла днем довольно теплая погода, а хранить негде. Хотелось покушать свежего мяса, которое не видели почти около месяца. Сколько его там попадет на человека. Считай, на довольствии около ста семидесяти человек. На обед сто граммов на человека. Это восемнадцать килограммов. Половина костей. Утром посоветовал поварам отварить мясо с костями в котле и на мясном бульоне сварить суп, а в кашу положить мелко нарезанную мясную мякоть. Должны получиться вкусный суп и каша. Так они обеща-

ли сделать. Возле кухни на кирпичах стояли два противня. Под ними еще тлели угли.

– Так что там у вас жарится?

– Смотри, ежели желаешь.

– Почему вы со мной разговариваете на «ты», когда я с вами на «вы»?

– Вы еще очень молоды, и я могу быть на «ты»...

– В армии положено обращаться на «вы». Итак, что там жарится?

– Картошка и мясо.

– Для кого это?

– Для командира, его зампотеха, политрука, особиста, старшины роты, я попробую, Шихалев, и ты можешь покушать.

– Предупреждаю еще раз – обращаться положено на «вы». Чего-то очень расхрабрились за эти дни, пока меня не было здесь.

У него появилась какая-то наглость в поведении, но об этом я ему не стал говорить.

– Открывайте крышки, покажите, что там.

Он снял проволочным крючком крышки.

– Откуда свежий картофель?

– Старшина привез и сказал: только для командира и его заместителей.

На другом противне жарилось нарезанное мелкими кусками мясо – сама мякоть.

– Мяса тут будет килограмма три, что же осталось для всех других?

– То, что осталось, в кашу положил.

– Прошу вас, товарищ Харитонов, мясо из противня выложить в котел с кашей, и пусть все кушают из общего котла. Сейчас же переложите мясо. Выполняйте! Что касается картошки, выясню, если она выдана для всех, то добавите жареную картошку в суп. Суп не испортится от жареной свежей картошки. Итак, выполняйте мое приказание.

– Вам попадет от командира. Ох, как попадет. Предупреждаю!

Мне отступать уже некуда. Тем более что стали собираться красноармейцы и прислушиваться к нашей перепалке. Я знал, что меня ожидают большие неприятности от командира. Он меня и так не жаловал, а сейчас приобрету врага в его лице. Но после всех событий, пережитых на разъезде, после того, как насмотрелся на страдания и муки воинов там, в пекле войны, и здесь, в Зетах, среди гражданского населения, для меня, видно, стало безразлично, как он отреагирует на мой поступок, и я уже не мог поступить иначе. Какой-то голос мне шептал: «Найди удобный повод уйти от кухни, пусть останется так, как есть, не нарывайся на конфликт». А другой заставлял держаться принятого решения.

– Еще раз прошу выполнить мое приказание: немедленно выложите все мясо из противня в котел, если хотите работать поваром.

– Еще посмотрим, кто останется работать, – сказал Харитонов и добавил: – Я пойду, доложу командиру.

– За питание личного состава отвечаю я. Последний раз приказываю!

Видно, в голосе на высоких нотах прозвучала решимость и настойчивость, от которых отступления уже не будет, и это до него дошло. Он посмотрел на меня, развел руками, стал осматриваться по сторонам, остановил взгляд на втором поваре, который стоял растерянный навытяжку с отвислой дрожащей челюстью и за все время не вымолвил ни одного слова, будто что-то застряло в горле.

– Мне что, я солдат, мне что. – Вытер сухие руки о фартук, приложил правую руку к уху и произнес: – Есть выполнять приказ!

Подхватил противень и все его содержимое опрокинул в котел, а противень швырнул на траву.

– Выполнил ваше приказание. Сейчас довольны? Радуйтесь, но и наплачетесь.

Взгляд его выражал злобу. Впервые видел его таким.

– Прекратить, товарищ Харитонов!

– Что же это будет, что будет, ай, что будет?– стал причитать Шихалев.

Вокруг уже стояло немало красноармейцев, командиров – пришли за обедом. Стояли молча. Я никого не видел, не смотрел никому в глаза, но чувствовал затылком, спиной одобрение. Хотел ли прославиться перед личным составом? После прибытия с разъезда на меня уже смотрели другими глазами. Смотрели как на своего, равного, который наравне с другими переносит все тяготы войны и делает свое, нужное для всех остальных дело. Впервые почувствовал уважительное ко мне отношение людей, почувствовал, что люди мне верят и надеются, что в нужную минуту я помогу, окажу необходимую помощь. И я не мог не оправдать их веру в меня. Поэтому, возможно, я так и поступил. И я был рад своему поступку, как ратному подвигу.

Обед готов, многие собрались вокруг кухни. Не слышно обычных реплик, галдежа. Никто не торопил выдавать обед. Стояли и ждали.

– Дайте попробовать приготовленную пищу, – обратился я к Харитонову. – Соли достаточно, крупа, сушеный картофель разварились. Жир и томат-пасту не положили. Добавьте заправку.

– Шихалев! Заправь суп, – крикнул Харитонов помощнику, а сам пошел к котлу с кашей.

Второе блюдо показалось мне очень вкусным. Этими несколькими ложками решил ограничить свой обед. Посмотрел за работой Шихалева. Он положил в кастрюлю томат-пасту, налил растительного масла, видно по норме, что получили для обеда, добавил туда немного жидкого супа из котла, размешал и все вылил опять в котел, где варился суп. Должен был все это прокипятить, но я за это в данный момент не сделал замечания.

– Разрешаю выдачу пищи, – официально сказал я и ушел в кошару автовзвода, где был мой медицинский уголок.

Вынес носилки из кошары, положил под кустарник и улегся. Мои мысли прервал голос красноармейца:

– Товарищ доктор, вас вызывает командир. Еле нашел вас.

– Где он?

– В своей машине.

– Сейчас иду.

Что меня ждет? Если начнет орать, то и я отвечу дерзостью, скажу все, что думаю о нем, скажу, что нечестно отрывать крохи от красноармейцев и командиров, что все живут одной жизнью, одинаково подвергаются опасности и узаконенные нормы питания должны быть одинаковы для всех. Возле кухни заканчивался обед, мыли котелки, расходились. Поднялся по лесенке, вошел в летучку командира и доложил, что прибыл по его вызову.

– Прошу, комиссар, тебя и Калмыкова, оставить нас.

Они вышли из машины. Командир долго смотрел на меня, затем спросил, как ни странно, очень спокойно:

– Знаешь ли ты свои обязанности, что ты, как фельдшер, по уставу должен делать?

– Что вы имеете конкретно в виду?

– Чем ты должен заниматься в роте?

– Перечислить пункты устава?

– Почему ты лезешь не в свое дело?

– Что было не моим делом?

И здесь его прорвало:

– Какое твое собачье дело, что готовят командиру кушать? Твое дело питание красноармейцев. Там и проявляй себя. Запрещаю впредь совать нос в ложку командира. Это неприлично и низко! Славу себе решил заработать, подрывая мой авторитет. Отправлю в один из наших батальонов. Там и завоевывай себе славу под пулями, а не на кухне.

– Я уже был там, как видите, вернулся. От пули и осколка и здесь никто не застрахован.

Потом я взорвался:

– Постыдный разговор затеяли, товарищ командир. Как можно в такое время делать такие вещи?!

– Учить меня вздумал, мальчишка? Молчать!

– Нет уж! Такое нельзя допускать, и я вмешался, вот. Что я не по уставу сделал?

– Смотрю на тебя и думаю: притворяешься ты дурачком или ты такой есть на самом деле? Ладно, иди. Пришли ко мне старшину Николаева.

Я повернулся и вышел. Опять пошел к автотранспортной кошаре и улегся на носилки, животом вниз, обдумывая, правильно ли я поступил. А как было бы правильно? У кого спросить? С кем посоветоваться? Из раздумья вывел меня Манько. Он держал в руках два котелка и протянул их мне. В одном был суп, в другом – каша и сверху два сухаря.

– Покушай, а потом будешь думать.

Есть не хотелось, но не мог пренебречь его заботой. Я сел на носилки. Достал из-за голенища ложку, накрошил и намочил сухари в супе и стал есть. То, что принес еду, говорило больше слов.

– Вот где они скрылись! Поплакаться решили? Чего приуныли? Хорошим обедом ты сейчас нас накормил, доктор. Суп с сухариками с жареной картошкой и кашу с жареным мясом. Я все знаю, мне рассказали, как ты воевал на кухне. Молодец! – Сел на траву, подогнув под себя ноги по-восточному, воентехник Саркисян.

– Интересно, – продолжал он, – после войны останутся подлецы? – и сам себе ответил: – Может быть, даже больше, чем честных. Подлецы лучше выживают, чем честные. Ген, скажи, как ты думаешь, после войны останутся подлецы? – обратился он к подошедшему Гену.

– Трудную проблему решаете, то-то призадумались.

– Призадумаешься, когда свои же клюют почем зря, – заговорил молчавший до этого Манько. – Больше всего меня возмущает Титов. Вин, что ни на есть – комиссар, а пасется возле командира и дует в одну дуду. Не подскажет ему, что к чему.

– Он себе враг?

– А дело, ради которого он есть?

– Против командира комиссар не пойдет – себе дороже. По работе к командиру не придерешься – старается, но хапуга.

– Дело комиссара его образумить. На то он и комиссар.

– Но так оставлять тоже нельзя.

– Что ж предлагаешь сделать?

– Командир – хозяин. Против него не попрешь.

– А я не хозяин, ты и все остальные рабы или бараны? – вскипел Саркисян. – Скажи ты, Манько! Скажи мне прямо. Должны они кормиться отдельно от нас? Скажи Гену и всем нам. Скажи!

– Я ж о том же и толкую. Саша вертит хвостом, а сам так же думает. Командир–хозяин. Ты партиец и Саркисян партиец. Командир и комиссар–партийцы. Вот вам и сказать ему.

– Пристыдить командира! – взорвался Ген. – Он не изменит своей натуре.

– Если бы еще был один, а то вокруг кормится такая орава: комиссар, Калмыков, старшина, кладовщик, повара и разные другие, – промолвил я.

– Думаю, с комиссаром говорить надо, – сказал Саркисян. – Доктор дал нам хороший урок и командиру также. Надо им воспользоваться. Я буду говорить с комиссаром. Нельзя упускать момент. Самих себя будет стыдно.

– Бог тебе в помощь.

– Без бога обойдемся. Чего ушли от ответа на мой вопрос? Отвечай, Саша.

– Ты о чем?

– Будут ли подлецы после войны?

– Не должны быть. Кто выживет, будет внимательным и предупредительным к другим, уважать будут друг друга, всем делиться. Ведь так мало останется людей, которые переживут это страшное время. Не должно быть подлецов.

– Нет. Будут и подлецы. Если хапают себе сейчас, то после войны, где бы они ни работали, будут так же хапать себе, заботиться о себе за счет других. Такая порода не умирает, а быстро плодится, если ее не иссечь с корнем.

– Вырубить с корнем не удастся. Всю жизнь так было. Возле чего пасешься – того и наберешься, – заговорил Манько пословицами, – кладовщик ли, повар ли, начальничек ли – себя не обидит. Что руками перебирает – к рукам и прилипает.

– Разводишь кулацкую философию, все должно измениться после войны.

– Это после войны. А сейчас чем поможем доктору? Что сказал тебе командир?

– Сказал, что вытурит из роты. Думаю, что будет добиваться этого.

– Да не такой уж он плохой человек. Сгоряча, может, и сказал. Строгий, требовательный. Без этого нельзя. Да, кстати, и тебя, доктор, он представил к правительственной награде после разъезда. Команда была из штаба бригады, и они с комиссаром и Калмыковым быстро сварганили списки, – сказал Ген.

– Кого они еще представили, Саша? – спросил Манько.

– На участвовавших в сражении в районе разъезда составлял список Воропаев. Он включил и доктора, Короля, Цветкова, Нагибу, Круглякова и еще несколько человек из ремонтников. А кого из роты включили, не знаю. Все это тайно делалось. Наградные листы писал Мезенцев, но он не говорит. Ему приказали не распространяться. Делалось это тайно.

– Бог с ними, живы – это и есть самый лучший орден. Пошли в мастерские.

– Да, засиделись мы, пошли.

Мы все пошли к личному составу в мастерские. Саша Ген подошел ко мне, придержал меня, пока все отошли, и сказал:

– Зря зарываешься. Ты командиру становишься помехой.

– В чем я зарываюсь?

– Как бы тебе сказать, не противоречь ему. Себе только вредишь.

Я промолчал. Как себя вести?

– Видишь ли, – продолжал Ген, – он все же представил тебя к награде, хотя мог и не внести в списки. А после этого случая он тебя выживет из роты, не простит он тебе. Я понимаю тебя, но стоит ли портить себе жизнь? Постарается он от тебя избавиться. А мы привыкли к тебе.

– Нет, Саша, извиняться я не смогу. Не смогу! Да ничего я такого плохого и не сделал. Это моя работа.

– Не будь наивным. Не противоречь ему. Хрен с ним.

Мы подошли к кошаре и разговор прекратили. Там уже привыкли к тому, что перед обедом или ужином, а часто и после и к концу работы, если предполагался конец, я делал перевязки. И на этот раз развернул свой «ПФ», и ко мне стали подходить воины для перевязок. Меня будто случайно нашел здесь старшина Николаев. Видно, он меня искал.

– Доктор, поговорить надо. Пройдемтесь немного.

Я закончил перевязку, закрыл комплект, и мы вышли из мастерской.

– Случилось что, старшина? – спросил я.

– У меня все нормально, вот у вас не все правильно. Извините, что смею указывать, но выслушайте.

– Поучать решили?

– Выслушайте меня, пожалуйста. Зачем на рожон лезете с командиром? Зачем себе жизнь усложняете? Командир – хозяин положения, и не вы ему, а он вам может испортить все.

– Что вы имеете в виду, старшина? – прикинулся я незнайкой.

– Зачем мясо и картофель выкинули в общий котел? Это я распорядился, чтобы ему готовили отдельно. Продукты для этого выдаю сверх нормы, не за счет солдат и командиров.

– У вас свои продукты есть? Запасы, излишки? Откуда?

– Это уже мое дело. От солдатской нормы отрывать не стану.

– Кроме командира, Харитонов готовил еще на восемь человек. Какое они имеют право на улучшенное питание? Стыдно перед остальными.

– Это уже Харитонов перегнул. Я буду выделять впредь дополнительно продукты только на командира, комиссара и Калмыкова. Они живут вместе и вместе кушают. Сам прослежу, чтоб других не кормили.

Я промолчал. Действительно, если командир не возражает, а может быть, и приказывает отдельно ему готовить, то правильно ли мне вмешиваться? Что я могу изменить, кроме как себе навредить. Но с другой стороны, где-то пятую часть мяса от общего котла отдавать командиру и его нахлебникам – это надо совесть иметь. А если будет давать дополнительные продукты сверх нормы, то пусть готовят. А как людям объяснить? Они-то все видят. Не станешь же объяснять, что готовят из дополнительных продуктов. А откуда будет брать старшина дополнительные продукты? Все равно воровать будет из красноармейского пайка.

– Смотрю, уж очень наивны вы, доктор, никакого житейского опыта у вас нет, – прервал мои мысли старшина, – война идет, стоит ли о таких пустяках задумываться. Да и спишет все война, доктор.

– Человек живет среди людей, старшина, и в любой обстановке все должно быть по-человечески. Тем более в войну, тут и так много по-звериному. Так я понимаю жизнь, хотя вы правы в том, что у меня действительно нет никакого житейского опыта.

– Жизнь научит, еще как научит! – заключил старшина. – Мне пора. – Отдал честь моей наивности, повернулся и ушел.

Четверг, 13 августа 1942 г. ГАЗЕТЫ И ХЛЕБ.

Последние два дня в расположении подразделений бригады было относительно спокойно. Все понимали, что затишье это временное, что основные бои впереди. Обе стороны готовились к еще более жестоким схваткам. Наши войска будут удерживать оборонительные рубежи любыми

средствами, стоять насмерть. Отступать нам заказано, но и противник от своих целей не отказался. И обе стороны готовились к решающему сражению.

В бригаде осталось в строю одиннадцать танков.

Перед обедом привезли газеты, впервые за последние две недели. Последний раз читали еще в пути на станции Поворино. Из центральных была «Красная Звезда», Юго-Восточного фронта — «Сталинградское Знамя» и «За Родину» — газета 64-й армии. Люди с жадностью стали читать их, искали ответы на многие мучившие вопросы: о положении дел на нашем фронте, на других фронтах, страны в целом, но в них приводились только эпизоды из жизни частей армии и фронта, о подвигах воинов. Были в газетах заметки о самоотверженной работе наших людей в тылу по сбору урожая и выпуске военной продукции для фронта. Писем еще никто не получал. Люди с нетерпением ждали весточку от родных. Многие не знали, где семья, родные, успели ли эвакуироваться с территории, занятой врагом.

Еще в первую неделю, как началась война, отца назначили комиссаром истребительного батальона из местных активистов. Он у нас партийный. Я был зачислен в Ленинградское военно-медицинское училище еще до войны и приехал в отпуск до начала занятий в Калинковичи, где мы жили. Там меня и застала война. В первые дни войны проходили эшелоны с эвакуированными, и мы с отцом с большим трудом посадили туда мать с четырьмя детьми. И я в тот же день уехал в Ленинград. Отец остался с истребительным батальоном в Калинковичах. Так и распалась наша семья. Договорились писать все тетушке Фаине в Ленинград, а она уже сообщит нам, кто где. Другого не придумали.

После обеда политрук роты — старший лейтенант Титов собрал весь личный состав на лужайке возле кухни и прочитал всем напечатанную в «Красной Звезде» статью Ильи Эренбурга. Читал комиссар о чинимых немцами зверствах над нашим народом. Его действия взывали к мести. Никакой ему пощады! Статья убеждала, что враг будет разбит, но и от каждого требовалось исключительное напряжение

и самоотверженность. Призыв: «Убей немца!» воспринялся как призыв к защите своих родных и близких, своей Родины.

Пятница, 14 августа 1942 г. ДОКТОР МАЙЯ.

Прошлую ночь отдыхал у калмыков в домике, где мне определили место для медицинского пункта. Хозяйка встретила меня довольно приветливо. Угощала молочными продуктами, но я отказался – боялся, что утроба не выдержит непривычную пищу. Попил чай с лепешками. Постелила мне на кушетке в комнате, отведенной для приема больных. Чистые простыни, подушка, одеяло. Я разделся до белья и провалился куда-то в бездну...

Утром проснулся поздновато. Когда пришел в расположение роты – завтрак уже раздавали. Выдачу разрешил старшина роты Николаев. Часть людей уже получила завтрак. Вокруг кухни стоял шум, слышалась ругань, люди отплевывались. Оказалось, что пшенная каша была с песком, с большим количеством песка. Я попробовал кашу и выплюнул. Сплюнул несколько раз, а хруст песка еще оставался на зубах. Пришлось сполоснуть рот водой. Такую кашу, конечно, нельзя было есть, и я запретил выдавать ее личному составу. Как сейчас быть? Людей надо кормить. Жалко было тушенку, которой заправили кашу, зря ее перевели, но черт с ней. Люди ждали завтрака. Как быть? Спросил у Шихалева:

– Как попал песок в кашу?

Он пожимал плечами, моргал глазами и ничего не говорил.

– Почему песок в каше? Где воду брал?

Ответа не последовало.

Я доложил о случившемся командиру. Он во всем обвинил меня. Мол, я должен присутствовать при заборе воды и закладке в котел продуктов.

– Мой приказ контролировать и отвечать за питание людей ты не выполнил. Под суд отдать?– повысил голос командир.

– Не я готовил кашу. Не моя обязанность сутками сидеть на кухне. Поваров нужно менять, раз они такие безответственные и бессовестные.

– Тебя гнать надо. А пока прикажу взыскать с тебя стоимость завтрака. Пришли мне старшину роты и повара, который готовил. Иди!

Я вышел.

Командир роты распорядился выдать завтрак сухим пайком: рыбные консервы, сухари. Позже я узнал, что у проверенного колодца была очередь, и Шихалев не стал ждать, поехал к другому колодцу, мелкому, и залил в котлы воду с песком. Ночью не заметил.

Узнал, что из роты должна идти машина в штаб бригады. Я решился в последнюю минуту обратиться к командиру за разрешением на поездку в медсанвзвод за перевязочным материалом, и он разрешил без слов, просто махнул рукой. Только успел вскочить в кузов, и машина нас умчала в степь.

Через несколько часов прибыли в совхоз им. Юркина. Меня подбросили до медсанвзвода и обещали заехать перед убытием. Пошел искать начальника аптеки Шепшелева, а встретил доктора Ложкину. Поздоровался, пытался пошутить, но она, всегда внимательная ко мне, на этот раз отнеслась совершенно безразлично, будто совсем к незнакомому человеку. Была чем-то озабочена, или беда стряслась какая. Для меня это стало неожиданностью.

– Где мне Шепшелева найти?

– Сторож я ему, что ли, – раздраженно ответила она.

Неприятно резануло ее отношение, и я пошел разыскивать начальника аптеки. Нашел.

– Привет, коллега! – Поздоровался за руку. – Приехал получить перевязочный материал, кое-что из медикаментов, спирт. Как это быстро организовать?

– Пиши заявку.

Я сел писать заявку и поделился с ним:

– Что-то резковата сегодня доктор Ложкина. Случилось что у нее?

– Она замуж вышла. Взвешивает, хорошо это или плохо.

– Как замуж вышла?

– По-фронтовому. За Садовского. Командир бригады не чета нашему брату. Сейчас она смотреть в нашу сторону не будет. Чего уставился? У тебя какие-то расчеты были? Опоздал. Да и с Майей у тебя пустой номер. Ей предстоит лететь выше.

– Постой. Что мелешь-то? Расчеты и прочее. А Майя при чем? Давай по порядку. Какое там замужество, когда кругом такое творится?

– Да, без свадьбы. В гости тебя не позовут. Можешь не рассчитывать. Я же сказал, по-фронтовому. Переспала и женой стала, или, как сейчас говорят, походно-полевая жена – «пэпэже» (ППЖ).

– В такой обстановке и замужество, – проговорил я, – выдумываешь все. Чем-то насолила тебе?

– Ничего не выдумываю. Позавчера позвал ее Садовский к себе в машину. Позвонил Гасану, что заболел, и просил ее, только ее прислать. Просидела там вечер. Вчера тоже позвонил, чтобы прислали ее, а пришла утром. Так что бобик сдох, – заключил он.

Мне стало грустно. Что-то потерялось. Не для меня, а для всех. Приобрел один, старший по положению, а потеряли все. Каждый при возможности заговаривал с ней, ронял шутку и был рад ответному доброжелательному слову, улыбке. В этой обстановке услышать доброе слово, а тем более увидеть улыбку, адресованную тебе, – это уже доставляло радость. А сейчас ее отобрали от всех.

– Да, что ты имел в виду, говоря, что с Майей у меня пустой номер? Разве похоже, что я чего-то добиваюсь?

– От меня нечего скрывать. Все заметно. Не прикидывайся простачком. К Ложкиной у тебя дел не было, а к Майе ты неравнодушен. Это я успел заметить, и всем видно. А сейчас на что рассчитываешь? Лакомый кусочек, но тебе не достать его.

– Не нравится мне твой тон, циник ты. Можешь сказать, что с Майей случилось? Да, ее судьба мне не безраз-

лична. Она меня интересует. Я ей только добра желаю и ни на что не рассчитываю. Она врач и старше меня. Я ей ни к чему. Но ее неприятности огорчили бы и меня. Что же с ней случилось?

– Пока ничего. К ней подбирается Максимов. Цепко берет дело в руки. Вчера вызывал ее к себе, но она быстро вернулась, плакала. Что-то говорила Гасану, и он утешал ее. Последние дни Максимов захаживал к нам несколько раз. И решил бить наверняка, но пока, видно, ничего у него не вышло.

– Как же так? Очень уж старый он. Как ему не стыдно?

– О каком стыде ты говоришь? Сколько там жизни осталось? Хоть испытать какую-нибудь радость. Им можно, у них власть, отдельные машины – условия позволяют. Это нам с тобой ничего не достанется. А они не добром, то силой возьмут. Против воли Максимова Майя не устоит. Слопает ее. Куда ей деваться?

– Довольно! Скоро за мной приедут. Выдай мне это.

– Иди и подпиши у Гасана.

Во время получения встретил доктора Майю. Поздоровались. Она проходила мимо и ушла куда-то. Сложил полученное медицинское имущество у крыльца домика и присел в ожидании машины. В медсанвзводе было сравнительно спокойно. Приходили на перевязки красноармейцы и командиры, с травмами и с легкими ранениями, которых можно было оставить в части, приходили на амбулаторный прием больные.

– Чего задумались, приуныли?

Передо мной стояла Майя. Я вскочил, стал перед ней.

– Что вам грустить? Жив, здоров. И слава богу. Что у вас хорошего?

– Мне плохо, потому что вам плохо.

– Что вы знаете?

Я смотрел на нее. Короткий волос из-под пилотки даже шел к ней. Чистенький белый глухой халат с завязками сзади, юбка хлопчатобумажная. Хромовые сапоги на высоком каблуке, голые ноги. Гимнастерки не было – под

халатом обозначался лифчик. Грустные черные глаза открыто смотрели на меня.

– Чего так рассматриваете меня? Что-нибудь опять не так? Впрочем, все мужики глазами доедают меня, когда встретишься взглядом, – задумалась, – если бы только глазами... Идемте пройдемся. Вы не спешите? Машину ждете? Чего вы молчите? Одна я и говорю. Скажите что-нибудь. Ну!

Она пошла по дорожке к саду, у первых деревьев которого виднелся столик с двумя скамейками.

– Так и будем молчать?

Она хотела выговориться, как я почувствовал.

– Как и все, как видите, поедаю вас глазами. И не могу отвести взгляд. Смотреть приятно. Мне очень хотелось вас увидеть и ради этого придумал получение медикаментов. Я даже не знал, что хочу. Захотелось увидеть вас – мою старшую сестру. Пожалуй, это настоящая правда. И если у сестры все хорошо, то и я рад, мне хорошо, а если у нее горе, то и мне плохо. Вижу, что вам сейчас очень плохо.

– Мне очень плохо, вы верно угадали. Но мне никто не поможет, – она присела на скамейку и указала мне напротив, – присядьте. То, что я пережила за последнюю неделю, считала самым страшным за всю свою жизнь, но оказывается, что есть нечто и похуже. Извините, что разнюнилась, зачем вам мои заботы?

– Я слушаю.

– Нет, нет, нет. Хватит. Я и так слишком много сказала, – она встала, поднялся и я. – Нам пора. Меня ждут больные, и за вами должны подъехать. Извините еще раз. Неудобно, что мы уединились. Еще один повод для разговоров. Пошли.

– Садитесь, Майя, и выслушайте меня. Садитесь. Больше такого шанса не будет. Вас добивается Максимов и добьется. У вас другого выхода не будет...

– Откуда знаете!? Шепшелев наговорил? Сплетник! Хотя он сказал правду, – и расплакалась по-детски: руки на столе с сжатыми кулачками, голова на руках и содрогается в рыданиях всем телом. Пилотка упала с головы, короткие волосы, тонкая, почему-то длинная худая шея, лопат-

ки и сдавленные рыдания. Какой сникшей, беспомощной была она в эти минуты. Видно, накопившиеся переживания, тревога, все пережитое и неотвратимость ожидаемого нашли выход в этих рыданиях. Я дотронулся рукой ее плеча, погладил, потрепал нежно волосы и произнес:

– Поплачьте, поплачьте – легче станет. Надо выплакаться.

Рыдания стали более звучные, со стенаниями, тело еще больше стало содрогаться. Наконец стала успокаиваться, полезла в карман халата, вытащила кусок марли, стала вытирать слезы, сморкаться, всхлипывая проговорила:

– Извините, надо же так раскиснуть, извините, как я расклеилась... ну и размазня. Тысячу раз простите.

– Вы меня не дослушали. Выслушайте! Максимов уже старый человек. У него есть семья, дети, возможно и внуки.

– Не оскорбляйте меня, – и опять расплакалась, – вы хоть не оскорбляйте!

– Прошу выслушать меня. Ваша связь с ним будет бесстыдством и позором, и я предлагаю выход, если не хотите стать его «пэпэже». Уверен, что пока не стали.

Она уставилась на меня:

– Застрелюсь, убью себя, но не стану потаскухой.

– Зачем себя убивать? Слушайте. Объявим себя мужем и женой. И тогда он не будет добиваться вас. Можем оформить наш брак – фиктивный брак, и я обещаю, что не буду претендовать на вас как на жену. Может быть, нам придется бывать чаще вместе на виду у всех, уединяться для людей, но, повторяю, я ни на какой интимной близости не буду настаивать. Если останемся живы, разведемся, и каждый найдет себе кого захочет. Кстати, я обручен, вернее, дал слово девушке, что если останусь жив, то после войны женюсь на ней, и она обещала меня ждать. Так что вы меня не опасайтесь. Я сказал все.

Она смотрела на меня заплаканными глазами, сидя на скамейке. Я стоял напротив и также смотрел на нее. Ждал решения, но она молчала и все смотрела на меня немигающими глазами. Из оцепенения нас вывел зов старшины Николаева:

– Доктор, ехать пора, все ждут, поехали! Целуйтесь и поехали. Ну и тихоня...

Он шел к нам, остановился, увидев заплаканное лицо доктора Майи.

– Извините, не хотел мешать, не знал, – стушевался он и попятился назад.

– Ну как?– спросил я Майю.

– Спасибо. Я подумаю, это так неожиданно. Спасибо, дорогой мой брат. Я подумаю, подумаю. Уже не так страшно мне. Спасибо.

Она подошла ко мне, положила руки свои на плечи мои, поднялась на носки, притянула меня и поцеловала в щеку:

– Езжайте к себе. Спасибо, спасибо. Я все обдумаю.

Смутила меня и лишила голоса своим прикосновением и поцелуем эта маленькая, хрупкая и ставшая мне еще дороже женщина. Я стоял в оцепенении. Ничего вымолвить не смог – слова не приходили. Повернулся и пошел по дорожке из сада, обогнал старшину. Он продолжал стоять как вкопанный, поворачивая голову то к Майе, то в мою сторону, разводя руками, втянув голову в плечи.

– Что тут происходит?

– Поехали, поехали, старшина! – торопил уже я его.

Взял узелок с медикаментами, марлевый мешок с перевязочным материалом дал старшине и пошел к машине.

– Тут что-то очень важное произошло, очень важное, а что, я не усек. Раскройте мои глаза на событие местного значения, доктор, – шел следом за мной и причитал старшина.

– Старшина, вы ничего не видели и ничего не слышали. Значит, никаких вопросов и разговоров, – прервал я его.

Залезли в кузов машины и отправились в свое расположение.

Суббота, 15 августа 1942 г. ТРОФЕЙНЫЙ «ШНАПС».

Этот день для многих неожиданно оказался счастливым, несмотря на такую напряженную обстановку. Наконец привезли целую кипу газет и письма. Обрадовали, конечно, письма. Многие получили по несколько, а были

и такие, что ни одного. Я получил два. Одно от тетушки Фаины из Ленинграда с указанием адреса моей семьи. А второе от старшей сестры с Урала, г. Миасс, куда они эвакуировались всей семьей. Живут в общежитии. Прикрепили их к медеплавильному заводу. Мать со старшей сестрой и братом работают разнорабочими в каком-то цеху. Вторая сестра учится в профтехшколе. Ее кормят три раза в день. Младшая сестренка 2 лет в садике при заводе. Тоже ее там кормят. Мать с остальными живут впроголодь, как я понял, но надеются протянуть до лучших времен. Трудно им, очень трудно, но хоть живы и не остались в оккупации. Манько, Ген, Наумов и многие другие писем не получили.

Из района боевых действий бригады приехал Саркисян, за ужином рассказал обстановку.

– Большая каша заварилась там. Много у немца танков и автоматчики на мотоциклах, на машинах. Самолетами путь прокладывает и прет на Сталинград. Пытался железной дорогой идти, но наши там крепко стоят. Совхоз, Абганерово и разъезд держат. И танки его горят, и немцев набито много, и наших много полегло, но он все лезет и лезет. Говорили, что колонной ушел к Волге, к озерам. Там наших войск мало, и он быстро пошел на Красноармейск.

– Что от бригады осталось? Танки хоть есть еще?

– Во 2-м танковом батальоне осталось всего четыре танка на ходу. Один мы сделали. Траки заменили. Там вот и по руке себе саданул. Да это мелочь. Бензовоз наш взорвался, и водитель погиб. «Мессер» его расстрелял. У Воропаева у разъезда два ремонтника погибли. Фамилии не знаю. Подполковник Иванов сказал мне.

Четверг, 20 августа 1942 г.
УДЕРЖИВАЕМ ПОЗИЦИИ.

Положение наших войск на южных подступах к Сталинграду очень серьезное. Идут тяжелые бои. Враг непрерывно атакует позиции, занимаемые подразделениями

нашей бригады. Прибывающие рассказывают, что остатки подразделений находятся еще в районе совхоза им. Юркина и разъезда 74-й километр, где в боевых порядках значительно ослабленных 204-й и 138-й стрелковых дивизий удерживают оборону. Приказа об отходе нет. До последнего танка, до последнего воина будут удерживать занимаемые рубежи. Подходят все новые части и соединения наших войск, с ходу вступают в бой.

В полдень прибыли в Зеты две наши транспортные машины, возившие боеприпасы в батальоны и загруженные на обратный рейс ранеными, и одна санитарная машина из медсанвзвода с ранеными. Сопровождал их санинструктор Иванов.

Двое раненых скончались от потери крови в дороге. Их сгрузили и положили пока у ремонтной кошары до выяснения, где их хоронить. Остальных бинтовал вместе с Ивановым, поправлял шины, некоторым заново наложил. Большинство раненых были тяжелые: обожженные, с переломами костей, повязки пропитаны кровью. Лежали на соломе в кузовах машин, в санитарной машине, на носилках. Всех наших потряс вид и страдания этих искалеченных людей. Рекомендовал везти раненых на Тундутово, а если там не удастся сдать их, то на Красноармейск по уже знакомому мне маршруту. Туда они и выехали.

Пятница, 21 августа 1942 г.
ПОПОЛНЕНИЕ В ХОДЕ БОЯ.

В Зеты прибыла инженерно-саперная рота для оборудования командного пункта. Подходили единичные транспортные машины и летучки. Остатки бригады вели ожесточенные бои с противником, все меньше техники и людей оставалось в строю. Враг непрерывно атаковал. Мы пока удерживали оборонительные рубежи. Совхоз и разъезд оставались пока еще в наших руках, что сдерживало продвижение противника на Сталинград. Удерживали и станцию Тингута, несмотря на неоднократные атаки противника. Мимо нас все проходили свежие части на юг и

довольно часто провозили раненых на север. Канонада не утихала и отчетливо была слышна в Зетах. Шли горячие споры о дальнейшей судьбе бригады. Одни говорили, что надо бы вывести на переформирование, пока не перебит весь командирский состав и обслуживающие подразделения. Получила бы танки с экипажами, другую технику и, имея опыт, была бы полезной для ратного дела. Большинство поддерживало такое направление разговора. Другие, в частности Дьяков, Завгородний, считали, что пока останется хоть один танк или пушка, бригаду с передовой не снимут, во исполнение приказа Верховного главнокомандующего № 227.

Суббота, 22 августа 1942 г. ВРАГ НАСТУПАЕТ.

Продолжались тяжелые кровопролитные бои на южных подступах к Сталинграду. Враг упорно рвался вперед. Остатки нашей бригады удерживали совхоз им. Юркина, разъезд и ст. Тингута, которые подвергались атакам врага пять-шесть раз в сутки. Враг овладел поселком Абганерово.

Перед завтраком дежурный построил роту. Пища была готова, но людей не кормили. Стояли долго. Наконец к строю подошли командир и политрук.

— Слушайте очередную молнию, — Титов раскрыл папку и стал читать: — Товарищи! С 17 августа наши танковые и мотострелковый пулеметный батальоны ведут тяжелые кровопролитные бои с врагом, задерживая его продвижение на Сталинград. Наши танкисты огнем пушек и пулеметов помогали стрелковым подразделениям удерживать оборону. Особо отличился у разъезда 74-й километр военный техник 1-го ранга Пак. Своим танком он уничтожил две самоходные установки врага, ворвался в расположение боевых порядков противника, гусеницами раздавил несколько минометов, пушку и живую силу противника. Отличился и командир танковой роты Мартыненко, совершив рейд в стан фашистов, уничтожил батарею минометов и немало немцев. Остальные вели огонь с места по

автоматчикам, артиллерийским и минометным батареям. Вместе с тем сообщаю об очень прискорбном факте. Командир танка Кобцев вывел из строя свою машину, всячески саботируя выход на поле боя, что было выяснено после тщательной проверки. Постановлением военного трибунала он был расстрелян перед строем батальона как изменник Родины.

Комиссар закрыл папку и оглянулся на командира. Заговорил командир:

– Товарищи красноармейцы и командиры! Воины нашей бригады стоят насмерть на занимаемых рубежах, совершают подвиги, многие, очень многие сложили головы, но честно выполнили свой воинский долг, приказ Верховного Главнокомандующего товарища Сталина: «Ни шагу назад!» Но находятся и малодушные изменники Родины. Кобцева настигла суровая кара, так будет с каждым изменником. Нам предстоят тяжелые испытания. Не исключено, что роте придется занять оборону района Зеты, если враг прорвется, и встретить его с оружием в руках. Надеюсь, что среди нас малодушных не окажется и мы свой воинский долг честно выполним. Приказано участвовать в сооружении оборонительного рубежа перед Зетами. Участок отвели и нам. Будут выделяться для этого люди, начнем сегодня же после завтрака. Приступить к завтраку! Разойдись!

Во время еды разгорелась оживленная беседа. Почти каждый высказывал мнение – часто горячо, иногда обходились репликой. Равнодушных не было. Шел разговор о Кобцеве.

– Струсил парень. Не враг он советской власти, Родине. Однако сурово с ним обошлись.

– Ребята, на войне иначе нельзя. Он не захочет идти в бой, другой не захочет. Что же получится? Кому воевать? Такое нужно сурово наказывать. На то и трибунал существует в военное время.

– Тут так. Пойдешь в атаку – враг убьет, не пойдешь – свои убьют. Эх да ох! – вздохнул кто-то тяжело.

Воскресенье, 23 августа 1943 г.
НАЧАЛО ВАРВАРСКОЙ БОМБАРДИРОВКИ СТАЛИНГРАДА.

Ранним утром, еще до завтрака, в который уже раз облетела наше расположение «рама». И вскоре после ухода этого предвестника беды услышали рев входивших в пике вражеских бомбардировщиков. Посыпались бомбы. Многих опрокинула взрывная волна, обсыпало комьями земли, щебенкой, вырвало с корнем дерево, сорвало часть крыши в одной из кошар. Затем дошел затихающий прерывистый гул и увидели уходившие вражеские бомбардировщики. Я находился возле мастерских. Тряхануло взрывной волной и меня. Запоздало прильнул к земле, как и другие товарищи. Как-то стало очень тихо вокруг. Вражеские самолеты не возвращались, но мы оторваться от земли не могли.

Опомнился первым кто-то из наряда. Раздалась недоуменная, запоздалая команда:

– Всем в траншеи! Работу прекратить, всем в траншеи!

Вдруг услышали крики:

– Доктора сюда, доктора!

Сквозь шум в голове стало доходить, что зовут меня, что появилась работа. С трудом приподнялся, стряхнул комья земли – в тебе нуждаются, надо действовать!

Я побежал к автомашине, где находилось мое санитарное имущество. Навстречу мчался повар Харитонов.

– Товарищ военфельдшер! Там побиты люди. В домик как ахнуло, в мазанку, где бочки с соляркой. Меня шугануло от кухни – кувырком летел! А мазанку завалило. Может, и там кто есть, а хлопцев так и скосило. Наповал, – причитал он, следуя за мной.

– Успокойтесь. Бегите за мной.

Пострадавших сносили в одно место. За полуразвалившейся мазанкой уже лежало два человека и один сидел, спиной упираясь в дерево. Правой рукой прикрыл он окровавленное левое плечо.

Он кричал:

– Доктор, перевяжи, кровь вся вытекет, смотри! – И показывал окровавленную руку.

– Там еще один лежит, изорванный весь, – указывали мне в сторону кошары.

– Берите носилки и несите сюда, – распорядился я и пошел к лежавшим на траве. Сильно завыл сидящий у дерева раненный в плечо, увидев, что я пошел к другим:

– Меня чего обошел? Погибну же, доктор. Перевяжи мне руку. Прошу тебя, доктор, миленький!

– Спокойно подождите, все сделаю, – и пошел к лежачим раненым. Они не кричали. Один тихо стонал, другой молчал, но дыхание было со свистом, покашливал, изо рта шла кровянистая пена. Присел к нему, разрезал садовым ножом гимнастерку вместе с нательной рубашкой. Справа под мышкой зияла глубокая рана, в которую засасывался при каждом вдохе наружный воздух с хлюпающим звуком. У раненого проникающее осколочное ранение грудной клетки. Тело залито кровью и загрязнено землей.

Обтер куском развернутого бинта грязь вокруг раны, смазал ее края и поверхность вокруг йодной настойкой. Разорвал перевязочный пакет, смазал вазелином прорезиненную обертку и закрыл ею рану, поверх наложил подушечки пакета, вату и укрепил все это бинтами. Пошел ко второму. Опять закричал и заплакал сидящий, просил его перевязать. Но раненный в грудную клетку нуждался в более срочной помощи, чем другие, по жизненным показаниям. Чтобы прекратились эти крики, я пошел к сидячему раненому, разрезал ножом ему рукав, отвернул лоскуты и увидел сквозное осколочное ранение мягких тканей плеча, по-видимому, без повреждения кости. Сочилась из раны кровь. Наложил ему выше раны жгут, он несколько успокоился. Вернулся к лежачему, который тихо стонал. Быстро окинул его взглядом. Гимнастерка и брюки на левой ноге во многих местах пропитались кровью – множественные ранения грудной клетки и левой голени. Пока возился с ними, принесли четвертого раненого на носилках от кошар, где также разорвалась бомба. Он был ранен оскол-

ками в бедро, ягодицу и низ живота – по-видимому, проникающие ранения в малый таз. Смазал ранки настойкой йода, наложил повязки.

Уже стояла бортовая машина для эвакуации раненых. Распорядился об этом командир. Куда их везти? Где наш медсанвзвод, я не знал, да и везти их к передовой было бессмысленно. Решил, что лучше в Тундутово или в Красноармейск, где днями оставил Цветкова, Солода, а еще раньше Круглякова. Погрузили в кузов машины, поехали. Дорога была окутана клубами пыли. Вдруг заметили, что впереди идущие машины спешно сворачивали в сторону от дороги, над нами промелькнул низко летящий самолет, и машину прошила очередь. Водитель притормозил, вывалился из кабины. Я выбросился в противоположную сторону, немного отполз от дороги и прижался к земле. Понял, что нас обстреляли из вражеского самолета. Ждали очередного налета, но вокруг было тихо. Поднимались воины рядом с других машин. Через стоявшую пыль в небе ничего но было видно. Забрался в кузов к раненым. Увидел безжизненное откинувшееся тело красноармейца, раненного в плечо – наиболее легко раненного. Он был мертв. Гимнастерка была продырявлена в области грудной клетки и живота и пропитывалась участками кровью.

Добрались до станции Тундутово. Завернули к знакомому медсанбату. Там царила паника. Шла срочная погрузка машин. Получили приказ на эвакуацию в Красноармейск. Говорили, что немцы прорвали оборону и идут на Тундутово. Посадили в машину еще четырех легкораненых, дали на них карточки передового района и велели везти всех в Красноармейск, куда я и направился. Мертвого красноармейца с документами оставил у них. Очень отяжелели раненные в грудную клетку и живот. Особенно последний, все просил пить, но ему нельзя было. Легкораненые не могли смотреть на эти муки и упрашивали дать ему попить. Я разрешил им смачивать слизистые губ мокрым квачем из марли. Раненному в грудь давали небольшими

глотками воду. Через очень долгое время, как нам казалось, добрались до Красноармейска.

Подъехали к госпиталю, где оставил несколько дней назад своих сослуживцев. В приемном отделении встретил все ту же Васильевну – очень энергичную, распорядительную.

– Приехал, как и обещал, Васильевна! Примите раненых взамен моих, которых хочу забрать. Как мои?

– Как огурчики. Здесь они. А командира отправили за Волгу. Очень тяжел он был. Почки отказали. Антифризом отравились.

– И мы так предполагали. Где остальные?

– Найдем. Пошли искать дежурного врача, – и повела она меня за собой, – ждем транспорт. К вечеру и за ночь должны всех эвакуировать на Бекетовку или за Волгу. Еще сами не знаем. Говорят, враг прорвал нашу оборону и тьма его идет на Сталинград. Что там слышно на передовой? И где она?

– Пока прет проклятый. Сами не знаем, что дальше будет.

В поисках дежурного врача мы обошли часть помещений. Располагался госпиталь в одном переулке в домах, пристройках, палатках. Раненые и больные лежали на полу на соломе, на нарах, на топчанах. Возле них возились медицинские работники, санитары из выздоравливающих. Спешно готовились к эвакуации.

Нашел Сашу Цветкова. Он был в обмундировании, помогал в обслуживании раненых отделения, где лежал. Несказанно обрадовался мне, сказал, что уже собирался попутными машинами добираться в Зеты. Повел нас к Круглякову. Тот лежал на нарах. Вскочил, увидев нас, очень обрадовался, просил забрать его в часть. Был в белье, халате и тапках.

Нашли дежурного врача. Он категорически отказался брать раненых, сказал, что сами с часу на час должны эвакуироваться, ждут транспорт, что некогда возиться с тяжелыми, что это госпиталь для легкораненых. Велел везти в

другой, в Бекетовку. Объяснял ему, что наши отступают, что спешу застать свою часть, что заберу двух моих человек, но он был неумолим.

Тогда свела меня Васильевна с одним медицинским начальником, и он распорядился принять раненых и выписать в часть кого просил. С Цветковым было просто, но с Кругляковым дело осложнилось. Документы выдали, но одежда его была закрыта. Кладовщик куда-то ушел за имуществом или транспортом. И опять выручила Васильевна. Принесла какое-то обмундирование, правда маловатого размера. Сапоги не достала, разрешила взять шлепанцы.

Васильевна отвела нас на кухню, и мы еще подкрепились на дорогу. Золотые встречаются люди в жизни!

Ехать в Зеты решили севернее Тундутово, на Ивановку, Нариман, чтобы не попасть к немцам. Обстановку мы не знали, а в Тундутово знали, готовились к эвакуации.

Когда выехали на один из очередных холмов, увидели, что впереди идущие машины останавливались и люди, собравшись в кучу, что-то горячо обсуждали и показывали руками в юго-западном направлении. И мы увидели над горизонтом черную стаю самолетов, идущих в нашу сторону. По характерному прерывистому гулу поняли, что это немецкие двухмоторные бомбардировщики «юнкерсы» и «хейнкели». Вдруг, будто по команде, люди разбежались по своим машинам и стали рассредоточиваться по разным сторонам от дороги. Вражеские самолеты армадой прошли над нами в сторону Сталинграда. Вокруг бомбардировщиков со всех сторон шныряли, как осы, «мессершмитты». Каждый из нас машинально считал, задрав головы, вражеские машины, но сбивались со счета. Прошло их десятков пять-шесть. Четко видны были свастики на крыльях. Через минуту увидели, как один за другим стали разворачиваться самолеты на левое крыло, заходить в пике и в момент выхода от самолетов отделялись черные сигары по несколько штук, которые сначала боком, а затем острием своим шли к земле. Входили в пике и выходили из него строго

последовательно, один самолет за другим. Через короткое время увидели на краю горизонта огненные вспышки, затем услыхали звуки глухих взрывов. Самолеты, сбросив смертоносный груз, собрались и в сопровождении истребителей ушли в западном направлении. Не было заметно, чтобы что-то расстроило их ряды. За горизонтом вырастали вверх и вширь клубы черного и белого дыма. Мы все стояли, потрясенные увиденным.

Долго не могли выйти из оцепенения.

– Это же Сталинград бомбили, – тихо произнес старшина Кругляков, – такая армада прошла, и никто их не тронул.

– Сила-то какая, – сокрушался водитель. – Даже на пукалки не обращали внимания. Наши даже не сумели рассеять их.

– Горит Сталинград. Где же наши силы, где самолеты?

– Едем к своим, – поторопил я.

И в это время вновь услышали знакомый зловещий прерывистый гул моторов и увидели новую черную стаю вражеских бомбардировщиков, идущих на Сталинград в сопровождении «мессершмиттов». Эта армада была не меньше предыдущей. И вновь шла на город. На этот раз не все вражеские самолеты ушли. Несколько дымовых шлейфов врезались в землю. Расстроен был их строй. Еще больше и шире разрастались клубы дыма и охватывали все большую площадь. Город горел.

Было 17 часов пополудни. Началась бомбежка Сталинграда более получаса назад, где-то в 16.20–16.30, 23 августа 1942 года. Это – время и дата начала варварского разрушения Сталинграда. И до этого были налеты на город, единичные взрывы бомб в разных его районах, разрушались и загорались отдельные дома, горели нефтехранилища у правого берега Волги. Но стоял белокаменный многоэтажный в центре город с дымящими заводскими трубами вперемежку с зелеными участками и более обширными зелеными массивами и одноэтажными домами по периферии, живший трудовыми буднями.

В небе вспыхивали короткими хлопками разрывы зенитных снарядов. Во вражеский строй врывались наши истребители. Единичные неприятельские самолеты выбивались из стаи и назад не возвращались. Но большая часть их уходила, чтобы вновь вернуться. Каждые тридцать-сорок минут заходила новая армада немецких бомбардировщиков, сбрасывая бомбы на город. И вновь уходили на запад. Мы, ошеломленные, продолжали свой путь на юго-запад – в Зеты.

Сделали привал под Ивановкой. Каждый из нас молчал, переживал увиденное. Нас обуял страх. Да, страх перед будущим, за свою судьбу, страх за Родину. Пожалуй, личное не так уж выпячивалось. Не думалось ни о смерти, ни о жизни. О родных думы были, о стране в целом. Что же будет? Откуда у врага такие большие силы? Откуда столько самолетов? Лавина за лавиной. Уничтожает Сталинград, значит, рассчитывает и дойти до него. Ни одной бомбы по пути к городу не сбросил. Но и войска наши так не оставит. Будет их теснить, уничтожать. Пока «планомерно» отходим, но дальше отступать некуда. Предстоит невиданное сражение, свидетелями и участниками которого быть нам, мне. Хватит ли сил выстоять? Должны, может быть и наверняка, ценой жизни каждого из нас, оказавшегося на этом фронте. И мне, пока жив, выпало быть свидетелем большого исторического события. Увижу ли все это?

С такими мыслями мы добрались уже затемно в Зеты. Доложил командиру о раненых, что привез Цветкова и Круглякова, и о лавинах немецких самолетов, бомбящих со второй половины дня Сталинград. Они здесь также видели, как над ними пролетали большие группы вражеских бомбардировщиков на Сталинград.

В Зеты стягивались отступающие подразделения бригады. Пока подходили единичные машины с грузами и людьми. От прибывших стало известно, что к полудню немцы овладели совхозом, разъездом и к исходу дня заняли станцию Тингута. Остатки подразделений нашей бригады отходят с боями вместе с другими частями и соединениями

вдоль железной дороги. Наши подразделения должны собраться в Зетах. Отступают с боями под натиском врага все войска 64-й армии. Севернее нас немцы где-то близко уже подошли к Сталинграду. Восточнее враг обошел нас вдоль железной дороги и далеко ушел в направлении Красноармейска, приволжских озер, Волги. Мы в мешке. Нам грозит окружение.

После ужина была очередная молния. Выступал комиссар Титов. Он официально подтверждает то, что считали слухами. Он сообщил, что противник прорвал оборону 138-й стрелковой дивизии и ворвался в расположение разъезда 74-й километр. Его вновь выбили. Наши танкисты с места вели огонь по автоматчикам, артиллерийским и минометным батареям противника. Четыре атаки противника были отражены, но в полдень фашисты овладели разъездом, и наши войска отошли. 1-й танковый батальон потерял там три Т-34 и два Т-70. Осталось всего два Т-34. Это, пожалуй, все, что остались в бригаде. Противник занял также совхоз, и мы отошли. Только сейчас сообщили, что враг занял станцию Тингута, от которой до Сталинграда тридцать километров.

– Положение наших войск очень тяжелое. Возможно, нам разрешат отойти на новые рубежи обороны. От имени командира роты приказываю: погрузить все имущество на машины, все, что нужно и можно взять с собой. Приступить к погрузке немедленно и ждать возвращения командира, который убыл в штаб бригады. Командирам взводов и отделений с наступлением темноты занять круговую оборону расположения роты в соответствии с планом военного инженера Калмыкова.

В эту ночь никто не сомкнул глаз. Грузили машины, ждали возвращения командира.

Глава третья

ОТСТУПЛЕНИЕ

(24 августа – 9 сентября 1942 г.)

Понедельник, 24 августа 1942 г.
ВСТРЕЧА С «ВРАЖЕСКИМ ДЕСАНТОМ».

С утра подтвердили команду быть готовым к перемещению в новое место дислокации. Часть людей послали на строительство противотанковых заграждений. Другие продолжали догружать находящиеся на ходу машины имуществом. На второй рейс рассчитывать было нереально. Понимали, что вывезут то, что захватят одним рейсом. Весь день подходили одиночные машины с солдатами из подразделений бригады. Выходили воины, оставшиеся без боевой техники. Все отходили на север, северо-восток к Сталинграду. Мимо проходили свежие части в район боевых действий.

Узнал, что в Зеты прибыл медсанвзвод бригады с ранеными. Я поспешил к ним. Развернули перевязочную и операционную в одной палатке. К эвакуации были готовы две санитарные и одна бортовая машины. Раненые в основном тяжелые. Отправили их на северо-восток без определенного адреса – куда удастся сдать. Сопровождал их санинструктор Иванов.

Встретился с доктором Майей. Она, как всегда, была рада видеть меня живым. Она, как и врач Ложкина и медсестра Люда, была усталая, грязная. Жаль женщин, тяжелая ноша выпала на их плечи. Получил у военфельдшера Шепшелева перевязочный материал и пошел к себе. Меня догнала Майя.

– Я вас немного провожу, можно?

– Я тронут вашим вниманием.

– Как тихо здесь. Не верится, что пережили такие ужасы. И что нас ожидает? Уже сил нет. Хотелось бы сейчас помыться, немного привести себя в порядок. Сама себе противна. Мы все время в окружении мужчин. Даже помыться нельзя толком. Условий нет, и обстановка не позволяет. Во что превращаемся?

Я положил на землю упаковку с перевязочным материалом, повернулся к ней. Она изменилась за эти недели. Старше стала, огонек несколько угас в глазах, измучена, синева под глазами.

– Вы не болеете?

– Нет, – замотала она головой и уставилась на меня. – А что?

– Изменились, под глазами черные круги. Ничего не случилось?

– Как видите, жива, а что могло случиться?

– Максимов не беспокоил? – в упор спросил я.

– Вот о чем вы! Нет. Ему не до меня.

– Значит, вы уже за меня замуж не выйдете?

– Пока нет необходимости, – заулыбалась она.

– Значит, нужда в фиктивном браке отпала. Я от своих слов не отказываюсь. Соглашусь на крайний случай, если возникнет необходимость, и на законный брак, – вырвалось у меня, и тут же я поправился: – Что я говорю, не подумайте плохо.

– Я понимаю, шутите.

– Сам уже не знаю, шутка ли это или правда.

– О каком замужестве можно думать? Пока хотелось бы помыться и залечь спать.

– Да, я могу вам устроить помывку, пожалуй, для всех вас. Для вас, Ложкиной и для Люды.

– Вот было бы здорово, – оживилась она, – где, когда?

– У знакомой учительницы-калмычки, где мне выделили комнату для медпункта, но я там редко бывал. Котел есть, где сможем согреть воду. Во дворе у них колодец. Я договорюсь с ней и вам всем передам. На вечер, пожалуй, удобнее всего.

– Как здорово! Обрадую девочек. Спасибо. Вы – мой ангел!

– А кто же вы для меня?

– Сестра. И старший товарищ, – официально и казенно добавила она. В глазах опять засветились радостные огоньки, появилась теплая, лукавая улыбка, – спасибо, младший братик, что вы есть.

– Младший братик... – повторил я, – но я буду расти и стану старше, если не помешают.

– Дай вам бог расти до старости. Заболталась, извините, мне надо бежать. Спасибо, развлекли немного. До вечера!

Отнес перевязочный комплект в роту и сбегал к учительнице. Она согласилась согреть воду к вечеру и помочь помыться нашим женщинам-медикам. Я рад был, что смогу для них что-то приятное сделать.

2-й танковый батальон получил пополнение – пять танков Т-34 вместе с экипажами и был направлен занять оборону западнее станции Тингута в составе других частей. Остатки 1-го танкового батальона отошли от разъезда и с двумя танками прибыли в Зеты. День проходил очень тревожно. Ждали прорыва врага. Над нами несколько раз пролетали большие группы самолетов на Сталинград. Периодически отчетливо раздавались артиллерийская канонада и глухие взрывы авиабомб юго-восточнее нашего расположения.

Я побежал к моей хозяйке – калмычке. Она уже согрела воду, приготовила ведра, миски и показала место в пристройке, где обычно и они моются. Я пошел за женщинами в медсанвзвод, пока еще не стемнело. Меня там ждали. Быстро собрались, и я их повел к моей хозяйке. По дороге заметили, что многие из встречных воинов поглядывают на небо. Наше расположение облетала «рама» – плохой предвестник. Чаще всего жди после него бомбардировщиков.

В расположении роты машины вытягивались в колонну. Поступила команда выйти из поселка и рассредоточиться в лощине северо-восточное Зеты. Когда построилась

колонна, я сел в кабину бортовой машины. В это время поступило сообщение, что севернее поселка Зеты из двух вражеских транспортных самолетов высадилась группа автоматчиков-диверсантов. К этому нередко прибегал наступающий противник, чтобы вызвать панику у обороняющихся и помочь продвижению основных сил. Поступила новая команда: «Занять круговую оборону тут же, имеющимися силами и средствами». Для этого выделили группу людей и под командой лейтенанта Завгороднего заняли круговую оборону вокруг нашего расположения. Кроме того, для борьбы с десантом образовали подвижную группу. Из роты выделили машину с автоматчиками около десяти человек. Из 1-го танкового батальона два оставшиеся на ходу танка.

Вскоре эта объединившаяся группа прошла мимо нас на север. Затем последовал новый приказ: вывести машины за пределы поселка. И мы выехали по дороге, ведущей в Блинников. Вскоре колонна остановилась. Недалеко от нас раздавалась ружейная и автоматная стрельба. Похоже, что встретились с вражеским десантом. Свернули с дороги несколько левее, стали и заняли оборону вокруг наших машин. Все были до предела напряжены, ждали выстрелов из-за любого куста, пригорка. Надвинулись сумерки, стало темно. Как знать в такой сложной обстановке да еще в темноте, где наши, где может быть враг. Пока стояли, вернее лежали в обороне, ждали указаний. Вечера и ночи стали прохладными. Холодно было лежать на земле. Пришлось надеть шинели. Оборона наша внушительно не выглядела. Винтовки-трехлинейки у красноармейцев, карабины у шоферов, пистолеты у командиров. У некоторых было по несколько гранат. Старшим нашей колонны был Калмыков. Командир роты остался в Зетах. Вдруг услышали сильные глухие взрывы в нескольких километрах, в районе поселка Зеты, и гул пролетавших над нами самолетов. Враг бомбил Зеты. Кроме наших, там было много других воинских частей, гражданское население. Все думал о женщинах-медиках. Успели ли помыться и вернуться к себе в мед-

санвзвод и не попали ли под бомбежку. Трудно было себе признаться, но я думал о Майе, не нуждается ли в помощи? Немцы обычно ночью редко бомбили и не наступали. Видно, спешили в Сталинград. Воентехник Ген поднял меня с участка, где с пистолетом в руке занимал оборону, и сказал, что ему приказано захватить меня и одной машиной вернуться в Зеты, где есть раненые и убитые среди наших ремонтников. Поехали бортовой машиной, на которой было и мое имущество. Он сел в кабину, я залез в кузов. Прибыл вовремя. Среди оставшихся наших было четверо раненых, один убит. Перевязал раненых и отвез в медсанвзвод бригады. Куда они будут направлять их, что будут делать с ними и другими поступающими ранеными? Где лечебные учреждения армии, фронта?

Увидел доктора Майю. Сказала, что, когда закончили помывку – началась бомбежка. Возвращались к себе во время бомбежки. Не представляет, как все обошлось. Добавила:

– Так чудно помылись, и так печально могло все кончиться. С трудом добежали к себе. И что творилось и творится вокруг? Все тот же ад. Спасибо за доставленную радость. Так было здорово! И снова страшная карусель. И без конца. Бегу к раненым.

Вот как все обернулось. Лучше не представлять. Действительно, уж как будет...

Вернулся к себе в роту. Почти не задерживаясь, вся колонна пошла на север в непроглядную темень. Пыль, песок сплошной стеной висели над нами. Шли, не включая подфарники. Не видно было дороги, никаких ориентиров в степи, но шли вперед, вернее, отходили.

Проснулся от выстрелов. Задремал было в кабине. Шла беспорядочная винтовочная и автоматная стрельба в голове нашей колонны. Передавалась тревожная команда вдоль остановившихся машин: «Десантники! Вражеские автоматчики! Занять оборону! К бою!» Вокруг раздавалась стрельба, свистели пули. Я выхватил пистолет, залег возле машин и открыл пальбу в темноту. Противника не видел.

Все стреляли, стрелял и я. Перестрелка продолжалась минут пять. Затем с головы колонны по машинам передалась дублирующая команда:

– Не стрелять! Прекратить огонь! Отбой! Не стрелять!

Вскоре выстрелы прекратились. Как выяснилось, нам встретилась одна из отходящих наших частей. И почему-то они нас или мы их приняли за вражеский десант, и кто-то открыл стрельбу, и началась перепалка с обеих сторон. Наши услышали команды на русском языке с той стороны, а они с нашей, и разобрались таким образом. От этого недоразумения «противник» потерял двух человек ранеными, у нас, к счастью, пострадавших не оказалось. Под утро подошла наша группа, которая с двумя танками ушла с вечера на поиски вражеского десанта. Они его не нашли.

Вторник, 25 августа 1942 г. ХЛЕБ И СПИРТ.

Остаток ночи были в движении. После перестрелки с мнимым десантом дремать в пути не решались, ждали реального противника. Ведь он где-то впереди высадился, как передавали. Не исключался и обход противником наших частей. Все были настороже, напряжение достигло высокого накала, тем более что не знали обстановку, не знали, где мы находимся и куда идем.

Севернее Сталинграда танковые дивизии немцев прорвались к Волге еще 23 августа. Там шли ожесточенные бои. Не менее сложная обстановка и на участке Юго-Восточного фронта. Наша бригада фактически недееспособна. Ей предстоит переформирование. Должна получить новую технику, людей. В танковых батальонах остались считаные десятки людей. Особенно пострадал мотострелковый пулеметный батальон. Больше двух третей состава полегло у разъезда и совхоза.

Командир рассказал, что в нашем районе в тылу у наших войск действует вражеская группа диверсантов – автоматчики на мотоциклах в красноармейском обмундировании. Минувшей ночью они въехали в расположение артиллерийского дивизиона, занимавшего оборону. Мел-

кими группами рассредоточились у батарей, складов с боеприпасами и горючим и по сигналу ракеты забросали их гранатами. Из автоматов перебили наших и без потерь скрылись в степи. Об этом предупреждены все части 64-й армии. Организованы специальные группы по розыску и уничтожению диверсантов. Командир призвал повысить бдительность, носить постоянно оружие при себе. Усилили охрану нашего расположения. Роте приказано рассредоточить машины по оврагу и ждать дальнейших указаний.

После совещания старшина роты Николаев доложил командиру, что почти на исходе продукты, что на бригадном складе ничего нет – машины с продуктами сгорели. Пока бригада получит, он просил разрешения у командира поехать в Сталинград раздобыть чего-нибудь по чек-требованию. Командир разрешил ему взять машину, и он уехал.

После полудня вновь начался пролет больших групп вражеских бомбардировщиков через наше расположение в сторону Сталинграда. Враг продолжал планомерно и расчетливо разрушать город.

После ужина, когда уже начало смеркаться, вернулся Николаев. Он пошел докладывать командиру, а народ потянулся к машине узнать новости, что привезли. Роль информатора взял на себя шофер. Показал недоеденный кирпичик хлеба, которого не ели и не видели давным-давно. Сказал, хитро улыбаясь, что хлеба привезли четверть машины, под брезентом также и крупы и еще кое-что.

– Как Сталинград, что там слышно? – спросил шофера кто-то.

Он сразу помрачнел и серьезно ответил:

– Плохо, очень плохо. Весь горит. Все горит. Бомбы падают. Убитых и раненых много. Пропал Сталинград. Еле выбрались. Не знаю, как в живых остались.

– Старшина! Угостил бы хлебушком, – раздались голоса.

– Завтра к завтраку всем будет. Разойдись!

Стали разгружать бортовую машину в закрытую складскую будку. Сгрузили мешки, ящики, хлеб и три метал-

лические бочки. Николаев по секрету сказал мне, что он привез спирт.

– Возьмите, доктор, посуду и подходите. Я вам налью, пока не отдали в бригаду. Спирт классный.

– Мне любой годится для медицинских целей, – сказал я, – а не древесный ли? Не отравятся люди, если начнут его пить?

– Что вы! Чистейший. Взял на спиртзаводе. Сказали этиловый. Должно быть, нормальный.

– Каким же образом взяли столько?

– Это долгая история, доктор. Вкратце могу сказать, что мне повезло. По чек-требованию выписал консервы, крупу и хлеб на продовольственном распределительном пункте. Подъехал в это время в «эмке» какой-то чин, видно из интендантов, и сказал их начальнику, что горит спиртзавод и нужно там кое-что взять. Машины грузовой у них не оказалось, и они мне предложили поехать. Я согласился и последовал за их легковушкой. Пришлось переждать и бомбежку очередную. К счастью, минуло нас. Когда подъехали к заводу, действительно горел он во многих местах, как и многое другое горело вокруг. Чины подошли к проходной, показали документы, бумаги, и нам открыли ворота. Мы въехали во двор. Открыли склад, где стояли бочки со спиртом. И нам еще помогли загрузиться. Говорили при этом, что все равно пропадать, и загрузили, сколько просили. Мне оставили три бочки, – их я и привез. Так что возьмите, отлейте во что-нибудь себе.

– Спасибо, а как город, что со Сталинградом?

– Все пропадает там, и город пропадет, живого места не осталось. Разрушает гад дотла его. Что не разобьют, то сгорит. Воды нет. Канализация разрушена. Колодцев копать не станут. Да и погасить такое невозможно. Волга горит, представляете, вода горит. Хранилища с нефтью, бензином разбил, и все это на воде горит. Причалы разбиты и горят. Берег горит, где растеклось горючее. Люди гражданские бегут к Волге, чтобы переправиться на ту сторону, но все горит, нет плавсредств. Раненых много накопилось,

частей. Бомбит гад все это: и переправы, и паромы, и все, что плывет по Волге. Видели картину «Извержение вулкана Везувия»? Уже не думал, что живой выберусь, да и тут не слаще. Очень плохи дела наши, могу сказать, хуже уже нельзя.

– Идет много войск из Сибири, должны же, наконец, врага задержать, – заметил я.

– Что-то не видно, что идет к тому, если Сталинград не могут удержать. Немцы прорвались к Волге в северной части города, идут бои на территории тракторного завода. И мы отступаем. Куда? В Волгу? Да, доктор, мы с вами с нашими званиями вопросы войны не решим. Поживем – увидим, если доживем. Пока несите посуду. Я подожду.

Спирт мне нужен для медицинских надобностей. Обходился и теми крохами, которые получал. Многие выпрашивали для выпивки, но нечего было давать. Выдавали миллилитры для работы. Если предлагают, решил взять, пригодится, конечно. Сам спиртное я еще, можно сказать, не употребляю, не переносил его и не чувствовал радости, когда пробовал. Почему так тянутся люди к этому зелью, мне непонятно. Я пошел к машине, где было мое имущество. В комплекте стояла пустая квадратная банка на пол-литра и бутылка на двести граммов из-под спирта, тоже пустая. Да фляга на ремне вмещала граммов семьсот. С этой посудой и направился к машине продсклада. Николаев был там. Кладовщик Лукьянов уже наливал эту жидкость кое-кому по указке старшины и по своему усмотрению. Старшина распорядился налить и мне. Когда увидел эти скляночки в моих руках, усмехнулся, пожал плечами и произнес:

– Тут нужны емкости, а не эти пузырьки, доктор. У меня бочки, а вы на капли протягиваете.

– Нет другой посуды, хватит мне.

Спирт был из бочки слит в ведро, и Лукьянов разливал его кружкой. Он был уже навеселе. Заполнил мою посуду и, подмигивая, сказал, чтобы приходил, еще нальет.

Далеко за полночь крутились люди возле продуктовой машины. Раздавался громкий разговор, смех. Лукьянов был щедр, и никто, видно, с пустым котелком не уходил от него. Примазался к нему в помощники ремонтник красноармеец Вернигора. Последнее время часто можно было его видеть возле кухни. То он добровольно колол дрова, то ездил охотно по воду и стал там своим человеком. И в тот день он старался всех задобрить спиртом через Лукьянова, а сам был трезв. Светился огонек сквозь шторки окошка из машины командира, где были, кроме него, Калмыкова и Титова, еще и уполномоченный особого отдела старший лейтенант Китайчик. Он был прикреплен и к нашей роте. Раньше приходил редко, а последние дни находился постоянно. Между машиной продсклада и летучкой командира курсировал старшина Николаев, а за полночь надолго задержался там. Люди роты также долго не спали. Из щелей летучек прорывался свет – освещались от аккумуляторных батарей. Часть людей сидели небольшими группками возле машин, потягивали спирт, закусывали, чем располагали, вели беседы. Далеко за полночь отяжелевшие спиртом люди стали засыпать. Лежали, где кому пришлось или где свалились. Я и Манько легли сравнительно рано отдыхать. Лежали в кузове открытой бортовой машины. Спирта мы с ним не пили. Я ему показал, что принес, и предложил отпить из фляги, но он отказался. Был не в настроении. Лежали долго, говорили о разном. Сон долго не шел.

Среда. 26 августа 1942 г. ДИВЕРСИЯ.

Проснулся от сильнейшего взрыва, который подбросил нас в кузове. Взрывная волна тряханула все вокруг. Мы с Манько свалились с машины. Натянули сапоги на босые ноги. Залегли. И в последующем продолжались в короткие промежутки времени серии более мелких взрывов. Это происходило невдалеке от нас. Стало светло от вспыхнувшего зарева. Что случилось? «Не вражеский ли десант орудует?» – промелькнула мысль. Не понимали, что происходит. Санитарная сумка была в руках. Пистолет был при

мне. Вытащил из кобуры. Пилотку не нашел. Еще продолжались неподалеку более слабые взрывы, зарево разрасталось.

– Там боеприпасы, горючее взорвали, – опомнился Манько.

Из кузова машины раздавался неразличимый поток нечленораздельных слов вперемежку с более различимой руганью. Через борт машины свалился к нам Костя Наумов.

– Что тут у вас? – выдавил он, держась за борт кузова машины. – Где мои сапоги? Подай! – обратился он к водителю, который стоял рядом сонный, растерянный. Костя не мог оторваться от кузова – так он удерживался в вертикальном положении, осмысливал, что происходит, и не понимал, как не понимали и мы, трезвые. Настолько были испуганы и растеряны, что никакое мнение на ум не приходило. Все старались понять, что же случилось и что происходит. Вражеский десант, которым грезили, бомбежка? Пламя все разрасталось, продолжались взрывы более глухие со вспышками огня. На фоне зарева отчетливо видны были машины по бокам оврага, редкий кустарник и одиночные фигурки людей.

– Горят склады! – послышались голоса. – Наши склады!

– Той тот як его, лопаты взять! – опомнился, наконец, Манько. – За мной!

И схватив лопату в одну руку, с пистолетом в другой он побежал в направлении зарева. Наумов все стоял, держась руками за борт машины, и, ругаясь, спрашивал:

– Где мои сапоги, мать твою так?

– Возле вас стоят, товарищ младший лейтенант, – ответил водитель машины, стоявший рядом со мной, и, схватив из кабины карабин, побежал за Манько.

Наумов опустился на землю и пытался навернуть портянку на ногу, но ему это не удавалось, она все сползала. В таком состоянии я его оставил возле машины и с санитарной сумкой побежал в район складов бригады.

Вокруг суетились наши красноармейцы и командиры. Тут был и командир роты, комиссар. Несколько уцелев-

ших машин с боеприпасами оттянули подальше от этого места. Горела земля, пропитанная бензином и соляркой. Догорали машины. Им помочь уже нельзя было.

Лежавшие невдалеке на земле в одном из углублений оврага боеприпасы в ящиках остались невредимыми. Считали, что, должно быть, погибли пять человек – бесследно сгорели в машинах. Обнаружили трупы трех человек и двое были с ожогами. Они рассказали, что проснулись от сильного взрыва. Горела и их машина, на которой были бочки с соляркой. Причина пожара оставалась неясной. Поговаривали, что по пьянке кто-то окурок бросил. Не исключена и диверсия.

Занимался этим уполномоченный особого отдела старший лейтенант Китайчик. И он, и командир, и комиссар, и многие были еще под воздействием ночной попойки, но большинство быстро отрезвели. Усилили охрану остатков склада. Песком забросали участки пожара.

Несмотря на взрывы и пожар, не все еще поднялись. Оказал помощь обожженным и направился к кухне. Харитонов крутился возле котлов. Вода уже закипала. Нужны были продукты для завтрака. С вечера получить не смог и, не отставая от многих других, помог себе рано свалиться спать. Еще раз пошел к продуктовой машине, но разбудить Лукьянова не смог. Доложил дежурному. Вместе пытались разбудить кладовщика, но он был мертвецки пьян. Просили меня, чтобы я его привел в чувство. Он лежал плашмя на полу у дверей будки. На хлопки, пощипывания тела не реагировал. Подтянули его к борту машины, полили голову водой, и это не помогло, он не приходил в сознание.

Часовой возле продовольственного склада и кухни красноармеец Нагиба был сравнительно трезв, и дежурный по роте спросил у него, что произошло ночью.

– Все тихонько перепились, да вы и сами все видели.

Действительно, почему он спрашивает у часового, когда сам должен был видеть, что происходило. Или проспал?

По территории уже бродили единичные и небольшими группами красноармейцы. У многих лица основатель-

но «помяты», ходили, еще пошатываясь, часть спала и не знала о случившемся – настолько перепили, что даже на взрывы не среагировали.

Дежурный лейтенант Завгородний решился доложить командиру о состоянии Лукьянова и спросить, как взять продукты. Командир приказал построить роту по тревоге. В строй стало немногим больше половины личного состава, в основном те, кто был на пожаре. Часть людей привели, поддерживая под локти.

Выглядели красноармейцы в строю очень нелепо. Враг наступал, возможно обошел нас. Наши войска ценой жизни задерживали его стремительное продвижсние. А на что способны эти военнослужащие? Что произошло с этими, по сути, хорошими, исполнительными людьми, находящимися сейчас всего на несколько часов в отрыве от жестокого, наступающего врага? Никто не собирается сдаваться врагу, а как сопротивляться в таком состоянии? Кто поведет машины? Кто сядет за руль в таком состоянии, чтоб хотя бы убежать от врага?

Командир спросил часового, что произошло ночью. Тот доложил, что всю ночь люди группками и в одиночку подходили к продовольственной машине, и Лукьянов отливал каждому по желанию определенную порцию спирта. А потом среди полной тишины грянул этот взрыв и пожар. Чужих не было. Помогал Лукьянову разливать спирт красноармеец Вернигора и его друг Кихтенко.

Мне приказал командир привести Лукьянова в чувство и поставить его перед строем. В помощь дал двух красноармейцев. Налил в кружку немного воды, добавил туда несколько капель нашатырного спирта и вылил содержимое кружки ему в рот. Он в какой-то мере пришел в себя. Взяли его под мышки и приволокли и поставили. Он как-то удерживался в вертикальном положении, стоял, шатаясь, на одной ноге, вторая была отставлена в сторону. Очень странная была у него поза, водило его верхнюю половину туловища, но он удерживал себя в вертикальном положении будто приклеенными к земле подошвами.

Заговорил командир:

– Воины нашей бригады истекают кровью, до последнего вдоха удерживают натиск врага, погибают, но не отступают. Бригада потеряла в боях много людей и техники, но не потеряла себя и, как боевая единица, удерживает оборону. А вы изменили ей, предали ее. Позор вам и презрение! Потеряли склады с боеприпасами и горючим. Погибли люди. Представитель контрразведки выяснит, кто это сделал. Во что же вы превратились? Хуже скотов. Срочно надо убыть к новому месту, самим окопаться и подготовить рубежи обороны для остатков бригады. А вы не в состоянии сесть за руль!

Он быстро последовал вдоль строя и, тыча ладонью в грудь каждого, выкрикивал:

– Ты, Кухленко, ты, Бяширов, ты, Завгородний, мать твою так, командир! – он подошел к нему вплотную, взял его за загрудок, подтянул его лицо почти вплотную к своему и произнес: – Подлец ты, Завгородний! В такое время, будучи дежурным, так налакаться и дать напиться роте. Разжалую! Под суд военного трибунала пойдешь! – и оттолкнул его от себя.

– Отстраняю вас от дежурства. Принять дежурство старшему лейтенанту Дьякову. И тебя такая участь ждет, Наумов!

– Я ничего, какую-то малость.

– Молчать! Вести машины надо, а вы не в состоянии. Немец наступает. В плен немцу решили сдаться?! Лукьянов напоил всех, чтобы вывести роту из строя. И он вывел роту из строя, чтобы враг захватил нас, как ягнят. Изменник! – бросил он Лукьянову и вновь повернулся к строю: – Данной мне властью я приговариваю Лукьянова за вывод личного состава роты из строя перед наступающим врагом к расстрелу.

Вытащил пистолет из кобуры правой рукой, взял Лукьянова левой рукой за ворот и повел его от строя в одно из разветвлений оврага в кустарник. Хромая, неуклюже, Лукьянов следовал покорно, спотыкаясь, вперед, подталки-

ваемый командиром. Через какое-то время раздались два выстрела в кустах, и вернулся к строю командир, пытаясь на ходу и перед строем попасть пистолетом в кобуру. Но ему это не удавалось, видно, волновался. Потом сдвинул кобуру на живот, положил в нее пистолет. Всех это вмиг отрезвило, до людей стала доходить вся серьезность ситуации.

– Каждого ждет участь Лукьянова, если позволит подобное. Всех, кто не в состоянии подойти и сесть в машину, – оставить на месте, не брать их с собой. Пусть немец с ними потолкует. Комиссару, командиру автороты и врачу проверить водителей и выявить, кто в состоянии вести машину. Пьяных отстранить от вождения.

Мне приказал идти к Лукьянову. Пошел в кустарник и увидел Лукьянова, лежащего ничком, тело его содрогалось от всхлипываний. Осмотрел его. Ран не было. Штаны были мокрые от страха или еще с ночи. Он пытался что-то сказать, но не смог: челюсти стучали, тело дрожало, в голос рыдал. Командир, конечно, стрелял в воздух.

Кладовщиком вместо него тут же был назначен Мезенцев. Продовольственную машину, в которой хранился спирт, закрыли на замок, и ключ забрал комиссар. К машине выставили часового. Мне пришлось немало человек отрезвлять нашатырным спиртом.

Враг нас обошел справа и далеко продвинулся на северо-восток к Волге, Сталинграду. Мы оказались в мешке или в окружении. Части нашей бригады были где-то южнее нас, по-видимому, еще в Зетах. Командир убыл в штаб бригады. Все были до крайности напряжены, издерганы. Обстановку не знали. Многих мучило раскаяние и стыд за повальную пьянку. Распределили водителей по машинам, некоторых отстранили. Трезвых водителей не хватало. К некоторым машинам прикрепили водителями командиров, автотехников. Назначили порядок следования в походной колонне. Пока мы все стояли на месте в ожидании команды.

Приехал командир и приказал срочно вытягивать машины для следования к новому месту расположения. Рота

вытянулась в походную колонну, и машины двинулись в путь на север. Опять пыль, бескрайняя степь. Потрескавшаяся от жары земля, не знавшая последнее время ни единого дождика.

К вечеру рота прибыла и разместилась в поселке Блинников. Туда подтягивались остатки складов бригады и ряд машин из других подразделений. Рота технического обеспечения, замыкающее подразделение бригады, шла впереди, вернее, отступала, убегала первой. И куда? От наступавшего противника к прорвавшемуся противнику... А где он, прорвавшийся? Есть ли пути отхода и куда? Все были в недоумении. Не отошли еще от прошлой ночи. Людей занимали вопросы ночного взрыва и пожара. Большинство сходилось во мнении, что это дело вражеских рук. Диверсия.

Четверг. 27 августа 1942 г. ИЗМЕННИКИ.

Спал на носилках. Стояли на земле под машиной. Шофер спал в кабине. Подзастыл. Ночи стали прохладными, много росы. Что сулит нам новый день? Ко мне подошел старшина Николаев, поздоровался, подал руку и доверительно сказал:

– Дело есть, доктор, отойдемте в сторону. Спирт весь опечатали, и мне приказано отвезти его сейчас же после завтрака и сдать в роту управления. Там находится часть бригадного склада. Я успел отлить одну канистру и прошу вас взять ее на хранение к себе. Пусть у нас будет свой «НЗ».

– Где же я буду ее хранить? Мое имущество находится в открытой бортовой машине. Сидеть возле нее не смогу я.

– Мне некому доверить, разопьют, сволочи. Возьмите, пока я буду отвозить спирт в бригаду. Приеду и заберу. Прошу сделать это. Надо, понимаете, надо немного сохранить для себя. Я все думал, куда девать канистру, и ничего другого не придумал.

– Может, в какую-то летучку поставить. К Саркисяну или Дьякову?

– Хрен увидишь потом, не отдадут, и баста. Принесу вам, поставьте к своему имуществу, никто и не догадается. Подумают, что бензин.

– Несите, что поделаешь.

И он принес для хранения канистру спирта, которую поставил на машину к другим канистрам с бензином. Не перепутать бы. Чтоб случайно не залили, сделал заметку на канистре – к ручке привязал кусок бинта.

С утра стали разыскивать красноармейца Вернигору и еще одного ремонтника, по фамилии Кихтенко. Поднял этот вопрос уполномоченный особого отдела старший лейтенант Китайчик. Когда стали уточнять, то выяснилось, что их не видели еще с утра вчерашнего дня, после злополучной пьянки и пожара. Вернигора примелькался в роте за последние две недели своими не совсем здоровыми разговорами, а иногда и просто вражескими. Очень активен он был позапрошлой ночью. Как-то втерся в доверие к Лукьянову, добился доступа к спирту и старался всех споить. Кихтенко был незаметным, работящим, исполнительным красноармейцем, лет за сорок. Семья его была в оккупации где-то на Волыни. Вернигора и Кихтенко как-то сдружились, вернее, первый подчинил второго. Жили и спали вместе. Сослуживцы по ремонтному взводу, которые чаще других соприкасались с ними, высказали предположение, что они ушли к немцам. Стали вспоминать, что Вернигора вел разговоры о переходе линии фронта и о возвращении в родные места. Это было, когда враг разбрасывал листовки и в другое время. На возмущения окружающих отделывался шуткой, мол, хотел испытать их, или говорил, что раздумывает вслух для себя, как сохранить свою жизнь для семьи, родных. Этим рассчитывал воздействовать и на других.

После беседы стало известно, что Вернигора попал в роту не во время формирования бригады, а пристал в пути следования на фронт после Мариновки. Никто из штаба бригады его к нам в роту не направлял. Он пристал по подложным документам, стал на довольствие и, не очень

таясь, вел вражескую пропаганду. Это был вражеский лазутчик. За ним органы следили, выясняли эту личность и должны были его разоблачить, но он опередил и исчез, потянув за собой только одного красноармейца. Остальных склонить на свою сторону ему не удалось. Не сомневались, что взрывы и пожар дело его рук. Весь день только и слышны были негодующие разговоры по этому случаю. Выступал и командир. Призывал всех быть бдительными, особенно коммунистов и комсомольцев.

Я спросил у старшего лейтенанта Китайчика, почему органы дали возможность Вернигоре совершить акт диверсии и скрыться, когда многие в роте уже понимали, что он не наш человек и за провокационные разговоры его неоднократно обзывали и осуждали? Он мне доверительно сказал, что они о его разговорах все знали, следили за ним и уже должны были выйти на его шефа, но несколько затянули с изоляцией, чем он и воспользовался.

Пятница, 28 августа 1942 г. РАЗГОВОР ПО ДУШАМ.

Враг предпринимал отчаянные попытки для продвижения к Сталинграду, и ему это с большими для него потерями пока удается. Авангардные его танковые и моторизованные части прорвались северо-восточнее нашего расположения, заняли станцию Тундутово и развивают наступление в направлении Красноармейска. Туда наши водители обычно ездили за боеприпасами, горючим и продовольствием для бригады. Стало известно, что бои шли уже где-то севернее нас, в районе Ивановки. Мы оказались явно в мешке. Эта группировка немцев отрезала нас от Волги и если соединится с северной, которая вышла к Волге, то захлопнут мешок, и мы окажемся в окружении, чего опасались последние дни. Мрачная перспектива. Думаю, что все это понимают, но об этом не говорят. От прибывших за боеприпасами и горючим водителей узнали, что тяжелые бои идут в районе Зеты. Кроме остатков бригады, там находится часть армейских резервов нашей 64-й армии.

Вечером после ужина замполит Титов собрал личный состав роты на очередную молнию. Он сообщил, что враг, истекая кровью, рвется к Сталинграду, бросая в атаки все новые и новые силы. Они не бесконечны. И он найдет себе могилу здесь, на волжской земле, где наши войска стойко обороняются, уничтожая его. И наша танковая бригада, ее остатки, проявила исключительный героизм и самоотверженность при обороне Зеты. Все попытки врага овладеть Зетами безуспешны. 1-й батальон бригады уничтожил двенадцать танков противника, имея всего пять машин и одну противотанковую батарею. Особенно отличился капитан Рустиков. Он лично подбил два танка противника. Командир 2-го танкового батальона старший лейтенант Гавриленко неоднократно выводил танки из укрытий и шел в атаку на наступающую мотопехоту противника, воодушевляя личный состав батальона своим примером. Командир танковой роты лейтенант Михайлов девятнадцать раз ходил в атаку. Особо отличились воентехник 1-го ранга Пак, механик-водитель старшина Лесовский – огневыми средствами танка и гусеницами уничтожали огневые точки и живую силу врага, совершив рейд по его боевым порядкам.

Лейтенант Лейкин подбил два танка противника, задержав его продвижение на участке, занимаемом нашими войсками. Командир роты Мартыненко, младший лейтенант Калашников, командир взвода младший сержант Назаров уложили перед своими позициями несколько десятков солдат и офицеров противника, удерживая занимаемые рубежи. Красноармеец Бадылевский проник в район расположения противника, залез в подбитый немецкий танк, развернул башню и открыл огонь по вражеской мотопехоте. Там и группа наших ремонтников во главе с воентехником Воропаевым немало способствует успеху танкистов.

Комиссар сделал паузу, откашлялся и продолжал:

– Слушайте о позорном случае, имевшем место в бригаде. Связист роты управления красноармеец Штейнберг зарыл в землю свой партбилет, боясь, что попадет в руки

немцев. За проявленную трусость, шкурничество и паникерство его исключили из членов ВКП/б/ и передали суду военного трибунала. И на нашей совести позорный факт. Среди нас жил вражеский лазутчик. Ел, спал с нами. Вел подрывные разговоры, склонял наших людей перейти к врагу, в плен сдаться, к семьям вернуться. И никто его за шкирку не посмел привести к особисту. Позор нам всем. Он и пьянку спровоцировал, и врагу бы преподнес нас всех как на тарелочке, но, к счастью, не рассчитал. Взрывы и поджог горючего – это дело его рук. Этот случай должен выше поднять нашу бдительность, чтоб никакие уловки врага не прошли.

Под вечер решили немного отдохнуть, Манько с Наумовым расстелили тент на земле возле машин. Я разбросал шинели, плащ-накидки. Прилегли. Присоединились к нам Ген и Саркисян. Подошли Дьяков и старшина «Крошка».

И в нашем кругу началось обсуждение поступка Штейнберга. Пришли к выводу, что сержант не изменил присяге, Родине, не враг нашего народа. Он проявил малодушие. Страх, как говорят, помутил разум. Еврей не может быть изменником Родины и перейти на сторону немецко-фашистских захватчиков. Это противоречит здравому смыслу. В партии ему не место, но в строю, на поле боя он не подведет, постарается искупить вину – свое малодушие.

Жизнь евреев и их судьба неразрывно связаны с судьбой Советского Союза. Выстоит страна, и евреи могут рассчитывать на существование как народ, нация. Не дай бог – потерпит поражение, и с евреями будет покончено. Это сознает каждый еврей и, не жалея жизни, будет бороться до полной победы над врагом. Суду военного трибунала за этот поступок его не следовало бы подвергать.

Суббота, 29 августа 1942 г.

НЕ МЕСТО ЖЕНЩИНЕ НА ВОЙНЕ.

Зеты подвергались неоднократным налетам вражеской авиации и артиллерийскому обстрелу. Наши войска удерживали занимаемые позиции. Поступил приказ коман-

дующего 64-й армией о выходе из боя и об отводе 254-й танковой бригады к Сталинграду. Бригада сдала участок обороны в Зетах и оставшиеся танки с экипажами 13-й танковой бригаде, которая прибыла на смену. Вышла из полосы массированных бомбовых и артиллерийских ударов на север, и к полудню остатки ее выдвинулись на рубеж Кошары–Блинников, где заняли оборону. Чем обороняться? Ни одного танка. В мотострелковом пулеметном батальоне осталось несколько минометов и одна противотанковая батарея. У личного состава автоматы, карабины и пистолеты. В Блинников прибыли наши две ремонтные группы, Ванина и Воропаева.

Враг наступал. Восточнее нас и северо-восточнее, не более чем в двух-трех километрах, раздавалась артиллерийская канонада, то затихая, то усиливаясь.

Танковая бригада потеряла боеспособность, и ее планировали вывести из боев для повторного формирования. Но в обед стало известно, что бригада получила пополнение: прибыли две роты с танками Т-70. Их отдали 1-му батальону. Это уже немало, значит, предстоят еще бои. А мы надеялись, что выходим на формирование.

Из нашей роты выделили группу красноармейцев с командирами – в помощь саперам для возведения оборонительных сооружений. Бригаде приказали занять здесь оборону и задержать продвижение противника. В поселке было много частей. Еще больше проходили мимо нас на север. Это части и соединения 64-й армии отходили к внутреннему оборонительному рубежу, к южной окраине Сталинграда.

Из роты шла машина в штаб бригады. Решил поехать в медсанвзвод. Дополучить перевязочный материал, шины. Острой необходимости в них не было. Еще имелись запасы. Но, возможно, я искал повод, чтобы увидеть Майю.

У штаба бригады встретил военфельдшера роты управления Гомельского Семена. Выглядел он браво, подтянуто. Мы обнялись.

– Рад тебя видеть живым и здоровым. Расскажи, как дела наши. Ты же возле командования. Что нас ждет? Выведут ли нас для переформирования?

– Пока будем воевать. По секрету скажу тебе, что наше дело – швах. Бригаде приказано занять оборону и прикрыть отход на Андреевку дивизий, с которыми взаимодействовали: 204-ю и еще две – 138-ю и 29-ю. Они должны занять оборону ближе к городу.

– Мы почти в окружении. Что сделает бригада с двумя ротами танков? Воевать-то нечем, – заметил я.

– Две роты – это уже что-то значит. Еще что-нибудь дадут. Видно, нужно вывести армию из мешка, чтоб не попали в окружение. А мы можем лечь костьми тут.

Наше положение критическое. Мы очутились в мешке, горловина которого пока открыта на Сталинград, куда нас и направляют. Северо-западнее в город вошла 6-я армия Паулюса и достигла Волги.

Вместе с ними несколько южнее наступают румынская, итальянская и венгерская армии.

С юга в Сталинград вдоль Волги, опережая нас, стремятся армии Гота и Манштейна. Параллельно им отходим к городу и мы – 64-я и 62-я армии и много других частей и соединений, ослабленных в прошедших боях.

Враг близок к захвату Сталинграда, что закроет горловину мешка и приведет к неминуемой катастрофе, последствия которой могут решить исход сражения в пользу противника.

– Скажи, где медсанвзвод? Нужно получить перевязочный материал.

– Недалеко здесь. Я туда иду, пошли – покажу. Они не развернулись. Все на машинах.

С главной улицы свернули в переулок. В одном из дворов и вдоль забора стояли санитарные и транспортные машины. Нашел Гасан-Заде.

– Чего пришел? – встретил он меня высоким крикливым голосом. – Опять раненых привез? Некуда их брать, и не знаю, куда их отправлять. Сказали, жди указаний.

Больные идут, раненых везут. Наши и чужие. Как работать и чего ждать?! Сами не знают, на каком свете! Чего молчишь? Я все говорю, а тебе слово не даю сказать. Здравствуй. Скажи, зачем пришел?

– Здравствуйте. Приятно видеть вас живым и здоровым.

– Что со мной сделается? Я везучий. Так сказала моя бабушка, когда принимала меня на свет божий. Пока не ошиблась. Рад видеть и тебя живым и здоровым. Надеюсь и дальше. Что ты хотел от меня? Или к Майе пришел?

– Хочу получить бинты, шины.

– Извини. Иди к Шепшелеву. Он будет ворчать, но не обращай внимания. Скажи, что я послал. Напиши требование и получай.

Я нашел Шепшелева, сказал, зачем пришел. Ни слова не говоря, он повел меня к бортовой машине и сбросил марлевый мешок – комплект шин и фанерный ящик – комплект перевязочного материала.

– Транспорт есть? Как и куда понесешь?

– Пока оставлю здесь и пойду за машиной. Она у штаба бригады.

Стал искать место, куда можно пока положить комплекты. Поднял один и понес к домику, у крыльца которого висела фанера с красным крестом. Из домика на крыльцо вышли врачи Зоя Ложкина и Майя Вайнштейн.

– Можно оставить комплекты, пока я за машиной схожу? – нашелся я.

– Конечно, пожалуйста, – сделала реверанс Ложкина. Посмотрела на Майю и рассмеялась.

Я растерялся. Очень неловко мне было. Стоял с ящиком в руках, все смотрел на Майю. Вдруг сообразил, что даже не поздоровался.

– Здравствуйте! – сказал я.

Они опять рассмеялись, а Ложкина убежала к машинам.

– Ящик-то поставьте и второй комплект принесите, – сказала Майя.

Я сходил за вторым комплектом, положил его поверх первого и подошел к Майе.

– Здравствуйте, Майя.

– Вы уже поздоровались. Смешной вы какой, неловкий, – она подошла ко мне ближе, застегнула пуговицу на моей гимнастерке. Я дышать перестал, а она продолжала: – Спасибо за маникюрный набор. Только сегодня девочкам показала. Очень красивый и, видно, удобный, но я еще не пользовалась. Храню для лучших времен. Как хорошо помылись в Зетах у вашей хозяйки. Спасибо. И вкусные лепешки приготовила хозяйка. Надо же было случиться налету вражеской авиации. Хотелось бы и сейчас помыться, хоть в речке искупаться или у колодца от пота и пыли отмыться. Где и как? Здесь не завели хозяйку? – лукаво спросила она.

– Пока нет, не успел.

– Вам, мужикам, проще, а нам как? В одежде от ваших взглядов не спрятаться. Думаем в сарайчике помыться. Зоя побежала ребят упросить воду принести, хотя бы холодную.

Я уставился на нее и молчу. Замолчала и она.

– Страшная я?

Я молчал.

– Что молчите?

Я смотрел на Майю и думал, как тяжело женщине на войне. Война – это мужское дело. А как тяжело женщине на войне. Мужик запросто разденется по пояс, помоется у любого колодца, водоема, – справит естественные надобности тут же на колесо машины или под любое дерево. А женщине? С ее физиологическими периодами, с ее гигиеническими потребностями помыться или подмыться. Как все это сложно и нередко невыполнимо. Все вокруг ждут от нее улыбки, ласкового слова, а она мучается от того, как бы справить естественную нужду, поддерживать в чистоте хотя бы некоторые части своего тела.

Я все смотрел на Майю. Глаза, такие выразительные, необыкновенные, как всегда я их видел, а сейчас расте-

рянные, беспомощные, по-особому печальные, как бы говорящие: «Я здесь, сюда определила меня судьба, и что я могу поделать?»

– Чего молчите и так смотрите на меня, изменилась очень?

– Просто не место вам здесь, Майя. Ни моим сестрам, родным. Ни одной женщине не место на войне, где и мужчине непосильно трудно.

Мне жаль ее как сестру, на которую взвалилась непосильная ноша, не совместимая с женской сутью, с предназначением женщины. Я эту ношу, не задумываясь, переложил бы на свои плечи.

Она развела руками, которые лучше слов выразили: «Мол, что же делать?»

– О чем же вы думаете? Неловко как-то ваше молчание.

И я разговорился:

– Перенес бы я вас в родную мою Белоруссию, в пущу полесского края, где поместил бы в светлый теремок, возле которого протекает чистый ручеек, воду которого можно пить и в котором можно купаться. Велел бы всем зверям ублажать и лелеять вас. Медведям – носить мед, бруснику с земляникой, свежую рыбку; волкам – свежанину, а не консервы или концентраты; лисичкам – цыплят; зайчикам – свежую картошку, морковку и капусту; белочкам – орешки в шоколаде: русалкам – свежий хлеб и пышные булки, а не сухари; и птицы распевали бы волшебные мелодии или только вальсы и танго, если любите.

Ее глаза засветились таким счастьем, будто ребенку преподнесли расцвеченную огнями новогоднюю елку.

– А себе какое место определите при тереме?

– Это вам решать. Хоть сторожем вокруг, а если позовете...

– Хватит, фантазер! Сил нет больше слушать.

И слезы полились из ее потеплевших глаз, уже не печальных, излучавших тепло, признательность.

– Бегите к себе. И мне пора – много дел. Спасибо за добрые пожелания, – она стала уходить, остановилась, вернулась ко мне, положила руки на плечи, подтянулась на цыпочках, поцеловала и тихо сказала: – Спасибо большое, развлекли и порадовали, спасибо.

Она повернулась и произнесла издали:

– Чтобы беда вас миновала!

– И вас также, – крикнул я.

Она исчезла в домике. Я все стоял. Опомнился, пошел к штабу, вернулся с машиной, погрузил комплекты. Возле домика с красным крестом толпились красноармейцы, командиры. Большинство в повязках. Заехали в штаб, захватили ожидавших там командиров и убыли в расположение роты.

Весь день и ночь отходили части и соединения 64-й армии мимо нас в направлении Сталинграда. Прошли два медсанбата и за ними части не менее двух дивизий, ослабленных и измотанных, прошли остатки курсантских полков Грозненского, Винницкого и Житомирского пехотных училищ. В Житомирском курсантском полку, занимавшем оборону в полосе действия нашей бригады у разъезда 74-й километр, осталось в живых около десяти процентов личного состава. Погиб и начальник училища – командир курсантского полка полковник Гусев.

Все отчетливее стала раздаваться артиллерийская стрельба и взрывы бомб южнее нас. К звукам канонады северо-западнее нашего расположения мы уже привыкли. Враг наступал и с юга. Наши войска вынуждены отходить на новые рубежи. Удержать оборону Сталинграда на дальних подступах не удавалось. Все отступаем. Части здорово потрепанные, но могли бы еще сражаться. Или их решили сохранить, пополнить? Прикрыть отход других частей, значит, встречу с врагом взять на себя и по возможности задержать его. Тяжелая участь и на этот раз выпала бригаде. Мало осталось людей, мало вооружения. Две маршевые танковые роты... Не сила для такой задачи. Каждый в бригаде понимал, что придется стоять насмерть, что врага

надо задержать хоть на какое-то время, пока не организуют оборону отходящие части дивизий на южной окраине города.

Подразделения бригады вторую половину дня и всю ночь рыли траншеи, рвы, закапывали технику, готовились встретить врага. А мимо все шли и шли войска.

Ремонтные группы роты были отправлены непосредственно в боевые порядки, на позиции, где приводили в боевую готовность технику и вооружение, подвозили боеприпасы и горючее.

Командир роты вызвал к себе командиров и сержантов – командиров отделений.

Когда мы все собрались, он объявил:

– После взятия Тундутово немцы выдвинулись восточнее нас на Ивановку и вышли на Гавриловку. С юга наши части отходят, и к утру его танковые и моторизованные колонны ожидаются у Блинникова. Нашей бригаде приказано прикрыть отход частей и дивизий нашей 64-й армии. Задача для бригады, как сами понимаете, очень сложная. Никто не уйдет с занимаемых позиций. Командир бригады приказал нашей роте отойти в новый район сосредоточения западнее Бекетовки. Через час должны оставить Блинников. На догрузку машин даю 40 минут. Неисправные машины взять на буксир. Колонну поведу я. Разойдись!

Через час колонна машин РТО вышла из Блинникова.

Воскресенье, 30 августа 1942 г. «ПЛАНОВЫЙ» ОТХОД?

В последнюю неделю в самой сложной военной обстановке рота технического обеспечения двигалась впереди бригады не к фронту, а в обратную сторону. Это возможно было только в отступлении. Раньше всех снималась с места и двигалась в новый район дислокации. Затем к нам подходили, а иногда и не успевали дойти остальные подразделения бригады. Так и сегодня: мы первые вышли из Блинникова.

Шли мы глубокой ночью на север, северо-восток, параллельно продвигавшимся от нас справа вражеским вой-

скам. Мы шли в потоке отступавших войск по каким-то проселочным дорогам. Командир принял решение свернуть с главной дороги и дождаться рассвета. Всей колонной съехали в сторону на полкилометра. Остановились, организовали круговую оборону. Водителям дали вздремнуть. Встретил рассвет в кабине. Утро было прохладным. Даже в шинели продрог.

Внезапно тишину разорвали глухие взрывы бомб и отчетливая артиллерийская стрельба, взрывы снарядов и мин в районе главной дороги, с которой свернули, и позади.

Видно, немцы подошли к поселку, и бригада ведет бой. Отошли мы от Блинникова всего несколько километров. Весь личный состав был в тревожном ожидании. Впереди и сбоку немцы. Наши ведут бой сзади. Надолго ли их хватит? Если враг прорвется в наше расположение, чем обороняться?..

И мимо нас, вдоль оврага, и по главной дороге отходили войска на северо-восток, к Сталинграду. Машины с людьми, орудия, пешие колонны бойцов с полной выкладкой, у некоторых на плечах противотанковые ружья. Шли безмолвные, понурые, с опущенными головами, усталые воины. Войска отступали... В общем потоке шли санитарные и бортовые машины с ранеными. Много легкораненых шли пешком. Часть их подбирал попутный транспорт. Шли быстро. Спешили выйти из мешка. Говорили, что немец сидит на плечах, прет сзади. Как же наши? Мы ждали командира. Готовы были в путь. Мимо все шли и шли отступающие войска. Отзвуки близкого боя то нарастали, то стихали, но не прекращались. Прибыл командир и ремонтная группа с летучкой и двумя бортовыми машинами. Подходили машины из подразделений бригады. Они сообщили, что наши ввязались в тяжелые бои с наступающим противником, отошли к юго-восточной окраине Блинникова и там сдерживают его продвижение. Авиация противника прокладывает своим войскам путь, вывела из строя два танка.

Отзвуки боев раздавались все ближе и ближе. Различается пулеметная и автоматная дробь. Прибыла кухня с водой. Где-то набрали. Немного воды раздали личному составу для питья. Стали варить обед. Еще подходили единичные машины из подразделений бригады.

Вскоре остановилась возле оврага колонна машин в сопровождении нескольких танков Т-70. Это была рота управления, медсанвзвод с ранеными. Я пошел к ним. Все имущество у них было погружено на машины. Ничего не развернули. Ни одной палатки. Раненых собралось немало. Еще подвозили. Их обрабатывали на расстеленном на земле брезенте, некоторых на носилках. Я подключился в помощь. Накладывали шины, поправляли повязки. Когда закончили обработку раненых, приступили к погрузке. Более тяжелых грузили в санитарную машину, остальных – в открытые бортовые. Сопровождать колонну приказали военфельдшеру Шепшелеву. Он все сокрушался: «Куда их везти, кто их у меня возьмет, какие еще дороги свободные?» Боялся, что попадет с ними к врагу. И опасения его были не без оснований. Обстановку не знали. Наши водители вчера привозили боеприпасы и горючее из Бекетовки. Я посоветовал ему везти раненых туда через Нариман на Варваровку. Ивановка уже достоверно захвачена немцами. Бои вчера шли у Гавриловки. По этому пути и отходили к Сталинграду наши войска. Другого пути не было.

Ко мне подошла Майя.

– Идемте, я вам полью. Руки у вас в крови. Смотрите, спереди на гимнастерке и сбоку пятна крови.

Работал без халата и измазал гимнастерку кровью раненых. Тут только я заметил, насколько усталыми были Майя, Зоя Ложкина и все другие. Халаты у них в крови, спутанные и грязные волосы торчали из-под пилотки, лица потные.

—Давайте лучше я вам полью, – обратился я к Майе.

– Нет. Нам надо помыться, хотя бы по пояс: такие мы потные и грязные, аж самим противно.

– Где и как? Здесь нет воды.

– Вода у нас есть. Котлы полные и термоса. Моемся между машинами. Брезентом огораживаемся. Приспособились. На стыд махнули рукой. Закрываемся, конечно.

Санитары обносили раненых водой.

– Удастся ли выйти из боев?

– Пока отступаем. Кто знает, как все сложится. Что ж, Майя, мне бежать надо.

– Да, да, задержала я вас.

– Я бы навечно остался бы с вами.

– Идите, идите, свидимся еще, дай бог, до встречи!

Она замахала правой кистью и стала отходить от меня.

– Кончайте миловаться, не соблазняй, парень, моих девушек. Таких, как ты, тут много, а их у меня всего две-три и обчелся. Давай, давай к себе. Не обижайся, приходи, – можно сказать, прогнал меня Гасан-Заде.

Майя уже убежала. Я направился к себе в роту. Свидимся ли еще?

Машины уже были вытянуты в походную колонну и готовы были к маршу. Часть не заводились – их объехали. Спешили уйти подальше из этого района. Справа, далеко впереди от нас, все раздавалась стрельба. Враг далеко опередил нас в этой параллельной гонке. Странно. Враг наступает, мы отступаем и идем параллельно рядом. Наседал еще и сзади на нас. Он стремился к Сталинграду, и мы стремились к нему. Так шли два потока вражеских друг другу войск. Владея инициативой, враг мог отрезать нам отход к городу, окружить и разгромить. Но, видно, он спешил занять город и не очень считался с отступавшим потоком наших войск. Или мы ему не были помехой? Наша рота, да и бригада в целом были каплей в море, и что значила эта капля? А она цеплялась за какой-то участок, противостояла вместе с себе подобными штурмующему валу.

Сколько можно отступать? «Плановый» отход? И в начале войны отступали целые армии, а когда попадали в окружение – теряли способность к сражению и в большинстве своем сдавались в плен с оружием, техникой, продовольствием. Вполне еще боеспособные части и соедине-

ния погибали. Если все эти отступающие войска попадут в окружение, то они будут уничтожены, ибо разрозненные не в состоянии будут оказывать сопротивление. Наше командование, должно быть, это понимает. Может, вернее было бы эти войска повернуть против врага. Смерть в бою, а не гибель в плену, облегчила бы действия войск, которые придут нам на смену. Врага можно бить, в чем убедились у разъезда. Командованию виднее. Не с моего положения оценивать обстановку, но отступление уже не воспринимается. Пора брать инициативу в свои руки. Иначе – крах всему. Трудно даже представить, что нас ждет.

Понедельник, 31 августа 1942 г. ВСЕ ОТСТУПАЕМ.

В 254-й танковой бригаде осталось всего четыре танка, малочисленный личный состав. Сформировали объединенную группу ремонтников в составе двух летучек и бортовой машины с запчастями. Кухни все не было. Не было и воды. Ко мне подошел подполковник Иванов и попросил налить ему сто граммов спирта. Я сказал, что только денатурат у меня. Он ответил, что и это пойдет. И до этого неоднократно обращался ко мне, и я не мог ему отказать. Он попросил у меня и щепотку соды, как он сказал, для виду. Дал ему щепотку соды на бумажку и налил в кружку спирт. Он сделал вид, что насыпал на язык соду, зажав порошок пальцами в бумажке, и запил из кружки. Сделал это он в окружении красноармейцев, и никто не понял, что он пил.

Он все время находился на командном пункте бригады или в батальонах. Перед танковыми атаками лично проверял состояние машин, готовность экипажей, инструктировал танкистов, непосредственно занимался техническим обеспечением танков. Напряжение было до предела. Нужна была разрядка, и, должно быть, находил ее в этом.

Последний день августа 1942 года. Конец лета, сухого и знойного. Необъятная степь вокруг, почти плоская с участками пожухлой травы, без леса и кустарников до горизонта. Прошли западнее Гавриловки. Большое искушение было

заехать в этот поселок, попить воды, но не решались. Полагали, что там уже немцы. Видимо, не ошиблись. Вдоль дороги начали рваться артиллерийские снаряды и мины. Обстрел велся со стороны Гавриловки. Наша колонна, да и другие свернули с основной дороги, увеличили скорость и ушли из-под обстрела. У нас раненых не оказалось. Тучи пыли, поднятые машинами, закрывали дорогу и пространство вокруг и скрывали цели от противника. Пыль с песком въелись в тело, глаза, хрустели на зубах. Все сильнее мучила жажда. Попадавшиеся колодцы в пути следования были пустые. Сохранившаяся вода в флягах согрелась, ею можно было прополоскать рот. Ополченцы, остатки разбитых, вышедших из боев частей, машины и повозки с ранеными, толпы беженцев, гурты скота, угоняемого на восток – все это было на нашем пути. Стоял непрерывный гул: рев моторов, окрики людей, плач детей, рычание голодного и непоеного скота. Поток этот двигался к Сталинграду, к Волге, как полагали, подальше от врага, от бомбежек, но неустанно подвергался артиллерийскому обстрелу и бомбежкам с воздуха. Части и на этих дорогах теряли людей, оставляли разбитую, горевшую технику. Погибали ополченцы, беженцы. Раненых возили за собой, многие умирали, не получая своевременную медицинскую помощь. Вдоль дорог лежали трупы людей, лошадей и крупного рогатого скота. Кому удавалось – вырезали из павших животных куски мяса, варили в ведрах, котелках. Этим поддерживали свои силы.

Далеко за полдень колонна подошла к Варваровке. Она была забита нашими войсками. Местных жителей не видели. На окраине встали у колодца. Набралось полведра воды и то с песком. Командир принял решение идти колонной через центр Варваровки, и остановились возле одного колодца, где оказалось много доброкачественной воды. Прополоскали рот, горло. Вволю попили воду. Никогда до этого я не получал удовольствия от питья воды, как в этот раз. Предупреждал всех и сам старался много сразу не пить, но было напрасно. Не могли остановиться,

воду лили мимо рта на всего себя, на затылок, на голову, промывали лицо, шею. Заполнили фляги, чайники, бачки и, не задерживаясь, ушли из Варваровки.

Опять нас встретила бескрайняя степь. Настроение улучшилось. Хотя и голодные со вчерашнего дня, но утолили жажду. Многие грызли сухари, благо, было чем размочить их и запить. Вдруг на бреющем полете друг за другом прошли два «мессершмитта» и обстреляли из пулеметов колонну наших машин. Свернули с дороги, разъехались на разные расстояния машины. На дороге осталась загоревшаяся одна наша загруженная бортовая машина. У нас оказался один убитый, два раненых и один с переломом ключицы. Травму получил во время обстрела – спрыгнул на ходу с машины. Последним оказал помощь, наложил повязки. Взяли тело убитого и раненых. Горевшую машину оставили на дороге, и колонна двинулась дальше. Шли быстро. Обгоняли другие части, нескончаемые потоки гражданского населения.

К исходу дня вышли к поселку Попово и остановились южнее его. Нас догнали остатки нашей бригады. Впервые, пожалуй, за все время после Зет в одно место собралась вся бригада. Прибыла с ними и наша ремонтная группа. Раненых я сдал в медсанвзвод.

На меня ополчился доктор Гасан-Заде: «Зачем ты мне их привез? Куда я их дену? Умирают у меня раненые, оперировать надо, а мы все на колесах. Подскажи, что делать?» Что я ему мог подсказать? Оставил ему своих двух раненых и с переломом ключицы. Труп погибшего и двух умерших в медсанвзводе похоронили под поселком Попово под залп винтовок отделения роты управления. Похоронили в одной могиле. Вкопали столбик с прибитой фанеркой, где были указаны звания, фамилии и инициалы погибших. В калмыцкой степи возник еще один холмик с погребенными нашими воинами.

Еще до наступления темноты бригада походной колонной направилась на восток, в направлении поселка Елхи.

Перед маршем командир роты Михайловский собрал командиров отделений и сказал, что бригаде определили участок обороны среди других частей в районе поселка Елхи, где должны удерживать его до последнего танка, зенитной установки, миномета. (В соответствии с приказом Верховного главнокомандующего № 227 – «Ни шагу назад!»). Оставшиеся в живых без вооружения, возможно, будут выведены из боя для формирования бригады.

Вторник, 1 сентября 1942 г. БАЛКА ЕЛХИ.

Двигались ночью по степи через сплошную стену пыли и песка, поднятых машинами. Песок и пыль засоряли глаза, забивали верхние дыхательные пути, не прекращался хруст песка на зубах. Наконец за полночь вышли на указанный рубеж. Подразделения обслуживания, оставшиеся колесные машины, летучки, тягачи расположили в одноименной балке – Елхи, довольно широкой и глубокой, с обрывистыми берегами и более мелкими ответвлениями по бокам.

В небольшом ее участке расположилась рота технического обеспечения со всем своим транспортом. Были здесь и две блудившие машины с кухнями. Наконец через двое суток нашли нас. По правому краю балки нам приказали вырыть траншеи с ячейками с ходами сообщения. Этим мы и занимались. Несколько впереди свои позиции оборудовали артиллерийские батареи. Между ними вкапывали в землю наши уцелевшие и подбитые танки с действующей пушкой или пулеметом, превратив их в неподвижные огневые точки. Это было их последнее пристанище. Рядом рыли траншеи с ходами сообщения, окапывались минометные батареи соседей по обороне. Вдоль балки заняло оборону подразделение «пэтээровцев» – противотанковых ружей.

Штаб бригады, рота управления и медсанвзвод расположились в деревне Елхи. Личный состав роты технического обеспечения занял участок обороны вдоль правого

края балки, рядом с «пэтээровцами», где вырыли за ночь ячейки и траншеи с ходами сообщения в балку.

На рассвете авиация противника нанесла бомбовый удар по боевым порядкам наших войск. Особого урона не причинила – почти всё и все были зарыты в землю. К бомбежкам привыкли. Следили за самолетами, и видно было, куда падают бомбы. Но каждый взрыв если не тело, то душу раздирал. Ответной стрельбы не было. Молчали зенитки. Возможно, их на этом направлении и не было. В последующем интенсивный артиллерийский и минометный огонь противника, особенно по балке, стал выводить из строя технику, загорались машины, появились раненые и убитые. Место падения снарядов и мин заранее нельзя было определить, и приходилось все время вжиматься в землю.

Под открытым небом в одном из ответвлений от балки развернул пункт сбора раненых, где оказывал им первую медицинскую помощь. Были у меня всего одни носилки. На землю расстелил один из тентов транспортной автомашины. Положил на край брезента комплекты шин и перевязочного материала, комплект «ПФ». Через плечо, как всегда, висела санитарная сумка. У повара выпросил котелок воды литра на два. Вот и все снаряжение и оборудование медицинского пункта. Венчал все это белый флажок с красным крестом, привязанный к деревцу.

Поступали раненые не только из нашей роты или бригады, но и из других частей. После оказанной медицинской помощи раненых отправлял на восток по балке на проходившие мимо любые транспортные автомашины других частей. Не все соглашались брать раненых. Воентехник Ген Александр направленным в водителя автоматом остановил одну бортовую машину, и под автоматом догрузили машину ранеными. «Куда их девать?» – спрашивал старший машины. Посоветовал в первый попавшийся на его пути медсанбат или госпиталь. Легко было советовать, а практически осуществить было очень сложно, как я неоднократно убеждался. Все это было не так просто. У них

были свои задания. Предстояло отклоняться от основного маршрута движения, но что делать? Раненых нужно было вывозить из района боев, тем более что мы все отступали. Очень неохотно брали медицинские учреждения раненых из других частей и соединений. Сами задыхались. Объем помощи оказывался сокращенный из-за большого потока раненых и отсутствия хоть мало-мальски подходящих условий. Не хватало транспорта для эвакуации, ибо войска отступали с грузами и техникой.

Оставляли раненых проходившие мимо отступающие части. Мои протесты не помогали. Оставляли и уходили. Отправлять их в наш медсанвзвод не представлялось возможным. Он был где-то в Елхах, несколько в стороне от балки. Командир знал, что я с ранеными, но ни людей, ни транспорта мне не выделили. Не до меня, видно, было. Кто был в состоянии самостоятельно двигаться, отправлялся по дну балки на восток. Должны были как-нибудь выбраться. Я не мог отойти от раненых, не создал даже запаса воды. Имевшуюся в котелке воду давно выпили. В фляге осталось на несколько глотков, а раненые все просили пить. Да и солнце уже припекало.

Через небольшой промежуток времени сильные взрывы потрясли вокруг землю. Самолеты противника вновь бомбили район расположения наших танковых батальонов и других подразделений и частей. Подвергались бомбежке не первый раз. Каждая новая переносилась еще труднее. Вой входивших и выходивших из пике самолетов, свист летящих к земле бомб и сильные близкие взрывы в короткие промежутки времени, обдававшая жаром взрывная волна и колебания земли, передававшиеся телу, оказывали страшное парализующее воздействие. Внезапно вокруг все стихло. До сознания доходило, что прекратилась бомбежка, но оторваться от земли не было сил. Казалось, что не успеешь вновь прильнуть к ней и пощадившие тебя на этот раз осколки или пуля найдут тебя. Но тишина мгновенно прошла, будто вытащили затычки из слуховых проходов, и звуки войны вновь заполнили мое сознание и ощущение.

Нас еще обсыпало комьями земли, камушками, осколками предметов. По правой стороне балки услышали шум танковых моторов, более редкие пулеметные и автоматные очереди. Наверху балки заканчивался бой. Я приподнялся к верхнему краю. По ходу сообщения добрался до траншей, ранее выкопанных нами. Они были пустые. Наши, должно быть, отошли, хотя еще недавно занимали здесь оборону. Рядом со мной лег старший лейтенант – начфин роты.

– Где наши? – спросил я его.

– Недавно были здесь. Не знаю. Возможно, отошли к машинам.

Я застыл или окаменел от ужаса или страха. А возможно, это и не был страх. Появилась какая-то отрешенность, ватными стали руки, ноги. Не пытался ползти в овраг, да и не слушались ноги. Все всматривался вперед – считал. Мимо нас на восток ползли немецкие танки с белыми крестами, бронетранспортеры и колесные машины с автоматчиками. У некоторых машин были на прицепе пушки. Мы остаемся в тылу врага...

В степи дымились догоравшие немецкие и наши танки и машины. Вывороченная, искореженная в разных положениях и с колесами вверх разбросана была военная техника. Бой заканчивался в нашем районе и переместился влево от нас. Шел где-то возле поселка Елхи или еще восточнее. Стрельба слышалась глуше и дальше. Оцепенение прошло. Дошло, что наши отошли, вернее, сбежали и оставили нас.

Стал спускаться по ходу сообщения в балку, позвал начфина.

Старший лейтенант остался лежать. На оклик не отозвался. Вернулся к нему, перевернул лицом вверх. От переносицы маленькая струйка крови залила лицо. Он был мертв. Случайная пуля. На войне в подавляющем большинстве средства уничтожения случайные для каждого в отдельности и намеренные для всех. Я оттянул его из траншеи через ход сообщения в балку. Отходившие не-

большими группами по балке красноармейцы помогли мне отнести тело его к пункту сбора раненых. Мимо отходила группа «пэтээровцев» из другой части. Увидев белый флажок с красным крестом, свернули с основной балки ко мне. Они несли на плащ-палатке тяжело раненного осколком в бедро, опустили его на тент и стали уходить. Я просил их не оставлять его, что исправлю повязку, наложу шину и пусть забирают, но они его оставили. Ответил лейтенант, видно старший группы, что как с остальными ранеными, так поступишь и с нашим, что очень спешат. И они ушли по балке.

Я побежал от ответвления к основной балке, к месту стоянки нашей роты. Никого не было. Машины, летучки, тягач ушли по дну оврага на восток. Я вернулся к раненым. Поправил повязку и наложил из ветвей шину раненному в бедро. Только сейчас заметил, какая необычная тишина стояла вокруг. Как могли меня оставить? Присел и задумался. Как же выбраться? Что я мог придумать? Можно было по балке уйти на восток к своим, как же быть с ранеными?

Двух сравнительно легко раненных отправил своим ходом, они могли идти. Сказал им, что помогут им в пути. Остались двое наших раненных в нижние конечности, один в плечо и лопаточную область, тяжело раненный в бедро и труп начфина.

По дну основной балки спешно еще отходили на восток одиночки, по несколько человек, и группы красноармейцев, нагруженные противотанковыми ружьями, автоматами, боеприпасами. Я упрашивал их помочь вынести раненых, но они спешили, проходили мимо. Кто-то оставил неполную флягу с водой, что оказалось очень ценным для раненых в этот знойный полдень. Особенно тяжел был раненный в бедро. Беспрерывно, тихо стонал. Все просил пить. Он и эту флягу выпил. Решил приготовить из жердей и брезента носилки, на которых можно было вынести раненых и тело убитого. В кустарнике вырубил двухметровые палки. Раненый подсказал, что удобнее применить плащ-

накидки. Их можно было собрать на поле боя. По ходам сообщения выбрался из балки к траншеям. По степи метрах в трехстах от балки шли на восток немецкие войска. Когда колонна отошла на более отдаленное расстояние, я ползком пробрался к местам бывших артиллерийских батарей. Рядом с исковерканной техникой лежали трупы наших красноармейцев. Пятна крови на телах были облеплены крупными мухами, обычно досаждавшими животным. Подобрал два автомата с дисками, сумку с ручными гранатами. Плащ-накидки не решился снимать с трупов, также не посмел дотронуться до фляг на ремнях. Спешно пополз обратно в балку. Шел до раненых с трудом, ноги подкашивались, автоматы и сумка с гранатами казались непосильным грузом. Раздал раненым в ноги по автомату, рядом положил сумку с гранатами. Рассказал, что видел. Один из них предложил мне все-таки подобрать накидки на поле боя для носилок. Из них удобнее всего делать носилки. Не мог я решиться вновь вернуться к трупам. Обложились карабинами, автоматами и гранатами на случай, если враг завернет сюда. Нам ничего другого пока не оставалось. Решили живыми не сдаваться. Отрезали от тента для носилок три куска брезента приблизительно размером метр на два. Принес куски проволоки, и стали ими крепить брезент к палкам. Временами в тишину врывался справа от балки гул моторов машин, танков – шли немецкие войска на восток. Над нами пролетали «юнкерсы» и «хейнкели» с присущим только им прерывистым гулом. Шли по направлению к Сталинграду. Мы разговаривали шепотом, казалось, что нас могут услышать. Не прекращались стоны раненного в бедро. Он все просил пить, давал только ему воду маленькими глотками, наконец, вода кончилась. Носилки были готовы, но никто из наших мимо не проходил. Мы все ждали, на что-то надеялись.

Проклятое чувство жажды. Мне, здоровому человеку, очень хотелось пить, мучительно хотелось. Несмотря на всю опасность нашего положения, мысль о воде не выходила из головы. А как же раненые? У них была большая

физиологическая потребность в воде. Мучительно было слушать стоны раненного в бедро и единственные различимые слова: «Пить, пить, пить...» Я все не решался обыскивать трупы ради фляги с водой, хотя эта мысль все глубже врезалась в сознание.

Где-то подспудно еще возникала мыслишка: «Ты можешь уйти по балке. Может быть, еще выберешься к своим». И тут же вторила ей другая мысль: «Как оставить раненых и таких беспомощных?» – «Ты им уже ничем не поможешь и сам погибнешь». – «Я не знаю этих людей. Они мне совсем чужие. Но почему-то я не сделал ни одного глотка воды и всю отдал им. Их жизнь в какой-то степени в моих руках, а судьба у нас общая. Оставить их – значит предать... Как же потом жить, если суждено будет остаться в живых?»

Ход моих мыслей, видно, разгадал один из раненых:

– Ты бы мог, доктор, выйти по балке к своим и взял бы раненного в плечо. Ходить он может.

– А как же вы? И он не дойдет – потерял много крови, свалится в пути.

– Ноги целые – дойдет. А нас вытащи на основную дорогу по балке, замаскируй и оставь. Если будут идти наши – окликнем.

– Может быть, тебе удастся вернуться с каким-нибудь транспортом за нами, – сказал другой.

– В суматохе нас забыли. Думаю, что вспомнят, не один же я был. Знали, что с ранеными. Если дорога по балке не перерезана немцами, то за нами придут, – не совсем уверенно ответил я им.

Солнце клонилось к горизонту. Становилось прохладнее, а пить хотелось не меньше. Невыносимо стало слышать стоны тяжелораненого и непрерывную мольбу: «Пить, пить, пить...» Я оставил их и пошел к обрывистому краю оврага, выбрался наверх и пополз к позициям одной из артиллерийских батарей. У застывших уже трупов срезал с ремня две фляги, у которых при взбалтывании определялась жидкость. Подобрал одну плащ-накидку,

несколько рожков с патронами для автомата и пополз к своим. В одной фляге, более полной, была вода теплая, затхлая, но пошла по кругу. В другой фляге был разбавленный спирт. И он нашел применение.

Мы ждали и на что-то надеялись. За разговорами наступили сумерки. Тишину прорвал возрастающий гул мотора. Раздавался он с востока. Я взял автомат, вышел из ответвления к основной балке и затаился. По балке шел тягач, остановился там, где раньше располагалась рота. Раздался голос:

– Доктор! Где вы там? Я за вами!

Я узнал голос Саши Цветкова. Он приподнялся над сиденьем и всматривался в нашу сторону.

Вышел из укрытия к нему.

– Вы с ранеными?

Я кивнул и показал рукой, где они расположены.

– Быстро надо выехать, пока дорогу не перерезали.

Погрузили раненых, тело старшего лейтенанта, медицинское имущество, примитивные носилки, оружие и по дну балки последовали на восток.

– Наши выходят из боев и собираются в Бекетовке. И мы туда поедем, – объяснил мне обстановку Саша.

Ехали уже в темноте. К полуночи добрались без приключений до Бекетовки, где был пункт сосредоточения остатков бригады. По приезде спросил Сашу, кто его послал за нами. Он ответил, что услышал от ребят, что доктор с ранеными остался в балке, и поспешил на выручку. Хотел обратиться к командиру, но передумал, побоялся, что не разрешит. Поделился с Воропаевым. Тот направил его к командиру. Через какое-то время сказал Воропаеву, что не нашел командира, но решил ехать.

– Ты мне ничего не говорил, и я об этом ничего не знаю, – сказал Воропаев ему.

Решение Саша принял самостоятельно, поехал один на свой риск уже в тыл врага выручать товарищей. Возможно, этим поступком он нарушил что-то уставное. И в то же время совершил героический поступок. Он не думал о

подвиге. Товарищ был в беде, и он бросился на выручку. Я не связан с Сашей ни родством, ни особой дружбой. Мы просто однополчане, люди одной судьбы и цели.

В подавляющем большинстве воины старались делать свое дело как можно лучше. Некоторые делали больше, чем могли, и становились героями заметными или скромными, оставшимися в тени. Саша принадлежал к последним.

Среда, 2 сентября 1942 г.
ЮЖНАЯ ОКРАИНА БЕКЕТОВКИ.

Всю ночь на 2 сентября остатки бригады с боями выходили из занимаемых позиций, отбиваясь от наседавшего врага, и собирались на юго-западной окраине Бекетовки. Оставшиеся в живых командиры батальонов, рот и взводов или заменившие их курсировали по намеченным маршрутам выхода своих подразделений из боев и направляли их в назначенные пункты. При возможности вытягивали технику, в основном летучки и автотранспорт – средство передвижения личного состава. Танки, покореженные и горевшие, остались на поле боя. Боеприпасы, противотанковую батарею сдали 13-й танковой бригаде. Все горючее, а его осталось мало, вывозили с собой. Происходило это под пулями, снарядами и бомбами наседавшего противника. Вскоре стал ощущаться недостаток в бензине. Начальнику ГСМ получить его не удалось – приехал ни с чем. Склады горели, и горючее выдавали по особой разнарядке, в которую наша часть не попала.

К утру несколько прояснилась обстановка. Все танки, тягачи, тракторы остались на полях сражения на подступах к Сталинграду, как и большая половина колесных и специальных машин-летучек. Танкисты в большинстве своем погибли. Часть из них, раненые и обожженные, попали в медсанбаты дивизий, с которыми взаимодействовала бригада, и в полевые госпитали 64-й армии, минуя медико-санитарный взвод, где велся учет раненых. Таким образом, многие попали в число пропавших без вести. Оставшихся

в живых членов танковых экипажей в батальонах можно было пересчитать по пальцам. Более двух третей состава потеряли танковые батальоны. Немногим меньше половины – рота управления, инженерно-саперная рота. Более одной трети – рота технического обеспечения. Всего за неполный месяц 363 человека: убитыми – 83, ранеными и обожженными – 181, пропавших без вести – 99 (данные из формуляра).

В последующем некоторые из пропавших без вести как-то находили бригаду и возвращались в подразделения. Существовала особая тяга выздоровевших раненых к своим частям. Шли на разные ухищрения, большой риск, иногда и на дезертирство из госпиталей или резервных частей, чтобы вернуться в свою часть.

Подполковник Иванов зачитал личному составу роты выписку из приказа командующего Юго-Восточным фронтом от 1 сентября 1942 года, где указывалось, что 254-я танковая бригада выводится в резерв фронта для пополнения. Бригаду переправить на левый берег Волги в поселок Рыбачий (Новый) для доукомплектования личным составом и материальной частью.

Нам стало официально известно, что вышли из боев, что будем переправляться на левый берег Волги, что получим пополнение и что предстоят новые схватки с врагом.

К рассвету людно стало возле полевой кухни. Все с нетерпением ждали горячей пищи, которую за последние несколько суток и в глаза не видели. С завтраком запаздывали, так как с большим трудом нашли пригодную для приготовления пищи воду. По пути следования и в районе расположения вода из колодцев была вычерпана проходившими воинскими частями и беженцами.

Неподалеку от кухни сидели группками в одинаковых темно-синих пилотках дети школьного возраста, укутанные не по росту большими пальто, одеялами, платками, из-под которых выглядывали шустрые глазенки. Ночь была прохладной, и дети, видно, подзастыли. Некоторые стали вылезать из своих теремков – и, поеживаясь, бегали

в кусты. На многих были надеты когда-то белые сорочки. На шее красные галстуки. Ребята грязные, измученные и очень голодные. Две девушки постарше, должно быть пионервожатые, подошли к кухне и попросили для ребят кипяток. У них остались только сухари, которые им дали в одной воинской части. Дети уже много дней не ели ничего горячего. Как они рассказали – это уходил на восток к Волге от наступавшего врага один из эвакуированных пионерских лагерей из какого-то района Черноморского побережья. Вначале их эвакуировали поездом, но его бомбили под Ростовом, где они на какое-то время застряли. Погибло там немало ребят и воспитателей. Когда враг подходил к Ростову, их отправили на грузовых машинах. Потом и машины обстреляли из самолетов в междуречье между Доном и Волгой, где похоронили несколько ребят. Машины и запас продуктов сгорели. Много десятков километров они шли пешком по калмыцкой степи вместе с толпами беженцев. Обувь износилась, запасная одежда и смена белья сгорели при бомбежке. Трудно было без пищи и воды. Среди них было много детей других государств, не знавших русского языка. Они отдыхали в пионерском лагере вместе с нашими детьми. Старшие этой группы – женщины ушли куда-то хлопотать о дальнейшей судьбе детей. Красноармейцы и командиры окружили детей, начали раздавать им небогатые свои сбережения: то сухари, то консервы, то пачки концентратов, то кусок мыла. Вдруг раздался голос: «Накормим детей горячей пищей! Это же наши дети!» Поддержали и остальные. Дежурный по роте по поручению всех присутствующих доложил командиру о решении личного состава. Он предупредил, что времени не будет приготовить еще один завтрак, скоро выступать. Согласились. Тогда он дал добро. Красноармейцы стали отходить от котлов, кое-кто захватил только кипяток в котелок и сухари. Одиночками еще подходили воины к кухне и шумно спрашивали у поваров, почему не кормят «служивых», и когда повар Харитонов отвечал, что «служивый» народ отказался от завтрака в пользу детей и когда

доходил смысл сказанного, остальные «служивые» молча отходили от котлов.

Дети не поверили, что их вдруг будут кормить настоящей солдатской кашей, которую давно не ели и настоящие солдаты. На призыв: «Налетай к солдатским котлам!» — никто не двинулся с места, хотя глаз не сводили с исходившего паром и столь манящим запахом котла. Пионервожатые построили ребят и гуськом повели к котлам. У них оказалась и посуда: то кастрюлька, то миска, то чашка или консервная банка. Не у всех были ложки, черпали сухарями, собирались группками на одну кастрюлю и на одну ложку. Когда ребята уплетали кашу, красноармейцы и командиры стали собираться вокруг них, и надо было видеть просветлевшие лица взрослых людей — будто бы кормили собственных детей.

Возможно, каждый в это время вспоминал своего ребенка, братика или сестричку и представил их на месте этих детей. Судьба и вид исстрадавшихся детей больно пронзили сердца этих взрослых, мужественных людей, только что переживших смерть. У многих выступили слезы на глазах. Это были и слезы отчаяния, и слезы гнева, и слезы клятвы: отстоять нашу землю, нашу Родину любой ценой.

Над Сталинградом полыхало зарево пожарищ, и все отчетливее слышны были глухие взрывы авиабомб. Мы двигались туда, в это пекло, ибо должны были выйти на переправу в назначенный нам срок.

После полудня колонна наша вышла в район Купоросное, где был большой привал. Штаб и все подразделения бригады ушли дальше на север и расположились где-то на южной окраине Сталинграда. Взяли с собой столько машин, чтобы разместить оставшийся личный состав и ограниченное количество продовольствия, снаряжения, горючего. Все остальные исправные и неисправные машины, летучки, склады с остатками продовольствия и вещевого имущества оставили при нас — роте технического обеспечения. Предстояло все перетасовать и разместить на минимальное количество машин. Шел спор за ограничение

на погрузку ремонтного имущества, многое оставляли. Так и наступила ночь. Рассосались по машинам и подремывали где кто сидел. Еще до рассвета последовала команда: «Заводи!», и колонна двинулась в темноту.

Четверг, 3 сентября 1942 г.
ЮЖНАЯ ОКРАИНА СТАЛИНГРАДА.

Рано утром наша колонна прибыла на южную окраину Сталинграда, где сосредоточились остатки бригады. Двигались по горевшим улицам, среди развалин, сквозь дым, гарь. Город горел. Остановились в каком-то районе с одно- и двухэтажными домиками с садами и ягодниками. Воинских частей было вокруг много. Рядом стояли зенитные установки, возле них мелькали женщины в военной форме. Техника стояла во дворах, на улице. Нашим ремонтникам работа находилась – приводили в порядок транспорт наш и других подразделений бригады.

Мне передали, что в медсанвзводе бригадный врач Раппопорт собирает на совещание всех медицинских работников. Я направился туда. По дороге местами встречались участки улиц с уцелевшими домиками, фруктовыми садами, с палисадниками, цветниками, огороженными заборчиками. Но в подавляющем большинстве шел мимо еще дымившихся развалин. На некоторых участках улиц лежали опрокинутые деревья, столбы электропередач, преграждая путь. Единичные большие воронки от взрыва бомб. Разрушенные догоравшие домики. Стоял запах гари, пепла. Северо-восточнее нас город был окутан сплошным колпаком черного дыма. Местами, особенно сверху, – клубами белого дыма. Эта масса периодически вздрагивала от раздававшихся взрывов, как живое существо. Между домами и деревьями виднелась водная гладь Волги.

Медсанвзвод разместился в добротном большом деревянном доме с цветником у крыльца и фруктовым садом во дворе. Там же была и детская площадка: качели, карусели, игрушечные домики, зверюшки из глины, которых опоясывали рядом выкопанные траншеи. В доме развеша-

ны рисунки зверей, реки, лодок, детишек, солнца. Рисовали, видно, дети. В шкафах – игрушки. По всей вероятности, здесь размещался детский сад. Детей и гражданского населения не было видно поблизости.

Все были в сборе, я пришел последним – возможно, меня и ждали. Здесь собрались все те, кто был и в Костерево в момент сформирования. Бригврач открыл совещание в доме, в одной из больших комнат. Вначале выразил искреннее удовлетворение и радость, что видит всех медработников живыми в полном здравии. Военфельдшер 1-го танкового батальона получил легкое ранение и надеется, что вскоре вступит в строй. Познакомил нас с обстановкой. Далее сказал, что командирам подразделений приказано представить особо отличившихся к правительственным наградам. Считает, что все медицинские работники достойны наград. Затем объявил, что приступает к краткому разбору работы медсанвзвода и отдельных медицинских работников и поставит задачи на ближайшие дни. Более подробный разбор сделает за Волгой уже с новым пополнением. Его выступление внезапно прервало несколько сильных, хлестких взрывов. Посыпалось оконное стекло, штукатурка, тряхнуло здание. Очередная бомбежка.

Он скомандовал: «Всем в траншеи!» – и побежал во двор. Раздавался гул пролетавших самолетов, стучали зенитки. Я с санинструктором медсанвзвода Ивановым остались в комнате, где проходило совещание. Вдруг очередной сильный взрыв потряс дом: как-то в один миг сильно хлестнуло, обсыпало нас осколками оставшегося в окнах стекла, запорошило штукатуркой и отбросило нас к стене. Мы инстинктивно вжались в угол.

Все стихло, затем послышались крики во дворе. Вскочили, стряхнули с себя осколки стекла, глину, мел и выскочили во двор. Увидели развороченную траншею и наповал убитого бригврача. Рука вместе с лопаткой была выворочена из туловища. Зияла в грудной клетке сзади большая, глубокая рана с видневшейся легочной тканью. Рядом нашли небольшой сапог с частью нижней конечно-

сти и клочья обмундирования в крови и песке. Это все, что осталось от санитарного инструктора медсанвзвода Люды. Надо было так случиться – прямое попадание сравнительно небольшой бомбы в то место траншеи, куда вскочил бригврач Раппопорт и санинструктор Люда. Остальные были присыпаны землей, ранений не получили. Мы все оцепенели. Не укладывалось и не хотелось верить, что такое вдруг случилось, хотя навидались и пережили многое.

Метался по двору санинструктор Иванов – разыскивал останки Люды. Продолжались взрывы бомб в городе севернее нас, где полыхало зарево огромного пожарища. Не прекращался гул самолетов, рядом раздавалась стрельба зениток. Все это будто никого не касалось, настолько поразила случившаяся на наших глазах гибель наших коллег. Иванов ничего не нашел. Положил возле себя сапог с остатком ноги Люды. Сел возле крыльца, зажал голову руками и застыл в такой позе. Майя стояла в траншее, руки в кулачках прижаты к груди и уставилась в рядом лежащее искореженное тело Раппопорта. И мы все остальные застыли от ужаса, горя утраты, беспощадности и жестокости войны. Откуда-то вышел доктор Гасан-Заде с плащ-палаткой, халатами в руках. Подошел к телу погибшего и без слов кивком головы позвал остальных. Подошли я, Модзелевский, Шепшелев. Расстелили рядом плащ-палатку, положили тело Раппопорта, остатки одежды Люды и ее ногу, накрыли халатами. «Всем ехать к себе», – тихо сказал Гасан-Заде. Стали расходиться. Я был без машины. Решил добраться до штаба бригады, а оттуда попутными к себе. В городе продолжались взрывы бомб и снарядов.

Пока собирался идти, услышал рыдания. Майя облокотилась на край траншеи, голова лежала на руках, хрупкое тело содрогалось от рыданий. Я с ней еще не обмолвился ни словом. Хотелось подойти сейчас, успокоить, утешить. Как – еще не знал. Сам был потрясен. Подойти к ней не решился. Как она среагирует, как другие? Наваждение какое-то. Ничего не придумал – подошел к врачу Панчен-

ко и попросил, чтобы успокоила Майю. Она к ней подошла, что-то говорила ей, а та еще больше стала содрогаться от рыданий. Я подошел к ним, спрыгнул в траншею, на руках приподнял это хрупкое, трепещущее нервной дрожью создание и вынес по ступенькам из траншеи. Как ни хотелось выпускать ее из рук, но пришлось поставить ее на ноги. Она, видно, не поняла, что с ней происходит, где она. Панченко обняла ее и повела в дом. Я завидовал всем тем, кому по службе предстояло быть с ней рядом. Вздохнул глубоко и решительно направился к калитке.

У крыльца на корточках сидел Иванов и раскачивался с прикрытой руками головой. Я направился к нему, но меня задержал Шепшелев, взял за руку, отвел и сказал: «Не трогай его, пусть выплачется. У него с Людой была любовь».

Продолжалась массированная бомбардировка города, что становилось уже привычным и не отвлекало от случившегося. Из головы не выходила эта нелепая гибель коллег. С Раппопортом у меня был доверительный разговор еще в Костереве, где бригада формировалась. И после разъезда 74-й километр он мне с сожалением сообщил, что командир мой забрал из штаба бригады им же оформленные на меня наградные документы. Это был рослый, симпатичный, хорошего телосложения мужчина под 30 лет, подтянутый, в ладно сидящем на нем обмундировании. В петлицах – одна шпала. Служил он в Белорусском военном округе, где и застала его война. Медсестра Люда также была в бригаде со дня формирования – месяц с небольшим.

В штабе попутной машины не оказалось, и я пешком пошел к себе в подразделение. Шли непрерывные воздушные бои над городом. Все больше встречались в пути очаги крупных пожаров, горел дом за домом. Их не тушили. Не было воды. Водоснабжение централизованное и канализация были нарушены. Встречались единичные гражданские люди, несшие в ведрах воду из Волги.

В этот вечер политрук Титов зачитал нам приказ №4 войскам Сталинградского и Юго-Восточного фронтов.

Командующий и член Военного совета этим приказом выразили крик души народа к своим воинам отстоять Сталинград.

Мы и так понимали, что положение наших войск в целом крайне тяжелое. Одного воззвания недостаточно. Нужны были новые части и вооружение. За нами не станет. И не покидала мысль, почему нас так теснят и бьют. Откуда столько сил у врага? Удержимся ли?

Пятница, 4 сентября 1942 г.
В ОЖИДАНИИ ПЕРЕПРАВЫ.

Все жили ожиданием переправы на левый берег Волги. Разговоры и действия шли вокруг этого. Определили транспорт и имущество, которое берем с собой. Оставили самое необходимое. Назначенное нам место переправы в районе южной окраины Сталинграда отменили. Причалы и подход к ним были разбиты вражеской авиацией, и эта переправа стала непригодной для выполнения своих функций. Переключили на район Купоросное, куда убыли все подразделения бригады, кроме нас. Там постоянно дежурил и наш представитель в ожидании очереди.

Как и в нашем районе на южной окраине Сталинграда, так и в районе Купоросное подступы к переправам и местность вокруг на большом расстоянии были забиты машинами с людьми, большим количеством беженцев. Весь этот поток пытался перебраться за Волгу. Подступы к переправам были оцеплены войсками, и без специальных пропусков никого не допускали.

Вражеская авиация, артиллерийские снаряды врага вносили коррективы, выводили из строя переправы. Графики их работы нарушались, сроки эвакуации затягивались. Остатки войск, потоки раненых и гражданское население все подходили и скапливались живыми массивами на большом пространстве вдоль Волги. В эту массу вливались прибывавшие свежие войска. Все это бомбилось с воздуха и подвергалось артиллерийскому и минометному

обстрелу подходившими к Волге немецкими войсками. Мы уже знали, что в северном районе Сталинграда фашисты более недели назад вышли к Волге, хотя официально об этом не говорилось и не писалось, и Совинформбюро пока ничего не сообщало.

Шли разные толки. Командование ничего не сообщало. Газет не читали, их не было. Поговаривали, что немцы заняли большую часть города и многие наши дивизии обороняются в окружении.

Противник пытался опрокинуть в Волгу войска и в нашем районе. По его наступательным действиям мы это чувствовали. Как же мы выберемся отсюда и успеем ли?

Нас ждали танки и личный состав за Волгой. Но в первую очередь необходимо эвакуировать раненых. Это будущие воины, опытные и обстрелянные. Многие из них нуждались в квалифицированной и специализированной медицинской помощи и погибали из-за отсутствия ее.

Командование бригады моталось по инстанциям с какими-то бумагами, но ничего пока не выходило. Личный состав уже терял веру в возможность переправы. Мы лежали в траншеях и под машинами.

Наш участок периодически подвергался артиллерийскому обстрелу. Некоторые по своему усмотрению и инициативе стали копать возле машин ячейки, небольшие траншеи. Командование роты распоряжений не давало, сами были растеряны. С часу на час ждали команду на выход к переправе. Противник не был виден, но мог в любой момент оказаться рядом. Это подавляло, вселяло неуверенность, страх. Лучше видеть перед собой врага, как это было на разъезде, в Зетах и других местах. Тогда создается большая уверенность в себе, видишь и знаешь, как защищаться.

Рядом лежал Манько. Подошел и присел к нам Костя Наумов.

– Тут нам кости сложить. Ни хрена нам не выбраться. Никак на новую переправу решения добиться не могут. Чихали на нас. Никому не нужны мы, обноски, хлам железный.

– Волгу переплывешь? – обратился ко мне Костя.

– Я совсем не могу плавать, – признался я, – негде было дома и как-то не научился.

– Тогда твое дело дрянь. Я надеюсь переплыть Волгу, если не подколют меня.

– Я как все. Надеюсь, что баржа или паром меня выдержат.

– Надейся, надейся. Все баржи топят. Может, для тебя непотопляемую подберут. Не видел, как баржи тонут?

– Видел. Но больше доходят. Вот только пришла баржа с войсками. Да и на левый берег доходят, особенно ночью. Бывает, и тонут. А что предлагаешь?

– Плавать надо уметь.

– Не умею, не научился. Ты же морской спец. Что предлагаешь?

– Ничего. Такие и тонуть будут.

– Чего каркаешь! – схватился Манько.

– Это он так шутит, сволочь такая. Как его понять? – заметил я.

– Пошутил я. Бросать все надо. Всю эту рухлядь. Плоты поделать или вплавь, держась за камеры от машин, плотики, бревна. На том берегу все новое получим. Кто о нас подумает? Есть поважнее птицы.

– Во дает! Гнилую политику несешь ты, Наумов, – вмешался подошедший Саркисян, – и мы еще нужны. Очень даже. Командованию фронта нужны боевые полнокровные части. От нашего-то огрызка здесь никакого толка, а на той стороне – это танковая бригада, понимаешь?! Основной костяк сохранился, и если ему придать машины с людьми – опять будет танковая бригада! И какая! Уже с боевым опытом, что не валяется под ногами. Нас не забудут. Дойдет очередь – переправят нас.

В это время недалеко последовал ряд взрывов артиллерийских снарядов. Шел обстрел нашего участка. Мы вжались в землю, другие разбежались по ячейкам, траншеям, воронкам.

– Вот сука, уже под самым носом, все прет и прет. Чем его остановить? И переправы разбил. Как перебраться через Волгу? На ковре-самолете? Жди, подадут тебе. Говорил, что вплавь нужно перебраться. Снять колеса с машин и на шинах вперед, – гнул свою линию Наумов.

– Новые переправы наведут, – ответил Саркисян, – много наших войск подходит. Не отдадут немцу город. И нас еще сюда перебросят.

– Готовьте плавсредства: бревна, доски, шины надувайте.

– Никто нам не поможет, мужики. Или тут раздавит, или рыбу отправит кормить, на спасение шансов мало. Видать, такая наша судьба.

– За упокой запели, хватит! Пошли бревна искать. Напилим столбы и скобы набьем, чтобы зацепиться можно было. Если баржу потопит, то хоть за что зацепиться будет и выберемся как-нибудь, – вмешался старшина автовзвода «Крошка», – пошли дело делать!

Сам поднялся, и за ним последовала группа красноармейцев.

– Почему вы так уверены, что благополучно переберемся на левый берег?– спросил я Саркисяна.

– Уверен я или не уверен – это не имеет значения. Люди носы опустили. Надо их взбодрить. Веру нельзя терять, хотя дела и плохи. Чего ты раскис?

– Плавать не умею. Не хотелось бы топором идти на дно.

– Держись какой-нибудь чурки на барже. Смотри, и обойдется.

Видели, что почти за каждой отходившей баржей охотились «юнкерсы» или «мессершмитты» – бомбили, обстреливали пулеметным огнем, пытаясь зажечь или потопить. Не каждая баржа добиралась до левого берега. До нашего прихода бомбили причал. На берегу и у самой воды еще бушевали участками пожары, горели склады, постройки. Их уже не тушили. Все пространство вокруг было окутано дымом. Над нами часто шли воздушные бои, отчаянно

стреляли зенитки, а вражеские самолеты прорывались и бомбили все вокруг.

В этих условиях мы ждали нашей очереди на переправу на левый берег Волги.

Суббота, 5 сентября 1942 г. ПЕРЕПРАВЫ ГОРЯТ.

Так, в ожидании переправы прошла и эта ночь. Утром узнали, что большая часть бригады ночью погрузилась и баржа благополучно отошла от берега. Очередь за нами. Это наша рота технического обеспечения, часть обычных и специальных машин с людьми из других подразделений бригады и склады на колесах. Старшим группы остался инженер-подполковник Иванов и с ним еще один командир из штаба бригады.

Обстановка осложнялась. Враг все ближе подходил к Волге, занял господствующие высоты на юго-западных подступах к Сталинграду. Все точнее вел прицельный артиллерийский и минометный огонь по переправам, реке, скоплениям наших войск у берега. Стал чаще бомбить наш район. Не ослабевал огонь наших зенитных батарей, но господство противника в воздухе заметно преобладало.

Днем в южных районах Сталинграда переправа через Волгу практически прекратилась из-за непрерывного обстрела и бомбежек. С наступлением темноты канонада несколько утихала, и более активно стали работать переправы, но и тут враг не дремал. Периодически навешивал над Волгой «фонари» на парашютах, и вновь начинался артиллерийский и минометный обстрел барж, паромов, причалов и берега. Запоздало отвечали зенитки. Пока спускались до поверхности воды «фонари», было светло вокруг и все видно как на ладони.

Есть приказ, и куда-то уже определены на переправу и мы. Если даже и подойдет очередь на погрузку, то что ждет нас на воде, проявит ли Волга снисхождение к нам, дадут ли ей это сделать? Казалось, что все нами пережитое до этого момента не идет в сравнение с тем, что предстоит пережить здесь. В нашем районе до Купоросного почти

все баржи и паромы с войсками и грузами на наших глазах бомбил, обстреливал враг.

Уже с наступлением темноты прибыл в наше расположение инженер-подполковник Иванов и приказал вытянуть в походную колонну машины нашего отряда. Все было сделано быстро, и вскоре мы двинулись в непроглядную темень. Должно быть, к переправе. В добрый час!

Воскресенье, 6 сентября 1942 года.

ВСЕ ЛИ СРЕДСТВА ХОРОШИ?

Инженер-подполковник Иванов добился разрешения на переправу нашего отряда где-то в районе Бекетовки. Всю ночь продвигались туда с большими остановками среди других воинских частей и групп гражданского населения. Пытались обойти основную магистральную дорогу, забитую потоками войск, натыкались на овраги и балки – и возвращались. Мы все дальше и дальше уходили в темноту от огромного зарева, оставшегося позади нас. С расстоянием оно еще больше окутывалось дымом и в размерах не уменьшалось.

Рассвет застал нас на местности из мелких кустарников, расположенных рощицами среди песков без травы. Видно, это была пойма весеннего разлива Волги или какой-то просохший затон. Здесь и остановились. Командир роты и подполковник Иванов сразу уехали к месту предстоящей переправы. Позавтракали. Кухни ушли заправляться водой в Бекетовку. Обстановка здесь резко отличалась по сравнению с предыдущей на южной окраине Сталинграда. Необычно тихо. Не рвутся снаряды, мины, самолеты пролетают, не обращая на нас внимания.

Личный состав спал в кабинах машин, в кузовах поверх имущества. От нас уже ничего не зависело. Придет время – машины поедут и повезут нас. Этим жили люди. Быстрее бы на переправу.

В полдень меня вызвали к командиру роты. Там были замполит Титов, зампотех командира роты Калмыков и инженер-подполковник Иванов.

– Доктор, сейчас поедете со мной как есть, при санитарной сумке обязательно, – сказал Иванов.

– Есть!

Санитарная сумка всегда была при мне, и противогаз, и, конечно, пистолет «ТТ». Захватил и плащ-накидку не от дождя – от ветра и пыли. Иванов разъезжал в открытой бортовой машине ГАЗ-51.

Вскоре нас остановили красноармейцы, стоявшие в оцеплении, и дальше ехать на машине не разрешили, несмотря на предъявленные Ивановым документы. Предложили идти пешком к начальству. Съехали с основной дороги в сторону. Машину оставили с водителем и отправились пешком до коменданта переправы.

– Присматривайся и наматывай на ус, что к чему, – сказал мне Иванов.

– К чему присматриваться? – не понял я.

– Смотри и запоминай. Для чего тебя взял, скажу после.

Мы продолжали пробираться вперед. Вскоре остановили на еще одном оцеплении. Посмотрев документы, пропустили. Мы шли мимо колонн автомашин с грузами и военными людьми, мимо машин с ранеными. Вышли к переправе по одной-единственной дороге, проходившей узким горлом по высокой насыпи до самого берега, где был, видно, недавно оборудован причал. Доски, бревна были еще свежие. У причала стоял паром, из которого выгружалось артиллерийское подразделение. Вдоль берега развернута группа палаток, стоят крытые машины, летучки, вырыты траншеи, ведущие в блиндажи, много охраны. Нам показали палатку дежурного по переправе, из которой широкая траншея вела в блиндаж.

Вокруг толпилось много командиров разных рангов. Заняли очередь. Через какое-то время Иванов пробрался к дежурному – подполковнику, который вел регистрацию. Я протиснулся за ним. Тот просмотрел бумаги, зарегистрировал и сказал, чтобы наведались через трое суток. Тогда укажет время и после какой части пойдем на пере-

праву. Мы вышли. Иванов повел меня к причалу. На этот же паром уже шла погрузка какой-то части. Машины пропускались через третье оцепление. Мы пошли к ним. Там каждую машину останавливали у шлагбаума, проверяли документы, сверяли номера машин по списку и по одной пропускали на узкую высокую насыпь, ведущую к причалу. Шли реактивные минометы вперемежку с грузовыми машинами.

– Зачем их отправляют, разве не нужны они фронту? – спросил я Иванова.

– Возможно, для ремонта или на формирование, как мы. Не нашего ума дело. Думай, как нам переправиться.

Что я мог придумать? Шли на паром и машины с ранеными. Их в первую очередь пропускали на всех пунктах оцепления группами на каждую погрузку вперемежку с другими подразделениями.

На насыпи у шлагбаума остановили машину с грузом, крытую брезентом, видно, прорвавшуюся вне очереди. Поверх сидели красноармейцы, командир. Что-то выясняли, ругались. Машина эта задерживала всю колонну. Подошел генерал с пистолетом в руке, пригрозил старшему этой машины, велел слезть людям. О чем-то распорядился, и красноармейцы из охраны, более десятка человек, на руках сдвинули машину к краю насыпи и опрокинули ее с грузом вниз. Остальные вновь двинулись к переправе на паром. Должно быть, прорвалась эта машина из другой части или не числившаяся в документах на переправу. Был потрясен этой жестокой сценой.

– Пошли, – и подполковник Иванов повел меня прочь от переправы. По дороге спросил:

– Какой вывод сделал?

– Строго очень, – ответил я, – скоро не попадем на переправу, а через три дня немец может и сюда прийти, если раньше не удастся переправиться.

– И я так думаю, – сказал он. И несколько промолчав, добавил: – Переправляться будем сегодня ночью и только сегодня.

– Как? – я ничего не понял.

– Сегодня ночью, или вовсе не попадем на переправу. – О чем-то подумал и спросил: – Бинтов много у тебя?

– Целый комплект – мешок марлевый и еще часть комплекта.

– Видел, раненых пропускают без очереди. Надо будет набрать раненых, но и наших людей также нужно перевезти, – шел молча некоторое время, остановился и в упор, держа меня руками за плечи, сказал: – Перевяжешь всех наших, во всяком случае, большинство, за исключением водителей машин, старших и некоторых других. Достану красные чернила – подмажешь перевязки. Ночью сойдет. Наберем часть настоящих раненых, догрузим до наших и сегодня ночью выйдем к переправе. Другого выхода нет. Понял, какая операция нам предстоит?

– Понял, как не понять.

– Вопросы пока не задавай. Присматривайся к местности, обстановке и запоминай.

– Есть присматриваться и запоминать, – ответил я машинально и еще не мог представить, что от меня требовалось. Вернее, все хорошо представил, но не мог понять, как можно на такое решиться. В полном смятении шел за подполковником, оба молчали.

Дошли до стоянки нашей машины. В этот момент начали рваться бомбы над переправой. Из пике выходили «юнкерсы». Стали стрелять наши зенитки. Раздались автоматные очереди.

– Сегодня. Сегодня ночью или никогда, – сказал себе Иванов.

Мы срочно отправились в расположение нашей группы. Решили набрать раненых из какого-то лечебного учреждения и разместить на наши машины. И на часть нашего личного состава наложить повязки и шины – имитировать раненых. Спросил у комиссара, найдет ли красные чернила. Тот ответил, что есть одна бутылка.

– Отдать ее доктору.

Выделили мне в помощь двух человек и с наступлением темноты велели начать перевязки. Между машин отгородил уголок брезентом, и к концу дня каждый командир взвода, отделения по очереди приводили ко мне красноармейцев, и я стал их бинтовать, накладывать шины, подручные средства. Выложил все свои знания по десмургии – правилам наложения повязок. Вокруг стоял смех, шутили друг над другом.

Командир роты и комиссар неоднократно подходили и требовали серьезности, предупреждали, чтобы на переправе стонали, имитировали настоящих раненых. Выделили свыше десятка машин и летучек, в которые планировалось разместить настоящих раненых. Иванов посадил меня в свою бортовую машину, и этой колонной отправились за настоящими ранеными. Долго искать не пришлось. Днем видели пункты сбора раненых. Подъехали к одному из них, нашли начальника, и Иванов сказал ему, что часть наша идет на переправу и обязали нас захватить с собой раненых. Начальник обрадовался нам. Раненых погрузили на машины и в летучки, мне выдали на них эвакуационные карты – карты передового района, для передачи лечебному учреждению, куда они будут сданы. И мы вернулись в свое расположение. Догрузили к ним часть наших «раненых». Остальных погрузили на оставшиеся машины. Это произошло уже поздно вечером. Перестроили колонну и двинулись в направлении переправы. Нас пропустили через первый и второй пункт оцепления. Пропуском были раненые. Стояла непроглядная темень. Проверяли машины фонарями. Район причала – берег, территория вокруг подвергались периодически беспорядочному артиллерийскому и минометному обстрелу. На третьем пункте оцепления машины наши долго держали. Вызывали подполковника Иванова к коменданту переправы, сильно ругали, грозили передать трибуналу, что влезли на переправу вне очереди. Вернуть обратно колонну по узкой насыпи было невозможно и сбросить машины с ранеными с дороги, как это сделали с одной машиной накануне днем, не посмели.

Каждую машину тщательно проверяли, освещали фонариками, забирались в кузов машин, заглядывали в летучки. Вид раненых, окровавленные повязки, торчавшие шины сделали свое. Нас пропустили на переправу, благодаря, конечно, раненым.

К погрузке была подана баржа. По одной на нее въезжали машины. Во время погрузки переправа вновь подверглась артиллерийскому и минометному обстрелу. Снаряды ложились точно. Должно быть, противник хорошо ориентировался, еще днем пристрелял это место. Появились раненые и убитые среди охраны, наших и других частей.

У нас был ранен осколком один водитель. Его заменил за рулем Наумов. Был убит один из наших «раненых». Обоих мы взяли с собой. Догружали баржу техникой и людьми из какой-то другой части. Все торопили, а погрузка затягивалась. От взрывов бомб образовавшиеся волны колебали баржу, и въехать на нее машинам было просто невозможно. Приходилось ждать какое-то время, пока волны улягутся. И далеко за полночь баржу, наконец, взял на буксир маленький с виду пароходик и потащил нас за собой на очень длинном буксире. Шли, как нам казалось, очень медленно и долго. Наступил рассвет. Мы подошли к дебаркадеру и отдали концы. Нас зацепили баграми, подтащили и укрепили. Все время поглядывали в небо, опасаясь стервятников. Уровень баржи, дебаркадера и берега не совпадали и очень значительно, что затрудняло выгрузку. Но много сильных рук дружно выталкивали машины из баржи на дебаркадер, а затем спускали их вниз на землю, даже и незаведенные машины с грузом. Так стремились быстрее выбраться из этой ненадежной скорлупы на берег. Оказалось, что мы высадились на остров Сарпинский, из которого предстояло еще переправиться на левый берег Волги.

Невероятно тяжелые испытания доставались беженцам и гражданскому населению города, скопившимся у Волги в надежде на переправу на левый берег. Это были в основном старики, женщины, дети. На них не обращали

никакого внимания, они были предоставлены самим себе. К Волге их не допускали, они располагались под открытым небом в степи под палящим солнцем днем и довольно прохладными ночами. Подвергались бомбежкам, минометным и артобстрелам, голоду и жажде, оставались без медицинской помощи. От бомбежек прятались в подвалах домов, где и жили. Многие погибали, страдали от голода и жажды. Планового обеспечения населения продуктами и водой не было. Красноармейцы и командиры по возможности делились с гражданским населением, но сами были в большом затруднении.

Понедельник, 7 сентября 1942 г.
ОСТРОВ САРПИНСКИЙ.

Все легко вздохнули, почувствовав под ногами землю. Лица просветлели. Слышны стали шутки. Выбрались, наконец, из пекла, в котором жарились целый месяц. Как мало времени – месяц. И как долго длился весь этот кошмар.

Сколько пережито нами – и всего только месяц. А война длится уже второй год. Как представить, что пережито ими, и какие испытания еще предстоят?

Еще до конца не закончили выгрузку, а на погрузку уже шла свежая часть. Настоящих раненых перегрузили более компактно на меньшее количество машин, и мне приказали отвезти их и сдать в лечебное учреждение. Многим стало не по себе от всего этого спектакля. Почувствовали, что совершили что-то очень кощунственное, будто обобрали близких.

Вслед за управлением бригады нужно было срочно переправиться и нам. Пришлось выбрать этот шаг. Все ли средства оправдывают цель?..

Вскоре добрались к развернутому на острове эвакоприемнику, где без особых хлопот сдал раненых.

Остров был в основном плоский, без естественных укрытий, грунт песчаный. Шли мимо небольших рощиц,

грибков, некоторые из них еще были покрыты тентом. Здесь, видно, было место отдыха сталинградцев.

Машины расставили по оврагам. Поступила команда рыть траншеи для личного состава, чем и занялись. Командование уехало хлопотать о переправе с острова на левый берег.

И здесь было далеко не безопасно. Каждый понимал это и старался побыстрее вырыть траншеи. К вечеру вернулось начальство. Нам ничего не сообщили, и мы поняли, что с переправой пока ничего не вышло.

Вторник, 8 сентября 1942 г. СТАЛИНГРАД В ОГНЕ.

Прошла еще ночь, страшная, не похожая на все остальные. Сильно промерзли. Холодно было в шинели. Не спал я эту ночь, как и большинство моих товарищей. И не из-за холода. Взобрались на бугры, и нас приковало взглядом к противоположному берегу Волги. Огромное кипящее зарево над Сталинградом выхватило и освещало большое пространство вокруг, в том числе и часть острова, где мы находились.

Город горел на противоположном берегу, насколько можно было охватить взглядом в обе стороны. Враг добивал поверженный город. Поверженный ли? Туда переправлялись все свежие и свежие части, чтобы отстоять его. И Сталинград сражался каждым своим домом, каждой улицей.

Всю ночь он подвергался бомбардировке, хотя ночью немцы обычно приостанавливали боевые действия. Многие солдаты не добирались до правого берега Волги и, не вступив в бой, тонули.

Мы несколько дней были в горящем и обороняющемся Сталинграде, но не ощутили размах его беды, уничтожения. Совсем иначе он предстал сейчас своей масштабностью и величием, истерзанный и израненный, но не сломленный. Сражение еще предстояло за него. Мы почувствовали и твердо уверовали, что здесь будет решаться, кто кого. Если не город, то прах его, землю, на которой

стоял, будут защищать. Отступать уже больше нельзя и некуда. И все его муки и потери будут во имя спасения всей страны, исхода войны.

Суровы были лица моих товарищей. Смотрели с ужасом и болью на происходившее напротив и молчали, застыв как камни.

Подполковник Иванов, командир роты Михайловский и представители штаба бригады раньше всех позавтракали и убыли хлопотать о переправе с острова.

Вечером они вернулись. Ничего нового для нас не было. Очередь еще не подошла, хотя работала переправа круглые сутки.

Среда, 9 сентября 1942 г.

НАКОНЕЦ, ЛЕВЫЙ БЕРЕГ ВОЛГИ!

Прошли еще одна ночь и день. Как-то сразу похолодало. Шинель не согревала. Мы зябли. Костры разжигать не решались – соблюдали светомаскировку. Даже кухню отогнали подальше от нашего расположения в овраг, чтобы не искрила и не дымила рядом. И в эту ночь мало кто спал. Остров бомбили, особенно переправы, западная и центральная части его обстреливались артиллерией. Все были напряжены до предела. Из пекла выбрались, но и здесь не были в безопасности. Смерть могла настигнуть случайно. Не хотелось, чтобы это произошло от бомбы или снаряда уже вдали от передовой, не хотелось, чтобы это произошло во сне. Ко мне подошел красноармеец Ожешко с надутой камерой от колеса машины.

– Возьми, доктор, пригодится. Слышал, плавать не умеешь. Будем переправляться – держи возле себя на всякий случай.

Тронул он меня этой заботой до слез. Поблагодарил его. Почему-то не догадался я раньше запастись камерой. Поможет ли она, когда будут вокруг осколки и пули, но была приятна его забота и товарищей.

Далеко за полдень прибыл представитель из штаба бригады и распорядился срочно вытягивать в походную

колонну автомашины для следования к переправе. Приказал гасить огонь в топках и полностью выгрести уголь, иначе не пустят на переправу. Задерживаться нельзя, так как должен подойти паром и после его выгрузки сразу же загружаться будем мы.

Вражеская авиация бомбила остров. Наша группа была очень заметной мишенью для врага. Наконец под гул самолетов, взрывы бомб и матерщину Иванова двинулись вперед, двигались с частыми остановками среди других частей и машин с ранеными, которые также шли на одну из переправ. Прошли оцепление и вышли к рукаву Волги севернее переправы. Вдали уходил пароходик, на прицепе у которого была баржа с войсками и ранеными. Видны были и лошади, повозки. У причала швартовался подошедший паром, на который нам предстояло грузиться. Выгружались артиллерийские самоходные противотанковые установки с 76-мм пушками. На уходившей перед нами барже вдруг поднялся огромный столб воды, из которого взметнулся в небо черный силуэт «юнкерса». Затем дошел звук глухого взрыва и гул пролетевшего самолета. Все это так неожиданно случилось, что не успели сразу сообразить, что произошло. Баржа стала крениться набок, и машины, люди, повозки, лошади – все, что на ней находилось, посыпалось в воду. В сознании стал вырисовываться весь ужас происходившего.

Маленький пароходик-буксир не остановился, продолжал так же медленно двигаться вперед, баржа ушла под воду, и он тащил уже под водой то, что осталось от баржи. Все это произошло в считаные минуты. На месте взрыва плавали разные предметы, бочки, копошились люди, лошади, и оттуда отходили высокие круговые волны.

От причала и с противоположного берега шли спасательные катера. Стреляли отчаянно зенитки вокруг переправы и с противоположной стороны, но в небе ни наших самолетов, ни вражеских не было видно. Мы застыли от ужаса, уставились на съезжавшиеся к месту катастрофы спасательные катера. Слишком мгновенно и неотвратимо

все произошло. Волга поглотила на наших глазах баржу с людьми, лошадьми и техникой. Была баржа, и нет ее. Кто вершит судьбами людей?

Случившееся очень сильной болью отразилось на каждом из нас. Я почему-то достал надутую воздухом камеру, прижал ее к себе и застыл, сидя поверх имущества в кузове. Должно быть, очень смешно выглядел.

Слез с машины, стал рядом. Одной рукой держался за борт, в другой держал камеру. Подошел Костя и сказал мне:

– Чего вцепился? Сейчас она тебе не нужна, да и на пароме мало шансов – пробьет осколок. Вплавь, только вплавь можно будет выбраться. Главное – не растеряться.

Все так, а как на деле?

Очень спешно разгружались артиллеристы, и сразу же на погрузку пошли мы. Пропустило нас второе оцепление, и мы вышли к причалу. Загрузились быстро. Это была уже не баржа, а паром, более плоский и широкий, низко сидящий в воде. Вместе с нами погрузилось подразделение другой части. Взял нас на буксир пароход и медленно потащил против течения к противоположному берегу. В сумерках подошли к причалу. Подхватили концы, подтянули и укрепили паром. Разгружались спешно уже в темноте.

Машины отошли от причала, выстроились в походную колонну и медленно ушли опять по пыльной степной дороге в ночь Заволжья. Через полтора часа остановились. Рассредоточили машины. Выставили караульных.

Все напряжение прошедших дней враз прошло. Все свободные от наряда мертвецки уснули. Почувствовали, что все опасности позади. Я забрался в кузов бортовой машины к командиру автовзвода Манько. Он лежал поверх какого-то груза, накрытый плащ-накидкой. Что-то проворчал, но не проснулся. Я в шинели и сапогах протиснулся к нему под накидку и провалился в бездну.

Проснулся с криком. Манько меня тряс за плечи, отталкивал. Я крепко вцепился в него, не понимая, где я. Темнота ночи уходила. Оглядываясь, я спросил его:

– А где вода, где они?

– Проснись! Ты на машине. Орал чего-то, меня душил. Приснилось что?

Я все осматривался, приходил в себя. Смутно вырисовывалась действительность. Стал понимать, где я сейчас и что недавно видел.

...Бомба ударила в паром, взорвалась, и люди, машины, пушки – все попадало в воду. И я в воде. В руках у меня наполненная воздухом камера от мотоцикла. Одной рукой держусь за камеру, другой гребу. Замечаю, что камера становится все меньше и меньше. Воздух пузырьками выходит через отверстие, пробитое осколком. Пальцем зажимаю отверстие, а камера все меньше и меньше, руки коченеют, и еле держусь за нее и чувствую, что она совсем без воздуха и не нужна уже мне такой. Я ее выпускаю из рук – она уходит на дно...

Как потом понял из рассказа Манько, он проснулся от того, что я руками вцепился в него и кричал. Разбудил и испугал его. Некоторое время еще лежал, обдумывал происшедшее. Постепенно приходил в себя, пока не почувствовал, что замерз. Слез с машины и стал разогреваться быстрой ходьбой, бегом трусцой. Солнце взошло. Начинался новый день. Возле кухни уже возились повара. Все остальные еще спали. Надо же, чтобы такое приснилось...

Завтрак растянулся, люди спали, вставать не хотелось, и могли позволить себе отдых наконец. Кроме нашей роты, вокруг никого не было. Стояла непривычная тишина. Мелкий кустарник и безбрежная заволжская степь...

Приехал командир. Дал команду готовиться к маршу, а сам пошел к кухне завтракать. Заработали двигатели, стали выдвигаться в колонну машины. Вскоре мы выехали к месту новой дислокации в поселок Рыбачий (Новый), где предстоял нам кратковременный отдых и получение пополнения.

Часть четвертая

ЗАХВАТ ПЛАЦДАРМА

(10 сентября – 5 октября 1942 г.)

Четверг, 10 сентября 1942 г. ВЫРВАЛИСЬ ИЗ АДА.

Все позади. Это был сон или прочитана книга?.. Ни то, ни другое. Все это было наяву, через все это прошел...

После завтрака лежал на траве и смотрел в небо: чистое, темно-голубое, глубокое, безбрежное.

Сколько человеческих жизней оборвала война, конца которой пока не видно? Сколько людей не выполнило своего предназначения на Земле и скольким еще предстоит преждевременно уйти из жизни из-за придуманной людьми эпидемии войны для своей же гибели?

В глобальном масштабе трудно представить, что ждет человечество после увиденного даже на таком ограниченном участке военных действий, как сражение на Сталинградском направлении.

Должно быть, погибли уже миллионы людей. В подтверждение сказанного говорят потери личного состава нашей бригады за один только первый месяц боевых действий, составившие большую половину штатного состава.

Мысли и отрешенность мою прервали красноармейцы, подходившие со сбившимися повязками, ссадинами. И я вернулся на землю. Да, надо перевязать всех нуждающихся. Нужно идти в медсанвзвод и дополучить перевязочный материал, медикаменты, повидать коллег, узнать новости. Нужно помыть людей. Узнать, есть ли в поселке баня. Расположились возле какой-то речушки. Основная масса личного состава занималась собой. Приводили себя в порядок. Многие стирали верхнее обмундирование

и сушили на траве под солнцем. Нашелся парикмахер и прихорашивал желающих тут же, возле машин. Смельчаки купались – вода была довольно прохладной. Люди просто наслаждались столь необычной тишиной, отсутствием стрельбы, взрывов, гула самолетов, возможностью расслабиться. Велико желание было помыться. Помыться горячей водой с мылом в настоящей бане. Из штаба бригады приехал мотоциклист и вывалил брезентовый мешок с газетами и письмами. Газеты периодически попадали нам, пусть не всегда свежие, но письма получали редко. Большинство личного состава получили на этот раз и не одно письмо. Были письма и для погибших товарищей.

К вечеру роту передислоцировали в новый район, ближе к расположению бригады, в поселок Рыбачий. Расположились на окраине возле речки.

Пятница, 11 сентября 1942 г.

ОТКРОВЕНИЯ ДОКТОРА ПАНЧЕНКО. БАНЯ И КОЕ-ЧТО ДРУГОЕ.

Ночью и под утро прохладно. Дом наш – кузов машины, крыша – голубое небо. Повседневная трехразовая привязанность к полевой кухне. И специфическая работа, исходя из обстановки.

Поселок Рыбачий набит войсками, и где-то тут остальные подразделения бригады. В нашем расположении – старая, запущенная кузница, сараи, несколько навесов, изгороди, где когда-то пребывал скот. Под навесами развертывали ремонтные мастерские.

От начальника обозно-вещевой службы узнал, что бригада сегодня моется в поселковой бане и наше время после обеда. Поспешил в медсанвзвод за перевязочным материалом. Начальника аптеки не застал. Хотелось увидеть Майю, но в медсанвзводе и ее не оказалось. Одолжил у санинструктора Иванова десяток бинтов для бани и собрался к себе. Встретил Ложкину и Панченко. Поздоровались.

– Мы уже знаем, что вы благополучно переправились, и рады вас видеть,– сказала Ложкина.

— Спасибо. И я рад вас видеть в добром здравии. Из медиков наших все живы? — спросил я.

— После гибели бригврача Раппопорта и Люды был еще ранен военфельдшер 2-го танкового батальона. Легкое осколочное ранение в мышцы плеча. Остальные все пока живы. Нет нового бригврача. Гасанчик мотается и злится. Ему достается. Очень нервничает, вспыльчивый.

— Долго здесь будем? — спросил я.

— Как только танки прибудут — сразу опять за Волгу бросят. Может, и со дня на день.

— Хотел получить перевязочный материал и медикаменты, а Шепшелева нет.

— Скоро будет. И Майя скоро будет,— лукаво добавила Ложкина.

— Ее я пока не искал. А где она?

— В роте управления. Командир роты заболел, ее Гомельский пригласил, а возможно, в штаб к Максимову зашла. Найдите ее, а то прозеваете. Украдут.

Я не нашелся, что ответить. Пока раздумывал, она помахала рукой и обратилась к Панченко:

— Зайдете ко мне?

— Спасибо. Мне к себе надо. Мои люди мыться должны. До встречи, — и молчавшая до сих пор Панченко обратилась ко мне: — Проводите меня. Шепшелев только ушел в штаб. Это надолго. Медикаменты получите завтра, перевязку на баню могу вам дать.

— Идемте. Провожу, — и после непродолжительного молчания спросил: — Чего такая грустная? Случилось что?

— Чему радоваться? Кругом кровь и смерть. А нам, женщинам, очень трудно, вдвойне труднее в вашем окружении.

— Что вы! Столько внимания, обожания. Вас так мало.

— Тошнит от этого обожания. Оно до того момента, пока не добьется своего, а потом может и «здрасьте» не сказать.

— Вам это не грозит. Если не ошибаюсь, опекающий вас рыцарь в обиду не даст.

– Опекает и в обиду дает.

– Вот уж не думал.

– В этих условиях нам, женщинам, быть одной очень трудно. Какие бы мы ни были, а от вашего брата отбоя нет. Значит, разумно быть с одним и прикрыться им от всех остальных.

– Вы так и поступили?

– Я так и поступила. Не скрываю. Да и скрывать нельзя. Все должны знать об этом, чтобы не вязались. Но щит, признаюсь, выбрала я неудачный. Ваш Ленечка большой ребенок и нахаленок, обижает меня. Интеллигентности мало и умом не блещет. Не может, вернее, не способен в силу своей воспитанности оценить мое расположение к нему. Идти в другие руки не хочется. Посмотрю, как будет дальше.

– Жаль, что у вас так. Но если жизнь дает даже маленький кусочек радости в этой обстановке – надо быть очень благодарным. А тем более расположение, привязанность, а может быть и любовь, то это сверхсчастье, и не ценить нельзя.

– Какая тут любовь? Хочется надеяться, но это пустое. Жизнь ничего не стоит в этой обстановке. Сколько их было погублено! Вы же знаете. И мы могли ее лишиться. И мне, как каждой женщине, хочется любви, преданности. Особенно важно в этих условиях. И умереть не страшно тогда, а может быть, и очень страшно, ибо жалко терять то хорошее, что есть. Чего я с вами разболталась. Не удивляет моя откровенность?

– Я тронут доверием.

– Просто мне, дурной, несчастной бабе, нужно было разговориться, душу излить. Леня о вас очень хорошо думает и говорит. Вот я и разоткровенничалась.

– Вы сказали – несчастной бабе. Может, оно совсем не так. Не изменяет же вам Леня. Да и молод он, опыта нет.

– С кем ему изменять мне? С танком или деревом? Да, молод, и в этом моя беда. А ну его! Как ваши дела? Были разговоры, что командир вас вычеркнул из списка, в ко-

торый первоначально включил для правительственной награды после разъезда. Что натворили, чем не угодили?

– Да пустяк. Запретил жарить картошку с мясом для него и некоторых угодников из солдатского пайка.

– Зачем вам это надо было?

– Не знаю. Так получилось.

– Ну и дурак.

– Кто, командир?

– Нет, извините, вы.

– Согласен, знаю, каков есть.

– Меня представил мой командир к ордену «Красная Звезда», а Леонида к медали «За боевые заслуги». А главное, что мы живы остались, пока живы.

После небольшой паузы продолжала:

– Знаете, завидую Зойке Ложкиной. У нее по-настоящему.

– В каком смысле?

– В прямом. Садовский относится к ней, как к жене. Об этом все знают, и не упрекнешь ее. Счастливая она. Повезло ей.

– Что сошлась с командиром бригады?

– Что у них настоящая дружба, а может быть, и больше. Он не обидит ее, и она в этом уверена, – и быстро переключилась на другую тему: – Вы неравнодушны к Майе. Об этом тоже знают в медсанвзводе, но вам надеяться не на что.

– Так думают в медсанвзводе?

– Так думаю я. Она хорошая, может быть, очень хорошая. Красивая, умная. Святоша. К ней подбирается Максимов, а он фигура. У него опыт, и ей не устоять. У него семья, она понимает, что это на время. На будущее никто рассчитывать не может.

Потом добавила:

– А вы не отступайте. Кто знает, что нас ждет.

– Спасибо за совет и вообще за откровенность. Не пойму даже, чем я вызвал такое расположение, очень тронут.

– Есть такая потребность в человеке, внутренняя, высказаться, поделиться своей ношей, особенно тяжелой, и как-то легче делается. И мне легче стало. Вот наше расположение. Заходите. Мы будем очень рады.

– Зайду, спасибо, Лене привет. А сейчас бегу к себе. До встречи!

И я направился в роту.

Всем уже было известно, что из штаба бригады прибыло распоряжение с указанием времени помывки людей в поселковой бане с дезинсекцией обмундирования. Время для нашей роты после обеда. Это известие всех очень обрадовало.

Старшина Николаев объявил, что всем выдаст новое белье и обмундирование. Более одной трети личного состава роты осталось навечно на правом берегу Волги, и запасы обмундирования и белья, видно, сохранились. Белье меняли во время отступления между боями, без помывки личного состава. Мылись во встречавшихся по пути речушках, мылись и купались в Волге на острове Сарпинском. Но в бане, как таковой, мыться не пришлось за последние полтора месяца. Предстояло приятное, какое-то домашнее событие, в ожидании которого были направлены мысли и поступки людей.

Вместе со всеми готовился к бане и я: пополнил санитарную сумку перевязочным материалом, мазями, настойкой йода – предстояли перевязки после бани. По дороге из бани пели песни. Пели задорно, с удовольствием. А в строю были в основном пожилые люди гражданских профессий, по складу своему совершенно не подходили к строевому шагу и строевой песне, а тем более к войне. Война подтянула этих людей, только что переживших все ее ужасы, подзакалила и сделала их настоящими бойцами.

Суббота, 12 сентября 1942 г. ПОМИНКИ.

Прибыло пополнение: шоферы, слесари. В основном лет за тридцать. Шоферы помоложе, некоторые после ранений. Со слов прибывших узнали об очень тяжелом

положении наших войск в Сталинграде. Наши еще удерживают уже разрозненные участки города. Враг во многих районах вышел к Волге.

После обеда пошел в медсанвзвод. Возле штаба бригады встретил Гомельского. Ему немало досталось в роте управления. Все время возле штаба. Обслуживал в горячее время управление бригады, саперов, связистов, разведчиков. По дороге рассказал, что в боевой обстановке в основном находился на командном пункте бригады. Рассказал о гибели начальника штаба бригады капитана Калинина, получившего смертельное ранение и умершего у него на руках, и о других товарищах.

В медсанвзводе у начальника аптеки Шепшелева застал военфельдшера мотострелкового пулеметного батальона Леню Модзелевского.

– Не мешало бы отметить нашу встречу и помянуть, кого нет с нами, – заметил Леня, – как думаешь, начальник аптеки?

– Я за, – отозвался Шепшелев.

– Захвати горячительное, и пойдем ко мне, закуску найду.

– Ходить к тебе далеко, и это долгая музыка. Пусть хозяин и закуску выставит, не обеднеет и быстрее будет, – предложил Гомельский, – времени у нас мало.

– На кого спирт выписать? – конкретно перешел к делу Шепшелев.

– Да на любого из нас, можно на меня, – отозвался Модзелевский.

Шепшелев вытащил из планшета листок бумаги, написал требование на получение медикаментов, проставил спирт ректификат, не указав количество, и дал Модзелевскому расписаться в получении. Затем повел нас в палатку-столовую, оставил на несколько минут и возвратился с санинструктором Ивановым. Тот открыл ящик, достал хлеб, тушенку, ложки и стал расставлять на столе. Шепшелев открыл флягу.

– Нужно доктора Гасан-Заде позвать, – сказал Гомельский, – и женщин-врачей Зою и Майю.

Вскоре отвернул полог палатки доктор Гасан-Заде, зашел и, удивленный, оглядел нас:

– Вай, кто здесь собрался! А где большое начальство? Чего меня обманул, Гомельский, где ты?

Зашли врачи Майя и Зоя.

Вслед зашел в палатку Гомельский, широко улыбаясь, и, приняв серьезное выражение лица, доложил по всей форме:

– Товарищ военврач 3-го ранга! Медицинский состав бригады случайно собрался на встречу по случаю почтения светлой памяти погибших коллег. Одним словом, на поминки. Просим и вас.

– Ай-ай-ай, какой хитрый. Сказал, большой начальник вызывает. Как я мог не прийти? Не время для такого дела. Мне в штаб бригады идти на совещание. И грех не поддержать вас. Эх, была не была, давайте!

Шепшелев стал разливать в кружки спирт из фляги. Кто разбавил водой, кто так оставил.

– Что ж, помянем нашего бригврача Раппопорта, санинструктора Люду и всех погибших наших товарищей. Да сохранится память о них! – поднял свою кружку Модзелевский.

– Хорошо придумали. Да сохранится память о них! Могилы общие и пропадут со временем. Ничего не останется. Родные и следов не найдут. Хоть написать им, как это было. Все собирался написать, да не получилось. Даю слово – напишу, как погибли. Светлая им память!

Мы все стоя выпили, стали закусывать хлебом, тушенкой из общей банки.

– Еще один тост! – выкрикнул Гомельский. – За всех оставшихся в живых и чтобы тосты были не последние в жизни. За жизнь!

– За такой надо выпить!

– Чтоб был не последний в жизни!

– Эх, была не была, налейте еще пару капель. В Бога не верю, но символически надо и за такой тост выпить даже такую гадость – не последний в жизни! – В капли спирта Гасан-Заде долил четверть кружки воды, выпил половину, понюхал хлеб и сказал: – За нашу победу и за неврачебный тост – за смерть... – на какое-то мгновение замолчал и добавил: – Немецких оккупантов!

Опрокинул в себя остаток жидкости до дна, перевернул кружку и поставил ее на стол вверх дном:

– Все. Я пошел, и вы за мной!

Мы еще посидели с полчаса, вспомнили разъезд 74-й километр, совхоз им. Юркина, Зеты, сталинградские переправы... Еще раз опрокинули по каплям из кружек.

– Да, а медикаменты когда можно получить? – обратился я к Шепшелеву. Ведь за этим пришел.

– Завтра поеду получать во фронтовой склад и послезавтра можете прийти.

– Спасибо, что вспомнили наших коллег и нас не забыли, – и Майя и Зоя ушли на прием в перевязочную.

Ушли мы из медсанвзвода втроем. У штаба бригады оставили Гомельского, довел до своего батальона Модзелевского и уже один отправился в свою роту.

Воскресенье, 13 сентября 1942 г. РЫБАЛКА.

В роте каким-то образом узнали, что наш командир у начальника штаба бригады вычеркнул меня из ранее поданного им списка на награды. Лучше бы не знали об этом и я бы не знал – мне было бы легче – не таил бы обиду. Многие мне сочувствовали, выражали сожаление. Я избегал командира, и он меня не замечал. Трудное для меня время. Не трогало, что не получу медаль или орден. Об этом не жалел. Мне больше было обидно за его поступок. Почему он это сделал? Где его совесть? Лишил его жареной картошки, и он решил отомстить. Он воспринял это как посягательство на его личность. Я поступил справедливо по долгу службы, а он воспользовался властью и поступил мелочно, несправедливо. Кто же нас рассудит? Я бессилен

перед властью командира. Мне надо уходить из роты или вообще из бригады.

Вернулся в роту. Мрачные мысли прервали раздававшиеся взрывы у реки. Побежал. Гранатами наши глушили рыбу. Не знаю, кто санкционировал, но руководил этой операцией старшина роты Николаев. Он и бросал гранаты в воду под крутой берег, в кустарник, в ямы, идя по берегу вверх по течению. Ниже взрывов по течению реки всплывали вверх животом щуки до одного метра в длину и, как белесоватые палки, плыли по течению. Несколько человек уже плавали нагишом, собирая рыбу руками, и выбрасывали ее на берег. У берега рыбу собирали красноармейцы и командиры. Добивали подпрыгивавших щук кто сапогами, кто палкой. Кто-то бросил вещмешок. Щуки, почему-то только щуки, как бревна, шли вниз по течению, и часть их уходила на дно. В воде продолжалась борьба пловцов с оглушенной рыбой. Большая часть ее при попытке взять в руки вдруг оживала и юрко уходила в воду под крики, улюлюканье и смех людей, стоявших и бегавших вдоль берега. Старшина автовзвода «Крошка» шел вдоль берега и возмущался:

– После себя хоть потоп. Зачем губить столько рыбы? Ненасытные глотки, меры не знают. Столько ее погибнет, злыдни! – и он направился вверх по течению к старшине Николаеву.

Люди обо всем позабыли. Несколько десятков человек неслись вдоль берега, отбрасывали рыбу, добивали ее чем придется. Никому из присутствовавших не приходило в голову остановить это побоище. Людей охватил ажиотаж, пропало чувство меры. Сколько надо этой рыбы? Не голодали же люди. Три раза в день для них открывались крышки кухонь с горячей пищей.

Неизвестно, сколько продолжалась бы эта вакханалия, если бы не вмешательство политрука роты Титова. Он бежал вдоль берега вверх по течению в сторону старшины, бросавшего гранаты. Старший лейтенант Титов выхватил пистолет и выстрелил три раза в воздух, крича на бегу:

– Прекратить разбой!! Вон от реки!

Выстрелы, как и крик его, раздались громко, и люди приостановили свое действо. Он подбежал к старшине и что-то втолковывал ему, размахивая пистолетом. Затем вернулся вниз по течению к основной группе людей.

– Озверели вы, вашу мать... Человеческий облик теряете! Зачем столько рыбы погубили, варвары? Хватило бы несколько десятков, а вы больше сотни набили, а сколько погубили. И командиры отделений тут и взводов! Почему не остановили эту дикую выходку подчиненных? Собрать рыбу в одно место!

Люди стали сносить рыбу в одну кучу. Часть рыбы оставили в роте. Решили для всех сварить на ужин уху. Остальную отправили в управление бригады. Этой машиной поехал и я. Подвезли к штабу, откуда направился в медсанвзвод. Прихватил с собой две щуки, каждая с метр в длину. Положил их в вещмешок и принес в медсанвзвод. Занес их в палатку к доктору Гасан-Заде, положил мешок на землю, развернул и сказал:

– Угощайтесь, от периферии – центру. Только сегодня поймали.

– Чего ты придумал, коллега? Ай, какого зверя притащил! Сам поймал?

– Нет. Наши люди ловили. Уха будет на ужин. Решил и вам принести на уху. Кушайте на здоровье.

Меня ждет машина – и я ушел.

Понедельник, 14 сентября 1942 г.

ВЫЯСНЯЛИ ОТНОШЕНИЯ.

Проснулся глубокой ночью. Разбудил отдаленный гул канонады, отчетливо раздававшийся в предрассветную пору со стороны Сталинграда. Рвались авиационные бомбы, видно, большого калибра. Взрывы артиллерийских снарядов здесь не прослушивались.

Многострадальный, истерзанный город! Как бы тебе выстоять?! Столько людей и техники идет на помощь. И наш черед очень скоро настанет. Выдержи. Постарай-

ся. Деваться некуда. Враг прокинжалил тебя во многих местах, вышел к Волге. А ты держись. Помогут тебе. Вся страна поможет. Отдаленные взрывы бомб продолжались. Стирает гад город с лица земли.

Снял пробу, позавтракал и собрался идти за медикаментами и перевязочным материалом. Написал заявку-требование, взял вещевой мешок и направился в медсанвзвод. Нашел начальника аптеки – военфельдшера Шепшелева. Дал ему требование.

Шепшелев выдал мне марлевый мешок с перевязочным материалом, комплект шин, двое носилок. У меня их не было, ушли с ранеными. Пол-литра спирта недодал. Сказал, что уже использовали на поминках. Думаю, что и другим из нас столько же недодал за одно проведенное «мероприятие». Медикаменты уложил в вещмешок.

Направился к штабу в надежде найти машину нашу или выпросить какую-нибудь, чтобы отвезти медикаменты в роту. Думал о Майе. Вообще поймал себя на том, что она все больше и больше занимает мои мысли в любое время суток. Может, это и есть любовь? Влечение к женщине – это уже любовь? У Модзелевского с Панченко любовь? У Панченко, как я понял, это вынужденное. Ей нужно было хоть с кем-то быть, чтобы другие не приставали. А у Лени любовь? Ему хорошо, пока она рядом. Но зачем же он ее обижает, как она мне говорила? У Садовского с Ложкиной любовь? Садовский командир бригады. Молод, энергичен, по-мальчишески задорен, самолюбив. Ему подчинены все и вся. Командовать бригадой сложно, это большая ответственность. А тут еще и женщина понадобилась. Помеха ли она ему? Видимо, нет. Она ему подходит. Молодая, сравнительно красивая. Врач. И всегда рядом. Положение позволяет и условия – отдельная машина с будкой. Может, и поженятся. Так что же у меня к Майе? Не хочется, чтобы она сошлась с Максимовым. Это точно. Ревность? Не знаю, что это такое, но понимаю, что они не подходят друг другу. Были бы неестественными, против-

ными их отношения при такой разнице в годах. Это я так думаю.

Вышел в расположение штаба. И надо же – навстречу идет Майя с санитарной сумкой в руке. От неожиданности я встал. Она меня еще не видела. Шла задумчивая, голова опущена. Все на ней аккуратно сидело: пилотка, гимнастерка, чуть укороченная юбка, сапожки хромовые, ремень. Залюбовался, сердце заколотилось, перехватило дыхание. Она меня заметила, подошла, раскрасневшаяся, возбужденная, засветились радостью глаза:

– Здравствуйте. Вот неожиданная встреча, хотя я вас ждала и даже задумывалась, почему не приходите.

Я смотрел на нее. Столько радости на лице, во всей фигуре. Положила руку мне на предплечье:

– Проводите меня, столько не виделись, поговорим. Как рада, что встретила. Как родному рада. А чего молчите?

Вокруг проходили красноармейцы, командиры, посматривали на нас, здоровались с доктором, она отвечала. Я видел только ее.

– Вы действительно рады встрече?

– Конечно, мы же друзья.

– Как вы сейчас, получили ли письма от родных?

– Получила письма от мамы. Жива, побаливает желудок – с питанием плохо. А как вы?

– Все нормально. Мать с сестрами и братом на Урале, узнал их адрес и написал им. Об отце ничего не знаю. Знаю, что вы благополучно перебрались через Волгу. За жизнь вашу уже не боялся, но боялся, что выскочите замуж.

– Замуж не выскочила, но все может быть.

– Вы от Максимова? – в упор спросил я.

– Да, – и как-то сникла.

– Пристает?

– Обхаживает.

– Скажите ему, что мы любим друг друга и поженимся. Он и отстанет.

– Дурной вы, опять за старое.

– Тогда я скажу ему.

– Нельзя. Он избавится от вас, переведет куда-нибудь в другую часть. Не буду вас впутывать. Как-нибудь сама.

– Последний раз предлагаю – распишемся, и пусть все знают. Другого выхода нет. К вам перестанут приставать и Максимов в том числе. Он же умный человек, поймет. Останемся живы после войны – разведемся. Каждый пойдет своей дорогой.

– Ну как так можно?

– Я не буду претендовать на близость, если не захотите, – как-то вырвалось у меня.

Она в упор уставилась в меня, и я увидел в ее глазах не то укор, не то презрение.

– Мы будем друзьями.

– Невозможно связать себя и вас связать. Садовский с Зоей, как муж и жена. Он обещал ей зарегистрировать брак. Но пока этого не делает, ибо невозможно это сейчас. Нет, нет, – решительно заявила она.

– Конечно, на самом деле вы за меня не вышли бы замуж. Я фельдшер, а вы врач. Неравный брак. Но я предлагаю фиктивный.

– Дело не в профессии, должности, а в человеке. Почему не понимают люди, что женщина не только предмет любви, наслаждения, а человек, и ей хочется, чтобы были просто человеческие отношения. Не будем более об этом. Чувствую, что поругаемся, а я этого не хочу. Останемся друзьями?

– Останемся друзьями. Можете рассчитывать на меня. Всегда буду рад быть полезным.

Мы уже подходили к медсанвзводу. Она остановилась. Я тоже. Она обхватила руками шею, чмокнула в щеку и отскочила, прежде чем я потянулся к ней руками и вообще успел что-нибудь сообразить.

– Спасибо, друг мой, я побежала, до встречи, – и скрылась за поворотом тропинки.

Я продолжал стоять, не понимая, как должен дальше относиться к этой женщине. Между нами лег какой-то холодок. Прощанием она его растопила. Ведь поцеловала меня. Пусть даже как мать ребенка. Пожелала остаться друзьями. Это не мало, но с женщиной это, по-видимому, невозможно. Навряд ли возможна только дружба между женщиной и мужчиной. Если даже очень уважают друг друга. Но и дружба с такой женщиной – большое счастье. А о большем и не мечтаю.

Пошел к доктору Гасан-Заде и попросил у него машину. Он разрешил отвезти медикаменты на санитарной машине медсанвзвода.

Вторник, 15 сентября 1942 г.

ПРИБЫВАЕТ ПОПОЛНЕНИЕ!

Продолжает идти к нам пополнение. В роту прибыли своим ходом 5 танков Т-60 для 1-го танкового батальона с полностью укомплектованными экипажами. В роте проходят они технический осмотр и обслуживание. Машины новые, в деле еще не были, как и члены экипажа. Далеко этим машинам до Т-34, которые себя так хорошо зарекомендовали.

Неприятный разговор опять произошел между командиром транспортного взвода старшим воентехником Манько и его помощником младшим воентехником Наумовым. Водитель Хайдаров пожаловался своему командиру Манько, что младший воентехник Наумов накануне у бригадных складов залез к нему в кузов, вскрыл ящик и взял самовольно пять банок мясных консервов, которые они привезли из армейского склада для бригады. При сдаче груза водителю было очень сложно оправдаться за вскрытый ящик перед начальником продснабжения, с которым ездил получать продукты. Он не выдал Наумова, сказал там, что никого не видел, и в то же время не хотел, чтобы о нем плохо думали.

Манько осудил Наумова, ругал, что позорится перед красноармейцами. Наумов ответил, что Манько не луч-

ше его. Разница в том, сказал, что водители дают ему из поездок, а он сам взял. Склад, мол, не обеднеет. Наумов и раньше поступал только так, как ему было выгодно, и с другими не считался. В его поведении, поступках преобладал эгоизм, хамство – это были черты его характера, воспитания. Неприятно было общаться с ним, тем более иметь его в своем взводе заместителем.

Среда, 16 сентября 1942 г. ПЕРВЫЕ НАГРАДЫ.

К правительственным наградам были представлены в бригаде 51 человек. Из роты технического обеспечения – 7 человек. Сразу после обеда эта группа в надраенных автолом сапогах, в подшитых белых подворотничках, в новом обмундировании отбыла в крытом брезентом ЗИС-5 в штаб бригады. Вернулись к ужину. Была построена рота, и командир вывел награжденных перед строем и сказал, что это наиболее отличившиеся из роты за время боевых действий бригады под Сталинградом. Пусть эти товарищи не стреляли из пушек или пулеметов по врагу, но своим самоотверженным трудом по ремонту боевой техники способствовали успеху бригады в целом. Призвал всех остальных и новое пополнение следовать примеру награжденных.

Личный состав роты горячо поздравил своих товарищей с правительственными наградами аплодисментами.

– Не видать конца войны. Каждый еще имеет шанс получить железку на грудь, – промолвил один.

– Это не железка, а знак доблести, ратного подвига. Что о нас будет известно? Воевал. А как? Орден или медаль будут вечным документом о войне. Дети и внуки гордиться будут, – вставил другой.

– А кому холмик достанется – затеряется и никакой памяти?

– Значит, такая тому судьба.

Что осталось от погибших? Какая о них память? Узнают ли когда, кто в братских могилах вдоль дорог и в степи, и сохранятся ли они? Немцы сровняют их.

– Моя жена написала, что хранит мои письма, как самое дорогое в жизни, и просила чаще и подробно писать. Может, это и все, что от меня останется, – произнес красноармеец.

Четверг, 17 сентября 1942 г.
УЧАСТВУЕМ В СОЗДАНИИ ТАНКОВОЙ КОЛОННЫ.

Сразу после обеда был митинг. Выступил политрук Титов и сказал, что воины Красной Армии, колхозники, рабочие, интеллигенция, отдельные граждане и предприятия нашей страны вносят из личных сбережений денежные средства и драгоценности на строительство вооружения для Красной Армии. Строятся на эти средства танковые колонны, авиаэскадрильи и другое вооружение. Об этом постоянно публикуется в газетах, сообщается по радио. Воины нашей бригады и всего фронта приняли решение внести месячный оклад на строительство танковой колонны. Призвал нас последовать их примеру. Выступили в поддержку этого предложения Гуленко, Король и другие. Проголосовали единогласно внести месячный оклад на строительство танковой колонны. Я и многие другие деньги не получали, только расписывались в ведомости. Все свое денежное содержание высылали по аттестату родным. Нам разъяснили, что один месячный оклад у нас удержат.

Пятница, 18 сентября 1942 г.
В МЕДСАНВЗВОДЕ ПОПОЛНЕНИЕ.

Чувствую, что не долго нам стоять в поселке Новом. Местное население называет его Рыбачий. Идет пополнение, пока крохами. Получили несколько колесных машин ГАЗ-51. В роту прибыли три танка Т-40 для технического обслуживания. Танки новые, но старого образца. Все они ушли в 1-й танковый батальон. Экипажи укомплектованы бывалыми воинами. Многие с орденами, медалями. Уже побывали на фронте и в госпиталях. Люди с

пополнения рассказывали о крайне тяжелом положении наших войск в Сталинграде. Считают, что вот-вот опрокинет враг наши войска в Волгу, несмотря на отчаянное сопротивление.

Что-то преувеличенно любезен ко мне водитель – красноармеец Сулян в последние дни. В полдень подошел ко мне и с видом заговорщика передал мне привет от Майи.

– Откуда вы ее знаете?

– Знаю, имел беседу, очень хороший привет передала, – и широко улыбается.

Заинтриговал он меня.

– Как познакомились и какое отношение имеете к медсанвзводу?

– Имею. Я подружку на днях привез туда, медсестру, и сегодня видел ее.

– При чем здесь доктор Майя?

– Очень при чем. Они вместе живут в одной комнате, и я там был. О тебе спрашивала и привет, сказала, передай, вот и передал.

– Постой, какую подружку там завели? Нет там больше женщин, кроме Зои и Майи.

– Уже есть. Моя она подружка. Я ее привез из резерва три дня назад. Подружились. Ей, как и мне, двадцать семь. Санинструктор. Красивая очень. Русская женщина. Волос такой немного светлый, не очень длинный и подкрученный. И не худая, все, что надо, есть. Вот так, – вздохнул глубоко. Рассказывая, он красочно разводил руками, счастливо улыбался.

– Сейчас немножко понял. Поздравляю.

– Спасибо, – все улыбался он, – мы уже хорошо подружились. Даже очень хорошо.

– Когда же успели?

– Много ли надо. Ночь в кабине вдвоем. И в кусты ходили...

– Ну и ну! – только мог сказать я.

Он все широко улыбался и сказал:

– Когда пойдешь туда – мне скажешь. Подвезу.

– Спасибо, скажу.

Мне понятно стало его поведение, любезность ко мне. Что-то общее вошло в наши интересы – медсанвзвод.

Коля Манько спросил меня перед обедом, брал или давал кому консервы из нашего общего ящика.

– Не брал и никому не давал.

– Это опять той тот як его – Костя. Холера на него. Ну и квартирант. Сам ничего не положит в ящик, а тащить горазд. И не спросит. Хотел на дорогу Гену баночку дать, а там пусто. Сахар и чай тоже унес. Ну и иждивенец! – расстроился Николай.

Действительно, уж очень бесцеремонно во всем вел себя Костя Наумов. Не могу забыть ограбление аптеки и простить ему это. Думает только о себе и делает, чтобы ему не было плохо, не считаясь с другими. Это очень заметно в мелочах, думаю, что и в большом, серьезном деле на него полагаться нельзя.

Уехал он за получением колесных машин. Получил с водителем сухой паек на два дня. И чужие запасы забрал с собой. До сих пор не считались с теми скудными запасами, которые иногда создавались. Делились последним. Но поведение Наумова и общение с ним было неприятным. Если бы потребовался пример эгоиста или подлеца, то вполне подходил для этого Костя.

Суббота, 19 сентября 1942 г. КАМЫШИНСКИЙ АРБУЗ.

Водители привозили из рейсов арбузы, которые подбирали на бахчах. Многие ели их впервые. Мы здесь арбузы до отвала едим, а в Сталинграде страшное побоище почти на исходе. Одолевают немцы наших. Все меньше остается территории и шансов удержать город. Опрокинут наши войска в Волгу. Что же потом будет? На Москву пойдет, Кавказ возьмет, Ленинград падет. Сон не шел. Не зря я спросил у Китайчика, до каких пор будем отступать? Что ж командование, товарищ Сталин? Когда уже придумают что-нибудь? И посоветоваться страшно – пришьют пора-

женческое настроение в лучшем случае. Как еще Китайчик отнесется к моим вопросам?

А в Сталинграде продолжаются тяжелые бои. Городу очень трудно удержаться.

Воскресенье, 20 сентября 1942 г.

КАКИМИ СТАНУТ ЛЮДИ ПОСЛЕ ВОЙНЫ?

Политрук Титов каждый день читал нам газеты центральные и Сталинградского фронта. Враг во многих местах вышел к Волге, резко сузилась полоса обороняющихся в городе вдоль Волги, иногда до двухсот метров. Может и опрокинуть наши обороняющиеся части в Волгу. Что же будет? А части на фронт мимо нас все идут и идут. Сколько жизней поглотила война и еще поглотит ненасытная.

Дни у нас проходят без особых событий. Бригада пополняется личным составом, вооружением, танками пока старых образцов – Т-70. Наумов вернулся без колесных машин. Где-то севернее бомбили эшелоны, и машины к месту назначения не пришли. Сказали, что дополнительно вызовут, когда прибудут. Вернулся красноармеец Ожешко из госпиталя. Очень рад, что нашел свою часть. И мы ему рады.

Говорили о том, что будет с плохими людьми после войны. Уверены, что победа будет за нами. Иначе и не может быть. А такие люди, как Наумов, Михайловский и другие им подобные, вполне могут остаться в живых после войны. Изменится ли их натура, характер? Навряд ли. Они останутся такими и после победы, будут участниками войны и победителями, будут, не задумываясь, блюсти личную выгоду. К таким людям понятия совесть, справедливость, честь не пристанут. Как же будет?

Кончилась бы война, а там... там видно будет. Хочется надеяться, что не будет условий для роста всякой там погани. Люди, народ об этом позаботятся.

Понедельник, 21 сентября 1942 г. ВШИВОСТЬ В РОТЕ.

Проверял утром до завтрака автовзвод на вшивость, и у нескольких человек обнаружил насекомых. Только десять дней назад мылись в бане и меняли белье и обмундирование. Нательное белье подвергалось дезинсекции. Это несколько водителей, находившиеся постоянно в рейсах и ночевавшие где придется, оказались завшивленными. После завтрака была построена и проверена вся рота. Вшивость была обнаружена и у некоторых ремонтников. Командир роты обругал меня, как он может, считая, что я допустил вшивость, доложил об этом в штаб бригады, и завертелись колеса. Старшина роты поехал на склад бригады и получил комплекты стираного белья, прошедшего дезинфекцию, и часть обмундирования, мыло. Уведомили, что помывка личного состава в поселковой бане будет после обеда. К этому времени должен прибыть обмывочно-дезинсекционный отряд.

После обеда прибыла группа командиров из штаба бригады с задачей проверить состояние техники и экипировку личного состава. Проверкой остались недовольны. Автомашины недоукомплектованы. Отсутствуют запасные части, многие без насосов, запасных шин, домкратов. Такими они прибыли. Не полностью экипирован личный состав, особенно новички, противогазами, личным оружием, саперными лопатами. Все недостатки переписали и приказали начальникам служб в течение двух дней все устранить.

Это мероприятие затянуло помывку личного состава в бане. Началась она после ужина и проходила в темноте. Обмундирование полностью подвергалось дезинсекционной обработке в камере. Также и нательное белье, которое сдавалось для стирки.

Вторник, 22 сентября 1942 г.
НАРОДНЫЙ СПОСОБ ЛЕЧЕНИЯ.

После завтрака, как обычно, перевязки. Появились больные с простудными заболеваниями, ангиной. Хуже себя чувствует воентехник Ванин. Обострилась язвенная болезнь.

Таблетки бесалола особого эффекта уже не оказывают. Пригласил его пойти со мной в медсанвзвод. Может быть, там предложат какое-то эффективное лекарство, но он отказался идти. Я решил сам идти. Доложил командиру и отправился в медсанвзвод. Нашел Гасан-Заде и доложил о Ванине.

– Приведи его, посмотрим. Язва прорваться может, тогда быть беде.

– Не хочет идти. Просил лекарство.

– Приведи. Может, пока стоим здесь, в госпиталь отправим, полечим. Не видя больного, не могу лекарство прописать. Так нельзя делать. Понял?

– Понял. Шепшелева найду?

– Найдешь. Милуется с новым санинструктором. Слушай, не хватало еще мне такой потаскухи, между нами будет сказано. Если бы они уже были вдвоем. Но такая не устоит. Пойдет по рукам. Иди, присмотрись. Тебя еще там не хватало, – встал, подошел ко мне и сказал: – Извини, что я так говорю. Зол очень, но ты не виноват.

И я пошел к Шепшелеву. Нашел его и попросил лекарства.

– Слышал, санинструктор новая у вас появилась. Хороша?

– Для кого и хороша, а для других неосуществимая мечта.

– Для тебя хороша?

– Для меня хороша, а тебе что?

– Мне ничего. Тебе с ней работать.

– То-то, что мне с ней работать...

– Лекарство мне нужно. Язвенник тяжелый. Соду дай и настойку опия или белладонны.

– Таблетки у тебя есть, бесалол?

– Есть, но не помогают.

– Выпиши, что просишь.

Я выписал медикаменты и получил их.

Решил заглянуть к Майе. Направился к перевязочной. Там у дверей несколько человек ждали приема. В основном были в повязках. Я зашел в перевязочную.

– Приветствую, доктор!

Она повернулась ко мне, усталое лицо озарилось радостной улыбкой.

– Это вы? Я сейчас закончу перевязку. Хотя надо отпустить всех больных. Что-то хотели?

– У меня больной с обострением язвенной болезни. Боли, рвоты. Таблетки бесалола не помогают. Хотелось бы ему дать что-нибудь поэффективнее.

– Сейчас посмотрю его.

– Его здесь нет. Не захотел идти. Взял для него настойку опия и соду. Он ее много пьет. У вас все нормально?

– Нормально, все нормально, – и быстро добавила: – Подождать сможете?

– Я должен идти, – почему-то сказал я, хотя мог и подождать, – очень спешу, меня ждут.

– Приходите после ужина, я свободна буду. Сможете?

– Не знаю, смогу ли. Если смогу – приду. Всего доброго.

Она осталась стоять с пинцетом в одной руке, с ножницами в другой. Я как стоял в дверях, попятился, раскрыл дверь и вышел. К доктору Майе пойти после ужина, как просила, не решился. Долго раздумывал об этом и не пошел.

Среда, 23 сентября 1942 г. ВСЕ ЖДЕМ ПОПОЛНЕНИЕ.

Нет сомнения, что днями выступим. Положение наших войск в Сталинграде такое, что уже тяжелее нельзя представить. Как еще держатся? Из штаба бригады проверяли сегодня повторно состояние техники и экипировку личного состава. За прошедшие два дня после проверки все сравнительно подтянули. Полностью укомплектовать автотранспорт всем необходимым не удалось. Не хватало запчастей, и пока их не подвезли из вышестоящих складов. Водители автомашин получили карабины, а некоторые и автоматы ППШ. 1-й танковый батальон получил еще одну небольшую группу танков старого образца Т-60. Во 2-м танковом батальоне не

было ни одного танка. С Урала никаких вестей. Ждали со дня на день.

Перед ужином обратился ко мне шофер транспортного взвода. Жаловался на сильный зуд в области лобка, промежности. Осмотрел его. Это были лобковые вши. Они сосали кровь и выделениями своими вызывали сильный зуд. Набрался он у одной женщины, у которой несколько раз ночевал, будучи в далеких рейсах. Ругался страшно, когда узнал. У меня не было лекарств, чтобы их вывести, о чем сказал ему.

– Бензином выжгу или соляркой, – проговорил он.

– Нельзя этого делать. Вызовешь ожог кожи, а вши могут остаться. Завтра сбегаю в медсанвзвод. Может, найду там что-нибудь.

Из формуляра части:

Укомплектованность 254-й танковой бригады на 24.09.42 г.:

В 1-м танковом батальоне 7 танков Т-60, 2 танка Т-40, 4 танка Т-20 (всего 13 танков). 2-й танковый батальон боевых машин не имеет. Колесных машин 49, специальных машин – 11, тракторов – 2, легковых машин – 1 (всего 63 машины). Личного состава 576 человек.

Четверг, 24 сентября 1942 г.

НАРОДНЫЙ МЕТОД ЛЕЧЕНИЯ.

Утром после завтрака зампотех бригады подполковник Иванов поставил задачу роте: к исходу дня всю технику подразделений бригады, находящуюся у нас на ремонте, отправить им в исправном состоянии. Предстоит длинный марш бригаде в новый район сосредоточения.

Бригада еще не укомплектована полностью личным составом. С Урала наши представители, убывшие за танками, еще не прибыли. С чем же идти в бой? Как же выступать? Может, и пополнят нас в пути или на месте новой дислокации.

Я побежал в медсанвзвод, предупредив Манько, что нужно мне взять мазь для его водителя. Попросил у него

арбуз – угостить решил медсанвзводовских. Разрешил, конечно.

– Доставь радость крале своей – угости ее.

– Какая там краля. Я для всех.

– Знаем, знаем.

Взял два арбуза, положил в вещмешок и ушел в темноту. В медсанвзводе шла полным ходом погрузка имущества на автомашины. Все бегали, суетились, искали какие-то упаковки, что-то снимали. Обычная погрузочная суета.

– Чего пришел, – окликнул меня доктор Гасан-Заде, – капли какие-то недополучил?

– Мазь надо мне. Серую ртутную. Лобковые вши выводить.

– Ва! Нашел когда этим заниматься. В поход идем, а ты вши выводить. Не смеши людей. Что за зверь в мешке?

– Это арбузы. Угостить принес.

– Кого угощать будешь?

– Всех.

– Тогда зови всех, чего стоишь? Пожалуй, лучше я, – и он крикнул во весь голос: – Перерыв. Всем ко мне!

Я выложил арбузы из вещмешка.

– Ай, какие красавцы! Иванов, нож дай. Майя! Поднос несите, нарезать сам буду.

– Какой поднос я найду тут? Хотя я сейчас.

Она принесла кусок клеенки, Иванов протянул доктору нож, и операция по разделке арбузов началась тут же, на земле, на клеенке. Доктор каждому протягивал по ломтю. Вспомнил, что мне нужна мазь для водителя, и сказал об этом Шепшелеву.

– Тут мазью не поможешь. Я знаю народный способ уничтожения лобковых вшей и тебе рекомендую.

Все уставились на его.

– Нужно натереть кирпич, пересыпать порошок нюхательным табаком, перемешать хорошо и насыпать на лобок. Вши нанюхаются и начнуть чихать. При этом они разобьют головы о кирпич и погибнут.

Воцарилась тишина. Каждый, видно, осмысливал сказанное, и вдруг все грохнули от смеха. Давно такого не слышал. Люди вокруг за животы держались, с места на место переходили, сгибались в пояс, Иванов катался по земле – до чего все заразительно смеялись. Я стоял очень долго не смеясь. Все осмысливал сказанное. Надо мной смеялись или шутке, что не дошла до меня. Видя мой недоуменный вид и указывая на меня пальцем, еще больше смеялись. Должно быть, глупо выглядел. Особенно запомнился звонкий, писклывый, захлебывающийся смех Зои Ложкиной. Майя сцепила руки перед собой, прижала их к груди и тихо, будто всхлипывая, смеялась, уставившись на меня. Какие-то оковы спали с меня, все стало простым и легким, и я также разразился хохотом, что еще больше развеселило окружающих и вызвало новый взрыв смеха. Громче и продолжительнее всех смеялся своей шутке Шепшелев. Постепенно хохот стал утихать, хотя улыбки с лица не сходили. Я первым опомнился, что надо бежать к себе.

– Как же с мазью? – обратился я к Шепшелеву.

– Я ж тебе народный способ предложил. Воспользуйся, – что вызвало дополнительный взрыв хохота, но люди уже устали, вытирали слезы, стали постепенно успокаиваться.

– Не валяй дурака, мне бежать надо, – вновь обратился я к Шепшелеву, – чем же выводить их?

– Серой ртутной мази нет у меня. А другого не знаю.

– Возьмите зеленое мыло. Пусть намажет участки тела и через 20—30 минут смоет все. Не сто процентов гарантии, но может помочь. Через 5—7 дней опять повторить. Белье при этом надо менять, – посоветовала доктор Ложкина.

– Идемте, покажу, где зеленое мыло есть, пока не погрузили, – повела меня Майя к крыльцу домика и указала на деревянный бочонок. – Сейчас дам, во что взять.

Вынесла кусочек клеенки, набрала совком немного этого мыла, которое было похоже консистенцией на солидол.

– Я провожу вас.

– Попрощаюсь со всеми.

Вернулся к месту, где уплетали остатки арбузов. На лицах еще сохранились улыбки, весело перебрасывались шутками.

С каждым попрощался за руку и направился к калитке, за которой ждала меня Майя.

– Насмешили вы нас. Спасибо за арбуз.

– Хотел целехоньким вам доставить, но перехватили по дороге.

– Очень хорошо получилось, – и тихо рассмеялась, – отвлекли нас, потешили. Спасибо.

– Дальше не провожайте.

Я остановился, запрокинул пустой вещмешок через плечо на спину, взял руками за плечи Майю и сказал:

– Да хранит вас Бог! И я об этом буду молить его, – както очень серьезно промолвил я. – До встречи. Буду скучать.

– Спасибо за внимание и тепло. До встречи. До встречи, – повторила она, руками своими обхватила мой затылок, пригнула голову, поцеловала в губы быстро, торопливо увернулась от возможного встречного поцелуя и убежала к себе. – До встречи! – услышал в темноте и побрел к себе.

Сказали, что после ужина зачитали приказ. Наша 254-я танковая бригада придается 51-й армии, и нам предстоит выступить из поселка Новый (Рыбачий) и совершить многокилометровый марш в южном направлении вдоль Волги и сосредоточиться в одном из районов. По предположительным расчетам, предстоял марш на расстояние более четырехсот километров. Затем – переправа на правый берег Волги.

Пятница, 25 сентября 1942 г.

ПРИКАЗ НА МАРШ К НОВОМУ МЕСТУ СОСРЕДОТОЧЕНИЯ!

Прошедшую ночь не спали. Заканчивали ремонт техники и отправляли ее в подразделения. Укладывали в машины свое имущество, дозаправлялись. Рано пришла осень,

да и зиме уже скоро быть. Надвигалось новое испытание – холода.

Рано утром зампотех бригады инженер-подполковник Иванов зачитал нам приказы АБТУ Юго-Восточного фронта, согласно которым предстоит получить из соседней танковой бригады четыре танка вместе с экипажами. Далее была поставлена задача сформировать группу инженерно-технического обеспечения по ремонту отстававшей техники на марше.

Инженер-подполковник Иванов предупредил, что марш очень трудный, техника старая и ремонтной группе предстоит очень сложная задача по обеспечению марша.

Бригада следовала одной колонной. Замыкала боевые порядки наша рота, а в самом хвосте следовала группа технического обеспечения, в состав которой включили и меня.

Суббота, 26 сентября 1942 г. МАРШ ПО ЗАВОЛЖЬЮ.

254-я танковая бригада следует походной колонной вниз по Заволжью. Мы думали, что получим личный состав и технику, укомплектуют нас до положенного штатного расписания, после чего отправят на фронт. Но этого не случилось. Нас не покидала мысль: чем же будем воевать? Мало танков – менее двух десятков и старого образца. И сколько их дойдет?

Во время одной из стоянок разговорились о серьезном недокомплекте нашей бригады танками и другой военной техникой и личным составом. Какой был смысл в поспешном выезде в таком неполном составе? И эти танки могут не дойти до цели. И какой от них толк?

Ответил Саркисян:

– И они чего-нибудь стоят, если бы были в достатке. И их-то мало. Моторесурс танка ограничен километражем. Принято к месту назначения их доставлять железной дорогой. Эти танки в такой длинной дороге израсходуют моторесурс и станут бесполезными в боевом деле.

– Может быть, там ждут нас танки с Урала, куда за ними наши поехали. Иначе не стали бы нас гнать на сотни километров.

– Мне думается, что танков там не будет, – возразил Ген. – Если бы нас там ждали танки, то не брали бы старье и не забрали бы последние машины из соседней бригады.

– Тогда я ничего не понял. Может, ты и прав. Решив гнать несколько сот километров эти старые танки, наверняка знали, что половина их не дойдет своим ходом. Но решили! Значит, других нет. Должно быть, ты прав.

– Бригада все же танковая и обстрелянная бригада! И всего десяток с лишним старых танков... Не могут ее послать на фронт такой. Конечно, где-то ждут нас танки и машины колесные и люди, – вставил я.

– Поживем – увидим. Осталось-то один-два дня.

Так мы и не разрешили наши сомнения.

Воскресенье, 27 сентября 1942 г.

ПОЛУЧИЛИ БОЕВУЮ ЗАДАЧУ.

Третий день в пути. Боевые подразделения бригады и роты обслуживания уже форсировали Волгу в районе Никольского и должны были прибыть в поселок Ханата – место дислокации бригады. Протяженность всего маршрута от поселка Рыбачий оказалась в 413 км. Инженер-подполковник приказал нашей группе инженерно-технического обеспечения, возглавляемой воентехником Саркисяном, немедленно убыть вперед по маршруту следования бригады и к исходу дня прибыть в поселок Ханата и принять участие в подготовке техники к боевым действиям. По дороге останавливаться у каждого стоявшего танка и постараться, как он выразился, «каждому дать жизнь». И в то же время долго не задерживаться. Мало шансов, что бригада получит танки в районе сосредоточения. Их там нет, а ночью, возможно, бригада пойдет в бой. Роте технического обеспечения приказано к рассвету следующего дня сосредоточиться в поселке Дербен-Худук, куда будут стягиваться отставшие в пути колесные машины. Наша группа сразу

выехала. Дошли до района сосредоточения из имевшихся к началу марша тринадцати танков только восемь. От подполковника Иванова нам стало известно, что командир бригады получил боевую задачу: совместно с другими частями нанести удар по противнику южнее озера Барманцак в направлении Садовое и овладеть плацдармом в южной части Сарпинских озер для последующего наступления наших войск.

Понедельник, 28 сентября 1942 г. ПРОРЫВ ФРОНТА.

Наш Юго-Восточный фронт вновь переименовали в Сталинградский, куда входила и 51-я армия. В поселке Ханата сконцентрировалось много наших войск. Танковая бригада, идущая в прорыв, могла выставить только шесть танков. Авторемонтники готовили для рейда пять колесных машин: три ЗИС-5 и две ГАЗ-51. Обеспечивал эту работу воентехник Ген. На кабины машин устанавливали площадки для крепления станковых пулеметов. Создали группу прорыва участка фронта. Нашей командовал командир 1-го танкового батальона капитан Рустиков. Он расположился в единственном Т-34. Военфельдшер Модзелевский находился в одной из колесных машин вместе с автоматчиками. В сводный отряд вошли еще специально укомплектованные подразделения 825-го стрелкового полка 91-й стрелковой дивизии и полк реактивной артиллерии.

Сводный отряд под командованием командира 302-й стрелковой дивизии в десять вечера вышел из Ханаты и на больших скоростях, стреляя на ходу из всех видов оружия, прошел через линию фронта и прорвался в тыл противника. Оборону этого участка занимали румынские войска. За сводным отрядом ушли в прорыв части 302-й стрелковой дивизии и других соединений 51-й армии.

Далеко за полночь вышли и остальные подразделения нашей бригады, в составе которой было всего два танка, десятка три колесных машин. Во время марша периодически раздавалась беспорядочная пулеметная и автоматная

стрельба с флангов по нашей колонне, стреляли в темноту и из нашей колонны. Только рассеялась мгла, мы въехали в Садовое, освобожденное нашими войсками.

Вторник, 29 сентября 1942 г.

ОВЛАДЕЛИ ПОСЕЛКОМ САДОВОЕ.

В Садовое вошли рано утром. Улица, по которой вошли в поселок, была запружена опрокинутыми повозками, трупами лошадей, трупами румынских солдат и офицеров. Горела кошара, местами догорали дома, надворные постройки. Дым и гарь стелились по поселку. На главной улице красноармейцы разбирали завалы, оттаскивали к заборам подбитые машины, повозки, трупы лошадей. Складывали скирдами трупы румынских солдат и офицеров. Во дворах, в домах, на улицах, площадках размещались наши войска, приводили себя и технику в порядок, готовились к новым схваткам. В боях за Садовое потеряли два танка Т-40, сгорели, и 14 человек ранеными, которых собрали в один из уцелевших домов, где им была оказана первая помощь. Убитых не было. Румыны отмечали какое-то событие, и большинство начальствующих офицеров были собраны в школе, где обнаружили накрытые столы с разными яствами и напитками. Играл и оркестр, о чем говорят разбросанные музыкальные инструменты. Были среди них и местные женщины. Офицеры перепились, войска оказались без руководства, что во многом и помогло их сокрушить.

Нашей группой были уничтожены двести пятьдесят солдат и офицеров противника, около сотни лошадей и повозок, пять пулеметов, четыре пушки, десять транспортных машин и легковая.

В Садовое все прибывали части и подразделения 302-й стрелковой дивизии и другие части 51-й армии. Многие из них направлялись по дороге на Тундутово. И мы получили приказ следовать на Тундутово. Выдвинулись на дорогу, но далеко не успели пройти. Впереди нас началась перестрелка. Дорогу перерезала какая-то

часть противника и остановила продвижение вперед. С левого фланга подошли танки противника, за ними следовала на машинах мотопехота. Завязался сильный бой с большими силами противника. Бригада получила приказ вернуться и занять оборону севернее Садовое. Откуда взялся противник? В Тундутово находились румынские войска, а к дороге подошли, по всей вероятности, немцы.

Появление фашистов было для нас неожиданностью, и, видимо, немцы специально бросили части для ликвидации нашего прорыва.

Среда, 30 сентября 1942 г. ДАЕШЬ ТУНДУТОВО!

Наши войска готовились к захвату населенного пункта Тундутово. Бригада получила боевую задачу первой ворваться в поселок, открыв путь другим нашим частям. Противник оказал сильное сопротивление, и с ходу взять поселок не удалось. Наши залегли. После залпов катюш вновь пошли в атаку, но успеха не достигли. По нашим войскам начала бить артиллерия, с флангов услышали рокот танков. Опасаясь окружения, отряд стал выходить из боя, возвращаться в Садовое. Противника мы остановили, и завязались упорные бои, которые шли остаток ночи и утро. Участок обороны заняли и подразделения бригады совместно с вернувшимся передовым отрядом.

Четверг, 1 октября 1942 г. ОСТАВИЛИ САДОВОЕ.

К утру бои разгорелись с новой силой. Подходили свежие силы врага и яростно атаковали занимаемые нами позиции. Наши части упорно оборонялись. После авиационной подготовки атаки противника возобновились с еще большей ожесточенностью, и наши стали отходить.

В полночь вернулись к Ханате, где соединились с остальными частями, занявшими оборону. Вышли только с одним танком Т-60. Потеряли около сотни личного состава, много колесных машин и другой военной техники.

Наша группа технического обеспечения потеряла одного ремонтника убитым и одного раненого, которых привезли с собой.

Бригадного врача еще не было. После гибели Раппопорта другого пока не прислали. Хотелось поговорить с Майей, заглянул в перевязочную. Она заметила меня, помахала рукой в перчатке, в которой держала ножницы, и произнесла:

– Завтра приходите, освободимся немного. Рада, что увидела.

– Постараюсь, если удастся.

Я уехал в роту. Все спали как убитые. Доложил дежурному, что прибыл. Пробрался до летучки Гена, на моем месте на боковой скамейке кто-то спал. Как был в шинели и в пилотке, раздвинул немного лежавших на полу, втиснулся между ними. Все позади. Я среди своих, и на этот раз вырвались! Проходили эпизоды прошедших дней: Садовое, стол с закусками, раненые, круговая оборона, раненые и убитые, румынская артиллерийская часть на горизонте, ночной прорыв из окружения, стрельба, взрывы гранат, раненые и убитые, медсанвзвод, доктор Майя... Согрелся, события прошедших дней стали стираться и, должно быть, провалился в глубокую бездну. Уснул.

Пятница, 2 октября 1942 г.

ВЫРВАЛИСЬ ИЗ ОКРУЖЕНИЯ.

В Садовое вошли крупные силы немецких войск. Наши войска противостоять им и на этом участке не смогли. Бригада пошла в бой недоукомплектованной боевой техникой.

– Думали румынов забросать шапками или на испуг их взять. Вот и забросали. Еле сами выбрались.

– Немцы пришли им на помощь, и какая сила! Садовое мы легко взяли и Тундутово бы взяли, но немцы вмешались.

– Будто не с немцами воюем. Как же пошли, не зная толком, кто перед нами, да с такими малыми силами, – заметил кто-то.

– Наше дело – выполнять приказ, а кто их отдает, знает, что делает.

– Пощекотали противника, а себя покусали.

Такой шел разговор среди наших людей.

Целью этой операции был захват плацдарма и отвлечение части сил немецко-фашистских войск из Сталинграда, чем облегчили положение защитников города.

Суббота, 3 октября 1942 г.

ГОТОВЯТ НАГРАДНЫЕ ЛИСТЫ.

После обеда всю нашу группу, входившую в состав технического обеспечения бригады, собрал командир роты Михайловский. Уже стал инженер-капитаном. Вместе с ним был его заместитель по политической части старший лейтенант Титов. Командир поблагодарил всех за добросовестное выполнение своих обязанностей по ремонту боевой техники и проявленные при этом героизм и мужество и сказал, что готовит списки на представление всех участников этой операции к правительственным наградам. Кого будет представлять, не сказал. Замполит обрисовал нам обстановку на нашем участке фронта. Две армии, наша 51-я и 57-я, действующие севернее нас, начали боевые действия по захвату плацдармов в районе Сарпинских озер. Этими контрударами отвлекли часть сил противника из Сталинградского направления, чем облегчили положение наших войск в самом городе, в частности 64-й армии. Боевые действия будут еще продолжаться в этом районе. Прибывают свежие силы, пополняется и наша бригада. Задача нашей роты – как можно быстрее и качественнее восстанавливать неисправную технику, и этим поможем боевому успеху нашей бригады, армии и всему фронту. Назревают важные события. Возможно, это не частная операция. В добрый час!

Воскресенье, 4 октября 1942 г.
НЕТ ЗАПЧАСТЕЙ ДЛЯ РЕМОНТА МАШИН.

Рано утром, еще до завтрака, была отправлена в Ханату группа по ремонту танков. Возглавил ее Воропаев. Предстояло отремонтировать два танка Т-60. Захватили запчасти, сухой паек и убыли со спецмашиной ремвзвода.

Много было неисправных машин. Не хватало запчастей, резины. Комбинировали. Отдельные машины разукомплектовывали для восстановления остальных.

Понедельник, 5 октября 1942 г.
НАШИ ВНОВЬ ОВЛАДЕЛИ ПОСЕЛКОМ САДОВОЕ.

К ужину приехал инженер-подполковник Иванов и сообщил, что наши войска овладели в полдень поселком Садовое. Принимала участие и группа из нашей бригады: три танка и около сотни автоматчиков. Нам предстоит убыть в новый район сосредоточения. Марш состоится ночью, скрыто, в какой-то отдаленный район в калмыцких степях. Приказано собрать на следующий день весь транспорт и личный состав в одно место, получить максимум продуктов, горючее и боеприпасы.

Глава пятая

ЗАТАИЛИСЬ В СТЕПИ

(6 октября – 18 ноября 1942 г.)

Вторник, 6 октября 1942 г. НАСТУПАЮТ ХОЛОДА.

Готовились к маршу в новый район сосредоточения. Должно быть, доукомплектуют нас людьми и боевой техникой. Тогда на что-то и будем способны. Еще до рассвета первыми позавтракали командир роты Михайловский, командир ремвзвода Гуленко, воентехник Ген и подполковник Иванов. Последний на своей полуторке – ГАЗ-51 и наши на такой же собирались в дорогу. В кузове разместилась еще и охрана – красноармейцы с карабинами, гранатами. Все они уехали на рекогносцировку нового места. Приедут – узнаем, что нас ждет и где будем.

Донимал холод. Дул пронизывающий, влажный северо-восточный ветер с мелкими крупинками снега, временами очень сильный. Ветер срывал брезент с машин, пилотки, продувал насквозь. И прятаться от него некуда было. Мерзли в кабинах водители – дверцы были без стекол на машинах ГАЗ-51 и ЗИС-5. Плащ-накидки не удерживались на дверцах, срывались ветром. Шинель не согревала. Многие забирались под брезент в кузовах грузовых машин поверх грузов. У меня постоянного места не было. Я бы мог пристроиться в одну из спецмашин, но за мной был хвост больных, перевязки, и меня не брали в постоянные квартиранты. Пока не знаю и не представляю, как будем приспосабливаться к холоду. В перспективе те же машины с открытыми кабинами, улица, степь, редкие кустарники и небо над нами. Хотя бы выдали теплое белье. А впереди зима...

Среда, 7 октября 1942 г. НОЧНОЙ МАРШ.

Вчера поздно вечером приехали квартирьеры. Сегодня до завтрака командир роты собрал командиров взводов и отделений. Сказал, что предстоит совершить ночной марш свыше ста километров предстоящей ночью. Бригада следует двумя колоннами. Наша рота вместе с тылами – все виды складов. Придаются для охраны колонны два танка Т-60 и одна машина автоматчиков из МСПБ[1]. Кроме вероятного противника, в степи рыскают банды калмыков, нападающие на единичные, без должной охраны, наши машины. В степи орудуют несколько банд, сформированных недовольными советской властью. Возможно, они и связаны с немцами. Впредь машины наши будут следовать группами не менее трех под усиленной охраной. Водителям приказано карабины держать на коленях перед собой и быть очень внимательными в пути.

Четверг, 8 октября 1942 г.
ВСТРЕЧА С РУМЫНСКИМ ОБОЗОМ.

Во второй половине дня прибыли в поселок Зергента. Там уже находилась остальная часть бригады, которая ушла раньше нас и другим маршрутом. Они ничего не знали, что случилось с нами. Попали мы в сложную ситуацию, но все обошлось благополучно.

Шел холодный моросящий дождь. Наконец остановились у кустарника возле какой-то балки. Все оставались на местах, сидели, укутавшись от дождя, где кто ехал. Кому удавалось – дремали. Близился рассвет.

Оказалось, что вторую половину ночи стояли рядом с обозом румынской кавалерийской бригады, думая, что это наши. И они, должно быть, думали, что это подошло их подразделение. И перед рассветом, когда спускались в балку справлять естественные надобности, наши услышали не русскую речь, ржание лошадей и стали беспорядочно

---

[1] Мотострелковый пулеметный батальон.

стрелять, не предупредив наше командование, что всполошило всех. К счастью, они больше испугались, особенно дружных очередей автоматчиков и вышедших наших двух танков. Румыны, это были они, стремительно сбежали, оставив повозки с фуражом, продуктами, несколько автомашин, свыше десятка трупов. Наши бросились собирать трофеи: продукты, одеяла, плащи. Фураж свезли в одну кучу и подожгли. Михайловский приказал все продукты сдать на продсклад, что в основном и сделали. Часть продуктов оставили у себя. Последовала команда построиться всему личному составу. Перед строем выступил подполковник Иванов. Он был старшим этой группы. Он сказал, что мы потеряли бдительность и могли поплатиться жизнью. Караул не заметил врага, вернее, принял его за своих. При обнаружении противника нужно было доложить командованию, а не предпринимать беспорядочную стрельбу, чем подняли панику в своих рядах и испугали противника, дав ему возможность убежать. Приказал вытянуть колонну и быть готовым к маршу. Машину автоматчиков и один танк поставил впереди, другой танк замыкал колонну, и мы двинулись в моросящую непроглядную степь.

Всю дорогу и весь вечер обсуждали случившееся, которое обрастало новыми эпизодами. Один краше другого. Выходило, что наша рота технического обеспечения бригады, усиленная двумя танками и группой автоматчиков, обратила в бегство не то полк, не то бригаду румын, не то черт его знает что. А был, видимо, всего-навсего обоз с фуражом. И то здорово! Несмотря на нудный моросящий дождь, настроение у всех было преотличное. Мы только что одержали победу над врагом!

Как это принято, после любого боевого эпизода, окончившегося победой над противником, обычно представляют отличившихся при этом к правительственным наградам. Возможно, и этот момент не упустят, если его как следует распишут, и будут составлять списки на награды. Кого внесут в наградные листы? Пусть уж это будет заботой командира.

Пятница, 9 октября 1942 г.

КАК БЫТЬ ДОКТОРУ МАЙЕ?

Колонна остановилась на окраине поселка Зергента. Отлучаться от машин не разрешили. Так всю ночь и простояли на окраине. Погода не менялась: мелкий моросящий дождь и периодические порывы сильного холодного ветра. Видно, решался вопрос, где нам располагаться. Поселок был забит подразделениями нашей бригады. В каждом доме поселка жили местные жители – калмыки.

Командир роты сообщил, что роте предстоит этой ночью совершить марш в район, где будем какое-то время находиться, пока бригада будет получать пополнение. Нам надлежит там развернуть мастерские и ремонтировать технику. Условия жизни у нас будут особые. Все работы, передвижения, выезды и приезды будут проводиться ночью, а днем все должно замереть, чтобы противник не догадался о существовании там воинского подразделения. Он приказал готовить машины к маршу, ждать его приезда и убыл на рекогносцировку нового района нашей дислокации. Я сделал почти все перевязки личному составу на улице возле транспортной машины, проверил продукты для ужина, место забора воды и ушел в медсанвзвод. Взял с собой водителя Суляна. Я давно ему обещал взять с собой. По дороге узнал, что Сулян там бывал, и неплохо Александра его встречала, но всегда была занята и толком поговорить не удавалось.

– Как поговорить, с каким толком? – спросил я его.

– Просто так. По душам поговорить. Как это было, когда первый раз ее привез в бригаду. Темнит она. Нет той прежней искренности. Разобраться хочу.

Возможно, она и была к нему ласковой, когда он ее привез в бригаду. Ночь они вместе провели, как он рассказывал. Были внимательны друг к другу еще какое-то время. На что он может надеяться? В этом и решил разобраться.

В калитку вошла доктор Майя.

– Ее вызывал Максимов. Она от него. Он ее слопает тихой сапой. Смотрите, не прозевайте! – шепнула мне Панченко.

– Он для меня сильный соперник, – заметил я.

– Здравствуйте, коллеги! – Майя подошла к нам. – Кто сильный соперник и в чем?

Значит, услышала последнюю фразу.

– Батальонный комиссар Максимов сильный соперник. В любви, – выпалил я.

Она остановилась, уставилась на меня.

– Зачем вы так больно? Вы, вы, вы жестоки. Все! Это же мои муки, моя рана, а вы туда же солью. Никакой поддержки. Одно зубоскальство. В бездну провалишься – никто руку не протянет, еще подтолкнут. Ждете спектакля на чужом несчастье?

И со слезами убежала в другой дворик.

– На больную мозоль наступили. Трудно ей, бедняжке, – сказала Панченко. – Куда ей деваться? Видно, припер к стене. Я пошла к ней.

– Скажи мне, у тебя с ней какие-то отношения?– прервал мои мысли Семен.

– Я отношусь к ней с большим уважением, как к товарищу. Панченко пошутила, говоря, что я сохну по ней. Максимов ее добивается, и ей все труднее устоять. И мы попали в это ее больное место. Как бы ей помочь? Честно говоря, я на все для нее готов, но она против. Была против.

– Чем же ты ей можешь помочь? Если он решит, то своего добьется. Никуда ей не деться. Садовский же сошелся с доктором Ложкиной, и живут открыто, как муж с женой.

– Он может жениться на Зое, если останутся в живых. Они оба холостяки, и их можно не упрекать. А вот Максимов как смеет приставать?! Да где его совесть? Она еще молода, у нее жених, и куда он лезет, старый и женатый?

– Захочет – влезет. Чем же ты ей хотел помочь?

– Мог бы, если бы она захотела. Не поймешь, что они хотят. Уверен, твердо уверен, что с ним она не хочет сходиться. Она ему категорически отказала, но он пристает.

Подошел красноармеец Сулян.

– Доктор, пошли к себе. Я все решил. Здесь для нас никого нет. Наши женщины еще подрастают, и если мы уцелеем в этой войне, то они нас дождутся. А тут у нас никого нет. Пошли.

– Мне надо задержаться. Иди, я скоро буду. Будь здоров, Семен, до встречи!

Пошел в другой дворик, где расположен личный состав медсанвзвода. Встретилась медсестра. Широко улыбнулась мне – сама любезность – и с ухмылкой спросила:

– Вам кого?

– Где тут доктор Майя?

– Она нуждается в утешителе, там ее найдете, – и указала на крыльцо.

Я попал в прихожую, если так можно назвать место, где зимой держат скот. Услышал слева за дверями голос Панченко и вошел в комнату. Майя лежала на кушетке.

– Чего пришли? – спросила Панченко. – Обидели и пришли.

– Никто не хотел обижать. Решили пошутить, а вышло боком. Майя, извините, что моя неудачная шутка причинила боль. Не хотел я этого. Вы знаете, что не желаю вам неприятностей. Напротив, только добра хочу. Случилось что? Скажите!

– Ничего пока не случилось.

– Зачем же вы к нему ходите?

Она села на кровать. Ожидал, что выгонит или разразится бранью. Но она спокойно ответила:

– Таблетки ему нужны.

– Пусть их носит Иванов.

– Приказывают мне. Кроме таблеток ему надо измерять давление, а это только я могу правильно делать, – сказала она.

– Там же рядом доктор Ложкина, имею в виду у командира бригады. Пусть она и ему меряет давление.

– Он считает, что лучше всех я ему меряю давление, и ему сразу становится лучше, – и чему-то улыбнулась.

– Вы можете серьезнее? – начал я, запинаясь.

– Могу.

– Вам это ничем не грозит?

– Чувствую, что грозит. Все уже смотрят на меня, как на потенциальную любовницу. И мне все труднее.

– Не ходите к нему.

– Но он настаивает и присылает за мной.

– И вам это начинает нравиться.

– Нет. Нет! Не обижайте меня! Прошу...

– Зачем же держитесь за эту нить? Вам кушать приторно и бросить жалко. Кончать сразу надо!

– Она же подчиненная, и как не пойти, если просят оказать помощь. Как можно кончать сразу? – вмешалась доктор Панченко.

– Можно. Я предложил выйти за меня замуж. Фиктивно для себя, для нас, а для всех на законных основаниях, и пусть все об этом знают. И Максимову об этом сказать. Что любим друг друга и мы – муж и жена. Можно и расписаться, не жить вместе, иногда встречаться на людях, а после войны разведемся и каждый – свободная птица. Не выход ли это из создавшегося положения? А она отказывается. Вот и вся история, – закончил я одним дыханием.

– Оставьте меня! Я сама разберусь, – залилась она опять слезами.

– Хорошо, оставляю. Если надумаете – рассчитывайте на меня. Другого я придумать в этой обстановке не могу.

Я встал и пошел к выходу.

– Подождите!

Майя вскочила с кушетки, бросилась ко мне, припала на колени, схватила мои руки и стала их целовать, обливать слезами.

– Спасибо, дорогой мой человек, я все обдумаю... Не могу я, в конце концов, поймите же, не могу я связать вас

браком со мной, пусть и фиктивным. Это противоестественно. Как жить в обмане!? Как притворяться? Это и бессовестно, подло. Наконец, подло по отношению к вам. Не знаю, не знаю, как быть... Ранили б и попала бы в госпиталь, потом в другую часть или убили б, – и залилась слезами.

Пока шли все эти причитания, слезы, я поднял ее на руки. Очень хотелось прижать к себе, поцеловать, но я сдержался, опустил ее на кушетку, прикрыл одеялом и пошел к дверям.

Суббота, 10 октября 1942 г.
ВВЕДЕНО ЕДИНОНАЧАЛИЕ.

Ночью совершили марш по калмыцкой степи. Ни одного населенного пункта по пути нашего следования не видел. Всю ночь не спал. Был старшим машины и следил, чтобы водитель не уснул и не врезался во впереди следовавшую машину.

Все думал о Майе. Люблю ли я ее? Мог ли я состоять в фиктивном браке с ней? Как бы это выглядело? Действительно, это не так просто. Если муж и жена, то надо быть вместе или хотя бы временами вместе, уединяться. Она более благоразумная, чем я, видно, правильно поступила пока, что не согласилась на мое предложение.

Рано утром еще затемно подъехали к какому-то поселку, населенному калмыками. Машины растолкали в две большие кошары, где еще недавно стоял скот. С нами прибыл инженер-подполковник Иванов. Он строго предупредил, что наше пребывание в поселке должно быть скрытым от врага и вообще от людей. Для этого все ремонтные работы будут проводиться в основном ночью. Срочные работы будут проводиться и днем, но только в кошарах. Передвижения по поселку личного состава днем запретили, как и движение автомашин и другой военной техники. Кухни разместили в одной из кошар, выделив и огородив для них определенный угол. Запретили гражданскому населению отлучаться из поселка. На дороги, ведущие в поселок, вы-

ставили караулы, укрыв их в наспех выкопанных убежищах. Предупреждали население, чтобы никуда не отлучались из поселка.

Интересовала эпидемиологическая обстановка. Пока заметил много больных трахомой, особенно старшего возраста, были больные и среди детей. Подобрали место для медицинского пункта поближе к кошарам в одном из домиков. Он состоял из двух половин. Одну половину из двух комнат уступили нам, в другой половине осталась жить семья: муж с женой и двое детей. Медицинскую помощь оказывал в одной из двух кошар, где оборудовал специальное место. Личный состав расположился в кошарах, кто где. Большинство у стены уложили солому, на ней и располагались. Ремонтный взвод для себя сделал нары, покрыл их соломой, брезентом, и пригрелись друг к другу. Кто располагался в кабинах машин, кто в спецмашинах. Устраивался, как всегда, кто как мог.

Перед ужином построили роту. Командир сообщил, что Президиум Верховного Совета СССР принял постановление «Об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной Армии». Для всех политработников, как и для командиров Красной Армии, вводились общие воинские звания и знаки различия. Отныне к Титову нужно обращаться по воинскому званию: «Товарищ заместитель командира по политической части» и уже не «товарищ комиссар». Для нас какое это имело значение? И так он дрожал перед командиром, во всем ему угодливо подчинялся, и мы не чувствовали, чтобы комиссар постоял за кого-нибудь, даже за себя. Сейчас вообще никто не посмеет возразить в чем-либо командиру. Единоначальник!

Воскресенье, 11 октября 1942 г.

ЗАТАИЛИСЬ В КОШАРАХ.

В кошарах строили нары для всех взводов по образцу ремонтного. Кошары не топились, но и ветер там не гулял, как на улице. Весь день ушел на размещение личного со-

става, на оборудование мест для ремонта техники. Ни я, ни мои товарищи не понимали, зачем такая конспирация. Говорят, такое было распоряжение вышестоящего командования. О нас никто не должен знать.

Понедельник, 12 октября 1942 г. УШЛИ В ПОДПОЛЬЕ.

Пошли спокойные и нудные дни. Ремонт машин производили ночью. Развод караула через двенадцать часов в темное время суток рано утром и вечером. Получили задание выкопать невдалеке от кошар в небольшой балке капониры для машин с горючим и укрытия для боеприпасов – склады бригады. Работы намечены на следующие ночи. Для ужина не хватило запасов воды. Командир не разрешил набирать в светлое время суток, хотя колодец был в 100 метрах от кошар и к ужину не было чая. С наступлением темноты набрали воду, и ужин затянулся допоздна. Прием больных, спать и отдыхать приказали только в кошарах. Условия для всех были очень тяжелые.

Вторник, 13 октября 1942 г.
ДНИ ПОМЕНЯЛИ НА НОЧИ.

Хлеб кончился. Пошли сухари. И тоже с песком. Крупа в основном пшенная в большом количестве, немного гороха и перловки. Овощи – лук, картофель сушеные. Пшено идет и на суп, и на кашу. Консервы. В первые дни было свежее мясо, а сейчас не подвозят. «Гуляют» бычки и коровы в степи. Бить не разрешают. Подбирают их калмыки в свои стада. Поднимали вопрос перед командиром роты, но он категорически запретил стрелять их.

Очень тяжелое положение в Сталинграде. Кровопролитные бои идут в городе. Немцы во многих местах вышли к Волге. Тут решается и наша участь. А что толку, что мы зарылись здесь в степи. Или еще будет толк? Важное значение имеет сейчас Сталинград. Его должны удержать и, видно, нас также готовят для этого. Дело за танками. Их пока нет.

Среда, 14 октября 1942 г.
НУЖНО УТЕПЛЯТЬ МАШИНЫ.

Ночью копают капониры для машин, боеприпасов и отдельно хранилище для горючего. Копали все, за исключением наряда. Основное орудие производства – лопата и лом.

Большая группа красноармейцев и командиров столпилась у одной машины, выглядевшей довольно странно. Вся кабина ГАЗ-51 была обита шкурами крупного рогатого скота разного рисунка и цвета. Дверцы кабины этой машины были открытые сверху и обтянуты брезентом внизу, как и крыша кабины. Сейчас вся кабина была в шкурах. Шкуры были еще сырыми, специфически пахли. Они не были вычищены, а просто просолены и подсушены, куски шкуры лежали и в кабине под ногами. Машина была Федьки Бяширова. Это он ее так утеплил. Всем было ясно, что так будет теплее в рейсах к зиме, а холода уже давали о себе знать. Идея всем понравилась, и недостатка в высказываниях не было.

– Ну и зверя заимел! Фриц шарахаться будет от такого чудовища. Подумает, новое оружие появилось.

– Даешь, Федька! Страху на всю степь нагонишь.

– Сколько бычков перевел на свою зверюгу?

Невдалеке стояли Манько с Геном и что-то горячо обсуждали. Командир роты был у себя в машине в другой кошаре. Манько пошел за ним и вскоре привел его, замполита и Китайчика. Командир молча осмотрел кабину снаружи и внутри и сказал, что идея нравится. Доложит зампотеху бригады и, если разрешит, то все открытые машины утеплим таким же образом. И мясо будет. Весь день обсуждали это событие.

Четверг, 15 октября 1942 г. ТЯЖЕЛО СТАЛИНГРАДУ.

Земляных работ было еще много. Ночью пришли машины с боеприпасами. Их разгрузили, уложили в одно убежище, накрыли брезентом. Машины убыли. Говорили, что в

следующую ночь еще привезут, а нас торопили с работой. Поняли, что не зря она делалась. Под утро еще затемно снял пробу пищи – опять пшенная каша с мясными консервами, сухари, чай. Позавтракал и занялся перевязками. Их было очень много на этот раз. После завтрака построили личный состав. Командир роты обошел строй и обратился ко мне:

– Доктор! Чего перевязал почти всю роту? Если не руки, то шею. Всех больными сделал. Говори, в чем дело?

– Мозоли натерли, а на шее фурункулы и в других местах. Нужно рукавицы выдать людям. Так совсем испортят руки, – тихо добавил я.

– Рукавицы получили для перехода на зимнюю форму одежды, – отозвался старшина роты Николаев.

– Сколько пар рукавиц получили? – спросил командир старшину.

– Хватит на всех.

– Вот всем и выдать рукавицы через командиров взводов и пусть берегут и на зиму. Командиры взводов! Получить рукавицы и через 15 минут убыть на работы. Разойдись!

Приехал старшина Кругляков и поразил нас неожиданным известием. Они были обстреляны в пути сюда группой наездников-калмыков из винтовок в районе оврага, мимо которого частью идет дорога на Зергента. Не слезая с лошадей, обстреляли машину и когда из кабины Кругляков ответил выстрелами из карабина, они скрылись в овраг. Кабина и кузов машины местами были пробиты пулями. Это уже не первый случай в бригаде, и об этом предупредили нас. Кругляков привез из продсклада бригады крупы, консервы, сушеные овощи, сухари. Мы ушли отдыхать, обсуждая и возмущаясь случившимся.

Отдельно на противне жарилось свежее мясо и картофель для командира и его подручных. После ужина политрук Титов оставил всех возле кухни и зачитал свежие газеты, которые привез Кругляков: «Сын Отечества» 51-й армии и «Сталинградский воин» – газета 57-й армии.

В обсуждениях после читки газет и во время ночных работ спрашивали себя: зачем нас прячут в этой глуши?

Пятница, 16 октября 1942 г. «ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ».

Скрытость нашего пребывания, неизвестность цели, изнурительная работа неблагоприятно сказывались на настроении людей. Очень переживал Николай Манько из-за отсутствия писем от жены, заметно сник человек. Да и для всех нас нужна была какая-то разрядка. И Саркисян придумал организовать «день рождения Манько» без его ведома. Решил сделать ему сюрприз и нам доставить удовольствие, чтобы несколько разнообразить нашу монотонную жизнь. Попросил меня провести это мероприятие в медпункте. Организацию стола взял на себя Костя Наумов. Договорился с хозяином дома, где размещался медпункт, о помощи продуктами, за что обещал поблагодарить его. Были и баранина, говядина, овощи и, конечно, алкогольная жидкость – калмыцкий самогон (надо отметить – отвратительного запаха и вкуса, но никто не отравился).

Вечером, после распределения объема работ личному составу на ночь, собрались в медпункте Саркисян, Ген, Манько, Наумов, старшина «Крошка» и я. Когда стали поздравлять Николая, он удивился и заявил, что никакого дня рождения в этот день у него нет. Саркисян признался, что это он придумал, чтобы внести какое-то разнообразие в нашу жизнь и встряхнуть от уныния Николая. Затею одобрили, Саркисяна и Наумова поблагодарили. Хорошо посидели.

Поговорили о наших делах, об обстановке в Сталинграде, высказали уверенность, что нас ожидают важные события после укомплектования бригады, что наше пребывание в скрытости в этом районе имеет какой-то стратегический смысл. Вскоре все направились к личному составу и включились в ночную работу.

Суббота, 17 октября 1942 г. БРОСАЕМ КУРИТЬ.

Трудно работалось в эту ночь. Возможно, баранина с добавками была тому причиной. Устали люди, выбились из ритма жизни, и днем не удавалось толком отдохнуть.

Все же старались, но результаты были низкие. Калмыков сказал, что земляных работ еще много.

После завтрака сделал перевязки всем в одном из уголков кошары, кому лекарства дал. Ушел в поселок. Там меня ждали женщины и дети. Уже не первый раз. Кому перевязку сделать, но были и больные. Страдали кожными заболеваниями. Были случаи чесотки. Мне нечем было ее лечить. Рассказал личному составу роты о трахоме, чесотке, как уберечься от этих болезней. Были больные с хроническими заболеваниями дыхательных путей – бронхиты, возможно и туберкулез. Медицинского работника в поселке не было. Старался не отказывать в помощи местным жителям по возможности.

Ушел в медпункт. Манько и Наумов уже отдыхали. Стоял сильный запах табака со вчерашнего дня. И они добавили своим куревом.

– Ну и воняет табаком у вас. Проветрим, – и я открыл окно. – Знаете что, хлопцы. Давайте бросим курить. Ввели сахар вместо табака. 300 граммов сахара на человека в месяц. Будем сахар получать. Здоровее будем. Идет?

– Я согласен, как ты, Костя?

– И я попробую.

– Не пробовать надо, а разом решить. Иначе не получится, – проговорил я. – Предлагаю пари на три литра самогона. Кто первый нарушит, ставит три литра самогона. Нужна такая мера. Кто за?

– Согласны, – ответили оба, – начнем с завтрашнего утра. Сегодня накуримся до одури и баста, – заключил Костя.

– Пусть с завтрашнего дня, – сказал Манько. У меня не было сильной тяги к курению. Курил из-за моды, чтобы поддержать компанию. Думаю, что легко смогу бросить.

– Итак, с завтрашнего дня.

Из штаба бригады поступило распоряжение отправить в Зергента, в техчасть бригады, одного воентехника-автомобилиста и с ним пять водителей для получения

машин ЗИС-5 для нашей роты и обеспечить их сухим пайком на трое суток. Из воентехников назначили Костю Наумова. На машине ГАЗ-51 ночью они уехали. Костя настоял и получил сухой паек на пять суток. Водители были все вооружены карабинами, Костя, кроме пистолета – еще автоматом.

Участились случаи обстрела наших машин.

Воскресенье, 18 октября 1942 г. БАНДЫ В СТЕПИ.

Приехавшие под утро из Зергента и Ханата водители с боеприпасами сказали, что из этих мест и других населенных пунктов идет эвакуация всего населения. Должно быть, ожидается крупное наступление немцев.

Внес ясность приехавший несколько позднее инженер-подполковник Иванов. Он сообщил, что есть приказ командующего Сталинградским фронтом о выселении гражданского населения за пределы 25-километровой фронтовой полосы от линии фронта, куда попали и эти населенные пункты. По поводу работ объявил благодарность личному составу и сказал, что нужно еще сделать хранилища для горюче-смазочных материалов. Это работа на две ночи. После чего начнет прибывать военная техника и роте надлежит заняться ее обслуживанием и ремонтом. Одобрил инициативу Феди Бяширова и разрешил утеплять кабины машин шкурами. Шкуры доставать по своей инициативе. Я попросил разрешения работы производить днем и дать возможность людям отдыхать ночью. Он возразил, сказал, что приказ о выполнении всех наружных работ только ночью отменить не может и все остается в силе. Предупредил о повышении бдительности по охране машин и в рейсах. В мотострелковом пулеметном батальоне был ранен водитель в районе Дербен-Худук. Шныряют банды калмыков на лошадях. Обстреляют и скрываются в балках, оврагах, куда автомашинами нельзя пройти. Из армии выделена специальная группа по уничтожению этих банд.

Понедельник, 19 октября 1942 г. ПОДАРКИ ИЗ ТЫЛА.

Подобрали группу по отстрелу крупного рогатого скота в степи для заготовки шкур для утепления кабин. Старшим назначили старшину автовзвода «Крошку». Таежный охотник, должен с этим делом справиться. А главное – появится свежее мясо.

После того как был командиром назначен объем работ на предстоящую ночь, замполит Титов сказал нам, что на роту выделили из бригады восемь посылок, которые прислали трудящиеся Ярославской области воинам-сталинградцам. В Зергента была делегация швейной фабрики – группа женщин, которые вручали подарки и посылки воинам. К нам решили их не возить, а посылки прислали.

– Кому их вручать? – спросил замполит.

– Лучшим, конечно, – послышались голоса.

– А кто лучший? Все стараются.

– На каждый взвод по посылке выдать. А там уж командир пусть решает кому, – предложил замполит.

– Давайте так сделаем, – предложил Саркисян. – После ночной работы перед завтраком разложим содержимое посылок на верстаках в ремонтной кошаре. Пусть каждый возьмет, что ему понравится. Условие: брать только одну вещь. Пускать в первую очередь самых работящих. Сразу после работы, вернее, кто первый выполнит задание.

– Хорошо придумал.

– Молодец, Самсон!

– Не Самсон, а Соломон. Царь такой был мудрый у древних евреев.

– Пусть Соломон, но по справедливости придумал.

– Так и сделаем, – решил командир. – Замполит, организуешь это дело. Все свободны. Вывести людей на работу.

Утром пришли все к ремонтной кошаре. Здесь всех построили в шеренгу по два человека. Порядок построения объявил старшина Николаев. Первым – ремонтный взвод,

затем автовзвод, электрики и все остальные. Завели всех в кошару.

Перед строем на верстаках, на примитивных полках из досок между ними, было разложено содержимое посылок. Были тут носки грубошерстные, варежки, кисеты, пачки махорки, кусочки мыла, щетки зубные, одежные и сапожные щетки, вязаные шапочки, крем для обуви, карандаши, бумага, конверты, подворотнички, носовые платки, полотенца, шарфы, ложки, ножницы, нитки, красиво расписанная кружка, и среди всего этого восседала детская кукла. Люди как-то размякли, глядя на все эти домашние предметы. Вспомнился дом, близкие, родные. Некоторые зашмыгали носом, стали протирать тыльной стороной ладони глаза.

Каждый думал о своем доме, близких. Не стеснялись смахнуть слезу, вытереть глаза платочком или ладонью, стали покашливать. Последовала команда:

– Брать по одному предмету, который понравился. По одному шагом марш вдоль верстаков!

Тронулись по одному вдоль верстаков. Каждому что-го досталось. За завтраком делились впечатлениями, пошучивали друг над другом. Вспоминалась домашняя обстановка, мелочи домашнего обихода. Видно, этот эпизод с подарками заставил каждого вспомнить дом, своих родных и близких. Где они сейчас и как им живется? Увидимся ли? На этот раз мало кто лег отдыхать. Писали письма, вспоминали дом, говорили о близких. Без команды люди пошли в мастерские к технике, стоявшей на ремонте, хотя имели право на отдых до обеда.

Вторник, 20 октября 1942 г.

НАКОНЕЦ ПОМЫЛИ ЛЮДЕЙ.

Появились туши свежего мяса – результат заготовки шкур. Последних было все мало. Ездили к гражданскому населению и кое-что набрали. Договорились с каким-то убойным пунктом, где будут шкуры для наших оставлять. Выделывать их не могли. Просаливали и высушивали на ветру. Шкуры становились жесткими, как листы железа.

Как бы то ни было, «стадо» странных зверей – такой вид имели наши машины – увеличивалось. Ветер не так уже гулял по кабине.

Прошлой ночью закончили земляные работы. Надолго ли? Но стало легче. Решили в этот же день провести помывку личного состава и стали к этому готовиться. Приготовили две бочки для холодной воды. Два брезента. Одним опоясали четыре дерева и прикрепили его гвоздями. Вторым накрыли сверху крышей и опустили край на образовавшийся от первого брезента просвет – вход с пологом. Получилось что-то наподобие юрты. Набросали на пол ветки и сделали сток для воды. После ужина в кухонных котлах согрели воду, и всю первую половину ночи шла помывка людей. Запускали группами по семь человек, а дежурные из каждого взвода носили им холодную и горячую воду.

На этот раз выдали всем новое белье. Вместо пуговиц на нательной рубашке и кальсонах у пояса и внизу были завязки. Неудобны были: натирали ноги в голенях и если завязывались узлом, то трудно было их развязать, и их обрывали.

С нашей попутной машиной прибыли пять наших водителей, которые ездили с Наумовым. Они доложили, что автомашины не получили. В Зергенте Наумову выдали разнарядку, доверенность и направили в Ханату, где они должны были их получить. Но почему-то машины им не достались, и Наумов с водителем решили остаться там и ждать следующую партию. Остальных водителей отправил попутной машиной, считал, что доберутся в роту. Причитающуюся часть сухого пайка им не выдал, все оставил себе. Водители голодные, очень ругали Наумова, сказали, что он остановился у какой-то женщины, привозил ей от ее родственников картофель в тот день, когда должны были получать машины, пропьянствовал и прозевал их.

Среда, 21 октября 1942 г. ВИЗИТ «РАМЫ».

Не так уж далеко от фронта оказались мы. Около полудня услышали гул самолета, вовремя ударил гонг, и каждый из нас затаился, где был. В небе появилась «рама».

Зловещий «Фокке-Вульф» – немецкий разведывательный самолет, после которого, по имеющемуся у нас опыту, хорошего ждать не приходится. «Рама» облетела поселок и окрестности вокруг, вернулась и сбросила две небольшие бомбы. Одна упала на площади поселка у колодца, где женщины стирали белье. Возле них были и дети. Среди них были ранены две женщины и ребенок. Вторая бомба упала у края одной из кошар транспортного взвода. Выворотила угол кошары, осколками побила стоявшие там колесные машины. К счастью, люди не пострадали. В момент облета никто не выскочил из кошар и не болтался по поселку. Считали, что самолет не заметил наличие военного гарнизона. Убежища только накануне прикрыли большими защитными сетками.

Оказал помощь пострадавшим женщинам и девочке.

После ухода «рамы» командир всех собрал и строжайше запретил днем выходить из кошар. Приказал выставлять караул в блиндажи у въезда в поселок в темное время суток и менять его два раза в сутки, также в темное время. На время несения наряда брать с собой сухой паек и воду. В случае появления «рамы» или других самолетов противника не стрелять, чтобы не выдать свое присутствие в этих местах.

Выехал прошлой ночью в поисках Наумова старший воентехник Александр Ген. Подполковник Иванов, замполит бригады, приказал отправиться в Ханату, найти там Наумова и немедленно доставить в штаб бригады в Зергенту. Узнать, почему не получил машины, не пропала ли разнарядка, когда можно ожидать получение машин и другой военной техники.

Воентехник Ген поехал с одним из водителей, который в прошлом был с Наумовым и знал, где он остановился.

Четверг, 22 октября 1942 г. УТЕПЛЯЕМ МАШИНЫ.

Привезли ночью партию шкур из какого-то убойного пункта. Шкуры издавали очень зловонный запах, распространившийся на всю кошару. Решили их замочить, смыли

соль, кровь, очистили часть жира и оббивали кабины сырыми шкурами. Так было удобнее с ними работать. Страшные выходили «звери». Главным консультантом был, конечно, Федя Бяширов.

У меня уже были на исходе перевязочный материал и медикаменты, о чем доложил командиру роты и просил уже не первый раз разрешить мне съездить в медсанвзвод.

– Не буду тебя отпускать сейчас. Это почти на двое суток. Днем же не поедешь. Напиши заявку и передай Калмыкову. Я с ним этой ночью поеду, и через два дня он тебе все привезет.

Ожешко устанавливал печку в кошаре. Сделал он ее из двухсотлитровой бочки из-под бензина. Обогревались возле нее, но кошару обогреть она не могла. Становилось все прохладнее, дул насквозь пронизывающий влажный ветер.

Вернулся Саша Ген. Подполковника Иванова не застал и приехал сюда. Доложил о своей поездке командиру роты и зашел к нам. Мы с Манько узнали следующее.

Ген справлялся у представителей армейской автослужбы в Ханате. К ним обратился Наумов утром 18 октября. Ему ответили, чтобы он за машинами явился к вечеру, но он не приходил. На следующий день он также не явился, и они перераспределили автомашины другой части. Когда пришел к ним Наумов, ему сказали, что машины отдали другой части, так как он не прибыл в указанное время. Ему приказали убыть в часть и ждать там следующей разнарядки. Он приходил к ним еще раз, и они повторно приказали ему убыть в часть и там ждать. Нашел Наумова по указанному водителями адресу. Он был пьян, как и хозяйка, у которой он остановился. От водителя Ген узнал, что Наумов сошелся с этой женщиной, привозил ей картошку от родственников, уголь. Наумов сказал, что его обманули, отдали машины другой части, и он решил ждать следующую партию машин. Ген сказал ему, что подполковник Иванов приказал, чтобы он с ним вернулся в штаб брига-

ды. Наумов не согласился выполнить приказ, сказал, чтобы Ген уехал и что через какое-то время выедет следом за ним. Ген был вынужден уехать один. Слил Наумову часть своего бензина, чтобы тот мог добраться до Зергенты или к нам в роту.

Пятница, 23 октября 1942 г. БЫСТРЕЕ БЫ ДЕЛО!

Под утро приехал Наумов, ввалился в медпункт, где спали я и Николай. Не раздеваясь и не разговаривая, лег спать на кушетку. Через два часа пришел посыльный от командира за Наумовым. Раскачали его, и он с проклятиями и матерщиной ушел за посыльным. У командира был подполковник Иванов и старший воентехник Ген. О чем там был разговор, не знаем – можно только догадаться по виду его, когда вернулся. Костя курил, на вопросы не отвечал, просто не замечал нас. Достал из шкафчика кусок хлеба, налил из фляги полную кружку какой-то вонючей жидкости, выпил всю, закусил хлебом, лег на кушетку, накрылся плащ-палаткой с головой и отключился.

Потом от Гена узнали, что состоялся очень серьезный разговор, и командир настаивал на предании его суду военного трибунала. Когда его отпустили, Иванов сказал, что доложит командиру бригады на его усмотрение.

Утром шел моросящий дождь. В нашей одежонке было уже холодно. Шинель не согревала. Грелись вокруг железной печки в кошаре. И у большинства личного состава работ определенных не было. Не проводились и ремонтные работы – нечего было ремонтировать. Техника не прибывала. Безделье расхолаживало людей, портило настроение, особенно ограниченное пространство пребывания – кошара. Трудились, как всегда, повара, и им помогали, остальные валялись на нарах, и сон уже не шел. Чаще слышна была матерщина. Письма не получали. Изредка газеты армейские и не очень свежие. По рукам шла газета «Красная Звезда» со статьей И. Эренбурга и стихотворением М. Светлова. Проникновенными были в нем слова, что и на нашей улице будет праздник! Трудились транспортники

по обивке кабин шкурами, а основная масса стала скучать. Нередки были перепалки по пустякам. Народ нужно было чем-то занять. Быстрее бы дело!

Суббота, 24 октября 1942 г.

НАУМОВ РАСКРЫЛ СВОЮ ДУШУ.

Приехал Калмыков с командиром. Передал комплект перевязочного материала. Из медикаментов – мелочь. Сказал, что сами они сидят на полуголодном пайке. Был бы сам – вырвал бы больше и более нужное. Он взял, что дали. Спасибо и на этом.

Опять был случай обстрела водителей из нашей бригады группой наездников, как полагают, из местных жителей. Немцы или румыны не решились бы забираться в эти места в таком малом количестве. Завязалась перестрелка, и бандиты скрылись. Среди наших были раненые.

Вечером в медпункте произошел очень неприятный инцидент. Были у нас Ген с Саркисяном. Наумов выплеснул Гену всю свою гадкую душу, считая его виновником своего положения. Начал с того, что обозвал его гадкой мордой, что эта проклятая еврейская нация только пакостит русским, что Ген предал его, старался утопить, вместо того чтобы помочь выкрутиться из этой ситуации, в которую попал, как он считает, случайно, по обстоятельствам, мол, что не бывает с человеком. Далее говорил, что знал в Одессе парней его нации, с которыми дружил и дела делал, что это были пацаны что надо, горой стояли за Костю, а Ген, мол, выродок недобитый.

Наумов не успокоился и продолжал:

– Думали сплавить меня? Не вышло! Меня простили. Ты, – обратился он к Гену, – гнида проклятая! Таким евреям в Одессе не прощали.

Внезапно выхватил пистолет и выстрелил над головой Гена. Пуля оставила отметину в стене. Саркисян и Манько заслонили Гена. Наумов отошел к дверям, пистолет взял на предохранитель и вложил его в кобуру. При этом продолжал ругаться в адрес Гена многоэтажным матом, оскор-

блял его и его предков, пригрозил, что при удобном случае еще проучит его. И ушел. Все застыли. Так неожиданно все произошло. Через какое-то время Ген, побледневший, медленно произнес: «Одесский босяк. Выпустил накопившийся пар. Духа не хватило бы у него выстрелить в меня. Представил нас одесской шпаной и решил попугать и себя утвердить, пошляк».

Тут заговорили все с возмущением и осуждением. Разговор сводился к тому, чтобы пойти к командиру, все рассказать, дабы привлечь Наумова к ответственности – предать суду военного трибунала. Ген просил всех забыть этот инцидент, не вести нигде никаких разговоров. Мол, Наумов ничтожный человек, трус, не посмеет пойти на убийство своих, хотя и подлый человек. Предложил бойкотировать его и на этом поставить точку. Нехотя согласились с Геном. Каждый из нас чувствовал себя очень скверно. Осталось ощущение, что нас облили грязью. За что? Каково Гену? Он выполнил свой гражданский и воинский долг.

Немало раздумий было над тем, почему командование танковой бригады в боевой обстановке простило преступное поведение в эпизоде с автомашинами? Вспомнился эпизод с Наумовым, когда он с моей невольной помощью ограбил амбулаторию – заставил меня подобрать ему лекарство для лечения гонореи. И это был не последний подлый случай за период совместной службы в бригаде. Как впоследствии выяснилось, он был осведомителем «СМЕРШа».

Воскресенье, 25 октября 1942 г.

НЕ ВСЕГДА НУЖНА ПРИНЦИПИАЛЬНОСТЬ В МЕЛОЧАХ.

Очень уныло шли дни. Больше лежали. Опять стало казаться, что до нас никому никакого дела нет. Свежее мясо кончилось. Бычков запретили бить в степи. Шкур достаточно навезли из какой-то заготконторы. Опять тушенка, селедка, пшено, сухари. Селедки было еще несколько бочек. Нехорошо припахивала, но ее выдавали или на за-

втрак, или на ужин. Входила в норму. С сухарями плохо шла. Пшено варили для личного состава в день два раза, а то и три. Мог быть суп пшенный и каша пшенная в обед. Иногда была только перловка – «шрапнель». На этом фоне рядом с общими котлами на противне жарилась свежая картошка с мясом, а в кастрюле – суп рисовый или с макаронами для командира и его окружения (заместитель, комиссар, уполномоченный особого отдела и попроще – старшина роты, командир хозвзвода, повара и мне предлагали). Я попробовал изменить это положение и кушать из общего котла, а командир грозился избавиться от меня и чинил мне ряд неприятностей. Даже маленький командир может позволить себе все. Никто ему не указ. А как же более крупные командиры, военачальники? В ответе ли за свои действия? На совести которых не только «бытовые» мелочи, а жизнь подчиненных им миллионов людей?

Год и четыре месяца длится война. Должен же быть ей конец, но когда? Трудно ждать и трудно ничего не делать, как мы сейчас.

Понедельник, 26 октября 1942 г.

ПОЛУЧАЕМ ПОПОЛНЕНИЕ.

Прошлой ночью прибыло пополнение. Шофера и ремонтники в основном, слесари и электросварщик. В большинстве более пожилого возраста, не воевали. Пополнились и другие подразделения бригады. Получили один «студебекер» и два «доджа». Первая очень мощная по размерам и силе машина, две вторые поменьше, все хорошей отделки, красивые. Долго любовались ими, прощупали каждую деталь. Кабины удобные для водителя. Должно быть, и в ходу хороши. Может заграница делать! Еще бы! Кровью не обливаются. Стараются для торговли. Закончим войну – не такие машины будем делать. Пока для нас это капли.

Ничего нельзя скрыть, тем более в маленьком армейском коллективе, где люди живут одной тесно переплетенной жизнью. В роте были шокированы случаем с На-

умовым. Люди до мелочей все знали, хотя официальных разговоров или разборов не было. Горячо обсуждали между собой и все осуждали его поступок. Ни от кого не слышал сочувствия в его адрес. Особенно люди были возмущены оскорблением Саши Гена. Тот пользовался большим авторитетом и уважением у личного состава своей трезвой рассудительностью, степенностью, эрудицией и простотой. Хулиганская выходка Наумова в отношении его не оставила равнодушных. Возможно, под воздействием осуждающего общественного мнения и только поэтому Наумов попросил прощения у Гена, сказав при этом, что зря распалился тогда, а сейчас убедился, что гады водители, а не Ген, которые все разболтали в подробностях. Ген не стал с ним разбираться, сказал, что понял, кто он есть, и впредь знать его не желает. Командование роты и бригады пока этот поступок Наумова не разбирало, видно, решили из каких-то им ведомых соображений этот случай замять.

Вторник, 27 октября 1942 г.

У КОМАНДИРА ФУРУНКУЛ.

До завтрака дежурный передал, что вызывает меня командир роты. Что опять стряслось? Хорошего от его вызова не ждал. Постучал в дверь машины, зашел и доложил, что прибыл.

– Прыщ можешь лечить?

– Посмотреть надо.

– Смотри. На шее сел. Только зреет.

На затылке сидел небольшой фурункул, еще глубоко в подкожной клетчатке.

– Да, только начинается, еще не созрел.

– Как сделать, чтобы не созревал, а сразу прошел.

– Как абортом прерывают беременность, можно прервать и его цикл развития – вскрыть.

– Резать?

– Да. Разрезать, вставить турунду. Гной выйдет и ранка заживет.

– Он же не созрел еще, откуда же гной?

– Там пока только очаг воспаления. Воспалилась волосяная луковица – место, из которого растет волос. Если вскрыть, то выйдет экссудат, гной не успеет образоваться, и место это потом заживет, – старался доходчиво объяснить суть.

– А если не резать?

– То ускорить его созревание.

– Как?

– Мазью. Есть такая – ихтиоловая. Можно из дегтя пополам с вазелином. Я пользуюсь последней. Облучать хорошо синим светом – лампа такая есть, но у меня нет. Можно фару приспособить, от подфарника рефлектор с лампочкой. Тоже разогреет.

– Как будешь лечить?

– Я повязки буду делать из дегтя пополам с вазелином, а вы подфарник приспособите, а может быть, и фару от мотоцикла для обогрева и рассасывания. Хотя бы два раза в день.

– Напряжение какое?

– От аккумулятора, двенадцать вольт.

– А сколько дней будет заживать?

– Неделю, может десять дней.

– А если только смазывать йодом?

– Дольше. Две недели или превратится в карбункул.

– А это что?

– Это пакет фурункулов. Несколько гнойных стержней из одного фурункула больших размеров.

– Ну и страшное рассказываешь. А наши так болеют?

– Бывает, когда негде мыть шею и долго ходят грязными. И когда мало свежих овощей, не хватает витаминов.

– Я-то шею мою регулярно и овощи ем – больше других, а почему вскочил фурункул?

– Растерли, внесли инфекцию.

– Ладно, давай лечи.

Сходил за своим ящиком. Обработал шею спиртом, смазал йодом, положил каплю мази и клеолом укрепил повязку. Он приспособил себе для облучения фару. Два

раза в день приходилось мне делать ему перевязки после облучения, два раза в день имел приятное удовольствие общаться с ним. Может быть, поймет других, как трудно быть больным.

Среда, 28 октября 1942 г. НА ЧТО НАДЕЯТЬСЯ?

Водители рассказывали, с каким удивлением встречали их разукрашенные шкурами машины на трассах, армейских и фронтовых складах. Так же утеплили кабины машин и в других подразделениях бригады. Прозвали наших «железными бычками».

Заболел серьезно один ремонтник еще до обеда. Сильные боли в животе. По всем признакам похоже было на острый аппендицит. Нужно оперировать. Доложил командиру роты, что срочно нужно везти в медсанвзвод. Просил разрешить мне везти его. Сказал, что ночью пойдут в Зергенту наши машины и отвезут его. Мне сопровождать больного не разрешил.

– Кто мне повязки делать будет?

– Сделаю наклейку и через сутки опять перевяжу. Нужно лекарства получить.

– Не поедешь. Напиши заявку, и я поручу кому-нибудь привезти тебе медикаменты.

Больного отправил на одной из попутных машин.

Четверг, 29 октября 1942 г. НАДВИГАЕТСЯ ЗИМА.

Пронизывающий насквозь холодный ветер. Вода в корыте покрылась коркой льда. Теплое белье еще не получили. Все в пилотках. Вне помещения продувает насквозь. Кошары нельзя считать помещением – внутри покрылись инеем в углах и под крышей, холодный ветер врывается со свистом через щели. В основном сидят, не занятые работой, вокруг железных печек, пытаясь согреться. Очень мерзнут люди в карауле, патрули. Им выдали ватники под шинель, но этого недостаточно. По тому виду, как они приходят из караула, можно судить, как они мерзли. Пилотка натянута

на голову и уши с отвернутыми отворотами, вокруг шеи полотенце или какая-то тряпка, шинели из-за ватников не застегиваются, и полы удерживаются ремнем. Долго пляшут вокруг железных печек, пока как-то согреются. Неопределенность нашего положения, неясность обстановки тяжестью давят на душу.

Пятница, 30 октября 1942 г. ДРУГИЕ ЛЕЧАТ ЛУЧШЕ...

Командир прибыл из Зергента и попросил сделать ему перевязку. Фурункул у него еще не вскрылся, и он считает, что я его неправильно лечил. Был в штабе бригады, заходил в медсанвзвод. Предложили ему вскрыть фурункул. Категорически отказался «дать себя резать» и попросил лечить его «без ножа». Положили ему повязку с ихтиоловой мазью и укрепили ее бинтом вокруг шеи. Дали еще баночку мази с собой. Упрекал меня, что не догадался забинтовать ему шею – так теплее и быстрее, сказали, вскроется и заживет фурункул. И предложили ему два раза в сутки утром и вечером делать перевязки. Я ему сказал, что повязка у него скрутилась и мазь оказалась спереди шеи, на чистой коже, где нет фурункула. Обработал фурункул и затылок спиртом и наложил повязку с мазью, укрепил ее клеолом и поверх ее шею замотал бинтом. Клеол не даст сдвинуться повязке. На это командир сказал, что иногда я соображаю. После ужина раздали всему личному составу чистое нательное белье с непременной сдачей грязного. Помывку не организовали – не было подходящих условий.

Суббота, 31 октября 1942 г.
СТАЛИНГРАД ИСТЕКАЕТ КРОВЬЮ.

Приехал старшина Кругляков из Никольского с тремя машинами. Привезли продовольствие и имущество для бригады. Он стал рассказывать об исключительно трудном положении наших войск в Сталинграде. Его сообщение сводилось к тому, что наши войска там почти разгромлены, находятся на грани катастрофы. Слушали

его многие, и это ему так просто не прошло. Потом мы узнали, что Круглякова вызвал уполномоченный особого отдела и долго с ним беседовал. После обеда построили роту, как обычно, на развод по рабочим объектам, и замполит Титов выступил перед личным составом. Начал он с того, что под Сталинградом действительно трудное положение наших войск, что враг теснит их к Волге и занял ряд ключевых позиций, но защитники города сдаваться не собираются, что в город идет пополнение, и врагу город Сталина не отдадим. Наш любимый вождь и Верховный главнокомандующий, заверял нас Титов, примет все меры, чтобы разгромить врага в самом городе. Далее он указал, что некоторые, возвращаясь из рейсов, сеют панику среди наших рядов разными слухами и этим играют на руку врагу, подрывая нашу уверенность в победе. Призвал дать отпор паникерам и трусам и добавил, что впредь им несдобровать.

Между собой мы обсуждали высказывания Круглякова. Итог подвел Саркисян:

– Немцы должны выдохнуться. Наших больше, всех не перебьешь. И успех придет к нам, должен прийти. Немцам никак не удержать такую страну в рабстве. Скоро будут гореть. Должны остановить их. Сталин найдет подходящее время и средства для изгнания врага. Народ не даст себя покорить. По себе знаю, что наш кавказский народ не потерпит врага, так и русский народ, и другие народы.

С этими мыслями мы ушли спать. А сон не шел...

Воскресенье, 1 ноября 1942 г. ВОЙНЕ НЕТ КОНЦА.

Наступил ноябрь. Предзимний месяц. Войне уже год, четыре месяца и десять дней. Конца ей не видно. Мы без дела. Притаились и отсиживаемся, вернее, отлеживаемся. Техника не идет. Была бы неисправная – ремонтировали бы, люди занимались бы делом. Все тяжелее Сталинграду. Противник теснит наши войска. Бои, а точнее, кровопролитное побоище с участием огромной массы людей и техники с обеих сторон продолжаются беспрерывно дни

и ночи. Кто кого? Да, решается вопрос, кто кого победит. Здесь, в Сталинграде. И от исхода этой бойни будет зависеть судьба всей войны.

Понедельник, 2 ноября 1942 г. ПОЛУЧАЕМ ТАНКИ.

Формируют группу ремонтников для технического обслуживания полученных бригадой десятка танков Т-20 и Т-40. Машины старые и слабые в боевом отношении на фоне уже появившихся у нас Т-34. Берем, что дают. Значит, лучшей техники пока нет. Да и моторесурс у них на исходе. Выезд группы планируется на ночь в район Зергента. Прошедшей ночью прибыли машины с боеприпасами и соляркой. Видно, недолго ждать боевых действий.

Вторник, 3 ноября 1942 г. ОПЯТЬ РАБОТА НОЧЬЮ.

Прошел еще один нудный, длинный день. Объявили, что и эту ночь будем работать. Высыпанный прошлой ночью грунт из выкопанных траншей вокруг кошар более светлый и демаскирует местность. Решили его покрыть дерном для маскировки под местность. Дерна как такового нет – ссохшиеся комки земли, пронизанные корнями трав. Трава высохла, и земля ссохлась. Более темными комками поверхностной земли приказали обсыпать брустверы траншей, чем и занимались с наступлением темноты.

Прорвался фурункул на затылке у командира. Очень важное событие, особенно для меня. Уж очень надоели ежедневные перевязки из-за упреков, что не могу вылечить даже фурункул, что требовал от меня почти каждый из прошедших дней. Положил повязку с гипертоническим раствором поваренной соли. Усомнился в пользе этого, мол, как можно солевой раствор накладывать на свежую рану. Да еще не специальную медицинскую соль, а обыкновенную кухонную, к тому же каменную. Тошно было возиться с ним.

Среда, 4 ноября 1942 г. ПРИШЛА ЗИМА.

Всю ночь шел мелкий снег, и всю ночь работали: углубляли траншеи вокруг кошар и копали новые. Снег замаскировал выброшенную землю. Образовались небольшие сугробы. Люди сильно мерзли в пилотках, без рукавиц. Теплое белье еще не получили. Часто заходили в кошары, грелись у печек и вновь выходили рыть траншеи. Грунт уже подмерзал, и копать становилось трудно. Лому и лопате земля поддавалась все труднее. На перевязки уходило все больше материала. И в кошарах стали мерзнуть: холодный со снегом ветер прорывался сквозь щели и пронизывал до костей. Спать днем не ложились. Толкались у печек, раскаленных докрасна. На нарах тонкой коркой льда покрывалась вода в котелке.

Наконец очистился от гноя фурункул на затылке у командира. Наложил свежую повязку. Оценил мои усилия и разрешил этой ночью поехать в медсанвзвод в Зергента с машинами хозяйственной службы за получением медикаментов и перевязочного материала.

Четверг, 5 ноября 1942 г. УДИВИТЕЛЬНАЯ ПРОГУЛКА.

После полуночи выехали на трех машинах. Старшим группы был Калмыков. Я ехал в машине водителя Феди Бяширова. В кабине третьей машины находился старшина Николаев. Он должен был получить теплое белье, шапки-ушанки, бушлаты, байковые портянки, кое-что и другое из зимней одежды. В кабине, оббитой шкурами, было сравнительно тепло, почти не продувало. Стоял еще крепкий запах невыделанной кожи, но главное – не мерзли. В кузове каждой машины сидело по 2 красноармейца с винтовками. До рассвета прибыли в Зергенту. Договорился, что за мной заедут до отъезда в медсанвзвод. Бригврача еще не было, и его замещал Гасан-Заде. Принял меня как обычно шумно, тепло. Расспросил, как живу. Удивился, что сказал, что очень скучно живем.

– А что тебе еще надо? Войны тут нет. Снаряды и пули не свистят. Ночью спим. Бывает, и днем. Три раза кушаем. Можно одной-двумя партиями перекинуться в шахматы. Что еще хочешь? Слышишь! Он скучает. Ха, ха! Забыл уже август месяц?

– Все помню.

– Ну вот. Дай бог, чтоб мы так до конца войны прожили. Что пришел? Требование? Дай подпишу.

И он подписал требование.

– Как у вас тут и что нас ожидает? – спросил я.

– Что ожидает? Самое страшное. Получим танки, и в бой. Сталинград на волоске. Непонятно, как еще держится. Дышит и нас ждет.

– Бригадного врача еще нет? – изменил я тему разговора.

– Как видишь. Разрываюсь. Начинается день – непрерывным потоком идут к нам. Перевязки и больных много, хроников. Когда бои – их не видно, а сейчас много очень, а работать не с кем. Доктор Зоя перешла открыто к комбригу, там у него живет и ночует, жена она ему. Сказала, что скоро отправит в тыл. Рожать. Вот так. И у меня уже нет врача. Хочет – придет. Не хочет – не заставишь. Да и вокруг Ладны пчелы как на мед летают. Но она работает. Ты еще у меня Майю украдешь, с кем же я останусь?

– Не украду я. Не пойдет сама. Ребенок я для нее. Так она смотрит.

– Не говори, хотя для жены она уже старовата для тебя, вернее, ты еще очень молод. А хорошая была бы пара.

– Мы друзья и не больше. Просто друзья.

– Ну иди к другу своему, проведай. Позавтракаешь у нас. Уже должны принести.

– Спасибо, я пойду.

Много людей скопилось у перевязочной. Там работали Майя и санинструктор Шура Ладна. Я открыл дверь, поздоровался с ними.

– Здравствуйте! С приездом! Как вы там? – отозвалась доктор Майя.

– Как видите. Жив, здоров. Приехал за медикаментами. Здравствуйте, Шура.

– Здравствуйте, здравствуйте, редкий гость.

– Вы целый день будете? – спросила Майя.

– Да, до вечера. Днем же не разрешают ехать.

– Будете у нас завтракать.

Из разговоров за столом я узнал, что в бригаду стали поступать танки, пока, правда, старых образцов, автомашины, личный состав. Возможно, в самое ближайшее время они могут вступить в дело. И, конечно, в Сталинград. Там очень тяжелая обстановка. Наши еле удерживают уже небольшие участки в самом городе. Принимаются отчаянные меры, чтобы противник не опрокинул их в Волгу.

После завтрака получил перевязочный материал и медикаменты. Мне оставалось ждать машину до вечера. Решил проведать военфельдшера мотострелкового пулеметного батальона Модзелевского и врача Панченко. Со мной согласилась пойти Майя. Это была удивительная прогулка по свежевыпавшему снегу. Мы договорились, что остаемся друзьями. Будем несколько любезны при встрече, и я буду своего рода ширмой, чтобы другие не приставали к ней. Перед начальником политотдела бригады считала, что может устоять. Такие условия выдвинула она. Я их принял.

– Нет ли сожаления?

– Нет, нет. Быть по уговору.

Пришли в медсанвзвод. Обедал там. После обеда проведал военфельдшера роты управления Гомельского. Они также получили пополнение и были уверены, что скоро будут в деле.

Долго ждал машину. Было достаточно времени мысленно перебрать в деталях эту удивительную прогулку. С темнотой подошли наши машины, и мы убыли колонной в свое расположение.

Пятница, 6 ноября 1942 г.
СЛУШАЛИ ВЫСТУПЛЕНИЕ ТОВАРИЩА СТАЛИНА.

Только под утро приехали. Наши получили теплое белье, шапки-ушанки, бушлаты. А главное — хлеб кирпичиком. Серо-белый хлеб. Я в медсанвзводе взял пару буханок хлеба. Завтрак принес Манько. Поели кашу с хлебом. И чай с хлебом. Обдумывали, как встретить этот большой для нас праздник. В роте, говорили, намечается праздничный обед, торжественное построение.

До обеда делал перевязки. Были и с простудными заболеваниями.

В ремонтной кошаре многие собрались на прослушивание выступления товарища Сталина. Побежал туда. Собралось много людей. Лейтенант Балашов установил радиоприемник на возвышенность и подкручивал там. Люди жадно пытались что-то разобрать. Раздавался спокойный с акцентом голос Сталина. Треск в приемнике и гул движка, который раздавался у дверей кошар, заглушал голос, и разобрать слова почти не удавалось.

Кто-то пытался комментировать, когда раздавались аплодисменты, на него набрасывались с руганью, кто-то призывал к тишине, и в результате возникал еще больший шум. Из доклада Сталина ничего не поняли. Надеялись днями узнать из газет.

Суббота, 7 ноября 1942 г.
ПРАЗДНИК ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ.

Сегодня — 25-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, установившей советскую власть. Большой праздник для нашего народа. В часы такого тяжелого испытания хочется также отметить чем-то такой день. Мы оторваны от всего мира, от всех событий. Временно ушли «в подполье». И тем не менее... После завтрака построили весь личный состав в кошаре возле кухни. Командир роты Михайловский поздравил всех с 25-й годовщиной Октября, сказал, что наш народ в тяжелой

борьбе отстаивает ее завоевания, и призвал нас выполнить долг, возложенный Родиной. С более подробным докладом выступил замполит роты Титов. Он закончил свое выступление здравицей в честь юбилея Октября, великого вождя Сталина и пожелал быстрейшей победы над врагом. Нас распустили. Каждый был предоставлен сам себе. Костя пошел справляться, как идет подготовка к праздничному обеду на квартире. Мне предстояло принести хлеб. Посоветовался с Манько – решили пригласить Саркисяна, Гена, Дьякова и старшину автовзвода «Крошку».

Решили для личного состава на первое сварить суп на мясном бульоне с макаронами и сушеным картофелем, а на второе кашу перловую с порциями отварного свежего мяса. На складе давно лежал ящик с пачками киселя.

Командир наказал мне, чтобы я тщательно проконтролировал приготовление пищи, чтобы не произошло ЧП в этот день. Очень строго меня предупредил.

Состоялся парад наших войск, и выступал перед воинами и всем советским народом товарищ Сталин. Москва жива, и страна жива, и сражается, и победит! Не сломать врагу наш народ, победа будет за нами! Эти слова великого и любимого вождя глубоко запали в наши души и вселяли надежду и уверенность в победу над врагом.

Командир роты, замполит Титов, Калмыков и Китайчик не обедали со всеми, ушли к себе в летучку, куда понесли им обед отдельно от всех. Туда же с флягой ходил старшина Николаев.

Наш узкий круг собрался вечером в медицинском пункте на праздничный ужин. Хозяин оказался довольно щедрым. Просидели до глубокой ночи.

Воскресенье, 8 ноября 1942 г.

ПОЛУЧАЕМ БОЕКОМПЛЕКТ.

Перепили. Вставать было трудно. Голову распирало, муторно на душе. Одно воспоминание о пище вызывало дрожь всего тела и тошноту. Надо было идти на кухню – снять пробу завтрака. Мало ли чего там за ночь наварили.

Видно, и повара пьянствовали. Дежурный должен был их поднять, раскачать. Но что они наварили? Вскочил, стал одеваться. На улице еще стояла ночь. На часах – седьмой час. Завтрак должен быть готов к семи.

Николай и Костя еще спали. Оделся и тихо вышел.

В роте оживление. У кухни собирались красноармейцы и почти все командиры. Кто курил, кто умывался в противоположном углу. Там всегда была вода в умывальнике – бачке и сделан отток наружу.

Прибыл в роту подполковник Иванов, и с командиром уехали в район складов. Одна кухня пыхтела, завтрак варился. Все шло нормально. Между собой гадали, что привело Иванова в такую рань. Что-то намечалось.

После завтрака все прояснилось. Бригада получает боекомплект снарядов, патронов и другого вооружения, горючее и смазочные материалы, продукты. Все это решено хранить в нашем районе, а для этого предстоит срочно оборудовать хранилища. После завтрака об этом известил нас подполковник Иванов. Командир роты поставил конкретную задачу. Итак, опять предстоят большие земляные работы, как и раньше, по ночам. Объем работ больший, чем уже был сделан за прошедшее время. Разрешили после обеда отдыхать, а после ужина до утра – работа. Я доукомплектовал санитарную сумку. А работать мне предстоит в составе хозвзвода.

Понедельник, 9 ноября 1942 г. ПРИДАНЫ 51-Й АРМИИ.

Всю ночь работали. Копали хранилища в отрогах балки. Делали удобные подъездные пути для транспорта. Земля промерзала, дул хлесткий ветер со снегом и пылью. Костры не разводили. Сильно промерзли. К утру места земляных работ прикрыли маскировочными сетями. Несколько человек освободил от работ: фурункулез, ссадины на ладонях, грыжа паховая, водянка яичка. Большую часть ночи копал вместе со всеми.

Прибыл связист из штаба бригады с каким-то приказом к командиру роты. Единственное, что стало известно –

наша бригада придана 51-й армии в качестве подвижного резерва. Наконец обрели хозяина, значит, и дело будет. Ясно стало, что и земляные работы неспроста.

Связист привез большое количество писем. Давно их ждали. Я получил три письма: два от матери и одно из Ленинграда от тетки Фаины. Они желали быстрейшей победы над врагом.

Царило оживление, обмен информацией. Были и грустные лица. Манько писем не получил. Он ушел от всех. Нашел его в кабине одной из машин – курил. Он – командир автовзвода – нарушал им же отданный приказ не курить возле машин в кошаре и нарушил наше пари о прекращении курения. Жаль, конечно, но его можно понять.

Я подошел к нему, молча пожал ему руку у локтя и пошел по своим делам.

Вторник, 10 ноября 1942 г. СТРАННЫЙ ПРИКАЗ.

После полуночи в район работ прибыл подполковник Иванов с еще одним подполковником – представителем армии, командир роты и политрук. Интересовались объемом сделанной работы. Самое печальное ожидало нас после завтрака. Они произвели осмотр наших транспортных машин, и представитель армии приказал снять шкуры, которыми утеплили кабины. Наши стали возражать. Они ушли от личного состава в летучку командира роты. Через какое-то время вызвали туда командира транспортного взвода Манько, и подполковник Иванов приказал ему сорвать шкуры и придать машинам первоначальный вид. Манько застыл, услышав об этом, затем пришел в себя, пытался протестовать, но получил приказ немедленно выполнять. Манько построил взвод и объявил шоферам о приказе зампотеха бригады. Люди молчали, стояли и не двигались с места. Команду «приступить к исполнению» никто не торопился выполнять.

Первым заговорил старшина «Крошка». Он заявил, что нельзя выполнять приказ. Дело к зиме идет, утеплили кабины, и вдруг все разрушать.

Тут разом заговорили все. Манько распустил всех и ушел из расположения взвода. Надеялся, что, может, все останется по-старому. Но не вышло. Его вызвал командир роты и строго спросил, почему не выполняется приказ.

Вернулся в расположение взвода, опять построил людей и попросил приступить к выполнению приказа. Сказал, что другого выхода не видит. И шоферы с болью в сердце стали срывать шкуры и оголять кабины, которые еще так недавно с трудом утепляли. Ночь впереди опять бессонная – предстоят земляные работы. Манько не приходил отдыхать. Расстроился. Занимался со взводом «приведением в порядок машин». Будто предстоял парад, а не боевые действия. Проявили заботу о внешнем виде машин во вред здоровью и настроению воинов. Как все это нелепо.

Среда, 11 ноября 1942 г. ТАНКИ УХОДЯТ В РАЗВЕДКУ.

Всю ночь только и разговоров о шкурах. С таким трудом утепляли машины – и все разрушать. Жалели автотранспортников. А те не могли успокоиться, ругали подполковника Иванова, представителя армии. Поездили бы в открытых машинах, тогда бы и принимали решения. После завтрака пошел в транспортный взвод. Продолжали срывать шкуры из некоторых кабин. Федя Бяширов – инициатор с обивкой кабин шкурами – пристраивал снятые шкуры внутри кабины. Сзади и к потолку прикреплял где проволокой, где гвоздями, а с боков подвешивал на крючки. При начальстве легко можно их снимать.

– Не кием по голове, то по кумполу – один исход, – говорил Бяширов, – нельзя снаружи, то будут внутри. Утеплимся таким макаром.

По его примеру и остальные стали пристраивать шкуры внутри кабины. Манько пошел к Михайловскому и рассказал ему об этой уловке. Вместе они пришли во взвод. Он посмотрел на работу водителей и разрешил утеплять кабины машин изнутри. Все-таки не будут открытые кабины, не так будет продувать. Водителям предстояла ноч-

ная изнурительная работа по сооружению хранилища, но все как один занимались «упорядочением» своих кабин, а ночью, знали, пойдут на работы.

К ужину прибыла в наше распоряжение группа наших танков Т-20 и Т-60 под командованием командира 1-го танкового батальона капитана Рустикова. Вместе с ними следовала одна машина с десятью автоматчиками. Им предстояла боевая задача: произвести разведку пути из района озера Цаца по направлению на Семкин. Разведать, занята ли противником высота 62,0. Заехали в наше расположение в связи с тем, что заклинивало башню одного танка, отказывал электроспуск другого танка.

Ремонтом пушки занялся оружейный мастер Тарас Колесник. Помогал ему и экипаж танка. У него все получалось по части ремонта вооружения, недолго провозился и на этот раз. С башней занимались дольше. Почти весь наш личный состав ушел на земляные работы, а танкисты убыли за полночь. Возможно, им поручили разведать путь предстоявшего нашего продвижения или других частей армии. Чувствовалось, что предстоит что-то очень значительное.

Заболел красноармеец Курбатов, и видно, очень серьезно. Я не мог сразу разобраться. Задолго до рассвета за мной пришел посыльный, сказал, что красноармеец умирает и что его послал дежурный по роте.

Я осмотрел больного. Он на мои вопросы отвечал неохотно, вяло. Бывало, что и совсем не отвечал. Отмечалось нарастание коматозного состояния. Сознание было затемнено. Голову приподнять от нар не мог. Очень хотел пить, и когда приподнимал его голову, он вскрикивал от болей и откидывал голову назад с приподнятым подбородком. Это было похоже на какое-то заболевание головного мозга.

Я доложил командиру о больном и сказал ему, что похоже это заболевание на менингит и, если не сделать ему спинномозговую пункцию — больной погибнет. Его нужно срочно везти в медсанвзвод. Он распорядился выделить машину и отправить меня до рассвета.

Четверг, 12 ноября 1942 г. СТАЛИНГРАД НА ГРАНИ КАТАСТРОФЫ.

Всю ночь шел мокрый снег. Временами пуржило. Люди промерзли. Работа не согревала. Костры разводить не разрешали. С рассветом открылась безбрежная забеленная снегом степь.

Командир разрешил ехать одной машиной. Выделил для охраны двух красноармейцев с карабинами. Больного положил на солому в кузове. Через часа два добрались до Зергента. Больной уже был без сознания. На вопросы не отвечал. Посмотрели его врачи Гасан-Заде и Ложкина и предложили мне везти его на этой машине к Волге. Рекомендовали вначале заехать в Ханату. Там был медсанбат. Если его не примут, то везти в Никольское, где был не один госпиталь. В направлении написан диагноз: подозрение на менингит. Сделали на дорогу уколы, и я выехал. В Ханате больного не приняли, и мы направились в Никольское. Подъехали к терапевтическому полевому подвижному госпиталю (ТППГ). Там отказали в приеме. Больной был в крайне тяжелом состоянии, без сознания. Дежурный врач ТППГ отправил меня в эвакогоспиталь, головное отделение которого расположилось на правом берегу Волги, у переправы. Там сдал больного и отправились в обратный путь. Через Волгу в направлении Ханата шло много наших войск. В пути обгоняли воинские части, много их стояло вдоль дороги. В этот же день, уже поздно вечером, через Ханату добрались до Зергента. Решили переночевать здесь и направились в медсанвзвод. Тихонько улеглись на полу, благо было тепло, и вскоре уснули. Утром узнали, что бригада получила задание по охране штаба 51-й армии. Штаб бригады, рота управления, мотострелковый пулеметный батальон и инженерно-саперная рота убывают или уже убыли в новый район. Медсанвзвод погрузился в основном еще вчера и также должен убыть сегодня. О нашей роте технического обеспечения никто ничего не знал. Должно быть, и нашим предстоит марш в новый район дислокации.

Заехал в штаб бригады. Там уже штаба как такового не было. Дежурный командир сказал, что наша рота пока на месте, и мы направились к своим. Когда прибыли, то ничего необычного не заметили. Личный состав был на земляных работах. Остальные занимались обычными делами – кто чем. Не знали, что бригада перебирается в другое место и что нас ждут новые дела. Командир роты накануне вечером убыл в штаб бригады и пока еще не вернулся. Из отрывочных разговоров в медсанбате, в госпитале можно было сделать вывод, что Сталинграду очень трудно. Бои шли в городе за каждый дом, каждый клочок земли. Видно, враг во многих местах выходит к Волге и опрокидывает наших.

Пятница, 13 ноября 1942 г. ВЕРНУЛАСЬ РАЗВЕДКА.

На рассвете меня подняли. Вернулся отряд танкистов капитана Рустикова. Задание они выполнили. Разведали маршрут западнее озера Цаца. Путь не простой: где проходили спокойно, где подвергались обстрелу. Особенно трудно пришлось в районе высоты 62,0, где попали под сильный пулеметный и артиллерийский огонь, там же были ранены следовавшие в машине военфельдшер и один автоматчик. К ним меня и позвали. У военфельдшера было слепое пулевое ранение в области мышц затылка. Через кожу прощупывалась пуля. Как-то рикошетом попала. Обработал рану и наложил свежую повязку. У автоматчика была касательная рана бедра. Поправил повязку. Их накормили, и они ушли в направлении Зергента, хотя наших, должно быть, там уже нет. Поговаривали, что они разведали маршрут, по которому нам предстояло вскоре идти.

Ночью прибыли машины с боеприпасами, горючим. Их поместили в подготовленных нами хранилищах.

Суббота, 14 ноября 1942 г. РЕЙД В ТЫЛ ВРАГА.

Еще затемно прибыл вновь командир 1-го танкового батальона капитан Рустиков с группой в составе двух танков Т-20, трех танков Т-60 и открытой автомашины с ав-

томатчиками. Заправились у нас, дополучили боеприпасы. Командир роты Михайловский вызвал меня к себе. В машине у него были, кроме Калмыкова и Титова, капитан Рустиков.

— Группа едет на боевую разведку. Поедешь с ними. Таков приказ начальника штаба бригады. Их военфельдшер ранен, как знаешь. Проветришься немного. Возьми знаешь что с собой. Перевязку в основном, — распорядился Михайловский.

— Слушаюсь. Разрешите идти?

— Выезд сразу после завтрака. Распорядись, чтоб их накормили раньше других.

Я пошел готовиться. Времени оставалось мало. Пополнил санитарную сумку перевязочным материалом, взял плащ-накидку, надел новые теплые портянки. Понимал, что, кроме всего прочего, предстоит хорошо померзнуть. Старшина Николаев предложил надеть телогрейку ватную под шинель, но тогда не застегивалась шинель. Пистолет «ТТ» был при мне. Взял противогаз, вещмешок, куда затолкал сухой паек на два дня и прочую мелочь. При мне еще санитарная сумка. Вот и вся моя экипировка.

После завтрака выехали. В кабине машины сидел командир взвода автоматчиков, рядом со мной в кузове начальник связи батальона старший лейтенант Миша Голошевский. Впервые с ним познакомился. Самым заметным у него был планшет с картами, куда должен был заносить маршрут движения. Сказал, что должны разведать маршрут западнее озера Цаца в направлении населенного пункта Пришиб. В пути будем день и ночь и часть следующего дня. Завтра к исходу дня должны доложить результаты разведки в штаб 51-й армии. Шел мелкой крупой снег, с утра подморозило. Танки ушли в степь, и наша машина следовала за ними.

Все были завернуты в плащ-накидки, прижались друг к другу, и было терпимо, хотя обдувало нас снежным ветром и песчаной пылью, поднятой танками. Шли на северо-восток несколько часов с короткими остановками. Капи-

тан Рустиков выходил из танка, подходил к нашей машине и с Мишей уточняли маршрут движения, делали пометки у себя на картах, намечали следующий маршрут и двигались дальше.

Где-то за полдень остановились у какого-то оврага, спустились в него. Капитан объявил большой привал. Разрешил перекусить. Впереди до вечера остановок не предполагается. Двигаться будем на больших скоростях.

Выставили часового. Стали разминаться. Освоили мелкий кустарник вокруг. Автоматчики разложили несколько костров и на углях разогрели консервы. По их примеру поступил и я. Дозаправили танки из бочки с нашей машины, и опять в путь. Смущали бочки с соляркой и ящики с боеприпасами у ног. Не совсем приятное соседство.

Шли на запад и через небольшие населенные пункты. Обычно входил сначала один танк. Когда подавал знак, что все было спокойно, мы всей группой подходили к нему. Миша все рисовал на карте. Шли пока по ничейной земле. И наших войск здесь не было, и противник не встречался. Прошли всего не более семидесяти километров по спидометру нашей машины. Светило солнце, ветер утих.

Проснулся от звуков стрельбы, оживления и шума в машине. Незаметно было вздремнул. Нас обстреляли на подходе к населенному пункту из минометов. Свернули в степь и пошли в объезд его. Наши не стреляли. Было более полукилометра до окраины. Это был поселок Пришиб. Значит, тут уже сидит враг. Пошли дальше. Дремоту как рукой сняло. Это уже прогулка.

Почти обошли населенный пункт стороной и остановились за холмиками, скрывшими нас от поселка. Капитан Рустиков распорядился посадить на броню танков по два автоматчика. Кроме автоматов, дали им гранаты и бутылки с горючей смесью. Чтобы разведать силу вражеского гарнизона в Пришибе, решил пройти по главной его улице на большой скорости. Приказал не жалеть гранаты, бутылки с зажигательной смесью, патроны. Наделать побольше шума. Перестроил колонну. За нашей колесной машиной

замыкающим поставил танк. Я и Миша положили у ног свои гранаты и по бутылке с горючей жидкостью. Колонна вышла из-за холмиков, прошла еще немного вперед и повернула по направлению к поселку. Шли большой скоростью. Нас окутало клубами пыли, растянувшейся за нами длинным шлейфом. Из поселка не стреляли, и наши молчали.

Когда ворвались в поселок, заговорили наши пулеметы, раздавались выстрелы из пушек. Заметались по улице фигурки с автоматами, стали стрелять по нашим танкам. Взрывались гранаты – и наши, и вражеские. Вспыхнули очаги пожаров. Танки давили автомашины и повозки, стоявшие вдоль улицы, загорались дома. На выезде из поселка стояли батареи пушек, минометы. Танки проутюжили некоторые из них, автоматчики забросали их гранатами и бутылками. Не видно было и расчета у пушек. Или попрятались, или отдыхали где-то. Нас не ждали с той стороны, с которой зашли, и не готовы были стрелять по нашим танкам. Вдруг машину встряхнуло и потянуло в сторону. Начала вихлять, убавила скорость, но продолжала идти за танками. Замыкающий танк развернулся башней назад и прикрывал наш отход. У ног свалился автоматчик, но прыгавшая на ухабах машина не позволяла его осмотреть.

Мы уходили все дальше от поселка в степь. Наша машина остановилась. Выскочил лейтенант и крикнул нам, что шофер ранен, просил взять его в кузов. Автоматчик на полу кузова был мертв. На руках подали в машину водителя. Лейтенант сел за руль и стал догонять ушедшие танки. У шофера мокрый от крови был рукав шинели до самой кисти и небольшие входное и выходное отверстия в области плеча. С большим трудом, сняв с него шинель, на ходу машины наложил на плечо поверх гимнастерки тугую повязку, чтобы остановить кровотечение. Нас поджидали танки. Когда остановились, в кузове машины заново осмотрел раненого. Переложил повязку на голое плечо. Было там сквозное пулевое ранение. Оказалась еще и касатель-

ная рана в области грудной клетки. Видно ранение получил одной пулей. Наложил повязку и на грудную клетку. Для этого пришлось на холоде раздеть его до пояса.

Автоматчик получил смертельное ранение: пуля прошила грудь, раздробила позвоночник. Как только закончил перевязки, к нам перебрались автоматчики из танков. Одного недоставало. Свалился с танка живой или раненый. Все привязывались к башне, а как этот свалился, сосед не заметил. Капитан, а за ним все остальные сняли шапки. Последовала команда: «По машинам!» Колонна наша пошла на юго-восток. Возможно, приняли нас за своих, потому и дали войти в поселок. Это была какая-то румынская часть. Каждый в себе переваривал случившееся, прокручивал в памяти эпизод за эпизодом.

Первые минуты молчали. Угнетающе действовал вид раненого, тело убитого и потеря автоматчика с танка. Начали обсуждать случившееся. Заговорили все сразу. Каждый старался перекричать другого. Вспоминались подробности. Машина на одном из ухабов накренилась, и по дну кузова прокатился труп погибшего товарища. Людям представилось, что могло быть с каждым из них и что еще может быть, пока миновавшее их... Напряжение пережитой схватки с врагом все еще нуждалось в разрядке, но она не получалась, разговоры прерывались, но не прекращались.

– Думаю, опрокидываемся, – заговорил один, – когда дернуло машину, и она завиляла.

– В дом, вижу, врезается, но вывернулась, – сказал другой.

– Как копьем ударило в левую руку, и бок обожгло, – заговорил раненый шофер, – руль из рук выбило. Хорошо, лейтенант подхватил. В глазах потемнело, ничего не вижу, а лейтенант кричит: «Газуй, браток, жми!» Я, должно быть, уже без понятия жал, и выскочили.

Урывками еще делились впечатлениями. Мы шли в направлении нашего расположения. Ни дороги, ни населенных пунктов по пути. По каким ориентирам шли? Как в

песне поется: «Степь да степь кругом...» И так до самого горизонта.

Выехали на какую-то проселочную дорогу. Вдали, в полукилометре показался какой-то поселок. Остановились. Капитан Рустиков с Мишей сверялись по карте. По проложенному маршруту никаких поселков не должно было быть. Видно, сбились с маршрута. Направили в поселок один танк Т-60 для уточнения обстановки. Все слезли с машин, справляли естественные надобности. Хотелось кушать. Увидели, как вдруг вспыхнул наш танк у самого поселка, затем только услышали взрыв. Все так неожиданно случилось, что все остолбенели. Из оцепенения вывели взрывы снарядов, мин, раздававшиеся рядом. Побежали к машинам. Танки быстро рассредоточились. Стали стрелять из пушек по поселку в беспорядке, вслепую. Отходили подальше в степь, стреляя с мелких остановок и ходу. Наша машина отошла метров на четыреста и стала. Танкисты продолжали стрелять по поселку и отходить.

Мы видели, как наш горевший танк окружили мотоциклисты, но близко не подходили. Вдруг увидели, как над танком взметнулось вверх пламя и дым, затем услышали глухой сильный взрыв. Взорвались боеприпасы, и танк разлетелся в клочья. Погибли командир танка лейтенант Гудник и механик-водитель старший сержант Стельмаков. Мы все сняли шапки. Из пушек танков дали залп по поселку и пошли за командирской машиной. Из-за шума двигателей танков не слышали и не видели, как над нами шла «рама». Заметили только, когда стала уходить. Может быть, разыскивала нас. Сейчас пришлет бомбардировщиков. Видал ли «раму» капитан Рустиков? Как ему сообщить об этом? Командир свернул с дороги, и колонна пошла в сторону по кочкам, между небольшими возвышенностями. Наступали сумерки. От места гибели танка ушли километров на сорок.

Свернули в небольшую балку, и командир сказал, что будем здесь ночевать. Перекусили перемерзшим сухим пайком. Ничего не подогревали. Костры разводить не раз-

решили. Выставили часовых. Мы легли на дно кузова, прижавшись друг к другу, накрылись плащ-накидками. Рядом лежало тело погибшего товарища. Шел мелкий снег, мерзли. Мне не спалось.

Воскресенье, 15 ноября 1942 г. СРЕДИ СВОИХ.

Продрогли за ночь. Еще в темноте нас раскачали, подняли. С рассветом опять увидели «раму». Не нас ли ищет? Мы затаились. Но она не могла нас не заметить. После ее ухода вышли из балки и на больших скоростях пошли на юг. Над нами раздалась пулеметная дробь, а затем проскочили черной тенью два «мессера». Развернулись и опять пошли на нас спереди. Танки рассредоточились и пошли в стороны от осевой линии. Прозвучала пулеметная дробь. В машине оказался еще один раненный в мягкие ткани бедра. Шли быстро. На ходу с трудом перевязал раненого и уложил его на дно кузова.

После полудня прибыли в расположение нашей роты голодные и озябшие. Перевязал второго раненого повторно. Обогрелись и пообедали. Захватив убитого и двух раненых, группа убыла в Зергента, где еще располагался 2-й танковый батальон. Меня все расспрашивали о походе, что я видел. Я что-то рассказывал. Возбуждение пережитого не покидало меня. И вдруг захотелось очень спать. И я ушел в медпункт. Но сон меня не брал. В памяти калейдоскопом пробегали эпизоды.

Меня выгуляли в приволжской степи и вернули в свою роту. Мог и не вернуться. Пуля-дура могла и меня найти. Впервые почувствовал, что жизнь может оборваться в любой момент. Совсем не нужны чрезвычайные обстоятельства. Любая случайная пуля или осколок. Так просто уходят из жизни мои товарищи. И это может в любой момент случиться со мной. Раньше об этом не думалось. Понял, в какой тревоге за меня родители, брат и сестры. Защемило сердце, полились слезы. Благо я был один, и их никто не видел. Напряжение пережитого, должно быть, спало... Я проспал до следующего дня.

Что бы нас ни ждало впереди, но я среди своих. Я им нужен, и они мне нужны. Мы все одной судьбы, и вместе легче встретить день грядущий.

Понедельник, 16 ноября 1942 г.
ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД БУРЕЙ.

Управление бригады, обслуживающие подразделения и мотострелковый пулеметный батальон находились где-то в районе расположения штаба 51-й армии, которой командовал генерал-майор Трифонов. Часть танковых батальонов оставалась в Зергенте. Туда была направлена от нас группа по ремонту танков. Получили семь старых Т-40 и Т-70 после ремонта. Танки прибыли с экипажами. В бригаде большой некомплект, пополняемся техникой пока слабо. Зато полным ходом прибывают машины с боеприпасами, горючим. Думается, поступило больше, чем нужно танковой бригаде. Выкопанных хранилищ уже не хватает. Прекратили ночные земляные работы по оборудованию хранилищ. Все сгружают открыто в балке. После обеда зашли в медпункт Ген и Саркисян. Интересовались подробностями разведки, в которой я участвовал. По их мнению, был разведан путь возможного передвижения бригады или армии в целом. В том, что предстоят серьезные военные действия, не сомневались. В Сталинграде положение наших войск критическое. Саркисян говорил, что немцы уже пулеметами и автоматами расстреливают наши баржи на Волге у города, что город в основном занят немцами, и наши удерживают отдельные его островки, и если наши не бросят огромные силы, то неминуема катастрофа. Ген заметил, что, видно, немцы также выдохлись, раз не могут взять город, и дело за резервами. Выиграет тот, кто быстрее их подтянет и бросит в бой.

Я все еще не пришел в себя после этого рейда по тылам врага, и товарищи старались успокоить меня, подбодрить.

Вторник, 17 ноября 1942 г.
ПОЛУЧАЕМ ПОПОЛНЕНИЕ.

Прибыл Наумов с партией колесных машин: ГАЗ-51, ЗИС-5. Личный состав взялся за их обслуживание. Манько и Наумов были заняты машинами, я видел их только возле кухонь во время приема пищи. Я поднял вопрос перед старшиной Николаевым о замене белья личному составу. Понял, что помыть людей не удастся, ибо большинство ремонтников были в Зергенте, а водители в рейсах, да и условий не было. Старшина сказал, что у него есть чистый комплект белья и замену сделает, когда станет официально известно, что мы пойдем в дело, как он выразился. И добавил, что во все времена, и царские в том числе, выдавали чистое белье перед боем, что сделает и он. Пожалуй, думал правильно, но успеет ли?

Среда, 18 ноября 1942 г.
НАКАНУНЕ ВАЖНЫХ СОБЫТИЙ.

Утром прибыл посыльный из штаба бригады, и с ним срочно убыли командир, замполит, Саркисян и старшина Николаев. Такую представительную группу раньше не вызывали, и мы обсуждали этот факт и решили, что предстоят важные события. И не ошиблись. После обеда приехал командир и замполит, созвали командиров взводов и отделений и сообщили, что бригада выезжает в новый район сосредоточения и что предстоят нам боевые действия. Нашей роте надлежит срочно погрузиться, часть машин отправить для погрузки складов бригады, машину отправить в распоряжение старшины Николаева, который получает для роты продовольствие, снаряжение, зимнюю одежду. Саркисян формирует для танковых батальонов группу технического обеспечения и получает запчасти для ремонта. В его распоряжение также передали машину — танкоремонтную летучку, которую должны направить ему совместно с ремонтниками, старшим которой едет сержант Король. Нам всем приказано приступить к погрузке

имущества на машины и ждать команду на марш. И началось. Стали грузить имущество на машины. Нужное и ненужное. Машин осталось мало, и все не вмещалось. Перекладывали, сортировали, что брать, что оставлять. Я, как всегда, определенного места не имел. Рассчитывал куда-нибудь приткнуться.

Глубокой ночью как-то загрузились. И я закинул медицинское имущество в одну из грузовых машин. Прибыли Саркисян и старшина Николаев. Вскоре поступила команда дополучить зимнее обмундирование и всем получить чистое белье, портянки, надеть их и сдать грязное. Стали получать белье, переодеваться в холодных кошарах, многие так и не заменили, ибо были заняты. По тому, как надели чистое белье, поговаривали, что это знак о предстоящих боевых действиях. Провозились до утра. С минуты на минуту ждали команду на марш. Чем встретит нас грядущий день?

Глава шестая

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ

(19 ноября – 31 декабря 1942 г.)

Четверг, 19 ноября 1942 г. НАСТУПЛЕНИЕ НАЧАЛОСЬ!

Всю ночь в напряженном ожидании просидели в перегруженных машинах, кто поверх груза или между ним, кто в летучках. Нас окутал густой туман. Влажный холодный воздух пропитал насквозь одежду. Страшно промерзли на бортовых машинах, крытых брезентом и еще хуже — на открытых машинах. Под брезентом и плащ-накидками тело не согревалось, коченело. Костры разводить не разрешали. Периодически делали пробежки вокруг машин, играли в «отгадай кто?» – выставляли одну из ладоней через подмышку к спине и ждали по ней удара кулаком одного из играющих людей. При этом другой ладонью закрывали глаза. Участвовавшие в игре выставляли кулак с отведенным большим пальцем. Если отгадаешь, кто нанес удар, тот становился в круг. От удара, случалось, темнело в глазах, все внутренности встряхивались и тепло разливалось по телу.

С рассветом почти все уже были на ногах. Ждали завтрака, возможности согреться, ждали новостей. Команда на марш так и не поступала. Неизвестность угнетала. Что-то должно произойти или уже произошло, но до нашей глуши не доходило. Не зря нас и все имущество погрузили на машины. Не зря навезли накануне столько боеприпасов и горючего. Под вечер прибыл командир из штаба бригады и сообщил, что войска Юго-Западного и Донского фронтов северней и северо-западней Сталинграда перешли в наступление на врага на ширину этих двух фронтов и что ждут приказ войска Сталинградского фронта и нашей 51-й армии.

И мы, входящие в ее состав, также выступим. Это известие встряхнуло людей. Вокруг царило оживление. Апатия спала. Ясность всегда лучше безвестности. Наконец-то наступаем! Разговоров и догадок много. Кухня дымит, горячую пищу выдают, жизнь продолжается.

Главные силы 51-й армии находятся в междуречье Цаца, Барманцак. Туда предстоит прибыть и нам или укажут другой маршрут. Жизнь отшельников кончилась. Выходим из подполья!

Пятница, 20 ноября 1942 г.
ПЛОДОВИТОЕ В НАШИХ РУКАХ!

И вторая ночь прошла на нагруженных машинах. Зарылся под брезент в плащ-накидке. Холод не давал уснуть. Коченели ноги. Боль в пояснице от неподвижного лежания в неудобной позе заставила выбраться из-под брезента. Шел мокрый снег. Позавтракали и на рассвете вышли колонной в направлении Зергента. Главные силы 51-й армии ушли из межозерья на Плодовитое. В ее составе участвует и наша танковая бригада. К вечеру добрались и расположились на окраине поселка. Наши войска только сегодня овладели этим населенным пунктом, и по разрушениям видно, что бои здесь были сильные. Обороняли его румынские войска, трупы которых еще не успели убрать. Валялось много разбитой военной техники. Бригаду нашу здесь не застали. Ее подразделения наступали вместе с другими частями и соединениями 51-й армии в направлении Абганерово, куда направились и мы.

Суббота, 21 ноября 1942 г.
ДОКТОР ЛОЖКИНА УБЫВАЕТ С ФРОНТА.

Бои продолжались всю ночь, отзвуки боя ни на минуту не прекращались. Узнал, что медсанвзвод и часть подразделений обслуживания бригады находятся на южной окраине поселка Плодовитое.

Нашел наконец наш медсанвзвод. Была развернута только одна палатка – приемно-эвакуационная. Перевязки делали в одном из домиков. Машины стояли возле них, нагруженные медицинским имуществом, ждали команду на марш. Начальника аптеки Шепшелева не было. Доктор Ложкина поделилась со мной перевязочным материалом из запаса перевязочной. Заполнил ими часть вещевого мешка. Встретил Майю. Как и Зоя, она была усталой, поникшей – всю ночь, как и предыдущие, не спали, обрабатывали раненых. А под утро с трудом передали их одному из медсанбатов. Чем-то расстроена была она.

– Плохо себя чувствуешь?

– Все нормально, не волнуйся. Зойка уедет. Вчера узнала и очень расстроилась. Привыкла к ней.

– Куда уедет?

– Домой. От войны и всех нас.

– Как это?

– Чего такой глупый? Она беременна, три месяца. По закону полагается уволить из действующей армии женщину в таком состоянии.

– Я над этим не задумывался... – пробормотал я.

– Тебе и нечего думать, так как не грозит тебе забеременеть.

– Смеешься?

– Какой тут смех? Как есть.

– И ты могла бы от войны уехать.

– Если бы! Пока оснований нет.

– А могли бы быть.

– Я на это не могла идти, то есть могла бы, но для ребенка нужен отец. Законный отец, а для его мамы – муж. Тоже законный.

– А я?

Смотрел на нее и молчал. Понял, что совсем не против был бы, чтобы уехала она с войны с моим ребенком. Об этом хотелось сказать ей, но не решался.

– Так что же ты?

– Я бы мог, должно быть, мог бы помочь тебе и очень хотел бы помочь в этом, – промямлил и добавил неуверенно: – Стать отцом твоего ребенка.

Не то жалкий лепет мой, неуверенность моя или неуклюжая поза были тому причиной, но она вдруг разразилась таким громким смехом, что люди стали оглядываться на нас. Она долго не могла остановиться – смех становился истерическим. Подошла Зоя, стали еще больше обращать на нас внимание раненые красноармейцы и командиры в перевязках, а смех не унимался, и все вокруг стали улыбаться.

– Чего смеешься? Расскажи мне, и я посмеюсь с тобой, – обратилась Зоя к Майе.

– Дон-Кихот нашелся. Все мне помочь хочет, – и серьезно добавила: – Не знаю, обижаться на тебя или нет, но ты, друг мой, нехорошим становишься.

– Я хотел как лучше...

– Не будем ссориться. Считаю, что ты пошутил, довольно грубо пошутил. Хотел казаться очень взрослым или по своей доброте решил оказать мне услугу, что, возможно, ближе к истине. Забудем.

– Никем не хочу казаться. Ты мне дорога, и я готов во всем и всегда тебе помочь. В любом вопросе и даже в этом. Улыбаешься, а я серьезно. Знай об этом. А смеяться надо мной не следовало бы. Хотя смейся, лишь бы не плакала. Я должен идти. До встречи!

Воскресенье, 22 ноября 1942 г.

НАШИ УСПЕШНО НАСТУПАЮТ.

Шло крупное наступление наших войск северо-западнее Сталинграда и здесь на юго-западе. Предстояло что-то небывалое, грандиозное для наших войск. Немцы, румыны отступали. Наши наступали крупными силами на большом пространстве. Не началось ли, наконец, изгнание врага с нашей территории? В добрый час! Наши овладели Абганерово и наступают на Аксай.

Враг бросал военную технику и в панике бежал. Перед нашей бригадой в основном румынские войска. Впервые за войну увидел колонны военнопленных – румынских солдат и офицеров, которых гнали на восток наши автоматчики. Жалкое зрелище. Обросшие, замерзшие вояки, укутанные поверх шинели одеялами, плащами, с полотенцами вокруг шеи и на голове. Кто их сюда звал, на что рассчитывали?

Ночь провели на улице, грелись у костров, не соблюдали светомаскировку. Пытались забраться в уцелевшие дома, но они были забиты другими частями и нас не пускали.

Только и разговоров об успешном наступлении наших войск. Мимо проходили все новые части. В воздухе наша авиация. Много трофеев. Здорово, здорово! Наконец началось!

– Пошли к Саркисяну, погреемся, – позвал меня Ген.

– Там полно у него в летучке и курят. Лучше уж на улице.

– Только проснулся. Обитатели ее на работе. Просил зайти.

Мы зашли в летучку к Саркисяну. Топилась железная печка в углу. Жарко было. Сидел без гимнастерки. Уселись, расстегнули шинели, сняли шапки.

– Отметить надо успешное наступление наших войск. Как думаете?

– Есть чем отметить?– спросил Ген.

– Найдем. Раз доктор к себе не приглашает, решил позвать к себе.

Достал банку с консервами, алюминиевые кружки поставил. Налил какую-то жидкость.

– Не отравишь нас в такой торжественный момент?

– Ручаюсь, что все будет нормально, пробу уже снимал.

Нарезал хлеб прямо на столе, намазал три куска мясной тушенкой и сказал:

– За успешное начало и еще лучшее продолжение. Успешное наступление имею в виду. Может, это и будет

началом изгнания врага с Кавказа, твоей, Саша, Украины, твоей Белоруссии, – повернулся он ко мне.

– За успешное наступление! – поддержали мы.

Саркисян заметил, что медсанвзвод здесь в Плодовитом. Проведал ли я своего симпатичного доктора, поинтересовался он.

– Был я вчера, виделся, поссорились.

– Чего? Дружить надо, любить надо друг друга, а он – поссорился.

Я им рассказал, что Зоя уедет в тыл и по какой причине и что Майе сказал, что я ей мог бы помочь в этом смысле.

– Молодец, доктор, далеко пойдет, – заметил Ген.

– Пошляк! Как мог предложить это женщине, не пребывая с ней в любви.

– Не знаю, люблю ли я ее, но я бы во всем помог ей. Если бы попросила или намекнула – я бы женился на ней.

– Об этом женщина не просит. Достойная и уважающая себя женщина. А она достойная женщина!

– Согласен, и я ее очень уважаю, а ко мне у нее, видимо, просто товарищеское отношение.

– Не говори. Она мне когда-то палец перевязала и, узнав, что я из роты технического обеспечения, очень заинтересовалась тобой и такой теплый привет передавала. Это был интерес больший, чем товарища. Я-то знаю!

И добавил:

– Сейчас ты обидел ее. Извиняться надо. Женщине в наших условиях трудно приходится. Все смотрят на нее как на предмет удовольствия. И таких много вокруг, на каждом шагу. Ей нужно другое отношение: защита, забота, преданность. Такого может полюбить. А так ты, как все, – кобель.

– Вам могу вот что сказать. Ее добивался Максимов, начальник политотдела. Сразу очень настойчиво. Она устояла, сказала ему, что не пойдет на близость, что у нее есть жених, которому обещала и будет ждать. Когда я узнал об этом, то предложил ей заявить, что она моя жена,

то есть предложил ей заключить фиктивный брак, даже зарегистрироваться предложил, и Максимов ее оставил бы в покое. Она признательна мне, но сказала, что будет бороться сама. Он стал к ней очень мягко, уважительно относиться и ждет, что она изменит решение. Вот какое ее положение.

– Да, ситуация. Если ты тогда оказался джентльменом с большой буквы, то сейчас подлость допустил. Не простит она тебе.

– Драматизируешь, Саркисян. Ничего страшного не произошло, – заметил Ген.

– Ай, тонкости души не понимаете. Грубыми солдатами стали. Дай бог, чтобы все у тебя, доктор, наладилось. Хорошая она женщина. Выпьем еще по капле. За женщин, жен наших, матерей, сестер. Мужества им и стойкости и дождаться своих!

Выпили еще по одной, и я поторопился уйти. Надо было снимать пробу с ужина.

Спал я под луной в кузове грузовой машины вместе с Николаем Манько поверх имущества. Сняли сапоги и шинели, накрылись одеялами, плащ-накидками, как-то согрелись и хорошо поспали на этот раз.

Понедельник, 23 ноября 1942 г. АКСАЙ.

После завтрака мы выступили в направлении Абганерово и еще дальше – в район боевых действий бригады. Очень хотелось увидеть Майю, извиниться. Только закончили погрузку раненых на санитарную машину. Готовились эвакуировать их. Возле машины стояли Гасан-Заде, Майя, Шепшелев. Поздоровался со всеми, подошел к Майе и сказал ей:

– Вы мне нужны на минутку, можно?

Она в упор посмотрела на меня, пожала плечами. Отошли немного в сторону. Все посмотрели на меня, переглянулись между собой. Неловко я себя чувствовал.

– Что вы хотели?

– Попросить прощения. Майя, мне очень стыдно, что я в прошлый раз так неумело или вульгарно высказался. Извините, пожалуйста.

– Забудем. Мне было очень неприятно от вас такое услышать. Хочу верить, что в душе вы не такой. Считаем, что теневых сторон между нами не было.

– Майя, вы мне очень дороги, и я не хотел вас обижать, верьте мне. Счастливо, да встречи.

Я отошел.

Командир роты объявил, что наше место дислокации на ближайшее время – Аксай, где предстоит развернуть ремонтные мастерские. Путь лежит через Абганерово.

Далеко за полдень прибыли на место. Там было много наших войск, что удивляло и восхищало. Значит, есть кому воевать. Еще горели единичные постройки, дома. Валялись подбитые машины, пушки, танки. По всему чувствовалось, что недавно тут шел бой. Остановились на одной из окраин, где стояли постройки бывшей МТС. Там-то и были оборудованные немцами мастерские для ремонта военной техники. Имелся сварочный аппарат, слесарные станки, стеллажи с тисками, инструментом. Прямо все, что нужно для ремонтных работ. Охраняли мастерские наши саперы.

Мы обустраивались на новом месте. В мастерских уже шла работа по ремонту танков и колесных машин. Весь личный состав роты получил валенки. Новые, твердые, серые. Очень кстати – не так мерзнуть будем. Итак, мы двигались в обозе бригады по местам боевых действий, а сейчас в тылу развернули мастерские для ремонта техники.

Вторник, 24 ноября 1942 г. ВРАГ В КОТЛЕ. УРА!

Спал в тепле, в домике, вместе с Николаем Манько и Костей Наумовым. Опять сошлись втроем. С вечера затопили плиту и расположились на полу. Постелили брезент, одеяла. Накрылись шинелями, накидками. Разбудили нас беспорядочные выстрелы автоматов, карабинов, винтовок, крики «Ура!». Прибежал старшина «Крошка»

и радостно сообщил, что войска нашего Сталинградского фронта соединились еще вчера с войсками Донского и Юго-Западного фронтов, наступавшими севернее Сталинграда, и что таким образом окружили всю сталинградскую группировку немцев.

– Врагу котел устроили, понимаете, окружили и уничтожают его. Еще вчера совершилось! В порошок их сотрут... Вот дела-то какие!

Мы вскочили, быстро оделись и побежали в мастерские. Там уже собралось много наших и обсуждали это событие. Когда точно это случилось, в каком объеме, никто не знал. Пошли к командиру и замполиту, но и им ничего не известно. Мы знали, что идет крупное наступление наших войск и что мы, наша танковая бригада участвуем в этом долгожданном событии. Но почему продвигаемся на юг, когда Сталинград находится от нас на севере?

Приехал подполковник Иванов. Построили роту. Подполковник сказал, что вчера, 23 ноября 1942 года, в 16.00 войска Юго-Западного фронта и нашего Сталинградского в результате четырехдневных боев соединились в районе хутора Советский и окружили большую группировку вражеских войск в составе 6-й полевой и 4-й танковой немецких армий, 3-й, 4-й румынских армий, 8-й итальянской армии и продолжают их громить.

Крики «Ура!» и аплодисменты заглушили последние слова подполковника Иванова.

– Товарищи! Поздравляю вас с блестящей победой, – продолжал Иванов, – наша 254-я танковая бригада с другими частями и соединениями 51-й армии наступает на внешнем фронте окружения противника и теснит его в направлении Котельникова, подальше от его окруженной группировки в Сталинграде. Заместитель командующего 51-й армией генерал-майор Коломиец приказал нашей бригаде отрезать пути отхода противника по дорогам, ведущим на Садовое, Кетченеры, Шебенеры. Там в основном румынские войска, и наша бригада ведет сейчас бои на указанных рубежах. Ваша задача, товарищи, отремонти-

ровать как можно быстрее танки, которые у вас в мастерской, и создать группу технического обеспечения, которая поедет со мной и будет следовать за боевыми порядками бригады и ремонтировать подбитую технику. За дело, товарищи! Смерть немецким и румынским оккупантам!

– Смерть! Смерть! Смерть! – ответил разноголосый строй роты.

– Слава нашей Красной Армии! Слава вождю и полководцу – великому Сталину, ведущему нас к победе!

– Слава! Слава! Слава! Ура...а...а! – разносилось далеко вокруг.

Личный состав разошелся по мастерским и приступил к работе. Люди ликовали. Ни холод, ни однообразная и скудная пища не могли повлиять на самоотверженную работу людей. Такая победа! Наконец, может быть, наступит перелом в войне.

Готовили летучку и бортовую машину для группы технического обеспечения. Возглавил ее, как всегда, воентехник Воропаев. В ее состав вошли старшина Кругляков, сержант Король, красноармейцы Нагиба, Ковтун и другие. Доукомплектовал аптечку летучки бинтами, ватой, настойкой йода. Получили сухой паек на 5 суток и во главе с подполковником Ивановым убыли. По опыту знали, что им предстоит очень трудная боевая задача. Меня на этот раз не взяли.

Среда, 25 ноября 1942 г.

БРИГАДА ДЕЙСТВУЕТ НА ВНЕШНЕМ ФРОНТЕ ОКРУЖЕНИЯ ВРАГА.

Перенес все свое медицинское имущество в домик, где располагался на ночлег. Одну комнату отвел для медпункта. Наконец появилась возможность оказывать помощь в сравнительно удобных условиях.

От приехавших водителей за боеприпасами узнали, что наши войска овладели населенными пунктами Жутов-1 и Жутов-2. Во взаимодействии с другими частями наша бригада ведет бои за Уманцево.

Мотострелковый пулеметный батальон прорвался далеко на юго-восток, занял населенные пункты Тяги, Обильное, Боленов, отрезав отход румынских частей. Батальон понес большие потери убитыми и ранеными. Погиб в бою и его командир Дудин. Военфельдшер Модзелевский на санитарной машине и бортовой сопровождал раненых в Плодовитое. Бригада в целом несет большие потери. Все меньше остается танков.

Четверг, 26 ноября 1942 г.

ПОПОЛНЕНИЕ В ХОДЕ БОЯ.

Утром остановился в Аксае медсанвзвод. Перебирались в Жутов-1, где должны полностью развернуться и принимать раненых. Непонятно, почему так долго задержались вдали от боевых подразделений бригады. Пока дозаправляли машины, успел увидеться с моими коллегами. Выпросил у Шепшелева комплект перевязочного материала.

К нам прибыли четыре Т-40 и два Т-70 с экипажами для пополнения бригады. Машины дозаправили, кое-что заменили, подремонтировали и под вечер с представителем бригады ушли на юг.

Второй танковый батальон опоздал с выходом на исходный рубеж и участия в атаке населенного пункта Обильное не принял. Мотострелковый пулеметный батальон наступал без танковой поддержки, и бригада в целом понесла большие потери в этом бою. Командир 2-го танкового батальона старший лейтенант Ходаков от командования батальоном был отстранен командиром бригады майором Садовским.

Прибыл сержант Король за запчастями для танков. Он рассказал о боевых действиях бригады. Ее бросают от одного населенного пункта к другому. Все меньше остается в бригаде танков и личного состава. Поступающее пополнение в ходе боев не покрывает потери. Румыны вновь заняли Уманцево, пришлось объезжать его по пути сюда.

Пятница, 27 ноября 1942 г. УМАНЦЕВО.

Румыны выбиты из Уманцева, и подразделения бригады сосредоточились в этом населенном пункте. Все дальше отодвигается в нашем районе внешний фронт окруженной группировки врага, где наши войска продолжают его уничтожать. Изгоняется и уничтожается противник на внешнем фронте окружения и на западе. В боях за Уманцево основная тяжесть пала на 1-й танковый батальон. Он и понес значительные потери.

В мастерских ремонтные работы шли полным ходом. И холод не помеха. Настроение людей хорошее. Не хватает запасных частей для ремонта боевой техники. С питанием стало лучше. Появились макароны. Чаще стали привозить белый хлеб. Почти у каждого были трофейные консервы и галеты.

Суббота, 28 ноября 1942 г. БРИГАДА ТАЕТ.

254-я танковая бригада выведена в подвижной резерв командующего 51-й армией. Сосредоточена в Уманцеве. Там же и медсанвзвод. Бригада таяла, ее боевые возможности все снижались: выходили из строя танки и другие виды боевой техники, погибал личный состав. Пополнения пока не было. В Аксае сосредоточили всю подбитую технику. Ремонт их шел полным ходом. Светомаскировку не соблюдали. Электросварка работала днем и ночью. Все склады бригады расположились в Аксае.

Сегодня пролетела над нами группа крупных немецких самолетов в сопровождении истребителей. Это транспортные машины шли с грузами к окруженным своим войскам. Дадут ли им дойти до Сталинграда? В нашем районе по ним не стреляли, никто их не атаковал. Командир роты почти каждый день ездил в Уманцево. Просил его сегодня взять меня – отказал. Хотелось проведать медсанвзвод, кое-что получить.

Сегодня под вечер притащили на буксире немецкую легковую автомашину на воздушном охлаждении «опель-

капитан». Пытались завести, не удалось. На вид неказистая, на четыре человека. Командир роты хочет ее приспособить для себя. Решил вызвать старшего техника лейтенанта Ванина — «профессора» автодела и поручить ему оживить машину.

Воскресенье, 29 ноября 1942 г. ДЕЛО ЗА РЕЗЕРВАМИ.

Бригада охраняет штаб 51-й армии, приводит себя в порядок после боев, иногда группами ведет разведку по заданию командования армии.

Мы находились между тремя вражескими армиями: немецкой, румынской и итальянской. На севере наши войска вели бои с окруженной немецкой группировкой, на юге шли бои с румынскими войсками, на западе — и с теми и другими и с итальянскими. И везде боевые действия пока шли успешно. Уже чувствовалось, что накал боевых действий несколько затихает, хотя острота и драматизм их будут нарастать. Наши войска понесли большие потери и крайне нуждаются в пополнении. Это чувствовалось и по нашей бригаде. И враг выдохся. Последние резервы брошены в бой, и наступательная способность иссякает. Ему нужны свежие силы, чтобы добиться перелома, и нам очень нужны, чтобы развить успех. Кто кого? Дело за резервами.

Понедельник, 30 ноября 1942 г. ПРЕДЗИМНИЙ ДЕНЬ.

Последний день ноября. Вокруг настоящая зима. Небольшой морозец градусов до пяти. Снежок. Ярко светит солнце. Ветра почти нет, и снежинки, каждая в своем узоре, ложатся на землю, предметы, одежду. Насчитал на рукаве шинели с десяток снежинок различной формы. Никогда не думал, что их так много разных.

Получили новое белье, обычное и теплое, для личного состава с завязками вместо пуговиц. Предложил командиру помыть людей по старому испытанному уже образцу с

помощью кухонь, но он отказал. Разрешил только заменить белье.

Получили хлеб в кирпичиках. Правда, черствый и холодный, но хлеб, а не сухари. Выбор круп был небольшой: пшено, ячневая и горох. Сушеный картофель, лук, морковь. Мясные и рыбные консервы. Борщевая заправка в стеклянных банках и большая бочка очень соленой ржавой селедки. Выдавали ее на ужин с сухарями и кашей. Стала плохо идти последние дни. Может, с хлебом шла бы лучше. Пока положенную норму все продолжали выдавать. Готовили горячую пищу три раза в день. Работавшим на холоде людям пищи было достаточно по объему и, должно быть, по калорийности. Последнее не определял. О вкусовых качествах спорить не приходилось, но народ не голодал. Некоторым богатырям наливали котелки полнее. Пользовались и трофеями.

Вторник, 1 декабря 1942 г.
КРАСНОАРМЕЕЦ ПОД ТАНКОМ.

Очень тяжелым был день для всей роты и особенно для меня. Думаю, что за все прошедшие четыре месяца пребывания на фронте мне не приходилось так сильно переживать за жизнь товарища. Опрокинулся танк, и крышка люка прижала к промерзлой земле ногу ремонтника Кухленко. Долго не удавалось его извлечь. Случилось это вскоре после завтрака, а извлекли его далеко за полдень. Я все не мог войти в нормальную колею. Все не выходит из головы этот случай.

Среда, 2 декабря 1942 г. СДЕЛАЛ ЛИ ВСЕ, ЧТО МОГ?

Прошел день, и я никак не могу прийти в себя от случившегося. Чувствую свою вину – я не проявил профессиональную решительность, и пострадавший погиб. Гибло много людей вокруг на моих глазах. Уже казалось, свыкся с этим. Видел много страданий и мук. Война и ее порождения – смерть, муки, страдания – неизбежны. Но каждая

встреча с новой смертью на моих глазах или руках воспринимается по-разному в зависимости от обстоятельств, от того, в какой обстановке и ситуации находится пострадавший, а главное, от того, насколько твое участие способно устранить наступление гибели, сохранить жизнь. Я знал, что спасло бы ему жизнь, но сделать это не смог бы никто.

В данном случае я укорял себя в том, что невозможно было ампутировать ему стопу под танком. Тогда бы не наступило тяжелое шоковое состояние, и он бы, возможно, не погиб, хотя остался бы калекой. Но как отрезать живому человеку часть ноги на виду у людей в таких условиях без обезболивания на мерзлой земле под танком? Практически это невозможно. И в то же время понимаю, что только это спасло бы ему жизнь. Долго возились, пока вытащили его из-под танка. Через много часов был доставлен в хирургический полевой подвижной госпиталь. Ко всему оказался еще множественный перелом костей таза с повреждением мочевого пузыря.

Четверг, 3 декабря 1943 г. КАК ЭТО ПРОИЗОШЛО.

Всякое чувство со временем притупляется. Еще вчера никого не хотелось видеть. Большую часть дня провел в медпункте.

– Чего не видно тебя, доктор, не заболел ли? – спросил при встрече Саркисян.

– Нет, здоров. Все нормально.

– Говорят, что переживаешь из-за смерти Кухленко. Твоей вины там нет. На войне все бывает.

– Ему надо было ампутировать ногу под танком. Ступню отрезать, наложив выше жгут, и он бы остался жить. А так развился шок, от чего он, собственно, и умер.

– Представляю, что не так просто отрезать ногу. Это можно сделать только в операционной, а тут под танком... Как я понимаю, это под силу хорошему хирургу и то не под танком и в такой мороз. Уж не знаю, кто бы мог это сделать.

– Вот меня и мучило это. Твердо знал, что нельзя ему лежать в таком состоянии на холоде и так долго, а помочь ему не мог. Это меня и угнетает до сих пор.

– Не казнись, не твоя в том вина.

Пятница, 4 декабря 1942 г. ПОЛУЧИЛИ ПИСЬМА.

Накал боевых действий на нашем направлении несколько угасал. Нуждались в пополнении. В бригаде осталось на ходу семь танков. Многие из личного состава в боевых подразделениях вышли из строя. Мы были как бы в тройном тылу: от южной и западной отступающих группировок врага и северной окруженной.

Получили газеты и, наконец, письма – большое количество писем. Это уже был праздник. Я получил три письма: одно из Ленинграда от тети Фаины и от матери с Урала два. Очень трудно приходится жителям Ленинграда. Народ повально умирает от голода и холода. Слабеют, перестают двигаться и умирают на глазах таких же обреченных. Страшно! И матери с четырьмя детьми трудно. Мать, сестра и брат работают разнорабочими на медеплавильном заводе, одна сестра определена в ремесленное училище, а младшая в детский садик. Выдали старшим спецодежду. По карточкам получают продукты. Живут впроголодь и в холоде, но живы, поддерживает надежда на победу, встречу и возвращение домой в Белоруссию. Письма были большим событием для нас. Кто получал радостные письма, как-то не решался выражать особый восторг, ибо многие их вовсе не получали.

Суббота, 5 декабря 1942 г. В АКСАЕ СПОКОЙНО.

Все меньше прибывало подбитой техники. Бригада вела непрерывную разведку небольшими группами в направлении Котельниково, Курмоярский, Гремячий. В этом направлении продвижение наших войск приостановилось. Враг упорно сопротивлялся и часто переходил в контратаки.

В Аксае спокойно. Личный состав ремонтировал военную технику, в основном свою, ротную. Колесные машины все время в рейсе: везли боеприпасы, бензин, продовольствие. Короткий отдых, и опять в рейс. Мимо нас везли раненых на санитарных машинах и попутными грузовиками в сторону поселка Плодовитое. Бои продолжались, нужны были свежие силы для решающих схваток.

Воскресенье, 6 декабря 1942 г. МАЛО ЗАПЧАСТЕЙ.

Манько расстроен, что простаивает у него много колесных машин. Нет запасных частей. Разобрали одну машину, списали ее, или война списала, но на все прорехи не хватило. Водители разные, много неопытных, эксплуатируют транспорт неумело. То радиаторы разморозили, то коробка передач летит, то задний мост стучит. Зима осложняет эксплуатацию техники и выдвигает ряд проблем, которые в наших условиях не так просто решать. И все же добивались, чтоб машины были на ходу и справлялись со своими задачами.

Понедельник, 7 декабря 1942 г. КАК БУДЕТ ПОСЛЕ ВОЙНЫ?

Командиру роты и его окружению продолжают готовить отдельно. Больше консервов на них уходит, свежий картофель, нередко лук, свежие овощи. Был мешок риса, но использовали его только для командира и его окружения. Вначале стал вникать и вмешиваться в организацию питания, но мне это вышло боком.

Обнаглели в этой ситуации и повара, чувствуя поддержку и видя, что меня не поддерживают, они на кухне держатся, как в своем личном хозяйстве. Под маркой командира и его ближайшего окружения готовят отдельно и для себя, кладовщика, писаря, командира хозвзвода. Самогон у хозяйственников нередкий гость.

Костя, его очередь, принес кашу ячневую на растительном масле и селедку, соленую и ржавую. Есть ее не хотелось.

– Картошку жареную мне не дали, целый противень скоты жарят. Для командира и начальства, говорят, а я кто им, не начальство? И вообще, какое может быть начальство для желудков? Они все одинаковые у людей, и потребность у них одинаковая, – возмущался Костя.

– Выходит, той тот як его, неодинаковые желудки у всех.

– Так не может продолжаться, должен быть конец этому.

– Кто положит конец? Командир – единоличный хозяин, и все зависит от него. Прикажет, и сделают. Что, комбриг, думаешь, лучше? Он себя не обижает, пока у него власть. И бабу заимел, и желудку не отказывает. Самое лучшее ему несут. Командир – хозяин! Так устроена жизнь, – возразил Манько, – у кого власть, тот и пан.

– Я не партийный. Босяк приморский. Таким меня считали, и такой я есть по натуре. Но я и справедливость понимаю. Партийные писали и твердили о коммунизме, когда все равные будут. И жизнь тогда будет по лозунгу: «От каждого по способности, каждому по потребности». Но этого никогда не будет, пока будут Михайловские, которые коммунизм устраивают только для себя, и пока будут такие беспринципные, как наш доктор, который не контролирует таких и не пресекает их действия, а должен по должности.

– Начал было, той тот як его, вмешиваться, то он его, как знаешь, к ногтю. Что ему остается? – защитил меня Манько.

Зашел к нам Ген по какому-то вопросу к Манько.

– О чем спорите, служивые?

Костя высказал свое отношение к Михайловскому и его окружению.

– Кому ржавую селедку на ужин, а кому жареную картошку со свиной тушенкой. А вместе идем к коммунизму, мать их так. Где еще и когда будет по потребности в соответствии с их лозунгом, а они уже сейчас подстраиваются под него.

– Живем пока по принципу социализма: от каждого по способности, каждому по труду. Кто больше заработал, тот больше и получай.

Командир и вообще начальство несут большую ответственность и, значит, зарабатывают больше подчиненных, вот им и должно припасть больше, – ответил Косте и всем нам Ген.

– Но паек для всех одинаков, как для командира, так и для красноармейца. Оклады больше у большего чина, пусть он их получает и докупает за свои кровные, а граммы для всех желудков выдают одинаковые, и нечего отбирать их у других для себя. Это, мягко говоря, грабеж. И он по закону нигде не поощряется. Вот что я вам скажу. И ты так думаешь, Саша, и не криви душой, – вмешался я и добавил: – Я-то должен по своей должности контролировать состояние питания, а остальные будут в кустах выжидать?

– Что ж ты предлагаешь? – спросил меня Ген.

– Справедливость должна быть!

– Кто ее наведет?

– Все. Каждый и все вместе.

– Знаешь, – вмешался Манько, – той тот як его, доктор прав. Должен я и все другие. Вот и доктор попытался один и поплатился. Никто тебя не поддержал. Каждый за себя боялся.

– Вот плачешься в рукав жилетки, как говорится, а ты почему не вмешался? – упрекнул его Ген.

– А что я могу сделать?

– К замполиту пошел бы.

– Он такая же сука, объедки со стола командира собирает и доволен.

– К начальнику политотдела иди, к комбригу вместе с доктором.

– Ничего не дало бы. Еще бунт припишут, подрыв авторитета командира и трибунал может быть. Не время. Набраться терпения и дожить до конца войны, если удастся дожить, а там посмотрим. Народ себя в обиду не даст. Внешних врагов победим и с внутренними справимся.

– А с внутренним может быть и не легче. Внешнего видишь, а внутренний замаскируется за орденами, лозунгами, и попробуй его сковырнуть. Не так легко будет.

– Надо кончать с войной, а там будет видно.

– Это ближе к истине, победить надо в войне. Это главное, остальное муть.

– Николай, мне машина нужна, за этим и пришел. Калмыков накладную дал на запчасти. Выдели мне Бяширова. С ним что-нибудь привезу, – закончил разговор Ген.

На этом наша дискуссия закончилась.

Разговор о справедливости остался пока разговором. Его решение состоится после окончания войны.

Вторник, 8 декабря 1942 г.

ОСТАЛИСЬ БЕЗ КОМИССАРА.

Появились простудные заболевания: ангины, катары верхних дыхательных путей. Морозы ослабли, подтаивает. Сильные ветры, мокрый снег, слякоть под ногами – способствуют простудам. В мастерской работают в комбинезонах. Температура около нуля, сквозняки. Народ уже не первой молодости, особенно ремонтники. Водители простуживаются в рейсах. Валенки в слякоть намокают, и кирзовые сапоги промокают, несмотря на солидол и деготь, которыми их смазывают. Просушить их негде.

– Как там наш комиссар? – обратился Костя ко мне.

– Думаю, что все должно кончиться нормально. Взяли сразу на операционный стол.

– Отвоевался. Позавидуешь. Везет же всякой...

– Не поноси его. Человек же, – заметил я.

– Той тот як его, на своем месте не был человеком. И место оказалось без человека.

– Зато займет себе место потом, что не подступишься. Он-то уж равным с нами не будет. А на остальных плевать будет, как и Михайловский.

– В тайге ничего не изменится. Как охотились на зверя, так останется. Буду соболя и белок бить, и на жизнь хватит, и для души красоты много. И без зависти. Приглашаю в тайгу после войны.

– Смотрите, он уже войну закончил...

Что же случилось с нашим комиссаром? Накануне поздно вечером, кто уже дремал, а кто и спал, послышался шум, и на руках внесли в медпункт Титова. Он так кричал и корчился от боли, что вначале подумал, что был ранен в живот. Свернулся калачиком и катался по полу. От него толком не мог ничего добиться. Все живот, говорил, болит, живот, живот и больше ни слова.

От красноармейцев, которые принесли его, узнал, что шел с разводящим проверять караулы. Внезапно схватился за живот, упал и стал кататься от боли. Подумали, что какая-то шальная пуля попала. Он говорил, что внутри ножом ударило. Я пытался посмотреть живот, но он не мог разогнуться. Наконец удалось положить его на спину. Живот был втянут, напряженный, твердый, как доска, особенно в верхней части. Мелкие капли холодного пота на лице, бледность, частый поверхностный пульс. Острый живот – катастрофа в брюшной полости! Мог быть острый аппендицит или прободение язвы желудка или двенадцатиперстной кишки. Больше за последнее. Нуждался в срочном оперативном лечении.

Попросил Манько готовить машину для эвакуации в госпиталь, а сам пошел доложить командиру роты о необходимости срочно везти на операцию в Плодовитое. На носилках положил его поверх брезента на пол кузова грузовой машины, накрыли одеялами и тут же выехали. Он все время стонал, кричал. Мы шли тихо и часа через два ночью приехали в медсанбат, а там нас переадресовали в хирургический полевой подвижной госпиталь, где сразу же взяли его на операционный стол. Результатов не стали ждать, вернулись к себе в Аксай. Остались без комиссара, хотя и с ним мы были без него.

Среда, 9 декабря 1942 г. ВЕЧЕР МУЗЫКИ И ПЕСЕН.

После ужина состоялся всеобщий импровизированный концерт нашими силами. Федя Бяширов где-то раздобыл гармошку. Иногда пиликал во взводе, но очень неумело. Еще получались какие-то татарские мелодии, и, как понимал, играл он слабо. Сегодня после ужина гармошка попала к Мезенцеву – писарю хозвзвода. Уже знали о его музыкальных способностях. Его упросили поиграть. И можно было это сделать в мастерской среди ремонтировавшихся танков и колесных машин. Играл он самозабвенно и здорово. Вскоре собрался почти весь личный состав роты. Некоторые подключили свои способности, и получился импровизированный концерт. Никто заранее не организовывал его и не планировал. Прозвучало много знакомых мелодий. Как-то потеплело на душе у нас, роднее все стали.

Четверг, 10 декабря 1942 г. КРАСИЛЬНЯ.

Все чаще шел разговор о необходимости помыть личный состав роты. Недавно меняли белье, но без мытья. Вспомнил, что на днях был разговор о какой-то красильне, недалеко расположенной от нас. Расспросил, где она, и пошел обследовать. В конце параллельной улицы, почти на краю поселка, стояло длинное приземистое здание, сложенное из кизячных блоков. Часть окон были без стекла. Гулял ветер, намело снега. Зашел внутрь и в полумраке осмотрелся. Увидел вмазанные в плиту три котла с остатками краски. Рядом стояли бочки, ведра. У стены скамейки. Плита была целой, и котлы, должно быть, целы, раз держали воду. Значит, есть где греть воду. Понял, что нашел превосходное место для мытья людей, чему очень обрадовался. Вернулся в роту, нашел Николаева, рассказал ему, и он охотно пошел со мной посмотреть это здание. Старшина одобрил мою затею. Пошли сразу же к командиру.

– Никаких помывок пока. Должна подойти техника – много работы предстоит, да и время тревожное – обстановка очень неустойчивая. Некогда отвлекаться.

– Помыться всегда неплохо, а сейчас уже дальше некуда, настолько запущены наши люди. Такого случая может и не представится, – настаивал старшина.

– Пока отставить вашу затею, посмотрим, как будут развиваться события. Держите на заметке эту возможность.

Реакция командира на наши восторги и надежды помыть людей нас не обескуражила. Между собой решили готовить баню. Старшина обещал послать красноармейцев забить окна, убрать, вылить краску из котлов и помыть их. Накололи дров рабочие на кухне. Ждали подходящего момента. Вещевой склад был в нашем расположении в двух машинах. Начальник обозно-вещевой службы и кладовщик стояли у нас на довольствии, и чистое белье получили без затруднений.

Пятница, 11 декабря 1942 г. КОМАНДИР–ХОЗЯИН.

С питанием стало скудно. Мало разнообразия. Пшено и сечка какая-то. Кончилась и борщевая заправка. Мяса свежего нет. Пошли супы и каши из одних и тех же круп. Овощи сушеные. На утро была каша из сечки, видно ячневая, и селедка. Очень соленая, затхлая, ржавая. И выбросить жалко, и есть ее уже нельзя. В обед суп ячневый с говяжьей тушенкой, сушеным луком и картофелем, заправленный томатом и растительным маслом. На второе – пшенная каша со следами тушенки.

Рядом варилось что-то в двух кастрюлях. Я спросил, что это варится. Повар Шихалев ответил, что это для начальства. Продолжали готовить для командира и его подручных отдельно разнообразно и из лучших продуктов.

– Что? Покажите.

– Сами и смотрите, если есть право.

– Есть, снимите крышки.

Он раздумывал, смотрел на меня, затем взял тряпку и приоткрыл крышки.

– Что там?– спросил я повторно.

– В большой кастрюле суп из макарон. А там каша. Сами видите – рисовая.

– Почему так много? Человек восемь-десять можно накормить.

– Командир приказал кормить и старшего воентехника Ванина. У него болезнь – язва.

Ванин сейчас занят ремонтом трофейной машины для командира.

– А остальное кому?

– Я не знаю. Спросите у старшины. Мне все равно, и из котла не сдохну. Я маленький человек, выполняю приказы, и нечего до меня цепляться.

Все остается по-прежнему. Командир–хозяин.

Суббота, 12 декабря 1942 г. БАНЯ ПОД БОМБЕЖКОЙ.

Продвижение наших войск на юге на Котельниково приостановилось. За завтраком старшина объявил, что будем мыть личный состав. Командир накануне дал добро. Послали в красильню людей нанести воды, растопить котлы. Холодную воду носили в бочки, которые стояли возле стены. Дана была команда приходить с любой посудой, удобной для мытья. У одной стены поставили длинную скамью. В двух углах комнаты ломом пробили отверстия для стока воды. Первая от входа комната послужила предбанником. На одной стороне расположился Мезенцев с тюками чистого белья в одном углу, а для сбора грязного белья отведен был другой угол. На противоположной стороне комнаты поставили скамью, где определили место для переодевания. Будто все предусмотрели. И я себе выбрал место, где положил санитарную сумку и комплект «ПФ» для перевязок после мытья.

Какое это удовольствие сбросить с себя грязное, пропитанное потом, соляркой и смазочными маслами белье и обмундирование, просто оголить тело после длительного

периода пребывания в многослойной одежде, в которой и спали, и кушали, и работали, и ходили – одним словом, пребывали многие-многие сутки. Клубы пара вырывались в предбанник, который не отапливался, но холода не замечали. Выскакивали раскрасневшиеся, с шумом вытирались и растирались, подталкивая друг друга, обмениваясь увесистыми шлепками, вспоминали парилки домашнего мирного времени. В красильне, где топились котлы, стоял еще больший полумрак. Периодически забегал дежурный, подбрасывал дрова, доливал воду в котлы и бочки и показывал, где какая вода.

Вместе с другими ввалился в предбанник после мытья рослый, широкоплечий, высокий старшина автовзвода, балагур и шутник «Крошка». Сразу стало тесно от его массивного тела, восторженного кряхтения и тяжеловесных шуток.

Лицо и тело старшины было покрыто темно-фиолетовыми разводами, между которыми выглядывали небольшие светлые участки, да светился ряд белых зубов. Из волос головы стекали темные ручейки и капли. Наконец и он разглядел, что тело его было покрыто пятнами и полосами краски. Это он ополоснулся после мытья содержимым третьего котла, закрытого крышкой, в котором находилась, как потом выяснилось, концентрированная темно-фиолетовая краска.

Когда он понял причину всеобщего хохота, то и своим громовым голосом внес дополнительные аккорды в сочетании с матюками в общее веселье. Многие уже одетые или полуодетые выскакивали из предбанника и, держась за животы, продолжали ржать.

Это был смех переживших смерть людей, перенесших непосильное, ни с чем не сравнимое напряжение, получивших, наконец, возможность расслабиться и совершить что-то привычное и отвыкшее, домашнее.

Я мылся одним из последних. Почти заканчивал, как услышал шум, крики, стрельбу из автоматов, затем зениток. Раздались взрывы бомб. Особенно сильный взрыв

потряс красильню, вылетели окна, посыпалась штукатурка. Я выскочил в предбанник. Наружная стенка и часть крыши рухнули. Сквозь пыль и дым увидел двор, рядом стоявший тягач, машину, бегущих людей, почерневший снег, небо. Еще раздавалась стрельба зениток, затем все стихло. Это, как оказалось, немецкий воздушный разведчик «рама» после облета нашего расположения вернулся и сбросил бомбы. Видно, привлекла его дымящая труба и скопление людей.

Мне, натурально в голом виде, ничего не оставалось, как искать свою одежду между развалинами. Начали выползать из укрытий красноармейцы. По-видимому, вид голого изваяния, покрытого штукатуркой на фоне заснеженного двора, несмотря на пережитое минутами назад напряжение от разрыва бомб, вызвал вначале короткие, робкие с истерическими надрывами вспышки смеха. Постепенно он стал нарастать, и когда убедились, что нет среди нас даже раненых, смех освободился от каких-то оков, и раскаты его вскоре распространились на близлежащие дворы и всю улицу. Громче всех смеялся наш старшина «Крошка», благо, не он уже был объектом смеха. Кто-то накинул на меня ватник, под обломками стены я достал свою одежду и стал натягивать новое белье и обмундирование на запорошенное штукатуркой столь блаженно отмытое тело. Вся эта процедура сопровождалась взрывами в общем-то добродушного смеха, вторым туром за последние полчаса.

После обеда прибыл командир роты. Сообщил, что со стороны Котельниково немцы большими силами перешли в наступление. Наши войска вступили в бой и пытаются удержать продвижение противника. Предложил подготовить все машины и технику к возможной эвакуации уже сегодня и отпустил нас. Не забыл сказать Гуленко, чтобы взял на буксир его трофейный «опель-капитан», а за руль посадил опытного водителя. Меня задержал.

– Немцы бросили большие силы, наши отходят. Возможно, и мы ночью отойдем. Наших войск мало, а у них

танки, много танков. Самолеты бомбят наши боевые порядки.

Задумался и опять обратился ко мне:

– Скажи, чтоб принесли мне обед. И пусть придет старшина. Может быть, и успею помыться. Страшно грязный. Да и когда еще придется? Погибать, то в чистом белье.

– Чего о погибели заговорили? Обстановка уже не та. Враг сломлен.

– Еще очень далеко до этого. Здесь очень мало наших войск. В бригаде ни одного танка, пожалуй, не осталось, а пополнения все нет. Немец какие-то сверхтяжелые танки пустил. Чем остановишь? Такие дела. Ступай.

Он еще успел помыться, и старшина и я перемылись после обеда.

А самую неожиданную баню устроил нам противник. Неожиданную и страшную. Он перешел в наступление.

Воскресенье, 13 декабря 1942 г. ОСТАВИЛИ АКСАЙ.

Враг крупными силами перешел в контрнаступление. Захватил Гремячий, Небыков, Чиленков и продвигался вдоль железной дороги Котельниково – Сталинград. Занял Жутово, где еще вчера находился медсанвзвод. Они выехали во время артобстрела фашистов.

Южнее занимали оборону мотострелковый пулеметный и первый танковый батальоны нашей бригады. Они ввязались в бой, от них поступали раненые в медсанвзвод, а о дальнейшей судьбе их было не известно. Не исключено, что, не имея приказа об отходе, они могли все погибнуть.

Мы без приказа вышестоящего начальства ночью стали грузить наше имущество на машины. К утру все было погружено. Ждали приказа на отход. Мимо нас отходили на север разбитые части, раненые. Отступавшие части передавали вести одна страшнее другой. Все сводилось к тому, что немцы большими силами идут на выручку своим, окруженным в Сталинграде. У деблокирующей группировки противника много танков и самолетов. И появи-

лись какие-то новые сверхкрупные непробиваемые, все уничтожающие на своем пути танки.

К Аксаю подходили части 126-й стрелковой дивизии и занимали оборону. Основной удар перешедшего в наступление противника приняла на себя ослабленная в предыдущих боях 51-я армия под командованием генерала Труфанова. Насколько она была потрепана, можно судить по боевому состоянию нашей бригады, входившей в ее состав. Не лучше выглядели и другие ее части и соединения.

Под утро прошли мимо нас на север остатки 1-го батальона без единого танка. Все оставили на поле боя. Вместе с ними прибыли на машине ЗИС-5 Наумов, Ген и несколько ремонтников колесных машин. Они были прикомандированы к 1-му танковому батальону и с ними отошли.

Ген сказал, что немцы прорвали наши растянутые и довольно слабые оборонительные рубежи и широким клином идут правее железной дороги крупными танковыми силами на Сталинград. Все сметают на пути. Наши части, кому удается и кто успел, отходят на восток в степь по направлению к озерам, подальше от устремившейся на север лавины немецких войск. Подразделения нашей бригады отходят на север буквально из-под носа наступающих вражеских частей. Много наших подмяли и уничтожают. Где-то сражаются остатки мотострелкового пулеметного батальона. Штаб бригады был в Уманцево, а где сейчас, не знаем. Нам приказа на отступление нет, но подразделения бригады стараются оторваться от врага. От них узнали, что противник наступает вдоль железной дороги и форсировал в нескольких местах р. Аксай–Есауловский.

Казалось, что погнали врага и основательно, что наступил, наконец, перелом в войне, а выходит, что-то не учли. Мало наших сил оказалось, чтобы закрепить и развить дальше успех такой крупной операции. Откуда же немцы взяли такие большие силы, столько танков и самолетов? И идут же здорово, гады... Попробуй не паниковать, когда наши части, разбитые и разрозненные, в панике отступают. И командир роты растерян, не знает, что предпринять.

Откуда и от кого ждать приказа на отход и куда двигаться? Командир 1-го танкового батальона посоветовал выдвигаться в район Плодовитое, куда сам отправился с остатками своего батальона. Тут еще подпортил настроение Костя Наумов.

– Чего ждем? Гостей собираетесь принимать, что ли? Пистолетами или карабинами встречать врага? Нам нечем воевать! Уходить надо! Черт меня сюда припер. Это все штучки Гена. Он принял решение заехать в Аксай. За первым танковым батальоном надо было идти в Плодовитое. Через час-два фрицы будут здесь. И чего Михайловский выжидает? Не долго музыка играла, не долго фраер песни пел... – затянул вдруг Костя с истерическим надломом в голосе.

– Что с тобой, Костя?– спросил я его.

– Тонка кишка оказалась. Затеяли дело с полупустым карманом. Бригада и десятка танков не имела, да и в других частях не густо было, вот и смяли нас.

– Должно быть, есть резервы, и бросят их нам на помощь.

– Пока бросят, от тебя, доктор, и всех нас и мокрого места не останется, в пыль сотрут. Нужно отходить и срочно. Зачем тянуть?

– Приказа на отход нет, – возразил я.

– Кто тебе прикажет? Где штаб бригады, где другие наши подразделения? Надо отходить, пока не поздно.

– Той тот, як его, у нас есть командир, ему и решать. Панику не разводи, – оборвал его Манько.

Разговор наш прервал гул самолетов, делавших полукруг над нами. На крыльях видны были черные кресты. Самолеты сбросили бомбы на Аксай и ушли на северо-запад. Немало здесь стояло частей. Появились очаги пожаров, раненые и убитые. К счастью, в наше расположение ни одна бомба не упала.

После бомбежки командир роты принял решение выехать из Аксая, и мы нашей колонной расположились на северо-востоке в нескольких километрах от него.

Западнее нашего расположения вдоль железной дороги шли бои. Слышна была артиллерийская канонада, глухие взрывы бомб. Опять отступление, опять фашисты идут вперед. Будет ли чем его остановить?

Нашел нас Иванов. Приказал следовать в Зеты, где будет наше место дислокации. Он же и повел нашу колонну. Навстречу шли части на фронт, а мы отходили.

Зеты... Вновь Зеты, где были в августе сего года. Особенно долго стояла там наша рота. Возвращаемся «на круги своя». Тогда отступали до Сталинграда. Не повторится ли это и сейчас?

Колонна наша остановилась у населенного пункта Абганерово. Опять встреча со знакомым по августовским боям населенным пунктом. На его окраине разгрузили около десятка автомашин, и они убыли опять в Аксай. Там остались склады бригады, в основном боеприпасы и часть солярки для танков, которых пока нет. Не хватило транспорта на вывоз их одним рейсом.

Возле разгруженного имущества оставили группу для охраны и остальными машинами двинулись на Зеты. К исходу дня мы уже были там и расположились в тех же постройках, где и раньше находились наши мастерские. Правда, пришлось для этого со скандалом потеснить какую-то артиллерийскую часть, которая там расположилась. Все это было сделано усилиями Иванова. В течение ночи все наши машины и имущество сосредоточили в Зетах. Подполковник Иванов убыл в Плодовитое.

Понедельник, 14 декабря 1942 г. ВЕРНУЛИСЬ В ЗЕТЫ.

Положение наших войск на внешнем нашем фронте очень тяжелое. Враг рвался к Сталинграду для деблокировки окруженной группировки. Над нами пролетали вражеские транспортные самолеты, доставляющие необходимые грузы для своих войск в котле. Юго-западнее нас шли тяжелые танковые сражения. Противник настойчиво продвигался вперед, неся большие потери.

Малочисленные, ослабленные боями части и соединения 51-й армии, цепляясь за каждую пядь земли, пытались остановить танковый деблокирующий таран Гота. Мимо нас медленно двигались потоки раненых из района Верхне-Кумского, где не прекращались тяжелые кровопролитные танковые бои. Со слов раненых, немцы заняли хутор Верхне-Кумский.

Решил проведать хозяйку – учительницу, где прошлый раз в августе был медпункт. Встретил ее дома с двумя детьми. Муж, по ее словам, где-то служил в Красной Армии. Не выезжала, жила при немцах здесь. Затем пришли румыны. Сохранилась корова. Лошадь забрали румыны, стоявшие здесь гарнизоном. Забрали запасы сена, зерно. Нечем кормить корову, да и сами не знали, как дотянуть до нового урожая. Всех в поселке разорили румыны, подобрали все, что только могли. Ни одной курицы не осталось. Не слышно петуха на заре, что особенно непривычно для уха.

Приняла приветливо, как старого знакомого. Уступила ту же комнату для медпункта. Перенес к ней свое медицинские имущество.

Принес хозяйке сухари – все, чем мог им в это время помочь. Были и этому очень рады.

Вторник, 15 декабря 1942 г. ТЯЖЕЛЫЙ БОЛЬНОЙ.

Заболел тяжело красноармеец Заступин из транспортного взвода. Еще вчера жаловался на сильную головную боль, когда прибыл из рейса. Температура была уже высокой – свыше 38 градусов. До этого был сильный озноб. Сегодня головная боль была еще мучительней. Заподозрил менингит. Больного необходимо срочно везти в инфекционный госпиталь. Где он находился, я не знал. Командир принял решение направить его в Плодовитое в медсанвзвод завтра, рано утром. Пусть там разбираются. Я настаивал на немедленной эвакуации, но командир не разрешил. Готовил его на завтра. Выделили машину ГАЗ-51. Водитель Бяширов. С ним я уже возил из района Зергента больного

менингитом. И это заболевание похоже на менингит, но смущала сыпь на коже – точечные кровоизлияния. И они могут быть при менингите. Это тяжелое инфекционное заболевание, и оно обычно одним случаем не протекает. Возможны эпидемические вспышки.

Среда, 16 декабря 1942 г. БРИГВРАЧ ДЖАТИЕВ.

Рано позавтракали. Больного уже без сознания на носилках погрузили на машину Бяширова ГАЗ-51.

В дороге, сидя в кабине, увидел и почувствовал, насколько суровая зима в степи. Куда ни кинешь взгляд, белая пелена до самого горизонта. Трескучий мороз. Наезженная дорога пробивается сквозь сугробы. Ветер гонит поземку, наметая местами высокие сугробы из снега, заметая дорогу.

Часа через два-три мы были в Плодовитом. Нашли медсанвзвод. Я подробно доложил доктору Гасан-Заде о его состоянии. Он залез в кузов машины, отвернул брезент, пытался заговорить с больным, но тот молчал.

– Толку от него уже не будет, но надо везти его. А куда? – задал себе вопрос доктор Гасан-Заде. Рядились, что с ним делать. Пришел новый бригадный врач – Джатиев. Высокий, смуглый, лет сорока пяти, кавказского типа человек. Он принял решение на этой же машине везти больного в инфекционный госпиталь, который находился, как он помнил, в Райгороде. Прямиком по степи – застрянем в сугробах. Дозаправили машину и выехали. На станции Тингута посоветовали ехать на Тундутово, Красноармейск. По этому маршруту мы и последовали.

После Ивановки заметили шедший немецкий транспортный самолет. Прошел над нами, сделал круг и пошел на снижение.

Слева от нас находилось кладбище немецких самолетов. Там был аэродром. Людей не видно, но самолетов много, должно быть разбитые, может быть, были и целые. Они своей темной окраской хорошо выделялись на заснеженном пространстве степи. Немецкий самолет сде-

лал еще один круг над нами и сбросил какие-то черные, в виде сигар, предметы на парашютах. Они приближались к земле. Самолет ушел, а мы, лежа в снегу, наблюдали за их спуском. Приземлились они без взрыва, и мы по степи поехали к ним. Это оказались металлические емкости. Отрезали один баллон от парашюта, поставили его на торец. Мы с водителем Федей Бяшировым спрятались за уступ, и я из карабина выстрелил в этот баллон. Взрыва не последовало, и мы побежали к нему. Из отверстия баллона текла какая-то светлая жидкость.

Подумали, первым делом, о спирте, но Федя авторитетно заключил, что это авиационный бензин. Должно быть, для заправки самолетов. Погрузили на машину один целый баллон и два парашюта, которые заняли немало места, прикрыли частью их больного и двинулись дальше в путь.

К исходу дня были в Красноармейске. Не без труда сдали больного в инфекционный госпиталь, где выставили ему предварительный диагноз: менингит. Наши предположения совпали, но больной был без сознания, в тяжелейшем состоянии.

На ночь ехать обратно не решились. Нас дозаправили. Одна из дежуривших медсестер взяла нас на квартиру переночевать, за что ей достался один из парашютов.

Перед отъездом справились о больном. В сознание не приходил, состояние его оставалось крайне тяжелым.

Четверг, 17 декабря 1942 г. В ОБРАТНЫЙ ПУТЬ.

Утром отправились в обратный путь. Опять заснеженная вокруг степь и сковывающий до онемения все части тела мороз. Обгоняли воинские части, шедшие на фронт.

В полдень были в Плодовитом, там узнали, что враг вышел к реке Мышкова, где его остановили наши подошедшие свежие войска. Там идут тяжелые бои.

Встретил подполковника Иванова. Доложил, что еду в Зеты. Он распорядился, чтобы нас загрузили боеприпасами, передал, чтобы расширили хранилище для складов.

Сказал, что ждем пополнение, что наши должны перейти в наступление и что мы будем участвовать, как только получим пополнение.

На перегруженной боеприпасами машине мы направились в Зеты.

Опять наши отступают. Как понять, что происходит? Откуда взялись у врага силы за тысячи километров от своих границ?

Пятница, 18 декабря 1942 г. ВРАГ С ЮГА ПРОБИВАЕТСЯ К СТАЛИНГРАДУ.

Мимо нас на север проходят потоки машин с ранеными. Тяжелые бои продолжаются в районе Верхне-Кумского. Части там стоят насмерть. Среди раненых и обожженных много танкистов с обморожениями. На многих участках наши войска вынуждены были отойти к реке Мышкова, оказывая врагу яростное сопротивление. К реке подходят с севера части и соединения 2-й гвардейской армии генерала Малиновского. Противник под ударами подошедших наших войск был остановлен на рубеже этой реки, в сорока километрах от окруженных войск в Сталинграде.

Мы в Зетах находились западнее железной дороги, ведущей на Сталинград, и большинство частей 2-й гвардейской армии проходили на юг, юго-запад, на встречу с противником мимо нас. Некоторые части останавливались и располагались в Зетах. Восточнее железной дороги противник занял Ковалевку, Кругляков и был остановлен под Аксаем, где мы недавно стояли.

Суббота, 19 декабря 1942 г. ПРИШЛО ПОПОЛНЕНИЕ.

Бригада получила пополнение – танки с экипажами, колесные машины, личный состав. В Зеты прибывают машины с боеприпасами, горючим. Мы заняты в основном оборудованием хранилищ. Ремонтных работ мало. Продолжаются тяжелые бои на рубеже Мышкова, о чем говорят непрекращающиеся потоки раненых.

Командир роты сообщил нам, что в бригаду влился целый танковый полк – 189-й, в составе 3 танковых рот, насчитывающих 32 танка, роты управления и технического обеспечения.

Для оказания помощи в обслуживании техники прибывшего полка убыла наша группа ремонтников.

Старшина Кругляков доложил командиру, что видел на дороге подбитый «опель-капитан». Михайловский послал старшего воентехника Ванина, старшину Круглякова и еще двух ремонтников с машиной снять двигатель, колеса и еще кое-что для запчастей. Решил обеспечить всем необходимым свою машину.

Воскресенье, 20 декабря 1942 г. ВСЕ ПОВТОРЯЕТСЯ.

Держатся сильные морозы. Снегопад. Среди личного состава много случаев обморожения. На реке Мышкова продолжаются сильные оборонительные бои. Противник пытается преодолеть сопротивление наших войск, проводит яростные атаки, но дальше рубежа реки ему пока продвинуться не удается. В Зеты приходят и проходят мимо много новых частей. Предстоят в этих районах большие сражения.

Удивительно, как повторяется наша судьба. В августе также размещались в Зетах, а подразделения бригады вели бои южнее. Затем отступили к Сталинграду под натиском противника. Сейчас все повторяется. Противник с юга наступает, наши отступают на север, северо-восток. Но там, в Сталинграде, немцы. Куда же нам деваться?

Враг идет на выручку своим. Идет быстро и упорно. Нужны большие силы, чтобы его остановить. И срочно.

С бригадой связи нет. Мы расположены западней железной дороги, а враг наступает юго-восточнее нас, а подразделения бригады расположены еще восточнее, в районе Плодовитое. Враг может нас отрезать от своих, если уже не отрезал. Обстановка очень сложная и трудная. Зеты, должно быть, оставим.

Понедельник, 21 декабря 1942 г. БОМБИЛИ ЗЕТЫ.

В Зетах полно наших войск. Шли очень упорные кровопролитные бои. Стоял непрерывный гул моторов. Войска в движении...

Снег поскрипывал под ногами. Яркое солнце не грело. Резкий порывистый ветер наметал сугробы. Большинство людей нашей роты на работах. В мастерских мало осталось. Много ремонтников в других подразделениях, расположенных в Плодовитом. Водители в рейсах.

К нам приближалась группа «юнкерсов». Вдруг один за другим пошли в пике самолеты, и от них отвалились черные бомбы. Надо было ложиться, зарыться в землю, но я все стоял и смотрел на них. Ноги не слушались. Люди вокруг разбегались, зарывались в снег, прижимались к заборам, домам. Вокруг лежал чистый белый снег, и сверху все хорошо было видно. Каждая машина четко выделялась на снегу. А военной техники и частей здесь было много.

Когда начали разрываться бомбы, меня что-то толкнуло, и я припал к забору. Бомбы стали рваться далеко от нас, на другой окраине поселка.

В медсанвзвод прибыла новый доктор вместо Зои Ложкиной.

Новый врач Люба Большакова выглядела очень симпатичной. Лет около тридцати, чуть полноватая, цветущая, подвижная женщина хорошо смотрелась в этой обстановке. Шура бросила короткую реплику, что Майя иссохлась от ревности, и вышла. А та шепнула мне доверительно, что Шура стала задерживаться у Максимова, часто у него бывает, одним словом, сошлась с ним и считает, что я ревную ее.

– Это здорово! – воскликнул я.

– Что здорово?

– Что Максимов с ней сошелся. Не будет приставать к тебе.

– И ты дразнишь меня? Ну вас всех. Я по Зое скучаю, очень скучаю, не хватает ее мне. Это настоящая правда. Мне уже лучше. Я тебя видеть всегда рада.

– Я много думала о вас. Хороший вы человек. Если бы я вас не любила, вернее, не уважала, то была бы к вам более нежна и может быть, больше, чем нежна. Я хорошо понимаю, что женой вам быть не смогу и вы мне мужем. Не перебивайте! Мы не пара. Вы значительно моложе, и через немного лет мы совсем не будем подходить друг другу. Кому-то с вами здорово повезет. Уверена. А жить только одним днем, порывом нельзя. Нам будет стыдно, если останемся в живых, за сегодняшний кривой день. Да, кривой день! Вот так меня и понимай, дорогой мой человек.

Она подошла ко мне, потянулась и поцеловала меня в щеку.

Стоял, ошарашенный происшедшим.

– Будем друзьями. Останемся хорошими друзьями, как есть. Договорились?

– Пусть будет так. Останемся друзьями, если вам так угодно. Вы старше, мудрее, вам и виднее. Пусть будет по-вашему. Дела на фронте усложняются. Что нам выпадет? Пожелаем скорой встречи?

И я ушел.

Немцы прут на Сталинград. Мы несем такие крупные потери. Опять в чем-то просчиталось наше командование.

Меня ждет водитель. Предложил заехать в штаб бригады, что мы и сделали. Встретил подполковника Иванова, очень озабоченного, «под газом».

– И ты здесь, чего?

– Раненых привозил.

– Плохи дела наши, очень плохи.

Застал в штабе Наумова. Он получил запчасти для машин. Вместе с ним двумя машинами выехали в Зеты.

Вторник, 22 декабря 1942 г.

ПРОДОЛЖАЮТСЯ УПОРНЫЕ БОИ.

На рубеже реки Мышкова продолжались тяжелые бои. Фашисты предпринимали отчаянные усилия для прорыва нашей обороны. Водители, прибывшие из рейса, говори-

ли, что на Громославку и Васильевку – населенные пункты на реке Мышкова – прошло сегодня большое количество танков и мотопехоты. Там продвижение врага наткнулось на стойкое сопротивление наших войск. Саркисян поехал в Плодовитое возглавить ремонтные работы. Бригада получила танки с экипажами. В основном Т-40 и Т-70. Днями пойдут в бой.

Среда, 23 декабря 1942 г. ВРАГ ОСТАНОВЛЕН!

Враг остановлен! Ни в районе Аксая, ни на рубеже реки ему за прошедшие сутки продвинуться к Сталинграду не удалось.

Враг остановлен! Все атаки его отбиты! Об этом поведали проходившие мимо нас раненые. От окруженных войск он остановлен в сорока километрах.

Наши машины из транспортного взвода ушли на Плодовитое с боеприпасами и горючим. Удивительно, что за последние дни не видно ни одного немецкого самолета, не слышно, чтоб пролетали над нами. Наши пролетают по много раз на день.

Командир роты в Плодовитом. Враг выдыхается, и его продвижение к окруженным терпит провал. Инициатива переходит к нашим войскам.

Четверг, 24 декабря 1942 г. ТРАГЕДИЯ В ЖУТОВЕ.

Прошлой ночью бригада в составе двух танковых и мотострелкового пулеметного батальонов вышла из Плодовитого в направлении Аксая. Вдоль железной дороги и западнее ее перешли в наступление части и соединения 2-й гвардейской армии. Об этом сообщил нам командир роты, прибывший под утро из Плодовитого. Мне он приказал ехать с электриками, которых направляют в район Аксая, Жутова, где они должны присоединиться к нашим ремонтникам, входящим в состав группы технического обеспечения. Старшим был назначен лейтенант Завгородний. Меня послали с этой группой оказать медицин-

скую помощь нашим ремонтникам, у которых травмы рук. Набил полную санитарную сумку перевязочным материалом. Получили сухой паек на трое суток, позавтракали и выехали. Надели на ноги валенки. В летучке было сравнительно тепло, а вокруг бушевала метель и мороз был очень сильный.

Часа через три мы были в Аксае. Наших там не нашли. Поехали в Жутово-1. Застали там страшную картину. На большой площади среди раздавленных танками домиков и палаток кое-где виднелись замерзшие трупы в повязках, запорошенные снегом. Это были наши раненые, которые скопились в находившихся здесь полевых лечебных учреждениях. Их не успели эвакуировать перед внезапным наступлением немцев. Прорвалась сюда группа немецких танков и совершила это чудовищное преступление – проутюжили помещения и палатки с ранеными, которые не в состоянии были оказать сопротивление. Случилось это, должно быть, четырнадцатого или пятнадцатого декабря. Так все и осталось. Немцы не успели замести следы преступлений. Во многих местах виднелись щиты с красным крестом.

Нас встретил военный патруль, охранявший эту территорию. Они ждали какую-то комиссию, которая должна зафиксировать эти злодеяния. С их разрешения в одном из разрушенных домиков я набрал перевязочный материал и почти новый ватный конверт, предназначенный для укутывания и перевозки раненых. Последний пригодится мне в такие холода. Наша летучка последовала на Ковалевку. Там нашли наш медсанвзвод, роту управления.

Пока Завгородний расспрашивал, как найти штаб бригады, новый бригврач Джатиев приказал мне остаться в медсанвзводе для помощи коллегам в оказании медицинской помощи раненым. Пытался ему объяснить, что еду к своим на передовую, что ремонтники нуждаются в моей помощи, но он приказал мне остаться здесь. Мол, там, в батальонах, есть фельдшера и они к ним обратятся.

Он сказал Завгороднему, что меня оставляет для работы в медсанвзводе.

– Пока помогите Шепшелеву с погрузкой и отправкой раненых, – распорядился Джатиев, – а после их отправки пойдете в распоряжение доктора Большаковой.

И я стал помогать при погрузке раненых на санитарную и грузовую машину, крытую брезентом. Было очень холодно. Я мерз на улице, тем более мерзли раненые, и особенно холодно им будет в грузовой машине. Спросил насчет соломы, чтобы постелить ее на дно кузова. А где ее взять, спросили меня.

Ко всему еще одна напасть выпала на нашу долю – холод, сильные морозы.

Пятница, 25 декабря 1942 г.

ОДИН ДЕНЬ РАБОТЫ МЕДСАНВЗВОДА.

Всю ночь поступали раненые, в основном попутными машинами из штаба бригады и танковых батальонов. Один раз привозили на санитарной машине, находящейся в распоряжении военфельдшера роты управления Гомельского. Он привез группу раненых командиров из штаба бригады и красноармейцев из его роты. Штаб бригады бомбили. В батальоне почти все танки вышли из строя: подбиты и сгорели. Основная масса танкистов погибла вместе с машинами.

На санитарной машине под утро привез раненых военфельдшер мотострелкового батальона Модзелевский. Батальон нес большие потери. Сказал, что половина личного состава погибла. Выгрузил раненых и сразу же уехал к своим.

Перед наступавшей бригадой были вначале румынские войска. Они серьезного сопротивления не оказывали, отступали, и наши успешно их преследовали и громили. Вчера столкнулись с немцами. У них оказались какие-то очень грозные новые большие танки, которые ни один снаряд не берет. А сами уничтожали все на своем пути. Так говорили наши раненые.

Встречал и принимал машины с ранеными доктор Гасан-Заде. Он залезал в кузов машины, осматривал и давал распоряжения, кого куда сгружать. Размещали основную массу раненых в прихожей, а затем переносили в коридор и укладывали по одной стороне его вдоль окон. Напротив в комнатах развернули перевязочную, операционную, аптеку и бытовую, или хозяйственную, комнату. В коридоре и в прихожей было холодно, чуть выше нуля, хотя и топилась железная печка. Операционная и перевязочная отапливались одной общей печкой. В операционной работали Большакова с Шурой. Помогал им Шепшелев. Сейчас он был на эвакуации, Иванов готовил чай и раздавал его с сахаром и сухарями раненым. Меня направили помогать Майе. Доктор Гасан-Заде несколько раз за день становился к операционному столу, когда попадали тяжелые раненые с повреждением грудной клетки или брюшной полости. Заходил и к нам, участвовал при обработке ран, иссекал омертвевшие или близкие к тому лоскуты в ранах, удалял поверхностные осколки. Как живчик мотался между всеми и всегда оказывался рядом, когда в этом была необходимость. Я помогал в обработке ран, в основном накладывал повязки и шины. Выносили раненых в прихожую, где собирали их для эвакуации, помогали мне в этом санитары. Тяжелораненых оставляли на носилках, а более легких укладывали на полу или рассаживали вдоль стены. Носилок на всех не хватало. Раненые прибывали волнами. Были тяжелые в шоковом состоянии с обширными ранениями конечностей, брюшной полости. Часто привозили трупы, некоторые умирали тут же в прихожей, и их выносили в сарайчик во дворе. Многие были с обморожениями. Холод осложнял состояние раненых, хотя с ожогами в холоде чувствовали себя лучше.

Единственная железная печка раскалилась, но нагреть прихожую была не в состоянии.

Майя утешала раненых стереотипной фразой, но каждый воспринимал ее только для себя: «Потерпи, родненький, потерпи, скоро закончу...»

«Что тяжелее могла судьба взвалить на плечи столь хрупких созданий, как эти испытания», – думал я, глядя на нее. Пройдет ли такое бесследно? Трудно видеть слезы наших женщин-медиков, не умеющих их сдерживать.

Так прошел день. К концу его я уже с трудом стоял на ногах. А как же женщины?

Временами мы присаживались на скамейку у стены. Очень хотелось лечь, вытянуть ноги или приподнять их. Но некогда, и неудобно было перед женщинами. Возможно, они сильнее нас физически или духом. Вернее последнее. Я предлагал в перерыве Майе лечь на носилки, отдохнуть немного. Она отказывалась. Раненые поступали до поздней ночи.

Привезли термосы с кашей из кухни роты управления. Кормили раненых. На ходу с котелка поел немного каши. Доктор Майя отказалась.

Уже с наступлением темноты доктор Гасан-Заде разругался с водителями транспортных машин, привезших раненых. Они отказались везти их дальше на север в медсанбат или госпиталь – куда удастся сдать сопровождающему. Доказывали, что должны вернуться как можно быстрее в часть.

– Шакалы вы, совести у вас нет, – кричал он, – люди умирают, нуждаются в срочной специализированной медицинской помощи, которую нельзя здесь оказать, а вы их убиваете. Убийцы!

Все же уломал водителей. До погрузки еще успели накормить и напоить раненых. Уехал с ними санинструктор Иванов.

Когда отправили последние две машины, мы все рухнули, кто где мог. Большакова на носилки в операционной, доктор Майя и Шура на носилки в перевязочной, я лег в коридоре на носилки и накрылся шинелью, но сон не шел – пробирало холодом все тело.

Рядом у печки присел доктор Гасан-Заде. Ложиться не стал, хотя рядом были свободные носилки. Сон все не брал, и я встал, присел к печке. Разговорились с ним.

– Если и переживем эту резню, скажи, как потом жить будем? Кровь и страдания не уйдут из памяти. Они всю жизнь будут перед глазами. Из-за этого спать не ложусь, нет сна – одни кошмары вижу.

– Надо раньше остаться в живых, доктор, выбраться из этого пекла, а тогда уже думать, как жить дальше.

– Может и вылезем, выживем, но какими? – задумался доктор. И я впервые задумался, какими мы будем после всего этого?

Суббота, 26 декабря 1942 г. ПРОДОЛЖЕНИЕ.

Ночью нас опять подняли. Пришла грузовая машина с ранеными из мотострелкового пулеметного батальона. Расположили в коридоре. Осмотрели их, кое-кому подправили повязки, шины. Почти все хорошо держались. Видна была добротная работа доктора Панченко и военфельдшера Модзелевского. Машина ушла дальше по заданию. В медсанвзводе машин не было, решили раненых оставить до утра. Утром заехал начальник политотдела батальонный комиссар Максимов и подполковник Иванов – зампотех-бригады. Кратко сообщили об обстановке.

Разгромлена румынская армия. Остатки ее отступают. В бой вступили немецкие части с новыми танками «Тигр», но их опрокинули, и наши преследуют отступающего врага. Поинтересовался Максимов, сколько раненых прошло через медсанвзвод. Сказал, что в батальонах осталось мало личного состава, потеряли почти все танки. Вновь прибывший в бригаду новый танковый полк тоже здорово потрепан. Возможно, выйдем из боев на формирование. Подполковник Иванов переговорил с доктором Гасан-Заде, затем сказал мне, что поеду с ним. Комиссар Максимов уединился с Шурой, о чем-то горячо шептались. Майя, указывая на них, проговорила, что Шурочка делает успехи – заинтересовала Максимова и даже больше.

– Мне уже ничто не угрожает, если не смерть от пули или осколка.

– В машину, доктор, – позвал меня Иванов.

Все вышли нас провожать. Это потому, что уезжал Максимов. Все-таки начальник политотдела бригады. Попрощались со всеми. Доктор Гасан-Заде и особенно тепло Майя поблагодарили меня за помощь. Можно было со стороны подумать, будто я много чем им помог, но я понял, что так было удобно Майе попрощаться со мной. Она даже при всех меня поцеловала, что вызвало оживление, последовали реплики, шутки. Мне стало даже неудобно.

Я залез в кузов машины подполковника Иванова. Шли по хорошо наезженной дороге, вдоль которой валялось много подбитой нашей и вражеской техники. Скоро стал мерзнуть в кузове. Ноги были в валенках, завернуты в брезент, свернулся калачиком, а мороз пробирался сквозь одежду до костей.

Остановились в поселке Жутов-2, где находился штаб нашей 254-й танковой бригады. Батальонный комиссар Максимов остался, а подполковник Иванов через непродолжительное время поехал со мной дальше и привез в район сосредоточения наших ремонтных летучек и машин. Меня очень тепло встретили. Пригласили в одну из летучек, где стал заниматься своим обычным делом — делал перевязки и оказывал людям другую медицинскую помощь. Подполковник Иванов всем сказал, что днями бригада выйдет из боев и будет направлена на переформирование.

Суббота, 26 декабря 1942 г. ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ.

В этот день мне пришлось пережить тяжелую ситуацию. Во второй половине дня за мной заехал уполномоченный особого отдела старший лейтенант Китайчик. Он «обслуживал» и нашу роту. Сказал, что поедем в первый танковый батальон. Там идет суд военного трибунала над нашими тремя танкистами, а конкретно, зачем я там нужен, не сказал. Приехали в заснеженную широкую балку, где были собраны и стояли отдельными группами красноармейцы и командиры первого танкового батальона. Через какое-то время последовала команда, и построили подразделения в

один ряд по четыре человека. Я стал в группу командиров на правом фланге рядом с Китайчиком.

Из будки трибуналовской машины с зарешеченными окнами вывели трех подсудимых в гимнастерках без ремней и петлиц, без шапок. Руки у каждого связаны сзади. Двое конвойных с автоматами перед собой, один спереди, другой сзади провели их по балке и поставили метров за пятьдесят лицом перед строем. Конвойные стали по бокам несколько сзади. Двое из подсудимых еще очень молодые – мальчишки лет восемнадцати, третий старше.

Один из представителей военного трибунала со шпалой в петлицах раскрыл папку и прочитал перед строем приговор. Суть его состояла в том, что накануне, когда батальон пошел в атаку на позиции врага, их экипаж из исходного рубежа не вышел из-за неисправности танка. Техническая комиссия бригады и представители особого отдела пришли к выводу, что танк был умышленно выведен из строя членами экипажа. Их предали суду военного трибунала. Там они признались в этом. Сделано это было механиком-водителем, более старшим по возрасту, и его поддержали командир машины и стрелок-наводчик. За измену Родине военный трибунал приговорил их к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор стали приводить в исполнение.

По команде перед строем вышла группа автоматчиков и повернулась к осужденным, стала между нами и ими. После команды представителя военного трибунала автоматы приподняли перед собой для стрельбы. В это время один из осужденных молодых танкистов опустился на колени и с воплем: «Братцы, не убивайте! Простите, дайте искупить вину кровью, в бою кровью, простите, не убивайте, братцы!» – пополз к строю, падая в снег лицом, торопливо приподнимаясь и снова падая, теряя равновесие, так как руки у него были связаны за спиной и все просил, надрывно плача, не убивать его. Эта отчаянная мольба, крик человека, моего одногодка, понявшего, что он должен тут же, сейчас от своих умереть, разрывали душу. И не только

мою. Один из представителей военного трибунала подбежал к нему, позвал одного из автоматчиков, стоявшего позади осужденных, и вдвоем, взяв его под мышки, поволокли по снегу назад к двум стоявшим. Пытались поставить его на ноги, но он все опускался в снег, садился на колени, ягодицы, а те все старались его приподнять, но ноги его не держали. При этом он все продолжал причитать: «Не убивайте!» И истерически навзрыд плакал. Трибуналец оставил его лежащим на снегу, подбежал к командиру, командовавшему автоматчиками, и что-то ему сказал, при этом махнул двум конвойным, стоявшим по бокам осужденных, и они примкнули к строю группы автоматчиков. Торопливо прозвучала команда: «По изменникам Родины огонь!» Прозвучал беспорядочный треск автоматных очередей и оборвался. Наступила гнетущая тишина. Стоявшие двое как подрубленные рухнули в снег. У сидевшего склонилась голова, какое-то время еще продолжал сидеть на коленях, затем медленно упал.

Я и весь строй стояли неподвижно, будто окаменели. Тишину разорвала команда: «Подразделения развести по местам!» Никакие команды вслед не прозвучали, и никто не двинулся с места. Не могли опомниться от увиденного. Шок сковал всех... Кто-то из командиров, наконец, пришел в себя. Раздалась еще одна команда, за ней поспешно другие, и подразделения стали покидать это место.

Ко мне подошел Китайчик и сказал, что я должен их осмотреть и засвидетельствовать в протоколе состояние смерти всех расстрелянных. Надо было идти к убитым. Но я не мог сдвинуться с места. Он еще раз напомнил мне, но, видно, до меня все не доходило, что от меня требуется. «Пошли, пошли, доктор», – торопил он меня, взял за рукав и повел к убитым. Я их осмотрел. Окровавленные пятна выступали у них на гимнастерках в разных местах туловища, живота и на брюках в области бедер. Пощупал пульс на еще теплых предплечьях. У двух пульс не прощупывался и зрачки у них были расширенные. У третьего ощущалось слабое биение пульса и зрачки были суженные,

точечные. Он еще был жив. Я сказал, что они мертвы, вернулся к столику, подписал протокол в трех экземплярах, не читая его, и ушел прочь от этого места.

Не только меня – всех поразил этот случай. Слово «поразил» не выражает всего того, что я и многие пережили в это время. Я видел много смертей. От ран, полученных в бою, при несчастных случаях, болезнях, но эти смерти? Зачем? Три наших парня. Эти двое мальчишек. Что они видели в жизни? Может быть, это первое испытание, выпавшее им – идти в бой, и смалодушничали. Вывел танк из строя один, а они молча поддержали, возможно, несознательно, может быть не смогли возразить старшему. Направили бы их судом в штрафной батальон, где бы они сознательно искупили бы свою вину кровью в бою. Погибли или остались бы в живых. И это было бы справедливо.

Этим поделился с Пугачевским, который подошел меня утешать, видя мое состояние. Майор Пугачевский был начальником особого отдела, или начальником контрразведки бригады, или, как эту службу еще называют – СМЕРШ. Мы с ним уже встречались. Коренастый, среднего роста, темноволосая грива с проседью, простенькие круглые очки. Напоминал учителя. Его ответ сводился к тому, что таков закон военного времени. За измену Родине – смерть. Это в назидание всем остальным. Мои возражения, что измена у них еще не осознанная, что это было обусловлено обстоятельствами, сиюминутным страхом, не получили у него понимания. Он стоял за букву закона. Нелегко мне было согласиться с необходимостью лишать жизни наших людей. Беспощадны законы военного времени, как и сама война.

Я спросил у Пугачевского:

– Куда будут девать эти трупы?

– Похоронят их.

– Что сообщат родителям, семье?

– По закону, что осуждены военным трибуналом, и содержание приговора. Бывает, что применяют другие формулировки.

– Жестоко. Жаль родителей. Пощадить бы их. Лучше сообщать, что погибли или пропали без вести.

– Иногда пишут последнее.

– Может быть, так и следовало бы поступить. Для родных.

Я еще спросил его:

– Если бы вы были в похоронной команде и при захоронении увидели бы, что один из них жив. Как бы вы с ним поступили?

Он пристально посмотрел на меня, некоторое время помолчал, затем сказал:

– Такого случая закон не предусматривает. Лично я, состоя в похоронной команде, отправил бы его в медсанбат, как обычного раненого.

Я с благодарностью протянул ему руку. Увидел перед собой чем-то очень близкого мне по духу человека, не такого, как ранее представлялся он мне по своей должности.

Отвез меня Китайчик. Я не мог прийти в себя. Они знали, куда меня возили. Лейтенант Завгородний с электриком сержантом Синицыным участвовали в составе комиссии по установлению причины неисправности танка. Они-то и выявили ее. Меня спросил Воропаев, как там все было в трибунале, но я никому ничего не стал отвечать, не мог, боялся разрыдаться. Ходил возле машин, мерз. Отказался и от еды.

Поступила команда убыть нашей группе в Зеты. Сборы были недолги. Выехали с наступлением сумерек. Сел в летучку, забился в угол и отдался своим мыслям. Дремал или нет, а перед глазами, как закрою их, все полз и полз мальчишка-танкист на коленях со связанными за спиной руками к стоявшему строю его однополчан: «Братцы, не убивайте, простите...» Этот отчаянный крик и плач все звучал в моей голове, сжатой, словно тисками, в висках невыносимой болью. Слезы текли у меня из глаз, и я не мог удержать их. Еле удерживался от рыданий. Что со мной? Разумом я понимал, что для войны нужен и трибунал, но мое сознание не могло смириться со смертью этих

незнакомых мне наших людей. Не столь жестоко должны мы поступать по отношению к нашим людям. И так много жестокостей причиняет враг.

Ну и слюнтяй же я. Раскис. Достал лоскут парашютного шелка, заменявший носовой платок, провел по лицу. Не хотелось, чтоб окружающие видели мое состояние, да они, пожалуй, не обращали на меня внимания. Я сидел на полу машины в углу, голову втянул в воротник, прислонившись к стенке, пытался уснуть. О чем-то шел горячий спор, что-то обсуждали, но суть разговора до меня не доходила.

Команда «Выходи, приехали!» вернула меня к действительности. Машина стояла. Должно быть, я задремал. Мы были в Зетах. Стояла ночь. Под светом фар машин шла погрузка. Нам сказали, что утром убываем на новое место дислокации.

Воскресенье, 27 декабря 1942 г. КОЛХОЗ ИМ. 8 МАРТА.

По боевому распоряжению командующего войсками Сталинградского фронта 254-я танковая бригада выводится из состава 51-й армии. Ей предстоит совершить марш в район колхоза им. 8 Марта и войти в состав 57-й армии в качестве резерва командарма.

Всю ночь загружали наши машины. Приезжали бортовые машины из других подразделений бригады, грузили имущество складов. За один раз погрузить все не удалось. Ждали дополнительных машин из бригады. Прибыли машины с автоматчиками из мотострелкового батальона. Рассадили более тесно автоматчиков и на освободившиеся машины погрузили оставшиеся боеприпасы. Штаб бригады и рота управления уже прошли мимо нас. Заезжали танковые батальоны и забирали оставшееся горючее в складах. Прошел и медсанвзвод. Руководил погрузкой транспорта подполковник Иванов.

Командир роты спросил меня, почему не доложил, что вернулся. Ответил, что старший группы Гуленко должен был о всех доложить. «Как воевалось?» – спросил он. «Как

на войне, – ответил и добавил: – Разбил танковый полк санитарной сумкой».– «Все шутишь, доктор? Давай шути, продолжай так». Такой разговор состоялся с командиром роты. По-настоящему понял, как мне неприятен этот человек, от которого ничего хорошего не ожидал.

Последней вышла из Зеты наша рота. Стоял солнечный морозный день. Я сел в одну из ремонтных летучек. Было даже жарко. Топилась печка, курили. Задувался дым от печки в машину. Кашляли, но было тепло.

Уже под вечер прибыли в населенный пункт «Колхоз им. 8 Марта». Совершили марш свыше 60 километров. Поселок составляла длинная главная улица и отходившие от нее переулки. Большинство домов деревянные, были и из кирпича.

Рота расположилась на окраине поселка в длинных высоких деревянных постройках типа кошар. В ворота свободно въезжали машины, и их там расставляли вдоль стен.

Обедали или ужинали на улице, возле кошар. Уже стемнело. На ночлег разместились вначале в машинах, затем больше плясали вокруг них, чтобы не замерзнуть. Не всем удавалось втиснуться в обогревавшиеся летучки, но и там от запаха дыма и потных портянок пребывать всю ночь было очень трудно.

Я решил воспользоваться ватным конвертом для ночевки. На грузовой машине поверх имущества поставил носилки, положил сверху конверт и в валенках, гимнастерке и брюках, и в шапке-ушанке на голове влез в него, накрывшись сверху еще шинелью и плащ-накидкой. Рассчитывал, что спать буду в духовке, но не получилось. Стала стыть спина. Холод пробирался сначала снизу из-под носилок, затем стали зябнуть ноги в валенках. В валенках! Носилки и конверт были для меня немного коротковаты, и ноги из-под конверта в валенках торчали наружу. Всего стало сковывать холодом, тело пронизывала ноющая, нарастающая боль в пояснице, коленях. Поворачиваться нельзя было, «духовка» раскрылась бы, и казалось, что

тогда весь холод улицы залезет ко мне. Хотелось размяться. Дальше терпеть холод и боль стало невыносимо, и я вылез из своей берлоги, размялся и остаток ночи провел со многими моими однополчанами у растапливавшихся кухонь под луной и звездным небом, с нетерпением ждали завтрака, чтобы хоть как-то согреться.

Понедельник, 28 декабря 1942 г. РАНЕН НАЧФИН.

Обошел поселок. Интересовали колодцы. Пытался найти медсанвзвод. Весь поселок был буквально забит войсками. Улицы и переулки запружены разного рода военными машинами, вооружением и техникой. Нафаршированы ими были все дворы. Дома оказались неразрушенными. Над крышами из труб вились заманчивые столбы дыма, напоминавшие о домашнем уюте, разваренном картофеле с жареным луком и салом или об оладьях со сметаной. Когда придет этот час и придет ли? Все еще не согрелся. Ночью здорово промерз, как и большинство моих товарищей. Завтрак немного согрел, разогрела и быстрая ходьба. Шел и думал, как же устроиться в тепле на эту ночь и последующие. Для себя и всех других. Печку ставить в кошарах не имело смысла – не согреть улицу. Поменьше размерами был амбар. Там разместился хозвзвод со своим имуществом, выгрузили туда кухонный инвентарь и часть продсклада.

Как бы устроить всех в тепле, пока в населенном пункте? Надо что-то подсказать командиру. У него другие заботы. Так вот, амбар размерами меньше кошар, и там с одной стороны деревянные полы или настил деревянный для зерна должны быть. Они могли бы послужить нарами для личного состава. А напротив поставить бочку – печку для обогрева. Такая стояла в мастерских в Аксае и Зетах. Вот это и надо предложить. Осмотрел некоторые колодцы. Ими всеми пользовались, и вода была хорошая, по словам пользовавшихся ею, но во вторую половину дня они становились пустыми – воду вычерпывали почти полностью. Колодцы не охранялись.

Поговорил с Манько об оборудовании ночлега для водителей. Он сказал, что его люди в большинстве в рейсах, а та часть, что на месте, отдыхает в кабинах. Гуленко, командир ремвзвода, подхватил мою идею, и мы вместе пошли к командиру. Тот ему же и поручил оборудовать в амбаре место для отдыха и пребывания его взвода и остального личного состава роты. Хозвзвод отгородился от всех перегородкой. У стенки напротив нар установили бочку-печку, вывели наружу трубу и затопили ее. Этим в основном занимался красноармеец Ожешко, мастер на все руки. На деревянный настил расстелили несколько брезентов для личного состава. Соломы пока не было. Таким образом создали место, где можно было обогреться. Здесь я и делал перевязки, оказывал различную медицинскую помощь личному составу. Имущество свое – комплект медикаментов, перевязочный материал, носилки, ватный конверт положил у перегородки с хозвзводом. Тут и обозначил свое место.

За мной прибежал посыльный, бледный, встревоженный, и просил срочно бежать к командиру с санитарной сумкой. Очень торопил меня.

– Что случилось?

– Там увидите.

Командир со своим окружением – Калмыковым и Китайчиком располагались в домике, откуда кого-то выжили. Пропустили меня вперед в отапливаемую комнату. Все расступились. На кровати лежал на спине бледный начфин, старший лейтенант лет сорока пяти. Он прибыл к нам вместо погибшего начфина в балке Елхи.

– Он ранен, – дрожа, сказал Калмыков.

– Как, куда?

– Доктор, посмотри живот, – промолвил молчавший до сих пор Михайловский.

Я сбросил шинель, подошел к кровати, расстегнул у пострадавшего брюки, приподнял рубашку. Начфин показал рукой ниже. Сдвинул брюки и увидел под окровавленным

полотенцем над лобком небольшое отверстие, немного измазанное кровью.

– Это чем?

Он показал подбородком на Михайловского.

– Ранен пулей. Что можно сделать?– последовал вопрос.

– Кто и как стрелял? Откуда был выстрел? В каком положении он находился?

– Это потом и не для тебя, доктор. Что можешь сделать? Пожалуй, перевяжи, – распорядился командир.

– Откуда летела пуля? Мне важно оценить, какие повреждены органы. Есть ли другое отверстие, стоял или сидел пострадавший.

– Спереди летела пуля.

Я руками прошелся по спине раненого. Они были сухие. Повернул его осторожно на бок, осмотрел ягодицы, крестец, но других отверстий на теле не нашел. Это было пулевое и проникающее ранение в малый таз. Мог быть поврежден мочевой пузырь, кишечник. Должно быть, внутреннее кровотечение – бледный, частый пульс малого наполнения.

– Нужно вести в медсанвзвод. Нужна срочная операция.

– В медсанвзвод – лишняя трата времени. Повезешь в госпиталь, – приказал Михайловский.

– Куда?– спросил я.

– Где ближайший госпиталь?

– Был на станции Тундутово. Знаю, что в Бекетовке есть хирургические госпитали.

– Повезешь на станцию Тундутово, туда ближе. Калмыков, иди, готовь бортовую машину с тентом. Взять брезент, одеяла. Что еще надо на дорогу, доктор?

– Сейчас наложу повязку. Носилки возьму. Матрац можно.

Я помазал рану йодной настойкой, наложил поверх стерильную повязку, сделал инъекцию морфина – обезбо-

ливающего и коразола – сердечного средства. Перенесли раненого на машину и выехали.

Часа через два с небольшим были на станции Тундутово. Состояние раненого было удовлетворительное. Я сдал его в хирургический полевой подвижной госпиталь. У меня были карточки передового района, и я заполнил одну из них, указав, что получил ранение от шальной пули. Не везет нам на начфинов.

Из отрывочных разговоров при погрузке раненого и с его слов можно представить, как это случилось. В комнате находились командир роты Михайловский, его заместитель Калмыков, Китайчик и истопник – красноармеец. Командир роты возился за столом с трофейным пистолетиком малого размера, ручка которого была из белой, повидимому слоновой, кости, инкрустированная красивым узором из металла и камней. Раздобыл у кого-то из наших после боев в районе Жутово. Начфин о чем-то ему докладывал. В этот момент произошел выстрел, начфин схватился за живот, стал приседать и упал на пол. Положили его на кровать и вызвали меня. Конечно, выстрел произошел случайно.

Приехал к ужину. Я сразу направился к командиру и доложил ему, куда сдал раненого. Он мне сказал, что, если будут интересоваться этим раненым, я должен сказать, что меня вызвали к командиру, там я оказал помощь раненому и отвез его в госпиталь. И что больше ничего не знаю.

– Так точно, – ответил я.

Вторник, 29 декабря 1942 г.
УСТРОИЛСЯ В ЗЕМЛЯНКЕ.

Окоченел и промерз и во вторую ночь на новом месте. Кончилось бы все благополучно. Нужно где-то определиться в тепле. И эту ночь лег спать на носилках. Так же залез в ватный конверт, но валенки снял. Ноги замотал в портянки. Оставил на себе брюки и гимнастерку. Под ними было простое и теплое белье. Застегнул конверт на

себе, под голову положил санитарную сумку и накрылся еще сверху шинелью. Носилки стояли в амбаре в противоположном от печки конце нар.

Холод, правда, донимал меньше, чем в прошлую ночь, но улежать долго на носилках невозможно: зажимы давили в таз и в лопатки, ноги свисали, поворачиваться было неудобно, и пришлось вылезать из них. И сон не шел: все не выходило из головы случившееся с начфином. Как он мог, Михайловский, допустить такую небрежность в обращении с оружием и ранить его и как он выпутается из этой истории? А придется ли ему выпутываться? Никто ничего не скажет, и так все пройдет...

Пошел к топившейся бочке, возле которой я не был одинок. Грел попеременно то грудь, то спину. Бочка-печка была раскалена докрасна, обжигала возле себя, а в нескольких метрах было уже довольно холодно.

На нарах спали впритирку друг к другу, накрытые шинелями и накидками. Большинство шинелей не снимали, у многих на голове шапка-ушанка, подвязанная на подбородке. Наблюдалась забавная картина. Каждый стремился лечь в середину, и кто-то выталкивался на края. Замерзая, крайний просыпался и лез в середину, и кто-то опять оказывался с краю. Такое перемещение наблюдалось в течение всей ночи. Некоторые из вытесненных на край уходили греться к печке.

Командир роты и большинство командиров спали в летучках, которые отапливались. Там же устраивались и водители этих машин, которые подтапливали печки, младшие командиры и часть красноармейцев специальных отделений. Часть хозяйственников спали до сих пор в закрытой машине, которая не отапливалась, а прошлую ночь все разместились в амбаре, рядом с нами за перегородкой. Хуже было красноармейцам из ремвзвода, автовзвода, но как-то устраивались. Я мог бы определиться в любой отапливаемой летучке, может быть, не стали бы меня выгонять, но этим я бы лишил кого-то места в тепле и не решался на это. Пока был без определенного места.

В обед Манько спросил меня, как я провел ночь, и когда сказал, что замерзал, предложил мне перейти к нему в землянку. Старшина «Крошка» предложил ему землянку, освободившуюся после ухода какой-то части – успел ее захватить. Убрали там и поставили печку. Правда, мне поставили условие, чтобы перевязки делал в другом месте. Для этого оборудовал место в амбаре на краю нар, обозначив его носилками и флажком с красным крестом. Размещались в землянке, кроме Манько, Наумов, старшина «Крошка», водитель Бяширов и еще один водитель, пока без машины. Он дневалил в землянке и отапливал ее.

Среда, 30 декабря 1942 г. БОРЬБА СО ВШИВОСТЬЮ.

Личный состав многие недели не снимал обмундирование. В нем же и спали, если удавалось спать. Много дней, бывало, не снимали шинели, полушубки. Особенно водители, пребывавшие сутками в рейсах, да так было и с ремонтниками. Проверив выборочно водителей, прибывавших из рейсов, я обнаружил у двух наличие вшей и гнид.

Осматривал в амбаре возле печки. Эти более месяца не меняли белье – были в разъезде. При таком холоде, когда мы постоянно мерзли, казалось, что вши просто не могли заводиться, так нет же – эти условия для них оказались вполне подходящими. Нужно было предпринять срочные меры.

Поговорил с Манько и Гуленко о необходимости изготовить примитивную вошебойку. Предложил сделать из двух 200-литровых железных бочек. Первую бочку приспособить для печки, сделать отверстие для топки и для дымохода. Верхнюю крышку вырезать и на нее поставить другую бочку, также без верхней крышки. Вместо нее сделать сетку с крючками, на которые можно будет вешать обмундирование и белье, и все это закрыть сверху плотной крышкой. Белье не должно касаться дна и боковых стенок бочки. Для этого на дне бочки и по бокам укрепить металлическую сетку. В верхней бочке горячим воздухом будет проводиться дезинфекция и дезинсекция белья и обмун-

дирования. Этот проект был принят. Доложили командиру роты, и он дал добро. От него мне, конечно, досталось. Получилось, что вшивость в роте завел я. Исполнителем этой работы был назначен жестянщик красноармеец Ожешко. Руководил и обеспечил материалами Саркисян. Вошебойка была изготовлена и установлена тут же в амбаре в одном из углов. Нашлись охотники и в этот же вечер ее запустили.

Загружалось три-четыре партии белья вместе с обмундированием. После получаса закладка вынималась. Не только насекомые уничтожались, но и белье было на грани вспышки. Места одежды, касавшиеся стенки бочки, пригорали. Стали закладывать меньше дров и продолжали обрабатывать партиями белье и обмундирование допоздна. Пока шла обработка, люди грелись у рядом стоявшей печки-бочки или сидели на нарах, прикрывшись шинелью. Температура воздуха вокруг была едва плюсовая. Некоторые предпочитали остаться со вшами, лишь бы не мерзнуть. Но этого мнения держались не долго, когда убеждались, что вши погибают. Решили впредь одежду всех возвращавшихся с рейсов обязательно пропускать через этот агрегат. Главное, что борьба с вшивостью была налажена.

Отпраздновали новоселье в землянке. Спали без гимнастерок. Освещались гильзой, сплющенной у вершины, из которой торчал фитиль – лоскут портянки. Дымила печка, коптила гильза, но от холода мы были спасены. Я преотлично поспал эту ночь, впервые за последнее время.

Получили пополнение личного состава. Многие уже воевали, некоторые после госпиталей. Люди были разного возраста, разных специальностей: водители, слесари, трактористы, плотники и другие мастеровые. В батальоны прибыли танки с экипажами. От нас направили группу ремонтников для оказания им помощи в обслуживании и ремонте техники. Осмотрел прибывших. Физически были не ахти. То раны ноют, то хронические заболевания...

После обеда направился в медсанвзвод. Надо было получить кое-что из медикаментов, перевязочный материал. Расположился медсанвзвод одном доме с оградой. Машины, нагруженные имуществом, стояли во дворе. Развернули перевязочную в большей комнате, и там же находились и спали мужчины. Для женщин была меньшая комната в пристройке, где стояла одна кровать и двое носилок на полу. В перевязочной топилась плита, но она слабо обогревала все помещение. Перевязку еще могли сделать, но было так тесно, что негде осмотреть больного. С большим трудом удалось отвоевать для медсанвзвода этот домик у другой части. Войск сосредоточилось здесь много. Готовятся к разгрому окруженной группировки врага.

Я сложил все полученное имущество в вещмешок, но к себе не спешил, все чего-то ждал.

– Майю ищешь? – обратилась ко мне Шура. Почему-то на «ты» стала обращаться, а до этой встречи всегда обращалась на «вы».

– Да, хотел бы ее увидеть.

– Гуляет она, твоя Майя.

– Совсем не моя. И чего вы так о ней?

– Ищи, ищи свою святую.

– Чем она вам не пришлась по духу?

– Нечего строить из себя святую и себе во вред. Надо проще, как я. Никаких проблем, никаких забот!

– Каждый живет по своему разумению и так поступает. Вот у вас много дружков побывало. А у других – свой образ жизни.

– Сколько у меня было или будет – это моя забота. Не суйтесь, куда не следует. Вас там подавно не будет. Зарубите себе на носу, – перешла она на «вы».

– Что на вас нашло? Обидел ли кто?

– Вот такие и обижают.

– Извините, не хотел. Такой тон выбрали вы, вот и пошло.

– Довольно, не будем. Майя славная, и я знаю, что вы к ней неравнодушны. Может, и более того. Завидую ей,

вот и сержусь. А кто знает, может, она завидует мне? Кто знает, сколько осталось той жизни. Стоит ли блюсти себя. Если бы не война, я бы наверняка иначе относилась бы к себе. А насколько она мне еще дана, ты знаешь? Нет. И я не знаю. Так можешь ли ты меня упрекать, что я вырываю мимолетные радости из этой кровавой жизни и дарю ее, эту радость, таким же, может быть, временным на этом свете... – она говорила это больше себе, хотя обращалась ко мне. На какое-то мгновение задумалась, затем встряхнула кудрями и задорно проговорила: – Чего это я расстраиваюсь? Шура, бери себя в руки. Жить, пока жизнь не отняли! Радоваться и радовать других, пока в состоянии. Не расстраиваться! И не будем. Майя не скоро придет. Ушла в мотострелковый, к доктору Панченко. Засидится там.

– Да, видно, мне не дождаться ее. Привет передайте ей, скажите, что ждал, хотел увидеть.

И, взяв вещевой мешок, пошел в свое расположение. «Несправедливо Шуру упрекать или обижать, – размышлял я по дороге. – У нее свое отношение к жизни, свое видение счастья на данный момент в это кровавое время. Или это щит, которым прикрывает свою несчастную долю она и многие миллионы женщин в этой войне?..»

Когда пришел в амбар, среди товарищей шел разговор, что в роту прибыл новый замполит. Командир водил его по нашему расположению. Перед ужином построили роту, и командир представил его личному составу. Не очень видный из себя, старший лейтенант, среднего роста, крепко сбитый, лет под сорок. Рассказал, что воевал в пехоте, был ранен, а после госпиталя направили сюда, в нашу роту. На гражданке работал на заводе техником по сборке станков. Знает колесные машины. Вел себя очень просто и этим понравился. Посмотрим, каким окажется в жизни.

Четверг, 31 декабря 1942 г. КАНУН НОВОГО ГОДА.

Почти до обеда делал перевязки в амбаре. Меня позвали в кошару, где размещались транспортные машины. Сказали, что один из новеньких упал и корчится от боли.

Я побежал туда. На земляном полу возле машин катался с боку на бок красноармеец, неистово крича при этом.

Его обступили товарищи. Расступились при моем появлении и пропустили. Когда сказали, что пришел доктор, он еще сильнее стал причитать и охать, выкрикивал, что не может больше терпеть от боли в животе. Не сразу удалось расспросить и осмотреть его, все кричал и просил дать что-нибудь, чтобы перестало болеть, или убить его, так ему было больно. Осматривать его здесь не стал. Мороз тут был в пределах десяти градусов, и толпа мешала. Я послал за носилками в амбар, и его, криком кричавшего и стонавшего, перенесли туда.

В амбаре переложил его на край нар, расстегнул шинель, приподнял гимнастерку, спустил штаны и стал осматривать и ощупывать живот. Давался плохо осмотру: надувал живот, напрягался, сопротивлялся, но удалось установить, что живот мягкий. Дыхание чистое, сердце работало нормально, не колотилось, как это бывает при катастрофе в брюшной полости или в другом месте. Думал о возможном прорыве язвы желудка или 12-перстной кишки, но объективных признаков не было. Он все кричал и настаивал везти его в госпиталь, срочно оказать ему помощь. Худой, щупленький, маленький ростом. Все могло быть, но я ему не поверил. Решил понаблюдать за ним, но он продолжал кричать, и я дал ему лекарство, не оказывающее никакого действия в данном случае – две таблетки глюканата кальция, которые боли не снимают и вообще бесполезны.

Он стал затихать. Через полчаса меня снова позвали к нему. Он кричал и ругался, что не отправляю его, что он умрет без помощи. Я опять его осмотрел и убедился еще с большей уверенностью, что он симулирует. Я ему прямо сказал, что он притворяется, и вынужден буду передать его военному трибуналу, если будет продолжать в таком духе. Предложил пока полежать, успокоиться, дал ему капли валерианы и сказал, что через час-другой приду и он должен уже быть здоров к этому времени. Так все и получилось.

Поспал он пару часов, затем сказал, что стало легче. Оставил его в амбаре, где было удобнее наблюдать за ним.

Днем случилось ЧП. Сгорела одна закладка белья и обмундирования в вошебойке. Три пары вспыхнули и сгорели вмиг. Вокруг вошебойки бегали и причитали три красноармейца в валенках: двое водителей в полушубках и один ремонтник в шинели на голое тело и все в шапках-ушанках. В руках держали ремни, оружие и документы. Или слишком натопили, а больше всего полагали, что причиной возгорания было обмундирование ремонтника, пропитанное соляркой, бензином и маслами. Ослабили контроль и вот до чего довели. Предупреждали, что пропитанное маслами и горючим обмундирование нельзя закладывать в вошебойку, а тут это сделали.

Долго шла канитель, пока одели этих троих в новое белье и обмундирование. Командир пригрозил удержать с меня стоимость сгоревшего. Удержать так удержать. Хуже было то, что скомпрометировали наше детище, оказавшееся столь нужным и полезным в этих условиях. Не только вши уничтожала, но и согревала.

С красноармейцем Ожешко внесли новое в конструкцию. Решили наливать на дно верхней бочки воду, сделать повыше решетку. Дезинфекция и дезинсекция будут проводиться горячим паром. Это вполне приемлемо, и исключается опасность возгорания одежды. Дооборудовали ее, но желающих попробовать не оказалось несколько дней.

Сегодня последний день 1942 года. Прошло полтора года войны. Решили собраться, проводить старый и встретить новый, 1943 год. Манько что-то там затевает у себя. Будут Саркисян, Ген, Дьяков. За мной – спирт и пара буханок белого хлеба. Надо будет взять у Лукьянова или попросить у старшины. За день не удалось забежать в землянку – согреться немного. Везде холодно, и обед не согрел. Новый замполит обедал в амбаре из котелка, как и все остальные. Это все заметили, одобрили. Он меня спросил, не делаю ли я ошибку, что не отправил больного в медсанвзвод. Сказал ему, что не делаю.

– Что же делать с ним?

– Наблюдать и воспитывать, – ответил я.

Мы оба улыбнулись, похлопали друг друга по плечу.

Я предложил Манько позвать к нам на встречу нового года замполита, но он отнесся к этому отрицательно, мол, человек он новый, живет с командиром. Еще неизвестно, как он к этому отнесется. Успеется.

Во время ужина командир предупредил всех, чтобы никакой стрельбы в полночь не затеяли. Такой приказ начальника гарнизона. Отдельно строго предупредил командиров взводов и отделений.

Мы все поужинали из котла в амбаре. Были обычная каша с селедкой, чай, сахар, хлеб. Посовещавшись, решили все же пригласить вечером нового замполита.

Глава седьмая

ЛИКВИДАЦИЯ «КОТЛА»

(1 января – 4 февраля 1943 г.)

Пятница, 1 января 1943 г. НОВЫЙ, 1943 ГОД!

Наступил новый, 1943 год. Полтора года с небольшим, как идет война. И куда забрался враг? У самой Волги, на Кавказе...

Пусть нож миновал сердце, но поразил другие не менее важные жизненные органы: печень, почки, селезенку... А организм не только жив, а вобрав живительные соки у своих истоков, расправил плечи, набрался новых сил не только, чтобы устоять, выжить, но и победить.

На полтора года его хватило, дойти до Волги. А дальше что? Наверняка на этом кончится вражеское шествие. Отсюда пойдет начало его краха. Наконец сложилась обстановка в нашу пользу. Попытка выручить своих под Сталинградом не удалась ему. Мало того, размололи отборную группировку Манштейна и 3-ю румынскую армию. Сейчас предстоит разгром окруженной группировки немцев под Сталинградом, в исходе которого нет сомнений. Из котла ему уже не выбраться. В этой операции будет участвовать и наша бригада. Приятно сознавать, что такие времена, наконец, настали и мы причастны к этому.

Хорошая стоит зима по нашим меркам. И мороз крепкий, и снег обильный, и солнце яркое, но холодное. Суровая, нам привычная зима. В валенках хорошо – ногам тепло, но телу холодно. Полушубки выдали только водителям и части ремонтников. Долго находиться на улице в шинели невозможно – мороз быстро добирается до косточек и ломает их. Теплых квартир нет, и не ждут нас. В движении,

в работе холод переносится легче. Говорят, что нельзя привыкнуть к голоду, но и трескучие морозы – тяжелое испытание. Наши люди в какой-то мере все же привычны к такой погоде, а при хорошем настроении и морозы не настолько уже страшны. А настроение у людей хорошее. Еще бы! Гоним и добиваем врага.

Во время завтрака командир и новый политрук посетили место приема пищи личным составом возле кухни. Командир поздравил всех с Новым годом и пожелал, чтобы 1943 год стал годом разгрома врага. В ответ нестройно, но бодро прозвучало: «Смерть врагу!», «Смерть немецким оккупантам!», «Даешь победу!», «Победа, победа!». Они ушли к себе в отапливаемую летучку.

Хорошо посидели вчера вечером. Разошлись далеко за полночь. Каждый что-то принес. Столик был маленький – столбик, вкопанный в землю, и крышка на нем. Не все поместилось. Сидели на нарах, скамейке. Хотели начать «пир» перед самым началом нового года, но Наумов не смог выдержать, стал настаивать, чтоб наливал, и я разлил содержимое своей пол-литровой посудинки на восемь кружек. Начались тосты за старый год, чтобы все наши беды остались в нем, и, конечно, за победу.

Говорили кто о чем. Начали с мировой политики, о союзниках, что проститутки они – все виляют с открытием второго фронта, затягивают, чтобы мы ослабли к тому времени. Говорили о делах нашего фронта, о бригаде и нашей роте. Перешли к семьям нашим – бедолаги они, как им трудно. И конечно, не обошли женский вопрос в целом и в частности. Подняли тост, чтобы этот новый, 1943 год стал годом изгнания немецко-фашистских захватчиков из нашей страны. Это было заветной мечтой каждого из нас. Разошлись под утро.

До обеда сходил в медсанвзвод поздравить коллег с Новым годом. Нечего было взять с собой для женщин. Выручил Бяширов. Дал нераспечатанную пачку трофейных галет. Пошел хоть не с пустыми руками. Первой в медсанвзводе встретилась Шура Ладна, медсестра. Поздравил ее

с Новым годом и преподнес пакет с галетами, сказав при этом:

– Для всех девчат.

– Тогда пошли пить чай. Прошу в нашу келью.

– Спасибо, Александра Батьковна. Разрешите, поздравлю мужиков с Новым годом и через пару минут зайду к вам. Пока передайте женщинам привет.

– Ждем, – махнула она мне рукой и пошла в пристройку, в комнату, в которой разместились женщины.

Мужчины сидели в комнате кто где: на двух кроватях, табуретках, ящиках. В углу стояли носилки. На одних носилках лежали ватные конверты. Возгласами приветствия встретили меня – обрадовались новому человеку. Были здесь Гасан-Заде, Модзелевский, Шепшелев, Иванов, два красноармейца – санитары. Видно, что были навеселе и о многом переговорили. Поздравил всех с Новым годом и пожелал, чтоб он стал годом окончания войны.

– А подарки какие принес? – спросил Модзелевский.

– А вы что принесли? – спросил я его.

– Требование на спирт, и выставляю его на этот стол.

– Думаю, что ты не будешь меня уговаривать подписать это требование, – обратился ко мне Гасан-Заде.

– Не стану.

– Молодец! Вот учитесь! Самый молодец из всех молодцов. И не зря люблю его. Спасибо. Хотел отдохнуть. Пришли ко мне и за горло берут. Подпиши, подпиши. Они хотят, чтобы я их вывел из строя. Могу ли я это сделать? Нет. Молодец, что меня поддержал. Надеюсь, что не принес заявку на спирт?

– Нет, и не думал. Хотя на всякий случай заготовил.

Взрыв хохота потряс домик. Не смеялся Гасан-Заде.

– Вот! – указал он на меня. – Такой же вымогатель, как все, только более хитрый.

– Как же без подарка? – опять обратился ко мне Модзелевский.

– Нес подарок, но встретил женщин и отдал им. Сладкое, вкусное – новогоднее.

– Учитесь! Настоящий мужчина, как у нас на Кавказе.

– Тогда пойду к девчатам, идемте со мной чай пить.

– Иди сам. Нам они уже не в интерес, приелись, – бросил Шепшелев.

Я пошел к женщинам. За мной никто не последовал.

– Вот и гость – хозяин подарка. Принимайте, – встретила Шура, и ко мне: – Они все истомились от желания узнать, кто нам прислал подарок.

Там застал, кроме Шуры, Майю и Любу Большакову. Комната так же была завалена, но лучше отапливалась. Отдыхали, приходили в себя после пережитого кошмара боевых действий. Обрадовались встрече, что остались в живых, как добавили – пока в живых. Поздравил всех с Новым годом, пожелал быстрейшего окончания войны, остаться в живых, встретиться с родными, выйти замуж за любимых и заняться чисто бабьим делом – нарожать побольше детей, в которых будет большая нужда после такой войны.

Шура первая отозвалась, сказала, что за ней дело не станет, постарается в этом смысле. Я недобрым делом подумал, что у нее уже ничего не получится после такого хоровода вокруг нее. Мне пожелали вернуться к родным и так же активно участвовать в пополнении населения страны. Большакова поставила на ящик из-под медикаментов банку мясной тушенки, рыбные консервы, сухари, налила миску с тепловатой водой из чайника для их размачивания. Хитро улыбаясь, водрузила рядом маленький пузырек со спиртом, оправдывалась, что больше нет, – хотя бы символически отметить наступивший Новый год. Предложили мне разлить спирт почти по каплям в армейские кружки.

Каждый разбавил по своему усмотрению водой и после тоста выпили. Вспомнили погибших коллег и воинов бригады, нашедших вечное пристанище в приволжской земле. Вспомнили боевые эпизоды последних недель, родных и близких, о судьбе которых мало что знали, погоревали о женской судьбе на фронте. Попили кипяток с

галетами. Так отметили с коллегами первый день нового, 1943 года.

Вскоре стал прощаться. Я попросил Майю проводить меня и заодно прогуляться, но она отказалась, сказала, что устала и хочет просто полежать или «провалиться в бездну, до того тошно на душе». Вдруг вскочила, махнула рукой. «Подождите! Пройдусь, девочки, прогуляюсь с кавалером, все-таки наступил новый год! Грех отказываться. Нельзя это делать в первый день нового года – еще старой девой останусь. Вы не раздумали? Ваше приглашение остается в силе?» – театрально спросила она меня. «Я жду вас», – ответил и в стиле рыцаря Средних веков снял шапку и склонился в продолжительном и глубоком поклоне. «Извольте подождать меня у крыльца, – продолжала она в том же игривом тоне, указав на дверь, и добавила: – Оденусь потеплее в мою норковую шубу и выйду». Я еще раз поклонился всем. Вслед мне раздался громкий хохот женщин. Как понять этих непредсказуемых в эмоциях и поступках созданий?

Доктор Майя Ванштейн была под грузом личных переживаний: не знала о судьбе отца и своего друга по институту.

...Ждал у крыльца. Ко мне вышла Майя:

– Ну и зима снежная, настоящая новогодняя! Уведите меня хоть на короткое время в снежную карусель от всего этого кошмара: перевязок, крови, людской боли, страданий.

Передо мной стоял на голову ниже меня с тремя кубиками в петлицах старший лейтенант медицинской службы в шапке-ушанке, шинели, стянутой портупеей, в валенках. Во всем этом была женщина, божье творение, не созданное для войны, а предназначенное для жизни, ее продолжения, для радости и счастья.

Как мне хотелось увести эту женщину от страшной действительности. «Улетим отсюда». – «Куда и как?» – «В страну пальм, бананов, цитрусовых и теплого моря». – «Согласна. Прямо сейчас, – и через короткое время: – Почему

молчите? В чем проблема?» – «Нелетная погода», – печально отозвался я. На лице появилась улыбка. Она приняла эту игру. «Тогда что?» – «Пошли». – «Куда поведете?» В меня уставился бесенок в образе лукавой и игривой женщины, облаченной в военное обмундирование. Глаза... Необыкновенные глаза. Они и улыбались, и дразнили, и молнии метали... Что они выражали? Мне 19 лет, ей 24. На что я мог рассчитывать? Мне приятно быть рядом. Я старался поддержать игривый тон. «В корчму степную пойдем, новогодняя дама моя. Дворец мой далеко отсюда, а корчма где-то рядом. Там музыка играет, и к столу подадут. А главное – отогреемся и попляшем, Пошли?» – «Веди, мой рыцарь!»

И мы свернули в переулок и пошли в степь мимо разных видов военной техники, военнослужащих всех рангов, провожавших нас многозначительным взглядом и репликами. Вскоре перед нами открылась бескрайняя степь, покрытая сугробами снега. Шел густой массой снег и порывами в вихре кружил вокруг нас. Большие легкие пушинки плясали перед нами. Часть их падала вниз, и, пожалуй, такое же количество поднималось вверх. Они дразнили, звали нас вперед. Мы были очарованы их игрой. Словами не выразить охватившие нас чувства. Лицо доктора Майи выражало восхищение и удивление – лицо ребенка, увлеченного чудесной сказкой. Мы остановились. Майя протягивала руку, и на рукав шинели ложились волшебные творения – снежинки разных узоров. «Смотрите, какая прелесть! Кто их такими делает? – Она в упор смотрела на меня. – Правда? Что-то удивительное во всем этом. Я их такими никогда не видела. Кто их создает?» – «Должно быть, любовь. Любовь к красоте, счастью, наконец, к жизни. Это напоминание людям, для чего им стоит жить. Они об этом забыли, уничтожая друг друга. Может, одумаются, увидев такую красоту?» – «Если бы так было... Давайте крикнем через эту степь всему миру: «Люди! Опомнитесь, остановитесь! Прекратите эту бойню! Как красива и интересна жизнь, сама жизнь, жизнь, жизнь!» – «Жизнь, жизнь,

жизнь!» – во всю мочь подал и я свой голос. «Жизнь, жизнь, жизнь!» – кричали мы вместе в бескрайнюю степь. «Жизнь, жизнь, жизнь!» – разнесло эхо крик наших душ на весь мир, который не должен оставаться глухим к нашим призывам. Крик наших душ не был игрой. Все это было серьезно. Очень надеялись, что нас услышат. Есть ли такая сила на земле, есть ли Бог в небесах, до которых дошла бы наша мольба и они сумели бы прекратить бойню?! Если есть, то они должны нас услышать. Мы держались за руки и смотрели в лицо друг другу. Стояли одни в заснеженной степи, под густым падающим снегом, закрывшим от нас поселок и весь этот мир.

Майя спохватилась, на лице восхищение: «Смотри, правда здорово?» – протянула свою ладонь, на которую ложились и таяли снежинки. Незаметно перешла на «ты», как уже бывало прежде. «Правда все очень здорово! И степь, и снежинки, и ты, и что мы одни». Снежинки падали на ее ресницы, щеки и не таяли, целиком удерживались на них. Я пригнулся к ее лицу и своим дыханием превращал снежинки в капельки воды и пытался слизать их языком, губами. Восприняла ли она мое прикосновение как поцелуй – не знаю, но вдруг отпрянула от меня, в глазах появился какой-то страх, очарование всем окружающим пропало. Руки выставила перед собой! «Не надо, прошу вас». – «О чем ты, Майя? Опять перешла на «вы»?» – «Не могу я. Не хочу, чтобы ты видел во мне женщину. А ты стал обращаться со мной, как с женщиной. Мы могли бы быть хорошими друзьями». – «Странно, что ты могла так подумать, да еще в этих условиях. Я еще не знаю, как вообще нужно себя вести с вашим братом». – «Молчи! Извини меня, – она взяла меня за руки, уставилась в меня своими такими для меня потеплевшими глазами, – извини меня, пожалуйста. Я всегда все порчу. Вот и сейчас испортила очарование такой прогулки, такого дня – первого дня нового года. Никому со мною не будет хорошо». – «Никогда не забуду, как я оттаивал снежинки на твоих ресницах, щеках». – «Не надо, прошу тебя, не надо». – «Знаешь, что

я подумал, когда таяли снежинки на твоих ресницах?» – «Что?» – «Как такая красота превратилась в обыкновенную капельку, так и человек в этой войне в любой момент может превратиться в пепел, в ничто. И наша жизнь в том числе. Об этом ты подумала?» – «Думала и много раз. Становится жалко себя». – «Я не планировал растапливать снежинки на твоих ресницах. Оно само вдруг пришло. Так получилось. И какая во всем этом прелесть была...» – «Хватит издеваться!»

Руками в двупальцевых армейских рукавицах вцепилась в концы моего воротника. Шапка-ушанка съехала назад, на лоб выступили черные локоны, щеки румяны от мороза, задорная улыбка, в глазах пляшут чертики... Валил густой снег, снежинки в порывах ветра пребывали в пляске, часть их ложилась на плечи шинели, шапку, брови, ресницы, на пушок верхней губы. Уже не видны кубики на петлицах. Мы и заснеженная степь кругом. Уже не представлял, где я. Оторвался от пространства и времени. Плыл в облаках вместе с Майей. Опустил меня на землю голос: «Если бы могла достать до твоих губ, то поцеловала бы». – «Могу пригнуться, могу для твоего удобства и на колени стать», – и я опустился на колени. «Встань, пожалуйста, прошу тебя. Это уже не то. Получается по приказу, а не по порыву...» – «Пока дождешься от тебя порыва – мы оба замерзнем. Ты уже замерзаешь. У тебя местами подбородок и щеки покрылись белесоватыми пятнами». – «Лучше замерзнуть в очаровательной сказке, чем возвращаться в эту кровавую бойню...» – «А если нам будет дарована жизнь после этой бойни?» Она тихо промолвила: «Боюсь что-либо сказать...» Я стал ладонями растирать ее щеки, подбородок, лоб. «Нам надо возвращаться», – и она убежала от меня. Пустился и я вдогонку. Бежали по сугробам до первых домиков поселка. Немного согрелись. По поселку шли до медсанвзвода быстрым шагом. «Спасибо за дивную новогоднюю прогулку, – подпрыгнула, поцеловала в щеку и отскочила, – очень здорово было. Век буду помнить». – «Дай Бог тебе век прожить. Кругом люди. В ответ

целую умозрительно. Не обидел?» – «Обидел, – ответила она, улыбаясь, – обидел отсутствием состава действия, что не было бы преступлением». Смеется... «Все же удерживаю себя от ответного поцелуя. Ведь люди смотрят на нас». Мимо проходят военные разных рангов, улыбаются, здороваются, поздравляют с Новым годом, не скупясь на реплики, подчас и очень сальные, что позволительно военным людям, прошедшим и пережившим ад недавних военных действий.

В это время доктор Майя стояла с протянутой голой ладонью, пристально смотрела на падающие снежинки и тихо шептала. «Что шепчешь?» – «Я загадала: останемся ли мы с тобой в живых по завершении сражения?» – «И что получилось?» – «Вышло, что да, мы с тобой останемся в живых! И не грех закрепить это поцелуем, всенародно, в первый день нового года, чтоб предсказание сбылось!» И положив руки на плечи, дотянулась до моего лица и прилюдно поцеловала меня в губы. При этом тихо промолвила: «До встречи, родной мне человек, приходи, почаще приходи! Всегда буду рада тебе». Взмахнула рукой и скрылась за калиткой. Послышались возгласы одобрения проходивших мимо воинов: «Ай да баба! Повезло же мужику!»

И сказка промелькнула как миг, оставив глубокий след в сердце моем. А впереди – продолжение кровавой битвы и всей этой проклятой войны...

Перед закрытой калиткой, за которой только что исчез дорогой мне человек, я подумал о том, что счастье, в полном смысле этого слова, может дать одному человеку только другой человек. Ни кубики, шпалы или ромбы в петлицах, ни положение в обществе, ни богатство, ничто другое в жизни не дает того, что можно назвать одним словом – любовь. Взаимная любовь. Не могу пока себе представить, что значит для меня Майя. В этом аду – луч света и надежда на счастье, если сохранится жизнь – наша жизнь, как она загадала. Пожалуй, за все время пребывания на фронте впервые очень захотелось остаться в живых, любить и

быть любимым. Какой это прекрасный дар – жизнь, Божий дар, и до чего он обесценился сейчас. Жизнь людей в руках самих людей!

Люди, опомнитесь! Мы созданы для счастья и любви, которые возможны только при жизни. Не уничтожайте самих себя!

Суббота, 2 января 1943 г.
ПОЛУЧАЕМ БОЕВУЮ ТЕХНИКУ.

Кошары забиты колесными машинами, получили партию новых ЗИС-5. Танковые батальоны дополучили новые танки Т-34 – с экипажами. Большая часть наших ремонтников для обслуживания техники направлена непосредственно в батальоны и в танковый полк. Все приспособленные для жилья помещения заняты. Испытываем трудности с водой для приготовления пищи. В поселке ее не хватает. Ночью и рано утром очереди у колодцев, а днем черпают воду с песком. Ответственность за ее пригодность для приготовления пищи лежит на мне. Пока подходящего источника не нашли.

Во вторую половину дня внезапно заговорили зенитки. Вначале единичные, и вскоре уже стоял невообразимый лай. Заголосили зенитные пулеметы. Над нами шли транспортные самолеты врага в сопровождении «мессеров». В небе возникали раздувающиеся дымчатые шары разрывавшихся зенитных снарядов, в основном позади проходивших самолетов. Последние прошли без потерь на северо-восток. Что-то недоработала наша противовоздушная оборона, пропустив такое большое количество вражеских самолетов к Сталинграду.

Воскресенье, 3 января 1943 г. ВСТРЕЧА.

Бригада, как и вся армия и фронт, готовилась к боям по разгрому окруженной немецкой группировки под Сталинградом. Ежедневно командир бригады собирал командиров всех подразделений, в том числе и нашего. Выезжали

к населенному пункту Варваровка – район прорыва бригадой обороны противника. Знакомились на местности с маршрутом движения. Разведка круглосуточно собирала данные о противнике.

Очень интересная встреча произошла этой ночью. Уже улегся на нарах. Рядом посапывал Костя и храпел Николай. «Крошка» и красноармеец сидели у печки. Федя Бяширов еще не вернулся из рейса. В это время раздался очень настойчивый стук в дверь и упорно не прекращался. Раздавались за дверью настойчивые голоса, ругань. Мы уже двери не открывали на стук. Свои звали по фамилии – тогда открывали. Мимо нас проходило много частей, останавливались в поселке, искали пристанище. Стук все продолжался. Старшина долго не отзывался, наконец, спросил:

– Кого несет?

– Откройте! Замерзли. Пустите согреться! Мать вашу так.

– Что будем делать? – спросил старшина. В прошлую ночь сидели и дремали до утра шесть человек, еле втиснулись вокруг печки. И на нарах у наших ног сидело двое.

– Пустить надо, не замерзать же людям, – проговорил я.

– Носит их, чертей тут, – беззлобно отозвался старшина и открыл дверь. Ввалилась группа красноармейцев и вместе с ними клубы морозного воздуха. Сразу стало холодно.

– Больше как три-четыре человека не поместятся. Куда все, остудите землянку, ну хватит!

Втиснулось шесть человек в полном снаряжении. Остальные отошли, и дверь закрылась. Стало холодно. Вошедшие размещались вокруг печки, двое сели на табуретки, остальные на полу. Фонарь закоптился, тусклое освещение едва проявляло в темноте лица. Вошедшие сняли шапки, расстегнули шинели. Двое были в полушубках. Должно быть, командиры.

– Извините нас, отогреемся и пойдем, – сказал один из них в полушубке. Они сбросили полушубки, и в петлицах гимнастерки я разглядел кубики.

– Сбрасывайте шинели, – сказал один из командиров остальным, – быстрее согреетесь.

Старшина поставил чайник на плитку.

– Кипяток попейте, быстрее согреетесь. Сухари берите, сахар. На столике лежат и кружки там.

– Спасибо, отойдем немного, – и они все продолжали растирать лицо, руки. Сбрасывали по очереди валенки и стали растирать пальцы ног, стопы.

– Долго шли? – спросил старшина.

– Утром вышли. То пешком шли, то на повозке, пока не окоченеешь от холода, и опять шли. Вся надежда на ноги.

– И далеко еще идти!

– Километров тридцать осталось. К полудню надо быть на месте, в районе сосредоточения.

Чем-то показался мне знакомым окающий голос одного из командиров. Приподнялся на нарах и присмотрелся. Это был Сережа Беляков, однокашник по военно-медицинскому училищу. Вот так встреча! Были в одном отделении. Их было трое из Пскова и держались очень дружно, опекали меня. Все это промелькнуло в памяти. Я слез с нар, вытащил ящик с нашими продуктами и стал выкладывать на стол консервы, хлеб. Сергей уставился в меня, узнал или нет?

– Перекусите, – сказал я, улыбаясь. Заулыбался и он.

– Ну и встреча! Надо же. Здорово! И не пускали, сукины дети. Могли замерзнуть у порога однокашника. Ну и здорово!

– Здравствуй, Сергей! – мы обнялись, расцеловались. – Рассказывай, как попал сюда. Ведь в войска ПВО пошел, а очутился, как понял, в пехоте. Где остальные псковичане?

– Был в ПВО, затем перевели в стрелковый полк и бросили сюда. Участвовал в отражении Манштейна, а сейчас

бросили добивать немцев в Сталинграде. Следуем туда. Утром выступать.

– Надо же, и мы прошли такой путь: участвовали в окружении немцев под Сталинградом, били Манштейна, а сейчас опять сюда бросили. Добивать гадов.

– В каких ты войсках?

– В танковой бригаде. Старший военфельдшер роты технического обеспечения.

– Тебе легче. Да и в пехоте жить можно. Военфельдшер батальона. Две лошаденки, повозки. И все-таки очень трудно – много топать приходится.

– Где остальные псковичане?

– Под Москвой, в Вязьме были, в войсках ПВО. Там служить легче. На одном месте. Так не мерзнут, как мы, и не скитаются.

– Хорошо там, где нас нет. Кто еще знает, что кого ждет и где... Живы, и слава богу.

Так за чаем, едой и воспоминаниями просидели до утра. Отдал ему на дорогу все, что было съестного. У них, видно, скуднее было с питанием. Проводил его. Батальон на заре пешком походной колонной двинулся в заснеженную степь. Несколько повозок замыкали колонну. Рядом с одной из них шел Сережа Беляков – военный фельдшер батальона.

Понедельник, 4 января 1943 г.

ЛИШИЛИСЬ ЗЕМЛЯНКИ.

Стряслась беда. У нас забрали землянку. Красноармеец, охранявший ее и топивший печку, прибежал к Манько и сообщил, что какие-то чужие командиры приказали освободить землянку и их красноармейцы уже выносят на улицу наше имущество. Манько побежал туда и увидел, что у землянки стоит часовой и почти все наше имущество уже на улице. Какой-то капитан сказал ему, что тут будет размещаться командир стрелкового полка. Когда я с Наумовым прибежали, то все уже было на улице, и вносили

туда какие-то ящики, чемоданы, устанавливали телефон. Манько еще ругался про себя, стоя у вещей.

– К командиру роты пойду доложить, – сказал я ему.

– Той тот як его, поможет, как мертвому припарки, – махнул он рукой.

Вторник, 5 января 1943 г.

ГОТОВИЛИСЬ К ЗАВЕРШАЮЩЕЙ БИТВЕ.

Каждое утро командир уезжал в штаб бригады. Там проигрывали в штабных условиях предстоящие боевые действия применительно к своей полосе наступления. Учитывались по данным разведки огневые средства противника, его оборонительные полосы. Увязывалось взаимодействие с соседями. Неоднократно выезжали в район сосредоточения непосредственно на передний край. Начало наступления чувствовалось во всем.

Уже без старшего и контроля проводилась обработка обмундирования и белья в вошебойке. Она топилась почти беспрерывно ради тепла, но и как вошебойка не бездействовала. Завоевала популярность. Многие охотно пользовались ею – были вынуждены. Действовала надежно. С горячим паром она стала безопасной, но белье и обмундирование получалось влажным. Приходилось после обработки открывать верхнюю крышку минут на десять, а затем подсушивать возле печки. Будучи прикрытым только шинелью или полушубком, было не очень удобно в холодном амбаре, зато избавлялись от насекомых. Последнее стоило того, чтобы померзнуть. Приезжавшие из длительных рейсов обязательно проводили санобработку белья и обмундирования через наш «агрегат». Особенно гордился им красноармеец Ожешко – автор изобретения. Он сделал повыше решетку над поверхностью воды, и если белье срывалось с крючков, то не намокало. Оборудовал небольшой помост со ступеньками, что облегчало загрузку вещей. Агрегат стал и моей гордостью.

О вошебойке прослышали в бригаде. Приезжал смотреть военфельдшер Модзелевский и доктор Гасан-Заде.

Доктор просил командира роты изготовить им такой «агрегат». Михайловский обещал при возможности сделать.

Среда, 6 января 1943 г. «БРЫЗГИ ШАМПАНСКОГО».

Утром получил перевязочный материал и медикаменты. В медсанвзводе появилась новая женщина – жена бригврача Джатиева, военфельдшер. Откуда-то перевел ее. Высокая, яркая, светловолосая – крашенная перекисью, с тремя кубиками в петлицах. Познакомился. Зовут ее Ниной, несколько полноватая, лет под сорок. Здорово иметь рядом с собой женщину, жену, даже в таких условиях. А может быть, и плохо, если очень любишь. Подвергать таким опасностям любимого человека может только эгоист. Вакантных должностей в медсанвзводе нет. Как-то определил ее. Шура представила меня ей как воздыхателя Майи. Становлюсь объектом шуток, а как сам понимаю, громоотводом. И надо с этим смириться. Вот прошла рядом Майя, кивнула и даже не подошла к нам.

– Могу ли я после этого быть воздыхателем? – указал я на ее удаляющуюся фигуру.

– Не только воздыхателем, но и поедателем уже пора быть. А вы все скромничаете, – не унималась Шура.

– Как съешь это существо? Этой мадонной только любоваться.

– Вы любуйтесь, а съедят ее другие, – проговорила Шура. Мы рассмеялись.

Сильно вьюжило. Намело сугробы, трудно было идти в валенках. Мороз несколько ослабел, но при влажном ветре пробирал насквозь.

После обеда, по окончании перевязок и приема больных, решил пройтись в поисках более полноводного колодца. Сегодня утром каша похрустывала песком, как-то сошло, но дальше допускать такого уже нельзя. Посмотрел еще пару колодцев в этом районе поселка, вокруг них стояло много частей, и узнал, что к завтраку уже вычерпывали всю воду.

На обратном пути шел уже в сумерках. Проходя мимо одного дома, услышал музыку. Из неплотно затемненного ставнями окна виден был полосками свет, и слышна была знакомая мелодия танго «Брызги шампанского». Я невольно остановился.

До войны у меня был патефон с клепаной-переклепаной пружиной и с десятком пластинок. Среди них были и «Брызги шампанского», а на обратной стороне «Три поросенка» – быстрый танец – популярный фокстрот. В нашем классе патефон был только у меня, что делало меня «первым парнем на деревне». Если у кого из соучениц был день рождения или другой повод, меня приглашали из-за патефона, конечно. Мы собирались в доме именинницы с согласия родителей на чай с вареньем и пирогом. Гвоздем программы были танцы, и главным гостем был патефон. Так под эту знакомую мелодию я вернулся в прерванную войной гражданскую жизнь. Как бы трудно мы ни жили, а вспоминалась, как прекрасная сказка. Я даже не заметил, как меня уже порядком обсыпало снегом. Мои мысли прервала какая-то старушка в ватнике, пуховом платке, из-под которого почти не было видно лица. Откуда она взялась здесь?

– Чего стоишь, сынок?

– Музыку слушаю. У меня дома тоже был патефон и такая же пластинка.

– Заходи в дом, согреешься и послушаешь.

– А можно?

– Конечно можно, отчего же нельзя.

Я пошел за ней. Открыла калитку, пропустила меня и пошла к крыльцу. Я смел снег с валенок. Провела меня через сени в большую комнату, в которой располагались военные. Остановился у порога, снял шапку, поздоровался.

– Вот стоял под окном и слушал музыку, окоченел весь, снегом почти всего засыпало. Завела согреться, – сказала она всем и обратилась ко мне: – Проходи, снимай шинель.

Я откашлялся, еще раз поздоровался и стал пересказывать ту же историю:

– У меня дома тоже был патефон и пластинки точно такие: «Брызги шампанского», «Три поросенка», и другие, – старался я им объяснить и перекричать раздававшуюся музыку с залихватским хохотом «Трех поросят...» Я все еще стоял у порога, осматривался. Одна большая комната. Под потолком висела керосиновая лампа. Справа топилась русская печь, а за ней стояла пышная с большим количеством подушек никелированная кровать. Слева от порога – пирамида винтовок, минометы, противогазы, шинели и еще какое-то имущество, сложенное кучей, и дальше железная односпальная кровать, накрытая одеялом. Посредине, ближе к окнам – большой стол, на котором стоял патефон. Вокруг стола на скамейке и табуретках сидели красноармейцы, в большинстве пожилые, и младшие командиры.

Старушка, не раздеваясь, вышла из комнаты. Ко мне подошла девушка лет шестнадцати.

– Меня зовут Любой, – сказала она и спросила: – Ты танцуешь?

– В школе, бывало, танцевал и у подруг знакомых, – ответил я.

– Потанцуем?

– Можно, – пробормотал я, – прямо так? – и я показал на шинель, валенки...

– Снимай шинель.

Она сбросила валенки, влезла в туфли на высоком каблуке, подошла ко мне и доверчиво положила левую руку мне на плечо, а правую в ладонь мою.

Красноармейцы подкрутили пружину патефона, поставили головку на начало пластинки. Под мелодию «Брызги шампанского» мы медленно начали танцевать. Люди расступились, освободили нам больше места для танцев. Ноги в валенках не очень были послушны, еще не отошли от мороза, но во время танца стали отходить, почувствовал, что теплеют. Теплее стало и от прильнувшей

ко мне Любы. Голова ее была приподнята и подбородком касалась моей шеи. Светлые волосы, рассыпанные по спине, достигали до моей руки, лежавшей между ее лопатками. Смотрела на меня голубыми неулыбающимися, грустными глазами.

Пластинка кончилась, и кто-то поставил ее сначала, и мы продолжали танцевать. Как попала сюда эта девочка-школьница? Кем ей приходится эта старушка? Я решил спросить ее об этом.

– Как вы сюда попали? Гражданских выселили отсюда еще в прошлом году.

– Мы жили в Сталинграде. Мама учительница. Отец пошел в ополчение. Когда началась массированная бомбежка города 23 августа, мы с мамой спустились в подвал дома, где просидели до утра следующего дня. Наш дом оказался разрушенным бомбой, и жить в нем уже было нельзя. Кое-что подобрали из зимних вещей и отправились к Волге в надежде переправиться на левый берег. В Омске у нас родственники, и надеялись добраться к ним. К переправам нас не допускали. Их бомбили, все горело вокруг. Скопилось много войск, беженцев, местных жителей. Соседи из нашего подъезда несколько дней протолкались здесь и не смогли переправиться. Убедились, что и нам переправиться не удастся, и пешком ушли сюда к тетке. Но семью ее здесь не застали. Дом был заколочен. Мы остались с мамой тут жить. К счастью, в погребе была оставлена картошка и еще кое-что, а то бы умерли от голода. Вскоре нас захватили немцы. Потом наши освободили, и пока живем здесь. Куда деваться? Где-то отец воюет, если жив. Живем надеждой, что найдет нас.

Так, в танце, я узнал ее историю. Мелодия не прерывалась, была бесконечной. Я плыл где-то в облаках, согрелся. Знакомая мелодия, близость Любы, благожелательные лица воинов, дом – увели меня от действительности. Зашла старушка, сбросила охапку дров, сняла платок, ватник, и я увидел еще молодую женщину лет тридцати пяти.

– Оказывается, партнера тебе нашла, Любушка. Танцуйте, дети, танцуйте. Дело молодое.

Мелодии не было конца, как и танцу. Я уже давно подумывал, что нужно остановиться, но первым не мог решиться. Наконец, мелодия прервалась. Перевернули пластинку на другую сторону, и раздалась быстрая, под фокстрот музыка и песня «Трех поросят». Мы стали танцевать фокстрот. Хватило меня еще на один раз, после чего остановился. Мне было очень жарко. Я уже был мокрый. Портянки в валенках сбились комом, и я сдался, попросил пощады, отдыха. И Люба вся разрумянилась, глаза повеселели. Сказали комплименты друг другу, красноармейцы нам аплодировали, а я присел на табурет и стал перематывать портянки. Зашла мать Любы, внесла чугун картошки и поставила в печь.

– Картошку вареную скоро будем кушать, – сказала она мне. Я заторопился, стал одеваться.

– Куда же ты, картошку будем кушать, посиди.

– Я скоро приду, обязательно приду. К своим надо, и скажу, где я буду.

Побежал к себе. Снять пробу ужина уже опоздал. Надеялся, что пройдет как-нибудь. В амбаре разыскал старшину, сказал, что встретил знакомых, и попросил у него буханку хлеба и банку консервов. Он дал мне. Я опять побежал в этот дом. На столе уже исходил паром чугун с вареной картошкой. Стояли банки консервов, лежал хлеб, лук. Я добавил свой хлеб и консервы. Раздвинулись, и я присел к столу. Зашел старший лейтенант, видно их командир, немолодой уже. Противогаз и планшет положил на железную кровать, туда же положил шинель, ремень с пистолетом надел поверх гимнастерки и сел к столу.

Разливали какую-то спиртовую жидкость. И мне немного досталось – от большего отказался. Посидел, как среди своих, хотя этих людей никогда не встречал. Военная обстановка, суровые условия быстро сближали людей. Это было какое-то минометное подразделение, которое

днями, как и мы, временно остановилось здесь. И их ждет в самые ближайшие дни горячее дело.

После ужина опять запустили патефон. Крутили две стороны этой одной-единственной пластинки, которая сохранилась у них. И еще танцевали. Это был удивительный вечер танцев под две мелодии, которые подолгу звучали и попеременно сменялись по настроению и инициативе танцующих.

Как только раздались звуки танго, командир этого подразделения пригласил Любу. Она посмотрела на меня и пошла танцевать. Красноармейцы сдвинули стол и табуретки к стенам. По окончании мелодии командир церемонно поблагодарил Любу, сказал всем: «Танцуйте, а я покурю», – накинул на плечи полушубок и вышел в сени. Кто-то подкрутил патефон, и мелодия танго продолжалась. Пошли танцевать красноармейцы друг с другом. В большинстве своем в валенках, некоторые в сапогах, кто умеючи, кто и неуклюже, расслабленные ужином, алкоголем люди както отвлеклись от военной и суровой действительности, вспомнили довоенное время, родных, близких. Выходили курить, некоторые сидели, разговаривали, делились воспоминаниями. Люба почти с каждым перетанцевала. Мама отказалась танцевать, я несколько раз вставал, когда Люба приглашала, но большую часть вечера проговорил с Любиной мамой, красноармейцами. Мелодия, сопровождавшаяся хохотом, всем нравилась, вызывала умиление на лицах и улыбки у присутствующих при каждом исполнении. А прокрутили ее, только в моем присутствии, может быть больше десятка раз.

Как ни хотелось, а надо было уходить. Поблагодарил хозяйку и стал надевать шинель. Хозяйка спросила, где я остановился и удобно ли там спать. Сказал, что спали в землянке, но ее отобрало начальство побольше, и пришлось прошлой ночью спать в амбаре на носилках – мерз всю ночь.

– Оставайся у нас ночевать.

– У вас негде, и так много людей.

– Оставайся, устроимся как-нибудь, зато в тепле будешь.

– Оставайся, – присоединилась и Люба.

Я не стал заставлять их долго себя упрашивать и сказал:

– Спасибо, приду. Скажу только, где я буду, чтобы нашли, если вдруг понадоблюсь. Мало ли что.

– Приходи, сынок, устроим.

Я побежал в темень ночи к себе. Другой мысли не было, как вернуться к этим людям. Встретил старшину транспортного взвода «Крошку» и сказал ему, что остаюсь ночевать у знакомых, попросил пойти посмотреть, где этот дом. На всякий случай, если вдруг срочно буду нужен.

И мы со старшиной пошли к дому моих знакомых.

– Там женщины? – спросил он.

– Да, мать и дочь, и полный дом красноармейцев.

– Мать ничего еще?

– Мать, как мать, – ответил я, не сообразив, о чем он.

– Может, и мне там место найдется возле кого-нибудь из них, – ехидно улыбаясь, спросил он.

– Нет, старшина, об этом речи быть не может, – стало доходить до меня, – там только одна комната и полно людей, даже не знаю, куда меня уложат.

– Ладно, разберетесь там, а завтра вместе зайдем. Желаю успеха.

– Какого там успеха, хоть в тепле пересидеть.

Нигде не запиралось в этом доме. В темных сенях на ощупь я нашел дверь в комнату, открыл ее. Фитиль лампы был прикручен, но рассмотрел, что весь пол был занят лежавшими людьми. Хозяйка вылезла из-под одеяла, подошла ко мне, взяла за руку и повела к кровати, где она с дочерью лежали. Услышал ее шепот:

– Думала, что уже не придешь. Раздевайся, клади одежду на табуретку. Спать будешь с нами.

– Как так?! Я на полу...

– Не разговаривай, раздевайся до белья и ложись.

Я разделся до белья, одежду свою сложил на табуретку у кровати. Она стояла возле меня, пока раздевался, затем взяла за руку, залезла под одеяло и потянула меня.

– Ложись и спи.

Люба сдвинулась к стенке, мать посредине кровати, и я оказался с краю.

Ничего не успел сообразить, как я провалился в мягкую теплую постель, оказался накрытым легким пуховым одеялом и, самое невероятное, что и представить не мог, лежал рядом с женщиной и ее дочерью. Лежал на спине и не дышал – перехватило дыхание. Чувствую, что задыхаюсь, не хватало воздуха, и приходилось с промежутками делать глубокие вдохи.

– Успокойся и спи, – проговорила мать.

У меня стала болеть спина и мышцы на ногах от скованности, напряжения. Пожалуй, я уже дышал, и воздуха стало хватать, но не смел повернуться или подтянуть ногу, боясь задеть хозяйку или разбудить ее. Долго не мог уснуть. Вокруг раздавался разноголосый храп, стоны, вскрикивания уставших людей, заснувших тревожным сном в неудобных позах, в одежде, и, может быть, это была у них одна из более удачных ночевок в тепле, в этих зимних фронтовых условиях. Через какое-то время услышал посапывание рядом уснувшей женщины. Временами стонала, что-то говорила сквозь сон. Любы не было слышно. Видно, с самого начала безмятежно уснула.

Должно быть, под утро уснул. Возможно, еще во сне почувствовал над собой дыхание и пронизывающий меня взгляд. Кто-то очень осторожно раскрывал мне пальцами глаза, и встретился со смотревшими на меня в упор большими голубыми глазами. Казалось, что вижу сон, но вдруг все вспомнил. Оглянулся: красноармейцев уже не было, через ставни пробивался полосками дневной свет. Давно, должно быть, наступило утро. Я проспал снять пробу с завтрака. Лежу в белоснежной пуховой постели рядом с уставившейся на меня девчонкой:

– Соня, пора вставать, – и видя мое удивление, замешательство, залилась громким непосредственным детским смехом, которого уже давно не слышал, и сквозь смех про-

молвила: – Заспался, как у мамы дома... Целый день решил спать... Может, тебя уже ищут...

Я вскочил в своем солдатском белье с завязками и стал быстро одеваться. Трудно удавалось влезть в теплое белье и завязать все завязки, которые были вместо пуговиц, как на поясе впереди, так и внизу у стоп.

– Куда ты? Полежи еще. Чего испугался? Все равно опоздал на всякие там построения.

– Какие сейчас построения? А где красноармейцы?

– Уехали. Не слышал?

– Нет, может, и наши уехали, – и я продолжал торопливо одеваться. Завязки все не удавалось завязать. Как-то оделся и бросил:

– Спасибо, – и побежал к дверям, остановился, оглянулся. Она сидела, свернувшись калачиком под одеялом. Светлые волосы красиво растрепаны. Я вернулся, чмокнул ее в лоб, глаза, на ходу промолвил:

– Маме спасибо большое передай, вернусь еще, обязательно вернусь, если можно будет, – и торопливо ушел из дома.

Четверг, 7 января 1943 г. ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ЛЮБОВЬ?

Шел очередной январский день. Кругом намело за ночь, и метель продолжалась. От крыльца до калитки и от калитки до дороги прокопана в снегу свежая тропинка, терявшая свои очертания под падающим снегом. У некоторых домишек сугробы доходили до окон. Идти можно было посередине улицы, и то местами валенками проваливался до колен. Резкие порывы ветра обжигали лицо. Особенно мерзла шея, подбородок. Но на холод не реагировал, настроение было приподнятое. Даже петь хотелось. Но было не к месту. Улица забита воинскими частями, техникой. Немного пришел в себя, когда почувствовал резкую боль в области подбородка, щек. Мороз был где-то за двадцать градусов.

Пришел в расположение, зашел в амбар, где стояла кухня. Завтрак давно раздали. Хотелось кушать. Спросил у повара:

– Все ли нормально?

– Раз не стреляют, то нормально, – ответил Харитонов и спросил:

– Где-то кормили или будете тут кушать?

– Осталось что?

– Найдем.

Из термоса он наложил в алюминиевую миску еще теплую кашу, дал краюху замерзшего хлеба и свою ложку, которую вытащил из валенка.

– Чая уже нет. Котлы вымыли, кухни пошли по воду.

Я сидел в амбаре на нарах в шинели, шапке возле топившейся бочки-печки и ел кашу с оттаявшим хлебом. Я еще не отошел от вчерашнего вечера, ночи и утра. Все это калейдоскопом перебиралось в памяти.

Во сне ли я видел красивую сказку? Бесконечное танго, Люба, ее мама и пуховая постель... Все это было наяву. Сказка в жизни! И в какой жизни... И во сне не приснится.

Опомнился, сделал обход территории, кошар, где шел ремонт техники. Встретил Гена.

– Живой? О тебе спрашивал Манько, говорит, что пропал где-то. Не ночевал в амбаре.

– Было. Ночевал у знакомых. Встретил тут.

– Откуда у тебя тут знакомые? Что ты выдумываешь.

– Нашлись. Расскажу потом, – и направился в расположение транспортного взвода к Манько.

– Куда пропал? Думал, замерз где-то.

– Отогрелся, как никогда в жизни. Что тут, какие новости, не искал ли меня командир?

– Нет, не спрашивал. А где ты был?

– Не знаю даже, что сказать. Сказка и только. И танцевал под патефон весь вечер, и ужинал, и спал в роскошной постели.

– С кем?

– С мамой и дочкой.

– Что?

Манько широко раскрыл свои монголоидные глаза, рот.

– Да, это правда, Коля. Хотя и не совсем верится, что так было. Кажется, что видел в кино красивую сказку и я в ней участвовал.

– Той тот як его, бисов сын, ничего не пойму. Не рехнулся ли?

– И я не понимаю. Дай мне банку консервов. Схожу к ним.

– Возьми, что надо. Ты хоть покажи, где будешь. Можем с часу на час выехать. Где тебя искать?

– Покажу, после обеда пойдем. Сейчас сделаю перевязки, меня уже ждут.

Я ушел в амбар, где уже собирались больные и нуждавшиеся в перевязке.

После обеда зашел к своим знакомым. Предупредил накануне Манько, что старшина «Крошка» знает, где находится этот дом, и в случае чего можно послать его за мной. Во дворе и в доме было полно новых военных из другой части. В сенях сложены минометы, ящики с боеприпасами, пирамидой стояли винтовки.

– У нас уже новые стоят, – встретила меня Люба, – а койка будет для тебя. Мама предупредила, что тут доктор стоит и спал прошлые ночи.

– Спасибо.

– Нагоняя не было?

– Нет, все обошлось. Я пойду. Буду вечером или раньше, если смогу.

– Уже скоро вечер, темнеет, – сказала Люба.

– Это маме, вам, – я выложил из вещмешка булку хлеба, консервы, несколько пачек концентратов, сахар и соль – все что удалось раздобыть у сослуживцев, – мама где?

– В конец деревни ушла, к знакомым. Скоро будет. Не уходи.

– Надо пробу с ужина снять и узнать о планах на ночь. Постараюсь скоро освободиться и приду, – и я ушел.

Во время ужина командир объявил, что ремонтники будут работать всю ночь. К утру нужно отремонтировать все машины подразделений и отправить им. Приказал многим специалистам других отделений и взводов помочь ремонтникам. Решил идти ночевать к знакомым. Ни у кого не отпрашивался. Предупредил старшину «Крошку», что буду ночевать там же, где и прошлую ночь. Вспомнил, что у меня далеко не свежее белье, и один черт знает, что в нем водится. Накануне не успел переодеться, не ожидал, что попаду в такую ситуацию. Пошел к старшине и сказал ему, что мне нужно надеть чистое белье.

– Прямо сейчас?

– Да, сейчас.

– Где-то лежит в мешках, кто его там найдет.

– Нужно, товарищ старшина.

– Не под венец ли собираетесь?

– Все может быть.

– По такому случаю пошли искать, – сказал он, почесав затылок. Зашел за перегородку, где лежало имущество хозвзвода. Достал мешок и вытащил чистое теплое белье.

– А простое белье?

– Где тут найдешь, хватит одного теплого.

Я тут же в амбаре переоделся, дрожа от холода. Старое сдал ему.

– А меня возьмете с собой?

– Некуда, там полно людей. Меня в кровать к себе положили. Спал с ними, поэтому и белье решил надеть новое, вернее чистое. Хотя и переспал в сомнительном.

– Во даешь, доктор! С мамой рядом или с дочкой спали?

– С мамой.

– Ну, а меня к дочке. Пойдет?

Я стоял в замешательстве. Шутит он или настаивает всерьез? Куда же его положить? Думаю, что в кровать исключено. Да и меня уже не положат. Сказали, что койка для меня.

– Некуда, товарищ старшина, не обижайтесь, не могу я туда взять вас.

– Ладно, жадина, пользуйтесь, пока повезло.

Я опять пошел к моим знакомым. Заканчивался ужин у них. Хозяйка пригласила меня к столу, но я отказался, сказал, что уже поужинал. Патефон в этот вечер не заводили.

Вся комната была забита людьми. Стали вповалку укладываться на полу.

Хозяйка отвернула одеяло на железной койке, постелила на матрац простыню, положила подушку и предложила мне располагаться на ночлег. Разделся до белья и залез под одеяло. Сетка и матрац со скрипом провисли под моей тяжестью. Закончив свои дела в подсобной кухне в сенях, мама с Любой зашли в дом. Кто-то из них прикрутил фитиль лампы, и они улеглись спать на своей и мне знакомой по прошлой ночи кровати.

Сон стал быстро брать уставших от ратных дел, отогревшихся в натопленной хате людей, основную часть суток пребывавших на морозе. Многие уже храпели. Меня сон не брал. Разные мысли лезли в голову...

Переступая через спавших на полу людей, пришла ко мне Люба и залезла под одеяло.

– Побуду с тобою немного, – проговорила она шепотом и прильнула ко мне.

Сетка кровати со страшным скрипом еще больше провалилась под нами, и Люба почти полностью скатилась на меня. При малейшем движении кровать скрипела, и мы не смели шевельнуться.

Впервые в жизни лежал я с девушкой вот так в постели, да еще в такой невообразимой обстановке. Время шло, а мы продолжали тихо лежать в обнимку. Новые завязки от двух пар кальсон больно врезались в нижнюю треть голеней, видно, туго завязал их, и так же впились узлами в кожу на животе завязки ширинки от тяжести Любиного тела. Боясь скрипа, я не решался их развязать. Боль в ногах становилась невыносимой, она заняла доминирующее положение в этой ситуации, все мысли были о том, как их

развязать. Уже пренебрегая скрипом, подтянул попеременно одну за другой ноги и с большим трудом развязал завязки. Как легко стало ногам и на душе, хотя и был придавлен телом Любы. После всего стало доходить до меня, что уже пора как-то заняться любовью. Сильнее обнял ее, прижал к себе, поцеловал в глаза, лоб, волосы. Пытался удобнее лечь, и сетка, в который уже раз, предательски заскрипела. Мы были не одни в комнате и в то же время одни. Понимал, что никому до нас никакого дела нет, и в то же время казалось, что все настороженно прислушиваются к нам. Наверняка все уже спали: вокруг раздавались храп, посапывание, стоны мертвецки спавших людей. Но мать, думалось, не могла спать, и ожидал, что вот-вот потащит из постели Любу и учинит при этом скандал. Не знаю, сколько времени одолевали бы меня колебания и домыслы, и пролежали бы неподвижно, пока Люба не стала проявлять себя в постели опытной хозяйкой, а я вынужден был оставаться робким квартирантом. Она со знанием дела помогла мне проявить себя, и я старался оправдать ее усилия все же под давлением сдерживающей окружающей обстановки. Я стал понимать, что эту науку она уже хорошо постигла до меня. Не знаю, насколько правильно я себя вел, хорошо ли все получилось – спросить не хватило духа.

Впервые со мной произошло что-то необычное и важное в жизни, что должно было когда-то случиться между мужчиной и женщиной. Еще долго без слов и движений лежали в обнимку среди храпа и стонов спящих вокруг людей. Голова ее лежала у меня на груди, шее. В какой-то миг она выскользнула из моих объятий и ушла в постель к маме. До утра не мог уснуть – сон не приходил, оценивал происшедшее. Видно, и не вздремнул. Может, и спал, и все это было во сне. Но нет. Все-таки что-то произошло. И это любовь? Ничего возвышенного, романтического не оказалось. Что-то воровское, нечистое, даже постыдное. Только в романах пишут о любви, хотя что я об этом знаю... Можно ли судить по одному слу-

чаю? А отношения между доктором Ложкиной и комбригом? Это была любовь? Может быть. А почти безотказное поведение Шуры? Как-то говорила, что ей жаль мальчиков. Или личная ненасытность? Все это далеко от любви. У Любы что-то общее с ней. Какая-то подспудная мысль подсказывает, что пойдет таким же путем. Если говорить о любви, то, по-видимому, нужно привыкнуть, привязаться, почувствовать, что не можешь жить друг без друга, а все остальное получилось бы само собой, как «венец отношений между мужчиной и женщиной», как я где-то вычитал. Вот это, должно быть, и есть любовь. С Майей у меня это не произошло бы так сразу. Да и мысли у меня такой не было.

Вспомнился Айвенго и другие литературные герои. Такого типа отношения мне больше по душе.

Раздумья прервали просыпающиеся люди. Видел, как мать поднялась, оделась и вышла из дома. Принесла дрова и затопила печь. Стали вставать люди. И я встал, оделся, заправил одеялом кровать. Все вышли из дома. Надо было и мне идти к себе, успеть снять пробу завтрака, узнать о наших, о ближайших планах. Как мне уйти, как попрощаться? Подошел к кровати. Люба посапывала во сне, прикрытая пуховым одеялом почти с головой. Я отвернул одеяло и поцеловал ее в лоб. Она, не раскрывая глаза, протянула руки, обхватила мою голову, притянула к себе и впилась в мои губы. Стал задыхаться, с трудом отстранился, расцепил ее руки на затылке, пригрозил пальцем и ушел из дома.

Пятница, 8 января 1943 г.

ОСТАВЛЯЕМ «КОЛХОЗ ИМ. 8 МАРТА».

Узнал, что подразделения бригады ушли в новый район сосредоточения, ближе к месту предстоящих боевых действий. У нас оставили часть неисправной техники: колесные машины и два танка, которые должны за сегодняшний день отремонтировать.

Впереди марш, бои. Окруженный под Сталинградом враг не сдается, упорно сопротивляется и сковывает большие группы наших войск. Он должен быть разбит. Это сулит нам немалые потери. Новую технику не получаем, большой некомплект в личном составе. Такое же состояние и в других рядом действующих частях и соединениях, вышедших из боев. Поговаривают, что немцы создали сильные участки обороны, еще хорошо вооружены. На что рассчитывают наши? На энтузиазм? Жалко терять здесь наших людей. Может, немцы капитулируют?

До обеда забежал к своим знакомым, сказал им, что с часу на час должны выехать, что основная масса нашей части уже ушла.

Патефон стоял на окне. Я с грустью на него посматривал, смотрела и Люба. Он отвлек на какое-то время от действительности, вернул домой, в школу, к друзьям детства, свел с Любой. Мы все молчали, каждый думал о своем. Люба как-то сникла. Я знал, что эта девушка-женщина на всю мою оставшуюся жизнь войдет в мою память, но только не в душу... Стала ли она мне близкой, родной? Близкой возможно, но не могу сказать, что родной. Все же считал себя чем-то обязанным перед этими людьми, и было бы несправедливым вот так оставить их. Они невообразимо хорошо ко мне отнеслись, и казалось, что я должен как-то отплатить тем же, связаться с этой семьей если не сейчас, то оставить какие-то нити, нас связующие.

– Где бы я мог вас найти, если живой останусь?

– Не знаю, – ответила Люба, – в Сталинграде дом наш разрушен, а где мы будем, не знаю. Возьми наш сталинградский адрес.

Люба в блокнотик записала адрес, вырвала листок и протянула мне. Я положил его в нагрудный карман гимнастерки.

– Чтоб живой остался и к родным своим вернулся, – пожелала мне мать Любы.

– Спасибо за тепло, ласку. Не забуду вас. Желаю встречи с мужем вашим и с отцом тебе, Люба. Спасибо вам.

И я с нелегкой душой поднялся, попятился к двери. Мать поднялась, поцеловала меня трижды по русскому обычаю в щеки и промолвила:

– Иди, чтоб бог сохранил тебя, – и перекрестила меня. Я подал руку Любе на прощание, она потянулась и поцеловала меня.

Под утро стали вытягивать оставшийся транспорт в походную колонну. До рассвета мерзли кто в кабинах, кто отплясывал вокруг машин под луной. Выехали, когда уже рассвело. Впереди – последний этап Сталинградской битвы.

Суббота, 9 января 1943 г. ВАРВАРОВКА.

После нескольких привалов остановились на окраине поселка Варваровка, где, должно быть, расположимся на какое-то время. Домики и дворы были забиты войсками. Наши машины с боеприпасами, горючим ушли за поселок и расположились в балке. Много лежало снега вокруг, намело сугробы, особенно в балке. Воины в большинстве своем находились на улице. Машины застревали в сугробах, и люди то и дело подталкивали их, некоторые брали тягачом на буксир. Народ был все время в движении, и это спасало от замерзания, хотя у многих были «прихвачены» подбородки, щеки, пальцы конечностей.

Наши находили листовки разного цвета на немецком языке, разбросанные на снегу. В них было напечатано обращение нашего командования к немцам о полной капитуляции. Предлагался плен, сохранение жизни, питание, медицинская помощь, возвращение на родину после войны. Если бы они приняли капитуляцию – сколько наших жизней сохранилось бы, да и немецких.

Немцы будут уничтожены, возможно и полностью, если не согласятся капитулировать. Не будет им пощады за все, что причинили нашему народу. Возмездие справедливо в отношении таких кровавых захватчиков во многом больше, чем простое звучание известного афоризма: «Если враг не сдается – его уничтожают!» Им еще гарантируют

не только жизнь, но и питание, лечение, возвращение на родину за счет нашего народа. Правда, это спасет и много наших жизней. Воззвание к врагу о капитуляции гуманное, справедливое. Дело за немецким командованием, за Гитлером. Решать-то им, а не простому солдату. Гитлер не пойдет на это. Предстоят жестокие бои на истребление. Фюреры в разные века истории пеклись на словах о благе своих народов и в то же время безжалостно их уничтожали во имя своих амбиций или религиозных догм.

Перед обедом командир роты зачитал нам приказ заместителя командующего 57-й армией: «254-й танковой бригаде к 18.00 9.01.1943 года сосредоточиться в районе Варваровка и к 7.00 10.01.1943 года выйти на исходные позиции севернее Варваровки в район балки Караватка в составе 189-го танкового полка, мотострелкового пулеметного батальона и роты управления. 1-й и 2-й танковые батальоны иметь в боевом резерве. Бригаде действовать в стыке 422-й и 38-й стрелковых дивизий, взаимодействуя с ними. Прорыв оборонительной полосы противника на рубеже с отметкой 111,6 и 97,5».

Роте технического обеспечения приказано развернуть ремонтные мастерские после выхода танковой бригады, на месте расположения 189-го танкового полка.

Видно, немцы капитуляцию не приняли. Предстоят бои. С наступлением темноты наша колонна двинулась на противоположную окраину поселка, и мы стали размещаться на месте ушедшего нашего 189-го танкового полка. Уходили на север и много других частей.

Воскресенье, 10 января 1943 г.
НАЧАЛО ЛИКВИДАЦИИ «КОЛЬЦА».

Из формуляра 254-й танковой бригады: «К началу прорыва оборонительных рубежей противника 254-я танковая бригада имела в 189-м танковом полку в составе трех танковых рот 32 танка Т-34. В мотострелковом пулеметном батальоне 2 танка Т-26 и 1 танк Т-60. В 1-й и 2-й стрелковых ротах, танково-десантной роте, минометной батарее

насчитывалось 327 человек. Боевой резерв составлял 1-й и 2-й танковые батальоны, в которых имелось 2 танка Т-34, 2 танка Т-26, 1 танк Т-60 и 1 танк Т-70. В состав бригады еще входила рота управления и рота технического обеспечения».

Эту ночь так и не сомкнули глаз – развертывали ремонтные мастерские, размещали личный состав. Люди расположились в домах, которые освободили наши танкисты.

Мне выделили домик для медпункта из одной отапливаемой комнаты. На дрова разобрали остатки сарайчика во дворе, забора уже не было – сожгли.

Утром во время завтрака услышали залпы орудий и минометов. Несколько позже стали раздаваться более глухие бомбовые удары. Началось! Содрогался воздух, и выворачивалась земля, и перемешивалось все, что на ней было. Над нами раздавался свист летящих снарядов, гул самолетов. Продолжалась канонада около часа, а затем все стихло. Если внимательно прислушаться, то можно было различить более редкую артиллерийскую стрельбу, автоматные и пулеметные трели. Задолго до этого выехал наш медсанвзвод к своим боевым порядкам.

В полдень мы узнали от водителей, доставлявших к передовой боеприпасы и горючее, что наши почти не продвинулись и несут большие потери. Были уверены, что часовая артподготовка вывернет и сметет оборонительные рубежи противника и наши успешно пойдут в наступление.

Надежды наши не сбылись. Будто артподготовка велась по ложным целям – оборона врага не сломалась. Немцы хорошо укрепили занимаемые рубежи, организовали участки круговой обороны. Пристреляли объекты и точки перед собой, и их огонь был очень массированным, выводил из строя наших солдат и технику.

Танки двигались на больших скоростях на стыке 57-й и 64-й армий, но были остановлены, часть их потеряли, остальные отошли на исходный рубеж атаки. Никак не удавалось прорваться через балку. Снайперы, автоматчики

выводили из строя наших людей. Несколько танков горело на поле боя. Неутешительные получали вести.

К месту боев убыла еще одна группа ремонтников бронетанковой техники и колесных машин. Уехали с летучками и бортовыми машинами Саркисян, Ген, Наумов, Кругляков и другие. Очень тревожно прошел этот день.

Взял себе в помощники водителя Якова Зарубина. Помогал отапливать комнату в домике, и было вдвоем веселее. Манько также устроился в отдельном домике. Так ему было удобнее. Ко мне весь день ходили больные, большей частью с простудами и на перевязку с мелкими травмами, обморожениями.

Зарубина больше знали как Яшу. Так его все называли. Хороший водитель, исполнительный, безотказный. Машина его была всегда в хорошем состоянии. Жил замкнуто, разговаривал мало. Незаметно было, что с кем-то сдружился – ровно и уважительно относился ко всем. Недавно подвернул ногу – растянул связки голеностопного сустава. В рейсы пока не ездил – сапог не мог натянуть на ногу. Целый день топил печку, носил наколотые дрова. Вечером настоял чай с прибавлением каких-то прутиков, коры кустарников. Чайник с кипятком стоял на печке, пока она топилась.

После чая раскрыл мне свою душу, и проговорили допоздна. Сказал, что ему нужно получить ранение, как выразился, «в боевой операции», и хотелось при этом остаться в живых, или уж как там выйдет, но не хотел бы остаться калекой. Для него было очень важно, как неоднократно утверждал при перевязках, получить ранение на войне. Удивила меня категоричность такого необычного желания.

– Ведь я из семьи раскулаченных советской властью, – начал он. – Я и моя семья числились врагами народа. В лучшем случае я сын врага народа. Это дело сути не меняет. В лесотехнический техникум до войны меня не приняли. А на войну для защиты своего отечества, советской власти, которая считает меня врагом, меня призвали. Не

меньше других хочу победы над врагом, для чего жизни не пожалею, но не могу умереть сыном врага народа, пока не снимут ярлык этот со всех членов моей семьи. Уголовник может кровью искупить свою вину, и у него снимают судимость, а для меня такой возможности нет. Одним словом – враг и навечно. И сейчас живу с этим грузом. Это очень трудная ноша. Она не только в мыслях, а отложила и определенный отпечаток на поведение. Каждый шаг свой приходится выверять, я все время не в своей тарелке, скован, только и жду, что скажут: «Ты сын врага народа и не по пути с нами... Тебе это поручить нельзя, тебе это доверить нельзя...» Автомат мне дали, а вдруг и его отберут? Не должны, – ответил он сам себе. – Высшее начальство там в бригаде знает, кто я. В анкетах об этом написано, и органы вслед все передают, куда бы меня ни перебросили. Вот и вы знаете обо мне. Хотел бы, чтоб об этом осталось между нами.

– С каких мест родом?

– Жили на Смоленщине, под Рославлем. В семье нас было восемь человек. Кроме родителей, деда и бабки, было нас детей – братьев трое и невестка – жена старшего брата. Раскулачили нас в 1930 году. Мне, младшему в семье, было четырнадцать. Работали все на земле. Своей земли было около десяти соток. Взяли у государства в аренду двадцать. Работали всей семьей. В сезон помогали нам еще родной дядька с женой. Работал он на железной дороге. Была еще пасека. Имели пару лошадей, корову и телку. Куры были. Возле дома садик. Имели свои яблоки, вишни, сливы, смородину. Жили неплохо, но вкалывали здорово всей семьей. Налоги государству выплачивали, и себе оставалось. С огорода почти ничего не продавали – уходило на себя. Правда, мед продавали. Считались середняками, зажиточными середняками. В первую волну в колхоз не вступили. Дед был голова в семье и категорически отказался. Он не представлял, как можно отдать нажитое своим трудом в общее пользование. Сначала нас не трогали, когда началось раскулачивание вторым заходом, арестовали отца,

продержали два месяца в тюрьме и выпустили, так как обещал вступить в колхоз. Отец понял, что если не вступит в колхоз – все отнимут. Он отдал одну лошадь, телку и пять ульев дяде. А с остальным хозяйством вступил в колхоз. Дед все не соглашался, но деваться было некуда, и он понял, что раскулачат, если не вступим. А когда узнали, что часть хозяйства отец отдал дяде, его арестовали второй раз, пришили, что утаил часть имущества от колхоза, и раскулачили. Все отобрали. Семье жалко было все отдать колхозу, потом и кровью нажитое. И в этом нажитом была и доля родного дяди, помогавшего нам. Многие вступали в колхоз без ничего, даже лошадей не имели и без коров, а все становилось общим. Сразу было ясно, что нашей семье в колхозе лучше не будет. Отец и дед не понимали, зачем им идти в колхоз, когда от этого семье лучше не будет. И это было ошибкой моих родителей, и тяжело отразилось на судьбе всей семьи. И не только на нас одних. Тысячи, сотни тысяч, а может, и миллионы. Кто же сеять хлеб будет? Чем кормить будут страну без нас, крестьян?

– Куда вас выселили?

– В Зауралье, на лесозаготовки. С собой почти ничего не взяли – не разрешили. Сделали это в одночасье, ночью, одежду кое-какую захватили и кое-что из посуды. Вначале было очень трудно. Непривычная работа в тяжелейших условиях. Зимой страшные холода, а летом комары – гнус, может быть, страшнее холода был. Разместили в бараках. Теплой одежды не было. Постепенно приобрели, стали привыкать. Было очень обидно, что всю работящую семью засчитали врагом народа. К этому привыкнуть нельзя. Втянулись в работу, трудились на лесоповале. Семья наша привыкла к тяжелой работе, а любая работа кормит. Построили для семьи землянку – из барака ушли. Все старшие очень скучали по земле. Особенно тосковал дед. Он еще был крепок, но от тоски вскоре умер. Недолго прожила и бабка. Там их и похоронили. Покалечился отец – ногу сломал на лесоповале. Когда стал уже ходить, решили всей оставшейся семьей податься к земле. После долгих

мытарств разрешили выехать в Северный Казахстан. Там вся семья пристроилась в колхозе. За три года обжились и стали неплохо жить. Женился второй брат. В начале войны братьев взяли в армию, где-то воюют. И меня вот взяли. Отец бригадир в колхозе, поднял производство зерна и пользуется большим авторитетом. В армию не взяли. Бронь или потому, что калека – нога короче стала, хромает. С ними остались невестки и их дети.

– Какие же вы враги народа? – вырвалось у меня.

– Вот такие... Все думаю, почему же нас раскулачили, когда мы честно и хорошо работали для себя и государства. Мы никого не эксплуатировали, вкладывали только свой труд. Таких, как мы, раскулаченных, было там много, и многие были беднее нас.

У меня создалось впечатление, что раскулачивали тех, кто не платил налоги и прятал зерно от государства. У кого были батраки. Так я представлял кулака: толстого, озверелого, на которого гнули спину другие крестьяне, как изображали его на плакатах. Но Яша и его родители, как он их представил, в образ кулака не вписывались, тем более во врагов народа.

– Зачем тебе ранение? – недоумевал я.

– Хочется надеяться, что это меня поставит вровень с другими советскими людьми. Хочется думать, что так будет, если я пострадаю при защите Родины.

– Ты-то при чем? За родителей не в ответе. А от других ничто тебя не отличает.

– Может быть, по сути и ничего не отличает, а в практической жизни отличает. Я помечен. В лесотехнический техникум меня не приняли. Причина – сын кулака. Меня и в другие учебные учреждения не приняли бы. Останется ли это пятно и после войны? Вообще очень трудно жить так. Дружить с кем-то и то я не могу. Сказать, кто я, не всегда уместно, а если сам узнает, то мне не простит, может, карьеру кому испорчу. А если случайно что натворю? Другому все сойдет, а мне кажется, что любой мой шаг могут растолковать превратно, и я должен оглядываться на

каждое мое действие, на каждое слово. Все время чувствовать свою ущербность среди других очень трудно.

– Ты болезненно преувеличиваешь свое положение. Чувствуй себя на равных, как все. Ты не хуже других по работе и в дисциплине. И нечего себя заживо казнить. Выбрось всю дурь из головы.

– Нужно пережить, что пережили мы, в моей шкуре, быть вырванным с корнем из вскормившей меня земли и выброшенным в тайгу на откорм гнусу, пережить унижения, оскорбления, тревогу за близких, обиду на судьбу или на советскую власть... В нашей семье считают, что это были козни завистников, лодырей, которые не любили работать. Мы никогда плохо не думали о советской власти. Сталин, должно быть, вначале не знал, что творили на местах, ибо потом осуждал местных руководителей за неправильное раскулачивание середняков. Вот пережив все это, можно понять меня, таких, как я. Самое страшное, что мы до сих пор не понимаем, за что нам выпала такая судьба.

– После войны все это забудется, все будут равными. В социалистическом государстве люди будут оцениваться по труду. По труду будет и почет.

– Трагедия моей семьи состояла в том, что мы хорошо трудились.

– В жизни нашей могли быть ошибки и перегибы. Главное, остановить и победить врага. После такой войны люди станут другими, и законы будут другими. Все будут уважать друг друга и беречь. Ведь так много погибло наших людей и сколько еще бед ожидает нас.

– Хотелось бы верить, что все изменится к лучшему. Вот и считаю, что мне нужно кровью своей смыть пятно сына врага народа, сына раскулаченных. И в этом нет уверенности. Правда, в армию призвали. Мои братья и я воюем, как все остальные советские люди. Может, учтут это, должны учесть. Когда брали в армию, просился в автоматчики, но сказали, что нужны водители. Им виднее. Мне надо быть в жизни лучше всех остальных советских людей. Очень хочу надеяться, что война смоет это пятно.

Помолчал, задумался, а затем добавил:

– Не думай, что об этом не знает начальство. Пока мне никто ничего не говорил в бригаде. Поди ж ты, взял и поделился с вами. Хотелось бы, чтобы об этом ни с кем не говорили.

Я обещал о нашем разговоре никому не рассказывать. Могу ли я судить об этом правильно? Органы знали, что делали. Видно, были какие-то основания. Хотя судьба многих людей могла складываться не по их делам. После его исповеди мы долго лежали еще молча. Каждому было о чем подумать. Вскоре Яша засопел. Я смотрел на него в отсветах горевшей печки. И мне стало жаль этого парня. Не думал, что столько горя могло выпасть на долю хороших, честных, трудолюбивых людей. От души желал ему счастливой доли, а если ранения, то легкого. Может быть, оно ему действительно нужно.

Понедельник, 11 января 1943 г. У РЕКИ ЧЕРВЛЕНАЯ.

Наша бригада вела тяжелые бои с противником. Продвижения вперед никакого. Противник упорно сопротивлялся.

В группе старшего воентехника Дрозда убит один ремонтник. Медсанвзвод перегружен ранеными. Бригада топчется у реки Червленая в направлении Цыбенко. Пока безуспешно. Обо всем этом рассказал Наумов, прибывший за запчастями для автомобильного транспорта. Сказал, что в бригаде на передовой уже два дня как выдают по сто граммов водки. Возмущен, что ремонтников ни в какие списки не включили, никуда не прикрепилй. Сидят на сухом пайке. Готовить некогда и негде – голодают. Иногда выпросят что-нибудь горячее с кухни какого-нибудь батальона. Я пошел к нашему новому замполиту и сказал ему, что наши ремонтники на передовой голодают, во всяком случае без горячего в такой холод, и предложил добиться, чтоб их поставили на довольствие в одном из наших батальонов. Он повел меня к командиру.

– Что нового придумал, доктор?

– Говорят, что ремонтники голодают на передовой, без горячей пищи уже два дня.

– Все получили сухой паек.

– Но там нет условий готовить, и времени нет для этого. Работают на холоде. Плохо без горячей пищи, – заметил я.

– Прикажешь в термосах возить им пищу?

– Я не могу приказывать. Я только могу предложить.

– Что?

– Нужно наших людей поставить на довольствие в одном из наших ближайших батальонов.

– А сухой паек, который выдали им?

– Выдали на четверо суток по тринадцатое января. Сейчас надо договориться, чтобы их поставили на довольствие, а оставшийся сухой паек будет как неприкосновенный запас – на всякий случай.

– Сожрут без всякого случая.

– Ну и пусть. Люди гибнут, и стоит ли мелочиться в такое время? Еще Наумов сказал, что там всем водку выдают, а наши прикомандированные только облизываются.

– Меньше будет твой Наумов пить. А водку мы все получим и на тебя, доктор, тоже, ха-ха-ха.

– Последним вы меня очень обрадовали. Использую свою порцию для обработки ран. Так как же с горячей пищей?

– Решим этот вопрос. Направлю старшину, чтобы поставил всех наших на котловое довольствие. Без горячей пищи действительно трудно. И без тебя думали, но не так это просто, батальоны не стоят на одном месте.

– Но наши ремонтники всегда следуют за ними, рядом с их тылами, кухней.

После ужина меня вызвали к командиру роты. Там был инженер-подполковник Иванов. Он сказал мне, что в 22.00 поеду с ним в район боевых действий к нашим ремонтникам для оказания им медицинской помощи. Много травм, ссадин, есть с обморожениями, а помощь им оказать некому. Медсанвзвод размещен далеко от них, вблизи командного пункта бригады.

В указанное время я с ним выехал. Пристроился в кузове открытой машины среди танковых траков и других железяк. Укутался в брезент с головой, но не спасал он от холода, сильно промерз, пока приехали. Валенки в сидячем положении от мороза мало спасали, только при ходьбе в них согревались ноги, а мороз стоял сильный, днем было свыше двадцати градусов, а сейчас, должно быть, все тридцать.

В полночь приехали на командный пункт. Метрах в трехстах был передний край противника вдоль северного берега реки Червленая. Наши танки подходили и занимали исходные позиции для атаки. Подходили к берегу еще другие части и подразделения. На улице я стал сильно зябнуть, и водитель показал мне землянку технической службы бригады, где нашел подполковника Иванова. Он сказал, что ему нельзя отлучаться из штаба, повел меня в блиндаж связистов и сказал, что утром, когда наши пойдут в прорыв, он меня отведет к ремонтникам. Забежал в блиндаж Миша Голошевский, старший лейтенант, с которым вместе были в рейде из Зергента к межозерному дефиле. Перебросились несколькими словами, вспомнили некоторые эпизоды нашей поездки. Возбужден, полон оптимизма, сказал, что сломаем хребет врагу, а там и опрокинем. Совершаем историю! И он убежал. В блиндаже в уголочке согрелся и даже вздремнул, сидя на корточках.

Вторник, 12 января 1943 г. ЗАЛП КАТЮШ.

Почему-то находился под мостом, над которым с грохотом мчался длинный товарный поезд. Вдруг все стало рушиться с невероятным шумом и треском. Я весь съежился, втянул голову в плечи. Услышал возгласы: «Наконец началось!» Увидел бегущих к выходу связистов. Я, видимо, спал, а поезд приснился. Вскочил и бросился за ними — выскочил последним из блиндажа. Темень ночи разрывали языки пламени, летевшие через нас во вражеский стан. Все это сопровождалось свистом и треском, будто осыпалась на булыжной мостовой черепица, ломавшаяся

в черепки. Такое создавалось впечатление. Несколько слабее звучала в этой какофонии артиллерийская канонада и взрывы снарядов в небольшом отдалении в том же направлении. Необычность увиденного и услышанного вселяла ужас и страх. Весь этот поток огня, необычных звуков шел над нашими головами и направлен был на врага. Как он воспринял этот кошмар, сжигающий и разрушающий все живое и неживое? Наступило возмездие! Постепенно ужас происходящего переходил в восхищение и восторг от наших возможностей и от того, что все это предназначалось врагу. Огневые полосы продолжали падать на землю и с треском и шипением разлетались на мелкие горевшие очаги. Это били наши катюши. В перерыве между залпами катюш, когда шум и треск несколько стихал, слышны были и бомбовые взрывы в стане врага, хотя гул самолетов не воспринимался.

Противник продолжал яростно сопротивляться. Он был обречен и наверняка знал об этом. И мы были уверены, что на этот раз враг будет уничтожен. Но фашисты не сдавались, сражались, пока могли держать оружие в руках.

Пленных за первые два дня боев на нашем участке не было, да и продвинулись мы незначительно. Оборонительные рубежи противника не были опрокинуты. Сегодня, видно, произошел перелом в боевых действиях. Наши прорвали оборону, форсировали реку и ушли далеко вперед. Наблюдательный пункт бригады и командование переместились в новый район, вслед за 189-м танковым полком и мотострелковым пулеметным батальоном. Штаб, обслуживающие подразделения и медсанвзвод остались пока здесь. Не утихала канонада продолжавшегося боя и в других районах. Шло сражение по разгрому врага по всему кольцу его окружения.

Мы шли по развороченной снарядами и растаявшей от огня недавно заснеженной степи. Перемешалась земля со снегом, груды железа с человеческими телами. Враг уничтожался планомерно и беспощадно.

Встречали и нашу разбитую технику, трупы наших воинов, раненых, медицинские пункты, батальонные, полковые.

Мы искали по пути следования наших людей с отставшими машинами и танками и находили их. Тут же выясняли их состояние, и подполковник Иванов решал, как с ними поступать. Доехали до медпункта 189-го танкового полка. Там были раненые и обожженные и с обморожениями танкисты. Их готовили к эвакуации в медсанвзвод. Располагались в двух брезентовых палатках. В обеих была минусовая температура, даже в той, где топилась железная печка. Мерзли раненые и медицинские работники.

Шли бои впереди, в нескольких километрах от населенного пункта Цыбенко. Мы повернули назад. Воропаев с группой ремонтников остались у одного подбитого танка, а мы поехали к месту нахождения остальных ремонтников группы технического обеспечения, которым были даны конкретные задания по восстановлению части вышедшей из строя нашей техники.

Встретил здесь Саркисяна, Гена, Короля, Ванина и многих других. Пока занялся оказанием медицинской помощи. Были у ремонтников серьезные травмы, ссадины, фурункулы. Многие были с легкими обморожениями пальцев, щек, подбородка, ушей. Один ремонтник был с травмой и обморожением пальцев левой кисти. Получил во время ремонта гусениц танка. Кожа кисти была намазана солидолом и замотана полотенцем. Так ему посоветовали. Уже образовались пузыри. Очистил от солидола и наложил марлевую повязку. Он нуждался в эвакуации в медсанбат или госпиталь. Доложил подполковнику Иванову о нем.

В медсанвзводе встретил бригврача Джатиева и доложил ему, что был в группе технического обеспечения, оказал там нуждающимся медицинскую помощь, а одного ремонтника с обморожением пальцев привез в медсанвзвод. Он приказал остаться здесь в подчинении Гасан-Заде и поставил задачу сопровождать раненых из медсанвзвода в госпитали. На вопрос, а как же рота технического обеспе-

чения, он сказал, что известит об этом моего командира роты. Я остался.

В перевязочной была плюсовая температура, где-то около пяти градусов. Растворы не замерзали. Там и оказывали первую врачебную помощь. Мерзли раненые, пока попадали в перевязочную и в ожидании эвакуации. Последнюю партию раненых увез военфельдшер роты управления Гомельский. Санинструктор Иванов вернулся из Красноармейска, куда отвозил первую партию раненых. Прибыли две машины с ранеными – санитарная и грузовая. Сопровождал их военфельдшер Модзелевский. Все раненые с его батальона. После разгрузки он тотчас убыл к себе – шли тяжелые бои за Цыбенко. С ходу взять не удалось.

Раненых сгрузили в приемно-эвакуационную палатку. Носилок на всех не хватило, и часть раненых уложили на брезент, расстеленный на замерзшем грунте. Остался центральный проход, и по обе стороны почти впритык разместили раненых. Доктор Гасан-Заде осматривал каждого и указывал нам, кого брать в перевязочную в первую очередь, кого потом. Некоторым оказывали медпомощь непосредственно здесь. Подбинтовывали, где сбилась повязка или пропиталась кровью, некоторым накладывали шины. Кроме ранений были и с обморожениями.

Уже стемнело, когда подготовили раненых для эвакуации. Привезли в термосах ужин: кашу и чай. Накормили, напоили раненых. Всем нам не хватило. Себе мы потом согрели кипяток на печке, попили с сухарями.

Сопровождать раненых направили военфельдшера первого танкового батальона. Его батальон находился поблизости в оперативном резерве. Ожидал, что направят меня. Сказали, что и мне хватит работы.

Среда, 13 января 1943 г. В МЕДСАНВЗВОДЕ.

Женщины находились в отдельной землянке. Отапливал и оберегал их санинструктор Иванов. Они ему доверяли. Мы, мужчины, собрались в другой землянке. Печка

горела плохо, дымила. Задувало снег под дверь. Снаружи мело. Зашла Ладна и доложила Гасан-Заде, что прибыл водитель начальника политотдела и просит ее прибыть на командный пункт с санитарной сумкой.

– Ехать или не ехать?

– Поступайте, как считаете нужным.

– Можно не ехать?

– Решайте сами. Я вам не запрещаю, если того хотите. Если откажетесь, пошлю санинструктора Иванова. Решать вам.

– Вы же знаете, что ему нужна я.

– Тогда езжайте вы.

Она повернулась и ушла. Раздались осуждающие реплики, стали обсуждать женщин, их участь на войне.

– Не могу я быть им сторожем, если сами себя не берегут, – проговорил Гасан-Заде. – Ха! Спрашивает «ехать или не ехать?», а сама, кобылка, рвется. Не хотела бы – сказала б, и я послал бы другого, а то «ехать или не ехать?»... Попробуй придержать их, если сами рвутся, – продолжал ворчать командир медсанвзвода.

В этот вечер я многое узнал о жизни и быте медсанвзвода. Транспорта недостаточно, из штаба бригады выделяют его не всегда вовремя. Обычно попутный. На довольствие стоят в роте управления и не всегда доставляют им пищу. Должны готовить и на раненых, но никто не знает, сколько их будет, и заранее точную заявку дать нельзя. При большом потоке раненых некогда писать заявки и не с кем отправить. Бывает, что привозят много пищи, а раненые уже отправлены. Чаще бывает наоборот. Вчера медики остались без ужина – отдали раненым.

Женщин беспрерывно атакуют, особенно когда обстановка более спокойная. Командир бригады прибрал доктора Ложкину, и она много времени находилась при нем, что не могло не сказаться на работе медсанвзвода. Сейчас она по беременности убыла с фронта.

Попытки начальника политотдела Максимова приручить доктора Вайнштейн провалились, и он переключился

основательно на Ладну. Уже не первую ночь, как я понял, он забирает ее к себе. У него отдельная закрытая машина-летучка с отапливаемым кузовом. Атакуют и доктора Большакову. Ближе к успеху начальник разведки бригады. О Майе плохо не говорили. Шепшелев называл ее недотрогой. Будто это не самый лестный отзыв о женщине в этих условиях. Успел заметить, что она замкнулась, болеет или переживает о чем-то. Поговорить пока не удалось, и идти туда к ним неудобно. Люба не вытеснила ее из моих мыслей. С Любой произошло все как-то неожиданно и, как мне казалось, по-человечески неоправданно, без осознанного желания. Бесконечное танго «Брызги шампанского», роскошная совместно с ней и мамой постель, и ее приход ко мне в постель на следующую ночь... Все это было чудесно и отвратительно своей простотой. Не укладывается, что все это может так запросто произойти между незнакомыми людьми. Даже с Майей я не позволил бы так. Мне приятно быть с ней рядом, общаться в работе, заботиться о ней, а большее?... Видно не готов я для большего. Так я мыслил, пока не погасла свечка. Дрова решил не подкладывать, задувало дым в землянку. Лежали на нарах в шинелях, прижавшись друг к другу. Холод донимал, и пришлось встать. Вышел на улицу. Хорошо слышна была канонада не такого уже далекого боя. Взламывали оборону немцев. Наши вели бои день и ночь.

А здесь намело вокруг участками довольно большие сугробы, замело вход в землянку, перевязочную, дорожки не были видны, сровнялись с поверхностью. За землянкой справил малую нужду. А как справить большую? Холодно, да поблизости расположены воинские части, транспорт, ходят люди. Из землянки вышла доктор Большакова, поздоровалась, осмотрелась и пошла вдоль балки. Как же им, женщинам? Где спрячешься от глаза людского, вернее, мужского? Видно, справить нужно ей естественные надобности, а кругом белым-бело от снега и кусты редкие. Все видно как на ладони. Взял лопату и стал расчищать дорожки, а Большакова в небольшом отдалении присела

за сугробом. Сделал вид, что ничего не вижу. Как же им, женщинам, трудно в этих условиях, во много крат труднее, чем нам, мужчинам. Смотрим на них как на женщин, а помогаем ли им, заботимся ли?

Когда Большакова ушла в землянку, я пошел к более крупному сугробу снега за их землянкой и раскопал туннель с поворотом под углом, подняв повыше края. Ведь и Майе понадобится выходить.

Все явственнее раздавались отзвуки шедшего вдали боя. Скоро будут раненые. Приехал бригврач Джатиев. Он привез свою жену – Нину. Она эти дни у нас не была – ездила в госпиталь, за документами и личными вещами. Окончательно утвердилась в медсанвзводе. Джатиев уехал в штаб бригады, ближе к району боевых действий. Санитарная машина пригодилась бы для перевозки раненых, но он брал ее из медсанвзвода в свое пользование.

В полдень пришла первая машина с ранеными. Привезли их из танкового полка. Разгрузили в приемно-эвакуационной палатке. Два обожженных танкиста, третий скончался от ожогов. Был еще один тяжелораненый в грудную клетку. Раздута была у него шея и верхняя часть туловища от попавшего под кожу воздуха из раненого легкого. Этого в первую очередь направили в перевязочную. Занялся им доктор Гасан-Заде – сделал искусственный пневмоторакс. Трое раненных в конечности, один с обморожениями подбородка, кисти и стопы. Обожженных не перекладывали, укрепили имевшиеся повязки, ввели морфин, сердечные, дали попить теплого чая. Мне поручили везти их в госпиталь в Красноармейск. Сдал всех живыми в хирургический подвижной полевой госпиталь и уже по темноте вернулся в медсанвзвод.

Наши овладели населенным пунктом Цыбенко и ушли на Кравцов. Узнал, что после меня еще две машины с ранеными ушли в Красноармейск. Доктор Майя пригласила меня и шофера в свою землянку.

– Вы так замерзли, что придется взять вас для отогрева к себе.

Мы, конечно, не отказались. Шинели сняли и валенки. Растерли ноги, переобулись другим концом портянки. Напоили нас сладким чаем с сухарями. За час мы отогрелись.

В землянке были, кроме Майи, Большакова, Нина и Шура. Шутили над нами, Шура не против была нас обоих взять под одеяло, чем очень смутила водителя, а мне почему-то были неприятны такого рода шутки, особенно зная, что прошлой ночью она не ночевала в медсанвзводе. Готова была многих согреть и не в шутку. Упрекать ее за это? С Майей мы часто пересматривались, как заговорщики, не одобряя Шуру. Не знаю, долго ли согревали бы нас женщины, но вся эта приятность вдруг прервалась. Приехал Джатиев и приказал срочно грузиться – едем в Цыбенко.

Четверг, 14 января 1943 г. ПОСЕЛОК ЦЫБЕНКО.

Собирались недолго. Печки и трубы остудили в снегу. Разогрелись, пока грузились, и выехали в снегом покрытую ночную степь. За полночь прибыли в Цыбенко. Джатиев привез нашу колонну к какому-то двору, охранявшемуся нашими красноармейцами из роты управления. Здесь приказано было разместиться. Во дворе стояли два дома. В одном, более просторном, развернули приемную и перевязочную, в другом разместился личный состав медсанвзвода и часть имущества. Закончили развертывание к утру и были уже готовы к приему раненых. Джатиев уехал в штаб бригады доложить о нашем прибытии и готовности к работе. В поселке Цыбенко располагалось много войск. Почти рядом – штаб бригады и рота управления, много других частей. Узнал, что недалеко расположилась наша группа технического обеспечения. Поспешил к ним. На ремонте были у них два танка Т-34 и несколько колесных машин. Только что отправили два танка в строй.

Многие из ремонтников нуждались в медицинской помощи. Были травмы кистей рук и обморожения. Работали на морозе с металлом. Двухпальцевые рукавицы не всегда

были удобны в работе, и прикосновение руками к металлу на морозе вызывало обморожение с появлением пузырей.

Стал оказывать им медицинскую помощь в одной из летучек. У каждого почти что-то было подморожено: то подбородок, то щека, то нос. Серьезное отморожение пальцев кисти было у одного из ремонтников, и его я повел в медсанвзвод. Он был отправлен вместе с партией раненых в госпиталь.

По дороге к ремонтникам и в обратный путь шел мимо груды разбитой техники врага и нашей, лежало много замерзших трупов немцев. В одном месте они были сложены как дрова в длинные штабеля, замерзшие в разных позах. С той стороны, с которой шел, торчали головы и босые ноги. Нашли себе покой, нашли, что заслужили.

Сегодня за день было всего две машины раненых. В госпиталь отвозил их военфельдшер Шепшелев. Все больше поступали с обморожениями конечностей.

Во вторую половину дня мы смогли немного отдохнуть. Очень хотелось спать. Не знали, что предстояло впереди. Доктор Гасан-Заде разрешил одной половине личного состава прилечь. В домике в одной из комнат были двухъярусные нары. Там мы и разместились: внизу женщины, а наверху мужчины. Не стали выделять для женщин отдельную комнату. Эта отапливалась, и удобны были нары. Я сразу провалился в бездну.

Спал недолго. Не знаю, что меня разбудило, но почувствовал себя отдохнувшим. Майя не спала, стояла у окна и оттаивала, дуя на стекло сохранившейся форточки, через которое смотрела наружу. Я подошел к ней, спросил, почему она такая задумчивая, грустная все эти дни, здорова ли и чем обеспокоена? Ответила, что здорова, но непонятная хандра гложет ее. И очень устала, и физически и морально. Заверила, что постарается настроиться на более светлую волну, но им просто очень трудно. Смотрел на нее и сравнивал с Любой. Подумал, смог бы я быть с ней так, как с Любой, и сразу отогнал эту мысль. Не посмел бы. Мне было приятно быть рядом, видеть ее. У нас была

какая-то внутренняя близость, какая-то тайна, неосуществившаяся, что и сближало. Мысль о телесной близости с ней не укладывалась в моем сознании. Отношения Шуры с Максимовым и другими до него вызывало отвращение, как и мое отношение с Любой. Почему так много и приятно говорят об этом мужчины, а я не могу быть солидарен с ними? Даже похвастаться этим не счел нужным. Или было стыдно?

Сходил с двумя чайниками по воду. Согрели кипяток. Пили с сухарями. Ни заварки, ни сахара не оказалось — не привезли из роты управления, как и ужин в этот вечер. С наступлением темноты Ладна ушла к Максимову, не предупредив доктора Гасан-Заде, не спрашивая у него разрешения. Мы рано легли спать, пока не поступали раненые. Рады были возможности в тепле отдохнуть. Поток раненых мог быть в любое время.

Пятница, 15 января 1943 г.

БЕСКОНЕЧНЫЙ ПОТОК РАНЕНЫХ И ТРУПЫ...

Проснулись затемно. Возможно, от взрывов авиабомб и артиллерийской канонады, которые раздавались совсем недалеко. Очень рано начался штурм, значит, пойдут и раненые. Все стали подниматься. Не умывались. Кто снегом протер лицо. Мне приказали почистить от снега подъезд к медсанвзводу. Доктор Гасан-Заде сказал, чтобы я был готов первым рейсом сопровождать раненых. Еще до завтрака пришли две бортовые машины, и наши забегали. Раненых сносили в приемную, более тяжелых — в перевязочную. И в этой партии были с обморожениями, в основном пальцев, кистей рук и стоп. Раненые — тяжелые, с обширными осколочными ранениями от гранат и мин. Один красноармеец был с размозженной стопой — в темноте нога его как-то попала под гусеницу нашего танка. Он был в шоке, окоченел от холода. Чтобы довезти его до госпиталя в Красноармейск или Бекетовку, нужно не менее трех часов, и при таком холоде и в состоянии шока он может погибнуть в пути. Гасан-Заде решил сде-

лать ему ампутацию стопы. Сказал, что погибнет, если не сделать ему. Оперировал вместе с доктором Большаковой. Вайнштейн работала в паре с Шепшелевым – обрабатывали раны, накладывали повязки. Мы с санинструктором Ивановым накладывали шины, готовили к эвакуации. Очень тесно было в приемной, с трудом проходили между носилками. Раненых нужно было хотя бы напоить горячим чаем. Из роты управления завтрак еще не привозили. Надо было вскипятить чай на печке. Рук не хватало. Санитары переносили раненых и помогали нам, рубили дрова и подтапливали печку. Иванов сказал, что не мешало бы разбудить Ладну.

– А она есть здесь?

– Да, – ответил он, – она недавно пришла и завалилась спать.

Я в гимнастерке побежал через двор во второй домик. Шура спала внизу на нарах. Я ее растолкал и попросил разогреть чай для раненых, так как скоро будем их эвакуировать. Вернулся в приемную и продолжал там работать. Санитары уже поставили чайники с водой на плитку. Вышел из перевязочной Гасан-Заде, осмотрел раненых и наметил очередность их направления в перевязочную. Спросил, где Ладна. Я ответил, что отдыхала, разбудил ее, но почему-то не пришла.

– Иди, приведи ее сюда. Как можно без нежных женских рук обойтись здесь. Чаем хоть напоит. Беги за ней, хоть на руках принеси, – не то серьезно, не то с иронией распорядился он.

Я опять побежал через двор в другой домик. Она и не думала вставать. Как была в шинели и в валенках, так и спала. Я опять стал ее будить, стащил валенок и за ногу притянул к краю нар.

– Гасан-Заде послал, сказал, чтобы принес вас, если не пойдете. Совесть надо иметь. Раненых скоро отправлять, чаем бы напоить их, а вы валяетесь, – не удержался я.

Она что-то пробормотала, оттолкнула меня ногами, какие-то проклятия мне посулила. Она, видно, была пьяна.

– Бессовестная, – распалился я, – не для распутства же вы здесь, делом другим, более нужным заниматься надо.

– Тебе завидно, щенок, – услышал я, – катись отсюда. Видала таких... – Посыпались ругательства, дух которых и бумага не выдержала бы. И ничего не оставалось мне как уйти. Что-то очень неприятное произошло. Зачем же мне надо было вмешиваться в это дело? Пошел бы Иванов ее будить, но послали меня. Я доложил доктору Гасан-Заде, что она не хочет и не может встать. Меня обругала, что будил ее, да так, как никогда до этого не слышал. Он махнул рукой, сказав при этом:

– Эх, доктор, думаешь, я ее подниму, только унижаться. Не я им начальник. Их много кроме меня. Давай заканчивать. Пора тебе ехать. Скоро опять привезут новых.

И мы продолжали обрабатывать раненых, накладывали шины. У многих промокли повязки, и их надо было заменить, ибо все это замерзнет в пути. Раненые просили пить. Санитары разносили кружки с кипятком, с сахаром и сухарями. Некоторых приходилось поить с ложки. Стоял стон, некоторые матерились, что их не берут в перевязочную, один все кричал, почему выбирают других, а не его. Вышел Шепшелев и попросил дать ему и Майе по кружке кипятка. Когда уже закончил обработку раненых, почувствовал, что замерз. Надел шинель. Каково раненым? Им предстоит еще долгий путь, часа на три до ближайшего госпиталя в холодной машине, в мороз и метель.

Подошла грузовая машина ЗИС-5, крытая брезентом. Более тяжелых погрузили в санитарную машину, а остальных в грузовую, и я повез их на юго-восток. Еще не знал куда, но решил держаться направления на Бекетовку. Несколько ближе, но дорога идет вдоль зоны военных действий. Решили с водителем рискнуть.

Путь лежал через населенные пункты Попов, Ягодный. Только днями здесь закончились боевые действия. Вдоль разбитой дороги, несколько расчищенной, разбросана военная техника, замерзшие трупы в серо-зеленых шинелях, припорошенные снегом. Разрушенные и сожженные насе-

ленные пункты. Проезжали мимо кладбища немецких самолетов. Местами трупы немецких захватчиков, сложенные в длинные штабеля, горели, а местами тлели, политые солляркой, и издавали вокруг тошнотворный запах горелого мяса и тряпья. Мерзлая земля не могла принять, и несправедливо было бы осквернять ее, советскую приволжскую землю, фашистскими трупами. А их было несметное количество.

Правильно было превратить эту скверну в пепел. Встречались и колонны немецких военнопленных, которые шли навстречу. Наконец-то немцы стали сдаваться в плен. Жалкое зрелище представляли они. Платки и шарфы поверх головных уборов, на ногах у кого что: и сапоги, и валенки, и деревянные ботинки, и тряпье, обмотанное веревками. Радостно было сознавать, что они уже воевать против нас не будут. Вдоль дороги встречали много наших войск, шедших в пешем строю и на транспорте. Стояли готовые к бою зенитные установки. В районе Ягодного пытался сдать раненых в медсанбат какой-то дивизии, но их не взяли. Сказали, что своих сами отправляют, так как должны менять место расположения. И рекомендовали везти в Бекетовку. Раненный в грудную клетку скончался в дороге. Другому раненому в пути пришлось наложить жгут на бедро, так как повязка на голени сильно пропиталась кровью. В дороге один раз распустил ему жгут, чтобы не наступило омертвление конечности, что не исключалось при таком холоде.

Меньше чем за три часа после выезда прибыли в Бекетовку. И еще ушло с полчаса, пока удалось раненых сгрузить в хирургический полевой подвижной госпиталь. Раненые окоченели, возможно, и получили дополнительные обморожения, что выяснится потом. Пока сдавал раненых, стало темнеть. Здесь меня и водителя накормили горячей кашей, напоили хорошо заваренным чаем с белым хлебом, и, подкрепившиеся и отогревшиеся, мы по той же дороге двинулись в обратный путь. Около полуночи прибыли в Цыбенко. Узнали, что наша бригада во взаимодействии с другими частями овладела населенным пунктом Кравцов и ушла в направлении разъезда Басаргино.

Я с водителем, не снимая шинели, в шапках забрались на нары и завалились спать. До утра осталось мало времени, и неизвестно, удастся ли использовать для отдыха эти несколько часов. Сражение продолжалось и ночью.

Суббота, 16 января 1943 г. ОПЯТЬ ВАРВАРОВКА.

Видно, только заснул, как нас всех разбудили. Опять приехал Джатиев и приказал срочно грузиться – едем в новое место расположения – в район разъезда Басаргино. Трудно было вставать, оторваться от нар, но через пяток минут были уже при деле. Кабины машин были заняты и я сел в санитарную машину, меньше здесь продувало. Я сел на скамейке между Майей и Ниной.

Ладна со мной не разговаривала. На какой-то вопрос ответила резкостью, и я не стал больше обращаться к ней. Майя спросила меня на одной остановке, когда вышли из машины, что произошло между нами. Я ей кратко рассказал. «Зря задевал ее, – заметила Майя, – она с виду добродушная, но может жестоко отомстить».

За мной заехал мой командир роты Михайловский. Сказал, что договорился с командованием и забирает меня в роту. Там многие с травмами и обморожениями нуждаются в медпомощи.

Попрощался с коллегами из медсанвзвода. Залез в кузов, и меня пошло трясти по ухабам заснеженной степной дороги. Вскоре приехали в расположение нашей выездной группы технического обеспечения. К нам присоединилась часть ремонтников в составе одной летучки и бортовой машины. Им предстояло пополниться запчастями и получить продукты. Наступательный порыв наших войск несколько упал. Нужны пополнения. Мы все, в том числе Дрозд, Ген, Саркисян, Король, Кругляков, возвращались к себе в Варваровку. Битком набились в летучку, кое-как притерлись, пристроились. Было очень тесно, скоро стало жарко. На ходу топилась железная печурка. Стали стаскивать шинели, шапки. Все это надо было куда-то деть. Както надо было уложить и ноги в валенках, ибо на полу и на

полках были ящики, железяки. Постепенно в пути утряслись. А снаружи мороз достигал градусов двадцати пяти.

Шли по местам проходивших недавно боев. Восточнее разъезда Басаргино располагался аэродром противника. Проезжали мимо. Много черных силуэтов с белыми крестами четко выделялись на снегу. Казалось, что все эти «юнкерсы», «мессеры», «фокке-вульфы» вот-вот взлетят со своим смертоносным грузом. Но это было кладбище немецких самолетов, многие и не поврежденные, но без горючего. Вдоль дороги лежало много раскуроченной военной техники, вражеской и нашей, встречались и груды замерзших трупов врага. Вся дорога была в выбоинах, и нас качало и подбрасывало в машине.

Мне освободили тот же домик, в котором располагался раньше. Топилась плита. Попросил красноармейца к себе в помощники. Наколол он дров, разогрел воду на плите для ванночек, а я стал оказывать медпомощь личному составу. Ходили ко мне до и после ужина. Многие были с гноившимися, долго не заживающими ссадинами, фурункулезом и немало с обморожениями. За весь этот период личный состав не мылся. Старшина роты сказал, что выдал несколько дней назад всем чистое белье, а грязное сдал на бригадный склад для дезинфекции и стирки. Распорядился выдать всем прибывшим чистое белье. И я получил новое белье, простое и теплое. В медпункте на плите согрел ведро воды и над тазиком помыл голову, затем помылся до пояса, а потом и ниже. Испытал очень приятное чувство от помывки, от свежего белья, от того, что среди своих. После многих дней наконец-то разделся до белья и лег в свой ватный конверт спать. Какое я испытал блаженство...

Воскресенье, 17 января 1943 г.
«ЕСЛИ ВРАГ НЕ СДАЕТСЯ – ЕГО УНИЧТОЖАЮТ!»

Проснулся, когда уже в окнах было светло. Стекла расписаны морозом. Тихо. Ни стрельбы, ни другого шума. Вспомнил, где я. Осторожно открыл дверь и зашел красноармеец. Принес завтрак в двух котелках: кашу с селед-

кой и чай. Поставил на ящик. Из кармана вытащил кусочки сахара, из-под пазухи шинели – четвертинку буханки замерзшего серого хлеба.

– Завтрак принес, кушайте. Ждали, что придете пробу снимать, но я сказал, что еще первый сон видит.

Мне несколько часов не удавалось выйти из медпункта. Заходили за медицинской помощью. Наконец оделся и прошелся по всем объектам роты.

В мастерской стоял один танк, который признали непригодным к восстановлению в наших условиях. Ремонтировали колесные машины.

После обеда замполит собрал весь личный состав в мастерской и рассказал о боевых действиях бригады, зачитал бригадный листок.

Наше командование 10 января предложило окруженной группировке врага капитулировать, но гитлеровцы отказались. И ставка вынуждена была принять решение об уничтожении. «Если враг не сдается – его уничтожают!» И по всему кольцу окружения наши войска начали боевые действия по уничтожению врага, в которых задействована и наша бригада.

За неделю боев с 10 января 1943 года 254-я танковая бригада, взаимодействуя с 38-й и 422-й стрелковыми дивизиями, прорвала сильно укрепленную многоэшелонированную оборону противника. Правда, продвижение проходило медленнее, чем рассчитывали вначале. Враг оказывал упорное сопротивление. Освободили населенные пункты Цыбенко, Кравцов, Новиково, разъезд Басаргино. Путь движения для бригады был нелегким. Танки на улицах города не могли маневрировать и были удобной целью для их уничтожения.

Противник создал сильно укрепленные рубежи, минировал подступы к своим позициям, оборудовал доты и дзоты, установил артиллерию, минометы, ряды колючей проволоки, снайперские группы. Все это стояло на пути продвижения, но наши танкисты и автоматчики самоотверженно шли вперед, нанося урон живой силе и технике противни-

ка. Взяты тысячи пленных, много военной техники. Немцы стали большими группами сдаваться в плен. Отличились в боях командир мотострелкового пулеметного батальона капитан Балаев. Батальон истребил свыше трех сотен солдат и офицеров врага. Экипаж лейтенанта Марголина с пробитыми маслобаками и башней продолжал бой, давя гусеницами живую силу и технику врага. Танк был взорван. Весь экипаж погиб. Отличились экипажи Малыгина, Солода, Дмитриева. Отличились и ремонтники.

Группа технического обеспечения из нашей роты, возглавляемая старшим воентехником Дроздом, произвела на поле боя ремонт трех танков Т-60 и пяти автомашин, вернув их в строй. Эвакуировали с поля боя два танка Т-34 и три танка Т-70. Далее сказал, что наша бригада понесла потери в живой силе и технике. Война не обходится без жертв. «Почтим погибших товарищей минутой молчания...»

Все встали, сняли головные уборы. Затем сказал, что наши войска готовятся к очередному штурму позиций врага, расположенных на рубеже Воропоново, Песчанка, Горная Поляна. Будут участвовать и наши ремонтники в составе группы технического обеспечения, остальные будут восстанавливать боевую технику в мастерских, которые должны развернуть ближе к району боевых действий бригады. Закончил он выступление, выражая уверенность, что с задачей справимся успешно. Строй вразнобой ответил: «Справимся, выполним поставленную задачу!» На этом разошлись.

Видно, что новый замполит пришелся по нраву личному составу. Ест вместе со всеми из котла. Всегда на людях, неназойливо вникает во все дела роты. О нем говорят: «Свой в доску».

Понедельник, 18 января 1943 г.

ПРОРВАНА БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА!

Узнали о радостном событии. Воины Волховского и Ленинградского фронтов прорвали блокаду Ленинграда. Перед обедом построили личный состав, и замполит за-

читал сводку Информбюро, извещавшую о прорыве блокады многострадального города Ленина. Мы ликовали. Чувствовали, что скоро будет уничтожена и окруженная группировка в Сталинграде. Зреют радостные события для всей нашей Родины. Близится победа! Лейтенант Балашов ходил именинником. Его, ленинградца, все поздравляли, желали здоровым вернуться в свой город. Были рады за его родных, знакомых, за всех многострадальных ленинградцев, за страну в целом.

Сегодня получили письма от родных – привесок для многих к общей радости. Мои родные знали, где мы, желали быстрейшей победы над врагом. К обеду выдали по сто граммов фронтовой водки. Выпили за Ленинград. После обеда ко мне зашли Манько, Саркисян, Ген. Манько грустил, писем от жены все не было, он твердо был уверен, что она эвакуировалась с сыном, но не писала. Наше хорошее настроение вскоре передалось и ему. Зашел Костя Наумов и заявил, что видит себя не за горами в Одессе.

– Есть хорошая пословица: «Не говори гоп, пока не перепрыгнешь». Наумов, еще тут надо закончить, а сколько предстоит еще дел до Одессы. А сколько здесь гибнет наших, можно сказать, напрасные жертвы. Немцам тут никто не поможет, им уже капут. Надо было выждать какое-то время, и они стали бы сдаваться в плен. Уцелело бы больше наших, – высказывался Саркисян.

– Тоже мне стратег, – возразил Ген. – Надо быстрее высвободить армии и отправить всех на Западный фронт.

– Две-три недели ничего не решили бы. Наши армии привели бы себя в порядок, пополнились бы людьми и техникой и пока выжидали – сколько бы жизней спасли. Не берегут своих воинов.

– Надо и для общественности мира как можно быстрее уничтожить врага, показать нашу силу и для тыла поднять настроение.

– Зачем такие жертвы, когда и так победим, – защищал свою позицию Саркисян, – недорого ценит жизнь людей

наше командование. Нельзя добиваться победы любой ценой, любыми жертвами. Жалеть надо своих людей.

– Той тот як его, наше командование знает, как поступать. Видно, так надо. Тоже мне стратеги! – присоединился и Манько к решению стратегических вопросов.

Разговор стал принимать неприятный оборот. Уж очень разговорился Саркисян, не ко времени и месту. Обычно молчаливый, из которого не так просто было выдавить слово, вдруг разговорился. Может, не одной порцией водки обошелся? Хотя тут будто все свои, но распространяться не следовало бы – у «СМЕРШа» уши длинные.

– Наши уже научились воевать. Такую операцию провели, что изменили весь ход войны. Только сейчас и давить гада, пока не опомнился, – решил я изменить ход разговора.

Саркисян выматерился и махнул рукой.

– Истреблять врага, не откладывая и на день, пока фортуна повернулась к нам. Гнать, пока бегут на запад, и тут кончать надо как можно быстрее. Война не без жертв. Впереди еще много дел, так что тут надо кончать, не мешкая, – развивал свою стратегию Александр Ген и добавил: – Быстрее закончим войну, быстрее свою жизнь наладим.

– Ну и заживем, ребята, такую жизнь создадим себе – закачаешься. Вот еще не решил, чем заниматься буду, какое место под небом займу, – проговорил мечтательно Костя.

– Эх, дожить бы до победы! Посмотреть эту хорошую жизнь, какая наступит после войны.

– Не только посмотреть, но и пожить в ней.

И разговор перешел в другое направление.

Сидя в тепле после обеда со ста граммами и ободренные такими хорошими вестями, мы уже строили планы нашей жизни после победы, в которой никто не сомневался. Все пришли к выводу, что после войны хорошо заживем, все будем работать, и все у нас будет.

Вторник, 19 января 1943 г. БОГ НЕ РОВНО ДЕЛИТ.

После завтрака уехала внушительная объединенная группа технического обеспечения, возглавляемая старшим воентехником Дроздом. Мимо нас на северо-восток все шли и шли наши войска. В небе наши самолеты. Вражеских не видно. Отзвуки боев здесь не слышны – глубокий тыл.

Прибывали наши водители за боеприпасами, горючим. При нас находились все склады бригады. Часть имущества оставалась на машинах, основное количество хранилось поблизости в оврагах или балках. Личный состав складов обслуживался у нас: состоял на котловом довольствии и на медицинском обслуживании.

Разобрался с состоянием хозяйственной службы и ее работниками, благо было время. Имелся запас чистого белья, но за последние недели не выдавали личному составу. Практически тело не мыли. С питанием ничего нового. Продолжали готовить отдельно для командира роты. Старшина роты Николаев чувствовал себя хозяином во всем. Хорош для командира и его окружения, и этого достаточно, чтобы иметь прочное положение и извлекать пользу для себя в этих условиях. Повара раздобрели вширь, округлились. У Харитонова появился животик, вальяжная вразвалку походка. Мезенцев ходит паном. Вел учет хозяйственного и технического имущества, ходил в полушубке, в новых белых валенках. Лукьянов раздавал в обед водку и чувствовал себя в своей тарелке – все время был «под мухой». Кому пышки, а кому шишки. Не зря бытует поговорка: «Бог не ровно делит». И в условиях роты появилась своя элита. Для них отдельно готовят из лучших продуктов и в большем количестве, отрывая от личного состава. Одеваются во все новое, обеспечили себя полушубками, хотя и не всем им положено по штатному расписанию, часто меняют белье. Не забывают вносить себя в наградные листы.

Так в частях, в соединениях, армиях создаются этажи, на которых располагаются наши воины – детище наро-

да, выполняющие общенародную задачу: разгром врага и освобождение нашей Родины. Наибольшие испытания выпадают людям, расположенным на нижних этажах. Практически выполнение задач боевой обстановки в основном зависит от них, хотя пребывают они в худших материально-бытовых условиях и имеют больше шансов погибнуть. И на возрастающих этажах шанс погибнуть не исключается, но находится в убывающей степени...

Приехал командир и собрал всех оставшихся командиров взводов и отделений. Объявил, что завтра выезжаем в новый район северо-западнее Песчанки, под Воропоново — ближе к месту боевых действий бригады.

Среда, 20 января 1943 г.

СЛЕДУЕМ ЗА БОЕВЫМИ ПОРЯДКАМИ.

Ну и морозище! Погрузку закончили еще глубокой ночью. Не спали. Всю ночь прогревали машины. Сами грелись в избах, сидя или стоя возле печи.

В полдень колонна наших машин тронулась. Сзади дымились кухни. Вдоль пути следования лежала разбитая военная техника врага и наша, замерзшие трупы немцев, лошади. Проезжали мимо еще одного вражеского аэродрома, где стояли с виду целые самолеты с белыми крестами. Под Соловьевом встретилась длиннющая колонна немецких военнопленных — плелись, обернутые в платках, в одеялах, полузамерзшие солдаты и офицеры гитлеровской армии. Сопровождали их наши воины в полушубках, валенках, шапках-ушанках — победители! Как мы ждали этого часа! Но конца еще нет. Немало жертв ожидает нас на этом пути. И врагу бы прекратить сопротивление. Уже никто не сомневался, что в ближайшие недели он будет полностью разбит. И враг наверняка это знает. Сдавался бы в плен. Сохранили б и свою жизнь. Зачем же так упорно сопротивляться? От отчаяния, предвидя гибель? От страха перед возмездием? Или от страха перед своими командирами? Им всем в листовках предлагалось капитулировать и гарантировали сохранить жизнь,

медицинское обслуживание, возвращение в Германию по окончании войны. И они на это не пошли. Нацистской пропаганде удалось их околпачить фанатичной верой в своего фюрера, рейх, превосходство немецкой нации над другими народами. И подавляющее большинство нацистов предпочитает смерть плену.

Вскоре услышали отзвуки шедших впереди боев. Наши войска штурмовали Песчанку. Километрах в трех западнее ее в небольшом населенном пункте колонна остановилась. Время шло, и мы продолжали стоять в голой степи. Отзвуки боев то нарастали, то стихали. Мы на заснеженном поле. Из летучек стали вытаскивать обогревшихся воинов, и их заменяли с мороза другими. Обмен происходил каждые полтора-два часа, и таким образом каждому удавалось периодически согреваться. Более нахальным и бесстыдным удавалось просидеть в летучке больше времени, а то и всю ночь. Далеко за полночь приехал командир роты, нам стало известно, что располагаться будем на северной окраине Песчанки. Ее уже почти освободили от врага. Под утро мы войдем в нее и развернем наши мастерские. Бригада ведет бои на подступах к станции Воропоново. Противник оказывает упорное сопротивление. У нас значительные потери личного состава и техники – много подбитых танков и колесных машин. Их будут стягивать к нам для ремонта. Много работы у нашей группы технического обеспечения – ремонтируют машины непосредственно на поле боя. Под утро мы выехали колонной на Песчанку, обогнули ее с севера, так как враг еще оказывал там сопротивление, и двинулись в направлении станции Воропоново. Шли мимо бывших оборонительных рубежей противника, развороченной земли со снегом, нафаршированной разбитой техникой, замерзшими трупами, которых еще не успели подобрать. Преобладают трупы в темно-серых шинелях – трупы врага, хотя немало и в светло-серых и в полушубках.

Остановились в каком-то небольшом населенном пункте, не доезжая до станции Воропоново. Недавно выбили

отсюда немцев – печи еще были теплые. Вскоре получили приказ развернуть здесь ремонтные мастерские. Медпункт занял место в небольшой однокомнатной пристройке к дому. Комната отапливалась плиткой, и она меня вполне устраивала. Мастерские расположились во дворах под открытым небом. Группа ремонтников с запасом запчастей на летучке и бортовой машине ушла в направлении Воропоново, в район боевых действий бригады.

В роте случилось чрезвычайное происшествие. Во время выгрузки боеприпасов одна машина сорвалась с тормозов, пошла в овраг, свалила одного красноармейца и переехала колесами через его ноги. На носилках его принесли в медпункт. Один валенок удалось снять, другой пришлось разрезать. Оказался закрытый перелом костей одной голени. Наложил повязку, шину и на бортовой машине ГАЗ-51А повез в направлении станции Воропоново, где должен был находиться наш медсанвзвод.

За станцию Воропоново шли очень упорные бои. Штурмовали ее многократно. Враг упорно оборонялся, здания были превращены в опорные пункты, и станция никак пока нам не давалась. Водитель привез меня к нашей группе технического обеспечения. И они нам показали, где находится медсанвзвод. Звуки невдалеке шедшего боя хорошо слышны были здесь. К этому тут привыкли. Побоище продолжалось круглосуточно, несколько затихало ночью, но не прекращалось. Нашел медсанвзвод среди скопления тыловых подразделений действующих здесь частей. Развернули отапливаемую палатку в одном дворике. Пострадавшего оставили в палатке для подбора группы на эвакуацию.

Попрощался с коллегами и поехал к своим – к группе технического обеспечения. Очень тепло меня встретили. В летучке устроил перевязочную. Были с мелкими травмами, с ссадинами, фурункулами и обморожениями в основном первой степени. В госпитализации не нуждались. Занимались восстановлением двух танков Т-34. Работал сварочный аппарат. Руководил этой работой стар-

ший воентехник Дрозд. Вместе с ним работали у танков Саркисян, Король и другие. Была приятная встреча с Сашей Цветковым. После разъезда 74-й километр и балки Елхи мы многим обязаны друг другу, симпатизировали и всегда были рады встрече. Сетовал, что не может ничем меня угостить. Предлагал трофейные часы, губную гармошку, но часы у меня были, а к музыке таланта не было, и я отказался. Побыл у них несколько часов и отправился в роту.

Четверг, 21 января 1943 г. РАНЕН БРИГВРАЧ.

В комнатку медпункта зашел красноармеец-ремонтник и доложил, что ко мне приехали. Вслед за ним зашел военфельдшер Гомельский, бледный, испуганный. Меня удивил его приезд и вид. Гомельский отпустил красноармейца и тут же мне выпалил:

– Беда случилась. Я ранил бригврача Джатиева. Он тут, в машине, привез его. Что будем делать?

И я уставился, ошеломленный услышанным, еще не понимая, о чем он.

– Никто не должен знать об этом, – промолвил он.

– Он живой?

– Живой, конечно.

– Тяжелый?

– Не очень.

– Куда?

– Что куда?

– Ранил куда?

– В задницу.

– Куда?

– Рядом с крестцом.

– Зачем ты его сюда привез? Что мы тут ему сделаем? В какой-нибудь медсанбат надо было его везти или в госпиталь.

– Он так распорядился. Да мы к тебе и направлялись.

– Зачем?

– Об этом потом. Надо что-то делать.

– Снесем его сюда, – и я схватил носилки.

– Не надо носилок, в машине есть, пошли быстрее, замерз он там.

Я надел шапку, накинул шинель, и мы вышли на заснеженную сугробами улицу. Санитарную машину окружили наши красноармейцы, интересовались случившимся. Подошли к машине, открыли боковую дверь, поздоровался и осмотрелся. Джатиев лежал на нижних боковых носилках, животом вниз. Сверху был накрыт ватным конвертом. Я попросил водителя открыть задние двери, зашел в машину, расстегнул ремни носилок и попросил помочь вынести бригврача. Гомельский, убитый случившимся, отрешенный, шел сзади. Носилки с раненым поставили на пол, и я стал раздевать его, чтобы осмотреть.

– Повязка наложена?

– Да, – ответил Гомельский.

– Она сползла, – произнес, постанывая, Джатиев.

– Заменим.

Сняли шинель, подняли гимнастерку с нижним бельем, спустили штаны с окровавленными кальсонами. На крестце лежала пропитанная кровью марлевая повязка. Ножницами надрезал ее и снял. На правой ягодице, ближе к крестцу виднелась небольшая овальная ранка с запекшейся кровью, входное отверстие пулевого ранения, должно быть вошла в тело плашмя.

– Куда ж она делась? – спросил я.

– Кто?

– Пуля куда пошла?

– Она, должно быть, в кости застряла, в крестце, – подсказал Джатиев.

– Мочились, товарищ подполковник?

– Нет, очень хочу.

– Надо посмотреть мочу, не задела ли пуля мочевой пузырь.

– Куда помочиться?

– Ведро вот есть.

– Правильно, надо помочиться. Уже невтерпеж. Повязку сначала наложите, – руководил оказанием себе помощи Джатиев.

– Сейчас, – сказал я.

Достал комплект «ПФ», спиртом обработал кожу вокруг раны. Пальцем ощупал кожу вокруг раны и нащупал бугорок, при надавливании на который отмечал болезненность. Это могла быть пуля, с чем согласился Джатиев. Вновь обработал спиртом вокруг раны, смазал ее настойкой йода, наложил на рану подушечку индоперпакета, укрепил бинтом вокруг талии, другой бинт перетянул через бедро для фиксации повязки. Он попросил помочь ему встать и помочился в ведро. Моча была без крови. Живот был спокойный, да и общее состояние и самочувствие было неплохими, кроме испуга, который преобладал над всеми нами. В комнате во всю стену стояла кровать, на которой я спал. На матрас постелил одеяло, взбил подушку и уложил доктора. Накрыл сверху ватным конвертом. Простыней не было. Он попросил уложить его на бок, что и сделали.

Прибежал командир роты, замполит. Опросили, тяжелое ли ранение, как это случилось. Он всем ответил:

– Ехал в медсанбат соседней дивизии договориться, чтобы брали наших раненых. В госпиталь, в Бекетовку, возить далеко. Захотел по-маленькому, остановил машину в открытой степи, вылез и только закончил, как что-то стукнуло меня в крестец и обожгло, как каленой проволокой проткнули. Ахнул, рукой пощупал, а она в крови. Понял, что ранен, должно быть, случайной пулей. Выстрела не слышали. Вот как это случилось, – закончил он.

– Доложить командиру бригады? – спросил Михайловский.

– Не надо. Завезут меня хлопцы в ближайший медсанбат, там вытащат пулю, и как не было. Немножко полежу, согреюсь, и поедем.

– Надо ли вам что, товарищ бригврач? Может, покушать что?

– Спасибо, пока ничего не надо.

– Отдыхайте. Разрешите идти?

– Да, идите, занимайтесь своими делами.

Они ушли. Джатиев обратился к нам:

– Так, как я сказал, так и было. Если будут спрашивать, так и говорите, поняли?

– Так точно, – вытянулся Гомельский, несколько приободрившись.

– Поняли, – ответил я.

– Так точно, – ответил водитель.

– А тебя, Гомельский, прошу поехать в медсанвзвод, сказать об этом Гасан-Заде, он доложит командованию, и прошу привезти сюда Нину. Она мне поможет. Как-никак – операционная сестра.

– Слушаюсь, – ответил Гомельский, – разрешите ехать?

– Езжайте. Говорите, как я сказал.

– Будет исполнено!

И Гомельский пошел к выходу. Я и водитель пошли за ним. Возле машины спросил, как же это произошло. Гомельский помялся немного и рассказал следующее.

Во всем этом, оказывается, был виноват я. Когда-то мне понравился его шестнадцатизарядный пистолет «Вальтер». Он обещал достать и мне и достал. Когда Джатиев пригласил его поехать с ним в медсанбат 38-й стрелковой дивизии, с которой бригада взаимодействует, чтоб договориться о возможности эвакуации наших раненых к ним, Гомельский предложил заехать к нам в роту. Джатиев согласился. Мой друг захватил пистолет с собой, чтобы отдать мне. После медсанбата они поехали в наше расположение. Бригврач сидел рядом с водителем, а Гомельский сзади, за железной печкой, на боковой скамье. Решил посмотреть пистолет, который вез мне. Стал возиться с ним, вынимал магазин, заправлял, и внезапно произошел выстрел в машине, и Джатиев вскрикнул, схватившись руками ниже поясницы. Гомельский потерял дар речи, и его всего сковало. Водитель остановил машину, уложил Джатиева на

носилки. Постепенно вышел из оцепенения Гомельский и осмотрел бригврача. На ягодице оказалась кровоточащая ранка. Гомельский дрожащими руками достал йодную настойку, смазал рану, наложил повязку и постепенно стал приходить в себя.

Джатиев приказал ехать ко мне. Были уже близко. Пуля прошла через две стенки железной печки, сиденье и, ослабленная этими препятствиями, вошла в мягкие ткани ягодицы и уперлась в крестец. Первым сообразил, что все окончилось благополучно, сам Джатиев и версию придумал более или менее возможную, чтобы в нее поверили. Так все получилось по моей вине, как выразился Гомельский. Он уехал, «Вальтер» отдал мне и предупредил, чтобы не повторил подлый закон парного случая.

Пистолет спрятал в сенях. Джатиеву согрел чай, из кухни принесли консервы, хлеб, сахар. Попросил он немного спирта и принял внутрь, чтобы продезинфицировалась рана, как он выразился, и чтобы отойти от пережитого страха.

За время общения он произвел очень хорошее впечатление. Шутил, много рассказывал смешного, а о себе мало. Родом из Осетии. До нашей бригады занимал большой медицинский пост во фронте. Но что-то случилось, и был направлен бригадным врачом к нам. Его жена Нина (если она была настоящей его женой, ибо лет на двадцать моложе его) работала операционной сестрой в госпитале. Надеялся, что она разберется с ним, и поэтому решил ждать ее. Под вечер пришла санитарная машина с этим же водителем. Приехала Нина, осмотрела рану, сделала перевязку и решила утром отвезти его в какой-то медсанбат или госпиталь и извлечь пулю. Я им уступил медпункт, принес ужин из того, что готовили отдельно для командира, и еще мясные консервы. Так распорядился наш командир. Ушел на ночь к Манько. Забрал и водителя санитарной машины.

Поступил приказ к утру всю военную технику, находящуюся на ремонте в роте, отправить в подразделения. Сто-

яли два танка Т-70 и несколько колесных машин. Предстояла работа для основной массы личного состава до утра следующего дня.

Пятница, 22 января 1943 г.
ГИБЕЛЬ САНИНСТРУКТОРА ЛАДНЫ.

Всю ночь в мастерских шел ремонт танков и колесных машин. Во время работы люди мерзли. В одной из кошар топилась печка-бочка, у которой периодически грелись и курили. В кошаре свободно гулял ветер, местами намело снега. Трудно было на улице возле танка, продуваемого со всех сторон. Гусеницу заменили еще днем, а сейчас производили сварочные работы. Второй танк стоял под навесом, возились возле него оружейники. Заменили пушку. Заклинивало башню. С этим долго возились и к утру все же привели в порядок. Стоит возле наших машин темно-серый «опель-капитан», как заноза. Вмятин уже нет. Новое крыло поставили, заменили разбитую фару. Больше не пробовали заводить, тянут его за собой на прицепе. Наумов его не сжег, как грозился, а все остальные махнули на него рукой. Командиру эта машина нужна и тянет за собой.

Ночью приходили машины из подразделений, нагружались боеприпасами, горючим и уходили на передовую. Как только ориентировались они в степи? Дороги замело. Утром на санитарной машине Джатиев с Ниной уехали в медсанбат 204-й стрелковой. Ушла и наша грузовая машина с запчастями к ремонтной группе в район станции Воропоново.

Ожидалось крупное сражение по всему фронту окружения. Готовились и наши. От приезжавших водителей узнали, что наши войска, в том числе и подразделения бригады, все еще ведут упорные бои за Воропоново, которой овладеть пока не удается.

Сварили наконец обед и на наших ремонтников, входящих в состав группы технического обеспечения, и решили отвезти им в одной из кухонь, в котлах которой был суп и

чай. Кашу из второй кухни взяли в термос. Направлен был с ними и я.

Шли по местам недавно прошедшего сражения. Они всегда оставляют тяжелое впечатление. Больше всего поражали трупы. В разных позах вперемешку с техникой, бревнами, досками, землей, едва присыпанные снегом. Много-много трупов в серо-зеленых шинелях. Зрелище было ужасное. Такое не выдумать. Это надо видеть. Жуткие позы человеческих трупов среди изломанной техники и истерзанной земли. То вздымали руки к небу, то висели на искореженном металле, то торчали голые ноги, то стояли на коленях со склоненной головой, вывороченные внутренности, окрашенные кровью снег и земля... И они родились людьми для добрых людских дел. А что натворили?.. Их еще не успели убрать. Предстоит им гореть и тлеть в штабелях. Похоронные команды подбирали трупы наших воинов и готовили их для захоронения. Складывали их отдельными группами.

Раздавалась все ближе канонада боя. Шли мимо воинских подразделений, в основном тыловых. Медпункты полковые, батальонные. Раненые прямо на морозной улице возле палаток, на открытых машинах, раненные в пути следования...

Наш танковый полк понес большие потери, и временно его вывели из боя. Утром в бой ввели боевой резерв из двух взводов 1-го и 2-го танковых батальонов. Всего у них насчитывалось два танка Т-34, два танка Т-26, один танк Т-60 и один танк Т-70. Это все, что осталось в бригаде.

Место нахождения нашей группы технического обеспечения в нескольких сотнях метров от станции Воропоново, на территории которой шли ожесточенные бои последние несколько дней. В небольшом разбитом садике были стянуты подбитые наши танки, колесные машины, и ремонтники занимались их восстановлением. Наш приезд их очень обрадовал. Горячая пища оказалась очень кстати для озябших и промерзших людей, работавших на

открытой местности под гул канонады и подвергавшихся неоднократному обстрелу.

Некоторых ремонтников я все же забирал к себе в роту, освобождал от работ на холоде. Ходили в наряд, пока заживали раны, но чаще всего командир их преждевременно отправлял на работы, а меня все ругал, что срываю выполнение боевых задач.

Сюда дошли слухи о гибели женщины-врача из нашего медсанвзвода, но кто из них погиб – установить мне не удалось. Это случилось рано утром в начале нашего наступления от прямого попадания мины. Ее разнесло в клочья.

Жаль потерять любого из моих коллег. Но почему-то не хотелось, чтоб это была Майя. Только не Майя! Она должна остаться в живых. Что-то оторвалось бы от меня, если бы погибла она.

Приехал подполковник Иванов, и от него узнали о гибели санинструктора Ладны. Шла на рассвете от Максимова (их отношения не были секретом) в медсанвзвод, и по пути разорвалась единственная мина в этом районе – прямое случайное попадание. Останки ее похоронили в братской могиле на окраине станции Воропоново.

Продолжалось бессмысленное побоище. Вражеские войска были обречены. Гибли от холода, голода, болезней. За попытку сдаться в плен их расстреливали свои же. Гибли и наши воины, жизнь которых можно было бы сохранить, если бы выждали с разгромом «котла» хотя бы одну-две недели. (В боях за ликвидацию вражеской группировки в «котле» погибло 287 человек только нашей бригады.) У командования на этот счет были другие соображения.

Подполковник Иванов приказал мне остаться. Медсанвзвод расположился почти на открытой местности в лощине.

Растянули две палатки: перевязочную и приемно-эвакуационную. Печка топилась только в перевязочной. Мало было дров.

Привезли раненых, и все окунулись в работу. Гасан-Заде сказал мне, что первым рейсом повезу раненых в медсанбат, расположенный в Старо-Дубовке.

Вышла Майя из перевязочной в ватнике, в валенках, в шапке-ушанке. Халат окровавленный спереди и на рукавах, спросила, как я. Сказал, что еле пережил, когда узнал, что кто-то погиб из женщин-медиков. Что только не передумал. Рад видеть ее живой. Она как-то очень пристально и долго с грустной улыбкой уставилась в меня и проговорила: «Спасибо, спасибо, друг мой, рада и тебя увидеть, – потом добавила: – Меня там ждут»,– и убежала в перевязочную. Гасан-Заде подогнал санитарную и грузовую машину, крытую тентом, и дал команду грузить раненых. Мне передал карточки передового района на всех раненых и обмороженных.

Нам сообщили, что наконец овладели станцией Воропоново и пошли на Садовое. Это было под вечер. В это время я выехал с ранеными на Песчанку, затем свернул на Старо-Дубовку, где и сдал раненых. Здесь узнал, что утром был наш бригврач Джатиев, но не остался, и его увезли в госпиталь в Бекетовку. Поэтому, возможно, не возвратилась санитарная машина и Нина. К полуночи вернулся с двумя машинами в медсанвзвод. Нас ждала еще большая группа раненых, и мне предложили их отвезти в медсанбат в ту же Старо-Дубовку. Поехал вторым рейсом. Очень хотелось спать, с трудом старался бодрствовать и отвлекать водителя от сна. На исходе ночи вернулись в медсанвзвод. В приемно-эвакуационной находилось несколько раненых. Поток их к утру уменьшился. Доложил о прибытии и с водителем в кабине санитарной машины, притулившись друг к другу, заснули.

Суббота, 23 января 1943 г. С ТОГО СВЕТА.

Мы заснули в машине с водителем и окоченели. Он раньше проснулся, вскочил, размялся. Меня ему было жаль будить, но потом сообразил, что могу замерзнуть и не проснуться, и поднял тревогу. Сообразил вовремя, ибо

я, видно, был на грани замерзания. Вокруг меня оказались Майя, Гасан-Заде, Гомельский, Шепшелев. Они-то меня и тормошили, вытянули из машины и пытались поставить на ноги, но я не мог стоять, опускался на землю. Взяли меня под мышки и понесли в перевязочную палату. Сняли шинель, валенки, шапку, уложили на носилки и стали ломать руки и ноги в суставах, мяли мышцы, растирали тело через одежду. Шепшелев лил в горло разбавленный спирт. Опять теплынь стала разливаться по всему телу. Доходило, правда, смутно еще, что со мной что-то случилось. Меня заставляли пить горячий сладкий чай. Я все уже понимал, что со мной происходило, но говорить еще не мог. Мне было легко, тепло. Потрескивали дрова в железной печке. Снаружи палатки мело, завывал со свистом ветер. Эти звуки и воспринимались остывавшим мозгом знакомой мелодией.

Доктор Майя все спрашивала, как я себя чувствую. Я пожал ей руку, кивнул утвердительно головой, но слова почему-то не получались. Все вышли из палатки. Остался возле меня Гомельский. Стал рассказывать, что под утро приехала Нина. Больше суток задержала санитарную машину. Джатиева привезла в Бекетовку и положила в хирургический полевой подвижной госпиталь. Вчера еще ему удалили пулю.

Нина всем говорила, что она оказалась немецкой. Какая-то диверсионная группа, действующая в нашем тылу, обстреляла машину и ранила бригврача. Диверсанты так диверсанты. А пуля действительно была немецкой.

Зашла Майя, опять спросила о самочувствии, пощупала пульс и предложила Гомельскому походить со мной, а затем и побегать. Я сказал, что сам смогу (заговорил наконец), поднялся. Голова закружилась. От спирта выпитого или от слабости. Сел. Познабливало. В палатке было прохладно. Надел валенки и шинель. Придерживаясь за Гомельского, стал ходить по палатке, а затем пошел и самостоятельно. Немного отдохнул и вышел на улицу. Стоял хороший мороз – за двадцать. Дышалось легко. Зашел в

эвакуационную палатку. Меня шумно встретили, поприветствовали и поздравили с выздоровлением, будто совершил подвиг.

– Жив?

– Слава богу!

– Вот и воскрес.

– Что на том свете видел?

Понимал, что, должно быть, замерзал, а сейчас опять в строю. Не хватало еще замерзнуть. А могло случиться.

Внимание всех от меня отвлекли прибывшие две машины с ранеными. Привез их Модзелевский. Все стали ими заниматься. Я почему-то оказался не у дел. Меня не привлекали, сам пытался помочь, но меня отстранили от оказания помощи раненым. Видно, не был в состоянии работать. Пребывал еще в достаточно заметном алкогольном опьянении или преобладала общая слабость, что исключало какую-то пользу от меня. Стало знобить, согреться было негде. Постепенно приходил в себя.

Прибыл офицер связи из штаба бригады с приказом медсанвзводу убыть в новый район – севернее Верхней Ельшанки, где к исходу дня будут сосредоточены штаб и боевые подразделения бригады.

Недолгими были сборы. Санитарных машин осталась только одна, и в ней разместился личный состав медсанвзвода, в основном женщины.

– К женщинам захотел, не разрешаю. Пошли в эту машину, – услышал я голос Майи, – не раздумывай, лезь и меня затащи.

Я растерялся, какое-то время раздумывал, и то, видно, от неожиданности.

– Не раздумывай, не дам замерзнуть, —повторила Майя. Не знаю, какая сила меня забросила в машину, я уже подавал ей руку и втянул в машину, упав на спину, опрокинув ее на себя. Повозились немного, посмеялись. Шепшелев не упустил возможности пошутить над нами. Вдвоем доползли до кабины, развернули матрасы и устроили себе ложе.

– Думаю, не замерзнешь? – шепотом спросила она.

– Грешно было бы в такой компании, – так же шепотом ответил я.

– А я за тебя очень испугалась. Водитель прибежал и доложил, что замерз ты в машине. Так и сказал, что уже неживой. Вообще был на грани. Так можно и концы отдать. Как ты мог в холодной машине уснуть?

– Очень устали, не спали эту ночь, да и предыдущие так же. Думали немножко вздремнуть, а провалился в преисподнюю. Нет, в рай попал, такой чудный сон видел, что даже и не расскажешь. Так хорошо мне было, во сне, конечно. Самое удивительное – это тепло, приятнейшее тепло. Странно как-то, ведь замерзал, а чувствовал тепло.

– Хорошо, что и наяву все обошлось, – она коснулась губами моей щеки.

– Вот сейчас я в раю. Это действительный рай, наяву, – проговорил я и потянулся к ней губами, отыскивая в темноте ее лицо, нашел – коснулся лба, поцеловал глаза, пытался губами дотянуться до ее губ, но она отстранилась, быстро заговорила:

– Не надо, что ты делаешь? – И выставила ладонь свою перед моим лицом. Я стал целовать ее руку, прижав ее к своим губам. Она выхватила ее.

– Опомнись, не теряй головы. Успокойся. Вот дура я. Дура. Еще движение, и я выпрыгну из машины. Дай слово, что будешь хорошо вести себя!

Я молчал. Выдавало мое волнение глубокое и шумное дыхание.

– Успокойся и дай слово.

– Ты же меня первая поцеловала, и я решил ответить тем же. Почему отталкиваешь меня? Противен тебе?

– Я допустила слабость от радости, что ты не замерз. Так испугалась за тебя, что голову потеряла, а ты своим поведением отрезвил меня, и прошу вести себя хорошо.

Мне все не хватало воздуха, дышал все шумнее, и меня прорвало:

— Я... ты мне очень дорога, — выпалил я одним духом, — вот мое тебе слово. Лучше уж сиди здесь и терпи меня.

— Если только что позволишь — я выпрыгну. Мальчишка! Как ты смеешь мне угрожать?

— Извини, скандала не будет. Слова тебе хорошего больше никогда не скажу. Живи без ласки и без хороших слов, если так тебе хочется. Вот так, — закончил я.

— Дурной ты. Все должно быть по времени и месту.

— А что я сделал? Попытался поцеловать тебя. И всего-то. В ответ на твою ласку. Что тут крамольного? Разве это могло тебя обидеть?

— Давай забудем. Успокойся.

— Не уходи от разговора. Ты уверена, что все это будешь иметь: время и место? Дай бог, чтобы это все было у тебя. А я не знаю, будет ли у меня время и место. Не знаю. А ты оставайся умненькой, выжидай свое время.

— Вот и стараюсь, дура, быть умненькой. Поживу пока в умненьких и, вполне возможно, останусь в дурах и погибну дурой. Одной станет меньше. Не велика потеря.

— Ерунду мелешь. Живешь на земле, а ведешь себя, как жительница небес. Опустись на землю. Смотри, сколько страданий, крови, горя, грязи на ней. Если выпадает маленький просвет радости, ты обеими руками закрываешься от него. Правда, только что закрылась одной рукой. Как хорошо и тепло нам было, и ты стужу впустила. В твоем характере все хорошее испортить. Правда в том, что каждый видит счастье, радость в своем, ему только присущем воображении. Жаль, очень жаль, что нет у нас взаимного понимания. Я уже не говорю о большем.

— Ты меня будто упрекаешь в чем? Говоришь о взаимности. А если оно не созрело? Ты скажешь, что война не располагает временем для созревания. Молчи! Я знаю, что ты это хочешь сказать. Гадко ссылаться на войну, что она все спишет. В моем понимании чувства должны созреть, и только тогда можно их выложить.

— А может, они будут созревать в процессе выкладывания?

– Скажи, чего ты...

– Хватит миловаться, приютите и меня. Сейчас трогаемся, – раздался голос Шепшелева. И он ввалился в кузов, подполз к нам, – раздвиньтесь и согрейте меня. Замерз, как цуцик. Ну и берлога у вас теплая, – и он влез между нами. Шепшелев о чем-то рассказывал, Майя смеялась. Можно подумать, что очень рада его приходу. О чем говорили, не слышал, думал о своем. Майя меня затащила в кузов, поцеловала, значит, не безразличен ей. Почему же она противилась ответным ласкам? Испугалась чего-то, себя испугалась? Уже не первый раз воздвигала между нами преграду и, как нарочно, разрушала возникавшие между нами теплые чувства. Как ее понимать?

Машина не останавливалась, подбрасывала нас на ухабах, а тепло держалось в нашей норе. Между мной и Майей втиснулся Шепшелев. Я уже не ощущал ее тепла. Но дыхание наше создавало один микроклимат. А может, и хорошо, что он свалился к нам на голову. Спор наш зашел слишком далеко. О чем бы мы могли дальше говорить? Пожалуй, вывел он нас из тупика.

Так, не шевелясь, согревшись, через несколько часов прибыли в Верхнюю Ельшанку. Вылезли из кузова. Стояли возле полуразрушенных и горевших домов. Доктор Гасан-Заде спросил о моем самочувствии – ответил, что уже все прошло. Он взял меня с собой поискать и подобрать помещение для медсанвзвода. Наши части ушли к Сталинграду, здесь остались тыловые подразделения. Нашли подходящий большой дом с пристройками. Там находилась какая-то хозяйственная группа. Гасан-Заде сказал им, что здесь будет размещен медсанвзвод танкистов, и они уступили дом. Меня он оставил, а сам пошел за машинами. Через какое-то время они стали въезжать во двор. Вдруг появился помощник начальника штаба нашей бригады, осмотрел дом и сказал, что размещаться здесь будет штаб бригады. Гасан-Заде с ним сцепился, продолжал загонять машины во двор. Помощник на-

чальника штаба настоятельно приказал искать ему другое место для медсанвзвода. Подъезжали штабные машины и стали устанавливать телефоны, тянуть кабель, сносить имущество.

– Ах, коллега, люблю военную жизнь, – воскликнул в сердцах Гасан-Заде, – чужие уступили, свои выгнали. Прав тот, у кого больше прав.

Пошли искать другое место для медсанвзвода.

Воскресенье, 24 января 1943 г.

НАЧАЛО УЛИЧНЫХ БОЕВ.

Медсанвзвод разместился на западной окраине Верхней Ельшанки. С разрешения Гасан-Заде я ушел к своим ремонтникам. Многие нуждались в медицинской помощи, чем я и занялся. Был рад встрече. Они выполняли много работы в очень сложных условиях. Замерзшие, полуголодные. На довольствие в какое-нибудь подразделение их так и не поставили. Да и сложно это оказалось, так как часто меняли свое место, менялось их количество. Так и обходились сухим пайком, иногда удавалось сварить что-нибудь и покушать горячее.

К началу уличных боев в Сталинграде бригада дополучила танки с экипажами. Наши боевые подразделения уже ведут уличные бои на юго-западной окраине Сталинграда. Очень тяжелые бои идут в районе дома НКВД, которым должна овладеть наша бригада. Пошел поток раненых. Войскам приходится разбирать завалы, заграждения. Улицы, дома, проходы между ними были заминированы. Вражеские танки или орудия стреляли в упор из дворов, подъездов домов, где еще устанавливали пушки, минометы. Снайперы вели прицельный огонь и выводили из строя наших людей.

Боевая обстановка показала, что для уличных боев танки нельзя использовать. Они являлись удобной целью для поражения, и враг в значительном количестве выводил их из строя – подбивал и сжигал.

Все чаще стали встречаться группы пленных, сопровождаемых нашими конвойными.

В медсанвзвод уже не пошел. Остался ночевать в летучке Саркисяна, набитой до отказа. Хоть в тепле посижу, а может быть, удастся и вздремнуть.

Понедельник, 25 января 1943 г.

ГРУДЫ ЗЕМЛИ, МЕТАЛЛА И ТРУПЫ.

Прибыла наша рота и склады бригады в Верхнюю Ельшанку. После обеда прибыл командир роты, созвал всех командиров. Приказал приготовиться к маршу. Боевые подразделения бригады вели упорные уличные бои на юго-западной окраине Сталинграда. Заняли семь улиц, овладели домом НКВД, вышли к железнодорожному мосту на реке Царица. Располагаться будем на окраине Сталинграда. Там и развернем мастерские. Много подбитых танков, и по прибытии сразу приступим к их ремонту.

По виду дороги, по которой следовали, и окружающей местности можно только представить, что тут происходило. Изрытая снарядами и бомбами земля, рубежи за рубежами, укрепрайоны. Вывороченные надолбы, разорванные клочья колючей проволоки, грудами исковерканная военная техника: танки, машины, пушки. И на фоне всего этого – замерзшие трупы в разных позах. Трупы, трупы, бесконечное количество трупов... Специальные похоронные команды занимались их сортировкой.

Я просидел остаток ночи в летучке Саркисяна, в которой следовал сюда. Всю ночь топилась печка.

Когда проваливался в дремоту, трупы в штабелях начинали шевелиться, выползать, многие лезли на меня, и я в ужасе просыпался. Так было несколько раз, когда начинал засыпать. Уже боялся уснуть, оставаться в летучке было нельзя, так как все клонило ко сну. Как ни жалко было расстаться с теплом – я вылез из будки на морозную улицу.

Вторник, 26 января 1943 г. ФАНАТИКИ.

Враг расчленен на две группы: северную и южную. Бригада вела бои совместно с другими частями и соединениями 64-й армии против южной группы. Враг продолжал упорно сопротивляться, выводя из строя наши танки и другую военную технику, личный состав. И сам в подавляющем большинстве погибал в бою, но не сдавался в плен. Много раненых и больных, и продолжали сражаться...

Недалеко шли упорные бои за каждую улицу, каждый дом. Непрерывно – день и ночь. Подразделения бригады и много других частей все топтались у железнодорожного моста через реку Царица и никак не могли овладеть им. Наши потеряли на подступах к мосту пять танков. Оттянуть их в безопасное место для ремонта нельзя из-за массированного обстрела со стороны противника. Авиация наша бомбила северный берег реки, а противник продолжал его удерживать и наносить урон нашим наступающим частям.

Среда, 27 января 1943 г. ТЯЖЕЛЫЕ БОИ ЗА МОСТ.

В мастерских шел ремонт колесных машин. Ни одного танка. Прибыл воентехник Воропаев за запчастями и продуктами. Сказал мне, что много ремонтников нуждаются в медицинской помощи и он будет просить командира послать меня с ним. Я стал готовиться. Добавил в сумку перевязочный материал и часть медикаментов. В вещмешок бросил банку консервов, сухари. Выехали до обеда. Сел в кузов, прикрылся брезентом.

Если в нашем районе сохранились еще целые дома, дворы, то вскоре предстали перед нашими глазами сплошные развалины. Нередко памятником среди развалин стояла просторная русская печь. Дорога проходила местами через бывшие дворы, площади, не соблюдая направление улиц.

Бои шли очень близко. Продвигались мимо расположенных здесь воинских частей. Не только тыловые

подразделения, а и боевые части. Встречались артиллерийские батареи, зенитные установки и танки других частей.

Я здорово замерз, более тщательно укутался в брезент, но чувствовал, что промерзает каждая моя косточка. Появилась у меня после случая «замерзания» повышенная чувствительность к холоду, постоянная зябкость. Машина остановилась. Воропаев вышел из кабины, сказал мне, где тут рядом размещается наш медсанвзвод, указав в сторону одного двора. Я сказал ему, что окоченел в кузове, замерз, что нужно размяться, согреться. Слез с машины и стал подпрыгивать, бегать возле нее, пока немного размялся. Опять залез в кузов, с головой закутался в брезент из тента, и поехали дальше.

Вскоре прибыли в район расположения наших ремонтников – неглубокую балку, через которую был переброшен сохранившийся пешеходный мостик. Левее мостика, у более крутого берега стояли два подбитых танка и несколько колесных машин. Место удобное, попадание артснаряда исключалось, но от мин не гарантировало. Восстановлением этой техники и занималась наша группа. Замерзшие, иней на шапках, воротниках, сугробы, метет поземка. Периодически согревались в стоявшей за бугром летучке. Меня напоили чаем, и сразу же приступил к оказанию медицинской помощи в одной из летучек. Приходили ко мне все с тем же: гноящиеся ссадины на пальцах и ладонях, фурункулы, обморожения участков кожи лица, пальцев конечностей. Ссадины заживали плохо и очень долго гноились.

Наши части, в том числе и бригада, топтались у железнодорожного моста. Северный берег был высоким, крутым, южный – пологим. Все просматривалось сверху, каждый участок на южном берегу был пристрелян, и атаки наших войск успеха не имели уже несколько дней. Немало полегло здесь наших солдат. Утром под прикрытием нескольких танков на штурм моста шла пехота. Шквальный огонь остановил продвижение. Из четырех подбитых тан-

ков удалось эвакуировать один. Сделал это Саша Цветков на своем тягаче.

Я остался на ночлег в летучке. С наступлением темноты работы прекратились. Костры не жгли. Обещали привезти в термосах ужин, но не получилось. Остались без горячего. Некоторые грызли сухари и запивали водой из фляг, у кого были. Я уселся на нижнее сиденье в углу, свернулся в клубок и пытался заснуть. Сон долго не шел. Вокруг раздавался храп и сопение тесно прижавшихся друг к другу людей. Сидели на боковых скамейках и на полу. Лежали на верстаке, на средних и верхних полках. Тепло было и душно от одного дыхания и испарений. Еще топилась печь. Зато не мерзли.

Четверг, 28 января 1943 г.

НАКОНЕЦ ОВЛАДЕЛИ МОСТОМ.

С рассветом пришло к нам печальное известие. Погиб инженер-подполковник Иванов – зампотех бригады. Он был самым непосредственным нашим начальником. Многое в нашей работе было связано с ним. Подробности гибели не знали. Говорили разное. Неподалеку все шли жестокие бои, канонада не утихала всю ночь и продолжалась сейчас. К этому времени стало известно, что наши, наконец, овладели железнодорожным мостом через реку Царицу и вышли в центральную часть города, где продолжалось жесточайшее побоище. Много гибнет людей с обеих сторон. Решающее значение в овладении мостом сыграла атака моряков 143-й морской бригады, с которой взаимодействовала и наша бригада. Ночью моряки проникли во фланг и тыл группировки врага. Наши ударили в лоб, и в рукопашном бою, а где гранатами враг был полностью уничтожен в районе моста.

Приехавшие за запчастями Воропаев и Цветков сообщили подробности гибели Иванова. Шла очередная атака наших войск после непродолжительной артиллерийской и минометной обработки более высокого левого берега. Впереди пошли танки нашей бригады, а за ними

следовали пехотные подразделения. Врага хватило, чтобы остановить и эту атаку. Он владел еще довольно сильными огневыми средствами. Местность перед мостом на правом берегу была открытая, и на заснеженном поле хорошо просматривались продвигавшиеся части, чем и воспользовался противник. Осталось много наших трупов на подступах к мосту. Живые и часть раненых, кто смог, отползли к исходным позициям. Снайперы противника не давали подбирать раненых. Попытки это сделать увеличивали количество погибших. Довершал свое дело и мороз. Метрах в двухстах от наблюдательного пункта вспыхнул и взорвался один их танков Т-70. Недалеко от него остановился подбитый наш второй танк Т-34. Остальные ушли за бугор. Экипаж не выходил из танка. Подполковник Иванов с наблюдательного пункта добрался до нашей ремонтной группы и приказал Воропаеву оттащить этот танк в укрытие. Водитель тягача Цветков несколько раз выдвигался по направлению к подбитому танку, но выстрелы с противоположного берега вынудили его остановиться. Началась стрельба из минометов и автоматов и с нашей стороны. В это время следовавший с тягачом красноармеец Камалов выбросил трос и пополз к подбитому танку. Метров десять не дополз. Вздрогнул, опрокинулся на спину и затих.

Командир бригады подполковник Садовский приказал послать кого-нибудь из медиков оттащить красноармейца, оказать ему помощь. Из медиков на наблюдательном пункте находился санинструктор из медсанвзвода. Ему и приказали идти. Он перекинул через плечо санитарную сумку, перевалился через бруствер траншеи и пополз к раненому. Пройдя больше половины пути, санинструктор замер, распластался на снегу.

— Прошу вытащить раненых и оказать им медицинскую помощь, — распорядился командир бригады.

Из медиков на наблюдательном пункте уже никого не было, о чем ему доложили. Тут заметили, что к подбитому танку пополз подполковник Иванов. На окрик команди-

ра бригады вернуться он не отозвался. Командир бригады распорядился открыть огонь со всех имеющихся средств по противоположному высокому берегу, чтобы лишить возможности делать прицельные выстрелы по Иванову. Прошел он мимо санинструктора, потрогал его и пополз к красноармейцу-ремонтнику. Взял у него конец троса и продолжал ползти к танку. В нескольких метрах от подбитого танка подполковник замер и уже больше не передвигался. Наблюдавшие за ними поняли, что и подполковник убит снайперской пулей.

– Немедленно вытащить подполковника, – распорядился Садовский. Начальник политотдела, батальонный комиссар Максимов, сказал Садовскому, что где-то сидит замаскированный снайпер и всех выведет из строя, что нужно переждать до наступления темноты, тем более что уже наступали сумерки. Дождались темноты и вытащили три трупа. Экипаж подбитого танка остался в живых, но ими занялись представители особого отдела, так как они прекратили вести огонь по противнику, в то время когда пушка и пулемет танка были исправны и имели достаточно запаса боекомплекта.

Хоронили наших утром. Среди нескольких десятков холмиков на правом берегу реки Царица нашли они свое последнее пристанище. Тремя залпами из карабинов на фоне канонады шедших уличных боев почтили память наших однополчан. Сохранятся ли эти могилы для их родных, кто им об этом сообщит? Сколько безымянных холмиков, укрывших наших погибших воинов, разбросаны по бескрайней приволжской заснеженной степи? Кто их сосчитает и останутся ли следы? Многие из них окажутся пропавшими без вести, как это обычно фигурирует в официальных сообщениях. И для родных и для потомков они будут навеки пропавшими без вести в этой войне.

Все чаще стали попадаться группы пленных немцев. Они-то могут рассчитывать на сохранение жизни, хотя вид их ужасен, и навряд ли эти могли продолжать сопротивление. Что же думают остальные, на что еще надеются?

Боеприпасов, чувствуется, у них еще достаточно, и оборона продумана. Добровольно в плен не сдаются — вынуждает безвыходная ситуация. По всей вероятности, немецкое командование держало свои войска еще крепко в руках.

На правом берегу реки Царица, в четверти километрах от моста был развернут пункт сбора раненых силами медиков двух наших танковых батальонов. Условия жуткие. Продувал пространство ветер со снегом, стоял мороз за двадцать. Находились раненые и медики почти на открытой площадке. Не рассчитывали, что на несколько дней придется задержаться у моста.

В термосах привозили горячую пищу и чай, чем и обогревали людей. Старались по возможности здесь не задерживать раненых. Сюда доставляли раненых из других частей, применяли для этого сани-волокуши. Многих раненых волокли на плащ-накидках, на шинелях по снегу. Все это пространство простреливалось с левого высокого берега, и раненых тащили ползком. С пункта сбора направляли их в медсанвзвод транспортом батальонов, чаще попутным. Санитарные машины использовали для эвакуации раненых в медсанбат или госпиталь.

Пятница, 29 января 1943 г.
СОПРОВОЖДАЮ РАНЕНЫХ.

Еще до рассвета разбудили меня и сказали, что вызывает командир роты. Темно было, и казалось, что только уснул. Расположился на ночлег в ремонтной летучке на дне кузова, на брезенте, между запчастями, рядом с каким-то ремонтником. Верстак, боковые скамейки и верхние откидные полки были заняты штатными постояльцами. Лежал в шинели, валенках, шапке. Ремень только расстегнул, но с пояса не снимал. Под головой — санитарная сумка. Было угарно и дымно. Железная печурка раскалилась докрасна. Из-под дверей тянуло холодом и свежим морозным воздухом. Рад был этому пристанищу, где смог вытянуться во весь рост. Но пришлось выбираться на мороз, который

сразу захватывал и всего сковывал. К тому же обдал хлесткий с мелким снегом ветер, который подхватил и начал трепать полы шинели.

Привел себя в порядок: затянул ремень, надел через плечо противогаз и санитарную сумку, сдвинул кобуру с пистолетом на правое бедро, постучал в будку командира и доложил, что слушаю его. Командир пригласил войти и сказал, что поеду с ним. Отвезет меня в медсанвзвод, где буду помогать им в работе. Об этом получил распоряжение из штаба бригады. Добавил, что раненых много, оставшиеся в живых медики справляются с трудом. С ехидцей заметил, что, должно быть, отоспался в летучке и пора приобщиться к более горячему делу. Приказал сесть мне в кузов его полуторки.

Забрался в кузов. После тепла летучки стал зябнуть. Укрылся брезентом, но теплее не стало. Машина тронулась. Дорогу не видел. Машину бросало во все стороны, меня качало по кузову. Через какое-то время стали и я услышал: «Приехали, выходи!»

Я слез и мятый, замерзший поплелся за ним. Невдалеке были развалины крупных домов, шли мимо разбитых и сгоревших построек, мимо ряда землянок, блиндажей. В палатке застали доктора Гасан-Заде, и командир мой иронически доложил ему, что привез пополнение. Пожелав успехов, оставил нас и отбыл на командный пункт бригады.

Доктор Гасан-Заде вместо «Здравствуй» в упор мне выпалил:

– Будешь отвозить раненых в госпитали. Некому стало. Иванова уже нет, знаешь? У всех работа, задыхаемся, – показал он большим пальцем вдоль горла.

– Есть тут работать! – по всей форме ответил я.

– То-то ж. Помогай грузить раненых. Повезешь их в Купоросное. Туда ближе, и там есть хирургический госпиталь. Как загрузят машину, сразу и поедешь.

Развернута была приемно-эвакуационная палатка, где и делали перевязки. Зашел в палатку. Вся была заставлена

носилками с лежавшими на них ранеными. Некоторые сидели на носилках и на ящиках-комплектах по углам палатки. В обеих палатках топились железные печки, но было довольно холодно, чуть выше нуля.

От раненых узнали, что наши ведут бои в районе больницы, в центральной части южной половины города. Действуют совместно с 143-й морской бригадой и частями 422-й стрелковой дивизии. Попадались нам раненые из этих частей, а часть наших попадала к ним в медсанбат.

Загрузили две санитарные и одну бортовую машины и выехали на юг в Купоросное. Захватил на всех заполненные «карточки передового района» – своего рода краткие истории болезни. Дорога, как и все после только что прошедших боев, страшно разбита, заснежена и в сугробах, трудно различимая в метель.

Меньше чем за два часа добрались до Купоросного. Без волокиты сдал раненых в ХППГ. Один из раненных в живот был мертв.

По прибытии в медсанвзвод узнал, что наши заняли больницу и продолжают вести уличные бои за дома, расположенные у городского вокзала Сталинград-2, взаимодействуя с бригадой морской пехоты и частями стрелковой дивизии.

Санитарную машину, с которой прибыл, сразу же загрузили очень тяжелыми ранеными и тотчас нас отправили. Среди них были раненные в живот и грудную клетку. Они нуждались в срочной специализированной медицинской помощи, и их не стали задерживать в медсанвзводе. Были в пути около полутора часов. Эти тяжелые больные скончались в пути от внутреннего кровотечения и шока. Хотя их и укутали в ватные конверты, они еще сильно промерзали. Оставил всех раненых и умерших в ХППГ и убыл в медсанвзвод, куда прибыл уже после обеда. Попили с водителем кипяток из чайника, стоявшего на плитке в палатке, но не согрелись. От обеда ничего не осталось. Пошел в «мужской» блиндаж, где топилась печка и можно было согреться. Присел на ящик, тепло разморило меня и

сидя, должно быть, задремал. Разбудил меня Шепшелев. Говорит, что долго тормошил, а я все соплю, но не просыпаюсь.

– Раненых привезли, вставай, помоги сгрузить и подготовить к эвакуации. Ты повезешь.

С трудом встал. Как был в шинели, подошел к ведру, набрал в кружку воды, сполоснул руки, промыл глаза, щеки, нос и вытерся куском бинта. Не помню, сколько суток не снимал шинель. Снял валенки, перемотал портянки, которые сбились комом. Вышел из блиндажа. Дыхание перехватило морозом. Стал помогать сносить раненых. Гасан-Заде осмотрел бегло всех раненых в первой палатке и указал, кого направлять в перевязочную, а остальных распорядился тут же подбинтовать, подправить повязки. У многих повязки, пропитанные кровью, промерзли, их стали менять, что вновь вызвало кровотечение. Так и оставили.

Кому-то надо было поправить или заново наложить шины. Этим занялся я с Шепшелевым. Люба, Майя и Нина работали в перевязочной. Эти раненые поступили из района городского вокзала. В основном это были танкисты, многие с ожогами. Трудно представить, какие муки и страдания они переносили. Горевшая одежда и горевшее тело. Раздеть в такой сильный мороз, чтобы перевязать пострадавшие участки тела, не решались на поле боя.

У некоторых повязки были наложены поверх комбинезонов. Шинели или полушубки поверх повязок невозможно было надеть, и раненые, кроме всего, еще мерзли. Раздевать догола не стали, чтобы не причинять дополнительные травмы и страдания. Подбинтовали, напоили горячим чаем и назначили их для эвакуации. Были тяжело раненные в бедро и живот.

Везти их приказали мне. Погрузили раненых в две санитарные машины, и без задержек мы вышли в направлении Купоросного по знакомой уже дороге. В момент отъезда привезли ужин. Взяли котелки с кашей с собой в

кабину и с водителем как-то поели на ходу. Дорого было время для раненых, и мы спешили. Через полтора часа были там. Раненный в живот скончался в дороге. Очень отяжелел один из обожженных. Сдал раненых и умершего в тот же ХППГ. На этот раз меня с водителями накормили горячим ужином. Не смогли отказаться, уж очень хотелось есть.

Благополучно вернулись в медсанвзвод около полуночи. Обратный путь шли быстрее – час с небольшим, несмотря на ночь. Видимость была вполне удовлетворительная – белый снег вокруг, и путь освещала луна.

Пошли греться в «мужской» блиндаж. Там узнали, что южную группировку вражеских войск расчленили еще на две части и добивают. Наши ворвались на территорию вокзала, но были отброшены. Вели бои непосредственно у его стен. Стали сдаваться большие группы немцев в плен. Поздно дошло до них.

Постепенно согрелся, стало клонить ко сну и, должно быть, стал дремать, но зашел доктор Гасан-Заде и сказал, что вызывает меня в «женский» блиндаж бригврач Джатиев. Оказывается, он с вечера прибыл после проведенного лечения по поводу злополучного ранения. Я зашел, доложил. Тепло меня встретил, спросил, как идут дела у меня, и, не дослушав, сказал, что поеду с ним прямо сейчас на командный пункт бригады. Ему надо доложить командиру бригады, что вернулся в строй, а я в обратный рейс повезу раненых. Поедем санитарной машиной. В блиндаже было тепло. Горела лампа «летучая мышь». Сидели медсестра Нина – его жена, доктора Люба и Майя. Нина предложила мне кружку чая, придвинула кастрюлю с сухарями. Джатиев предложил сесть, и я, конечно, не мог им отказать. Они все были без шинелей, в телогрейках. Я попросил разрешения снять шинель. Стало легче спине, пояснице от висевших сумок, ремней. Майя очень устало выглядела, как и все остальные. Видно, только сейчас им удалось всем собраться, отдохнуть, пока прекратился поток раненых, хотя ждали с минуты на минуту.

Но и до сих пор северо-западнее нас в городе раздавались залпы орудий, взрывы – шли бои, и, значит, будут поступать раненые.

– Хорошо у вас, а надо ехать, одевайтесь и в машину, – сказал мне Джатиев. И я вскочил, надел шинель, застегнул ремень с кобурой, поблагодарил их, отдал честь женщинам и вышел из блиндажа в морозную ночь. Все отчетливее раздавалась артиллерийская канонада в северо-западном направлении – в Сталинграде. Не было конца сражению.

Суббота, 30 января 1943 г.

ШТУРМ ГОРОДСКОГО ВОКЗАЛА СТАЛИНГРАД-2.

Зашел в «мужской» блиндаж, взял противогаз и санитарную сумку, надел их через плечо, попрощался с Шепшелевым и Гасан-Заде, сказал им, что еду с Джатиевым и пошел к машине. Попал в объятия морозной ночи, мела поземка мелким пронизывающим насквозь крупчатым снегом. Вокруг белым-бело от снежных сугробов, заснеженных землянок, блиндажей. Полная луна бледным светом освещала южную окраину Сталинграда. Остовы больших и малых домов просвечивались насквозь, некоторые развалины дымились. И не прекращающаяся невдалеке канонада напоминала о том, что враг еще не уничтожен.

Из «женского» блиндажа вышла фигура в шапке-ушанке с опущенными клапанами-ушами, в валенках, в накинутом на плечи полушубке. Направилась в мою сторону. Это была Майя.

– Береги себя, родной мне человек. Уже конец кошмару. Всего день-два осталось. Будь осторожен. Очень прошу, – и ко мне потянулись две руки. Полушубок стал сползать с плеч. Подхватил и прижал его вместе с Майей к себе. Шею мою обхватили ее руки. Мы прильнули друг к другу. Голова ее легла мне на грудь. Приподняла лицо. Шапка упала в снег. Потянулась лицом ко мне. Пригнулся, нашел ее губы, и мы застыли в долгом поцелуе. Затем

стал целовать ее глаза, лоб, волосы. Она первой откинула голову, уставилась взором в меня и проговорила:

– Береги себя, богу буду молиться оставить тебя в живых, а сейчас отпусти меня.

Отпустил ее с полушубком, удобнее накинул его на плечи. Достал из снега шапку, отряхнул и надел ей на голову. В это время вышли из блиндажа Джатиев в сопровождении Нины.

– Где водитель?

Я побежал в «мужской» блиндаж и крикнул водителя. За ним вышел доктор Гасан-Заде. Попрощались, и мы уехали в заснеженную ночь, в направлении все раздававшейся канонады.

– Нам бы, коллега, не попасть под шальной снаряд, как я уже попал под пулю.

– От нас это не зависит. Конечно, нежелательно, – нашелся я с ответом.

Он не знает, что я знаю, как он получил ранение. Это было в этой же машине и с этим водителем. Пусть будет, как он хочет.

Я еще был под впечатлением прощания с Майей. Такой теплоты и ласки я от нее не ждал. Был какой-то порыв, всплеск чувств или плохое предчувствие, или сестринская забота, или просто желание о благополучном исходе... Не знаю, но поцелуй? Меня еще никто так не целовал.

Джатиев о чем-то говорил с водителем, и до меня не сразу доходил смысл разговора. Он беспокоился, чтобы не заехали к немцам, спрашивал, уверен ли тот, что попадем на командный пункт бригады? Водитель уверял, что едем правильно, что уже несколько раз там бывал. Местность вокруг хорошо просматривалась, окружало нас много войск, и все это жило, двигалось. Много горело костров, вокруг которых грелись воины. Светомаскировку не соблюдали. Чем дальше ехали, тем плотнее стояли воинские части, военная техника. Много было по пути артиллерийских позиций с пушками разных калибров, зенитных установок. Шел густой снег, порывами проносился силь-

ный ветер. В свете фар различали приметы только что прошедших боев. Шли мимо взорванных и вывороченных оборонительных рубежей, надолбов, капониров, разбитой военной техники, остовов полуразрушенных домов, развалин строений. Шли мимо позиций стреляющих пушек, снаряды которых рвались где-то впереди. Боевые действия все не прекращались. Давно перевалило за полночь, когда подъехали в район, где в одном из подвалов разбитого дома располагался командный пункт бригады. Штаб находился рядом. Окружали нас остовы и коробки разрушенных домов со зловеще зияющими проемами окон и балконов. Много войск, казалось, в беспорядке располагались повсюду, куда только можно приткнуться. И все — на заснеженных улицах, в развалинах, в подвалах.

Водитель повел Джатиева к месту расположения командного пункта и быстро вернулся. Показал мне, где находилась больница, которой накануне овладели воины нашей бригады, и городской вокзал Сталинград-2, который надлежит брать нашей бригаде совместно с другими частями. В этой операции наша танковая бригада будет взаимодействовать с бригадой морских пехотинцев и стрелковой дивизией, вернее, с ее остатками. Все эти части значительно ослаблены прошедшими боями, малочисленны, потеряли много личного состава и техники. Должны были овладеть только вокзалом и за прошедший день не смогли этого сделать. Трудно представить, какое еще сопротивление может оказывать противник. Какое же безумие еще сопротивляться, когда нет никаких шансов у врага на победу. Нет сомнений, что битва за Сталинград заканчивается, зачем еще столько жертв? Как все это жестоко...

К нам подошел Джатиев. Сказал, что доложил о своем прибытии оперативному дежурному, командир бригады занят с командирами танкового полка, батальонов, некоторыми начальниками служб и представителями других частей, с которыми предстоит взаимодействовать при штурме вокзала. Разрабатывают детали штурма. Командующий 64-й армией приказал к утру овладеть вокзалом

и очистить его от противника. Джатиев решил посмотреть объединенный медицинский пункт танкового полка и батальонов, развернутый в одном из подвалов, как он сказал, в двух сотнях метров от вокзала.

Водитель знал это место. Машину поставили за стеной полуразрушенного дома, где стояли санитарные и грузовые машины бригады. Водитель по крутой лестнице провел нас в подвал. Там встретился старший врач танкового полка, которого я видел впервые, военфельдшер нашего первого танкового батальона и другие медики.

Освещался подвал одной лампой «летучая мышь» и двумя артиллерийскими гильзами. Перекаленная железная печурка стояла в углу, и труба выходила в одну из отдушин. Кипел чайник с водой. В подвале гулял холод, хотя печка пылала жаром. Отдушины подвала были без стекла, а многие и без рам. Некоторые были забиты фанерой, досками. Сквозило, местами лежал снег. Стояли вдоль стены носилки, некоторые на козлах заменяли перевязочные столы. Два складных столика. Один с медикаментами, другой с перевязочным материалом и мединструментами.

Растворы для перевязок стояли на полу возле печки. Несколько носилок были растянуты между ящиками, на которых разложили шины и перевязочный материал.

Вдоль стен были сложены медицинские ящики, на которых лежали навалом спальные конверты. Так выглядел медицинский пункт. Какой объем помощи может быть оказан в этих условиях? Как дотащить сюда раненых через завалы и эту крутую лестницу? Джатиев стал ругать доктора за такой примитивный вид медицинского пункта. Сказал, что нужно было иметь больше складных столиков, козел, чайников для приготовления чая раненым. Предложил немедленно разобрать завалы и очистить лестницу для удобства спуска и выноса раненых.

Хорошо ругать кого-то с начальствующей высоты. Обеспечил ли их кто всем этим? У них только одна санитарная машина и одна транспортная. И то, что имеют, с трудом перевозят. Обещал прислать транспортные машины для

эвакуации раненых и с расстроенным видом ушел, опираясь на палку. Следом вышел и я из подвала, подошел к своей машине, сел рядом с водителем. Он, должно быть, дремал, поднял голову и сказал:

– Скоро начнется штурм. Станет жарко. Нам бы в подвал куда-нибудь или за крепкой стеной. Он и сюда плевать будет минами.

Вокруг шло активное передвижение войск. Устанавливали орудия, минометы. Выкатили зенитную установку и ствол ее направили в сторону вокзала, контуры которого отчетливо проступали во мгле среди других домов.

Короткие хлопки, и в небо взвились ракеты. Некоторые повисли в воздухе на парашютах, освещая пространство вокруг. Прожекторы выхватывали из здания вокзала окна, подъезды, площадь...

В отсветах прожекторов, внезапно раздавшихся взрывов снарядов и мин, пулеметных трелей и автоматных очередей на площади перед вокзалом высветился на возвышении хоровод пляшущих детских фигурок вокруг застывшего фонтана. Пляска под грозную музыку и блики светотеней войны...

Залпы раздавались вокруг нас. Пушки изрыгали огонь, гул и свист снарядов проносился над нами. Все это обрушилось на вокзал и площадь вокруг него. И в этом сопровождении огня и взрывов продолжался неистовый танец фигурок. Предсмертный танец?

Мы с водителем выскочили из подвала, прильнули к стене дома, противоположной вокзалу, затем пробрались в цокольную часть его над подвалом и притаились у стены между двумя окнами. Вокзал молчал, будто там никого не было. Артиллерийская канонада с нашей стороны еще продолжалась, как услышали рокот двигателей танков, шедших к вокзалу. Под их прикрытием плотными группами шли в черных бушлатах автоматчики морской пехоты. Заговорили языком войны окна и подъезды вокзала, выбрасывая в штурмующие колонны мины, гранаты, автоматные пули. Из штурмующих групп выпадали одна за

другой фигуры моряков и черными отметинами по только что выпавшему чистому белому снегу устилали дорогу к вокзалу.

...Пляшущие фигурки не останавливали свой танец и в отсветах вспышек взрывов отплясывали еще неистовее вопреки смерти танец жизни...

Пошли штурмовые группы стрелковой дивизии и с криками «Ура-а-а-а!» бросились вслед за моряками. Танки подходили вплотную к зданию вокзала. Из окон летели гранаты, емкости и бутылки с горючей смесью. Загорались машины, горела площадь. От взрывов снарядов и огня таял снег вокруг. Ночь отступала. Не все солдаты в серых шинелях достигали вокзала. Многие из них перемешались на площади с черными фигурами павших моряков.

В фейерверке пламени и дыма пляшущие фигурки продолжали свой танец... Наши автоматчики взбирались на броню танков, забрасывали окна и балконы гранатами и проникали внутрь здания, где началась рукопашная схватка за каждую лестничную площадку, каждый этаж. В ход шли гранаты, штыки, приклады, ножи, саперные лопаты. Наши воины все просачивались в здание вокзала, где еще продолжался бой.

Ночь отступала. На верхних этажах еще раздавались редкие единичные выстрелы и автоматные очереди. У стен вокзала горело три наших танка – последние машины танковой бригады.

С наступившим рассветом в дыму стала вырисовываться привокзальная площадь, покрытая телами погибших наших воинов и взывавшими о помощи ранеными. Санитары на волокушах или прямо на шинелях оттаскивали их за развалины домов, затем доставляли в медицинские пункты, развернутые рядом.

...С рассветом окутанный густым дымом обессиленный хоровод пляшущих фигурок стал замедлять свой предрешенный танец...

С поступлением раненых в подвал и я подключился к оказанию им медицинской помощи. После чего их

размещали в противоположной стороне подвала на носилки, на ватные конверты. Ходячие располагались на ящиках. Здесь их готовили к эвакуации в полевые подвижные госпитали, поили кипятком с сахаром, сухарями, кормили кашей, доставленной в термосах из полевой кухни. Затем выносили на носилках и погружали более тяжелых в санитарную машину, а остальных в грузовые, крытые тентом. На машинах старались укрыть раненых от холода, чем только могли. Мороз значительно отягощал их состояние. Второй рейс с ранеными по окончании боя за вокзал сопровождал я. Не всех удавалось довезти живыми до госпиталей. Некоторые умирали в пути от больших кровопотерь, шока и осложнений в связи с резким переохлаждением. На сильном морозе вокруг ран замерзшая кровь образовывала ледяную корку или панцирь, под которым продолжалось кровотечение. Кровавые массы льда способствовали обморожениям, особенно конечностей.

Бой за вокзал затихал. К концу боя некоторые из сопротивлявшихся немцев стали сдаваться в плен. Кто продолжал сопротивление – уничтожался. Из рассказов военнопленных выяснилось, что пытавшихся сдаться в плен до и во время боя расстреливали свои же.

Когда на верхних этажах еще раздавались выстрелы, из медсанбата стрелковой дивизии в вокзал просочилась группа медицинских работников и в боковом крыле первого этажа развернули медпункт, где перевязывали наших раненых. Рядом же в соседнюю комнату сносили раненых немцев, среди которых было много обмороженных. Специально выделенная группа наших медиков, совместно с немецкими, оказывали им медицинскую помощь. Таково было решение командования.

Из подъездов выводили группы пленных. Жалкое зрелище представляли эти существа рода человеческого. На голове платки, шарфы, полотенца поверх форменных фуражек. У некоторых – одеяла на плечах над шинелями. Обувь обернута тряпками, соломой.

Вокруг вокзала догорали танки, колесные машины и другая военная техника. Из некоторых окон расплывались клубы дыма и окутывали привокзальную площадь, покрытую неподвижно лежавшими нашими воинами, уже запорошенными снегом. Может, среди некоторых из них еще теплилась жизнь... Это выясняли санитары, еще пробиравшиеся среди них, и представители похоронной команды, убиравшие трупы с площади и подходов к ней.

Из здания вокзала выносили погибших солдат – наших и немцев, грузили на разные транспортные машины и отдельно куда-то увозили.

...Картина боя, смерти, трупы на площади и взывающие о помощи окоченевшие на морозе раненые повергли в ужас хоровод пляшущих фигурок, они замедлили свой танец и с наступлением рассвета остановились. Ведь все эти павшие воины, возможно и нецелованные, могли бы войти в их хоровод и разделить с ними танец во славу жизни, но они уже не встанут, так и не сплясавшие свой жизнеутверждающий танец. Их поцеловала смерть. От всего увиденного и пережитого фигурки застыли и окаменели в вечном хороводе вокруг фонтана на привокзальной площади городского вокзала Сталинград-2...

Люди! Остановитесь, не проходите мимо этого памятника – фонтана с пляшущими вокруг него окаменевшими детскими фигурками. Они были свидетелями разыгравшегося здесь Сталинградского сражения в 1943 году, ставшего поворотным пунктом во Второй мировой войне – началом полного разгрома немецко-фашистских войск. Они видели, какой страшной ценой досталась победа, и могли бы многое рассказать, если бы не окаменели от всего увиденного и пережитого.

А фонтан в центре хоровода – это слезы матерей, жен, детей и близких погибших здесь наших воинов в Сталинградском сражении за честь, свободу и независимость нашей Родины, а также слезы родных и близких погибших солдат и офицеров оккупантов разных народов и стран у

берегов Волги, земля которой приняла навеки без разбора прах своих и чужих.

Хоровод танцующих детей среди хаоса войны, страданий и смерти должен стать навеки символом бессмыслия войны, безумия и преступления развязывающих ее государственных деятелей, символом возвращения в этот изорудованный войнами мир детской радости, танцев и смеха.

В память о погибших в Сталинградской битве положите на чашу фонтана цветы.

Ради будущего помните о прошлом!

Воскресенье, 31 января 1943 г. ДАР-ГОРА.

За вчерашний день сделал три рейса с ранеными в госпиталь. Первым рейсом заехал в медсанвзвод. Меня обступили коллеги. «Как там?» – вопрошал их взгляд. Сказал, что вокзал, должно быть, уже взяли, что все наши медики живы, что немцы сдаются в плен и, должно быть, войне конец на нашем участке фронта. Встретился с глазами Майи – они были полны слез, надо полагать, от радости. После заполнения карточек передового района и оказания возможной в этих условиях медпомощи прямо на морозе повез их в Купоросное, но там госпиталь был переполнен и меня направили в Бекетовку. Шел густой снег, дорогу засыпало, часто буксовали, мерзли. Как же раненые, когда здоровые с трудом выдерживали этот холод?

В Бекетовку живыми довез не всех раненых. Сдал их там в ХППГ и вернулся в наш медсанвзвод. Оттуда меня отправили с этими же машинами в район вокзала. Там боевые действия уже закончились. Первый танковый и мотострелковый пулеметный батальоны бригады вели бои с разрозненными сопротивляющимися группами противника в центре южной части города. В подвале объединенного медпункта скопилось немало раненых, которых надо было эвакуировать. Я сделал еще два рейса в Бекетовку, минуя медсанвзвод. В медсанвзвод не было смысла заезжать с ними. Там они не в состоянии были

оказать надлежащую помощь, да и выигрывал ценное время в пользу раненых, к тому же дорога на Бекетовку была прямее и короче.

Поздно вечером, после возвращения из третьего рейса, узнал, что все командиры на совещании у начальника штаба. По окончании нашел своего командира, доложил ему и спросил, как мне дальше быть. Он ответил, что поеду с ним в роту, и велел ждать в блиндаже технической части бригады.

Наши взяли в плен тысячу двести солдат и офицеров противника совместно с взаимодействующими частями.

Через какое-то время зашел за мной командир и повел к стоявшим машинам. Он приехал на летучке, в которой жил. Постучал, и нам открыли. Залез внутрь. Там я увидел заспанного Калмыкова. Расспросил его о делах роты, рассказал, что я видел и пережил за это время. Машина шла в темноте, нас бросало во все стороны. Калмыков указал мне на противоположную скамейку, где лежал матрас. Я лег, как был, в шинели. Санитарную сумку подложил под голову и крепко заснул. Проснулся, когда перестало бросать машину. Она стояла. Оказалось, что прибыли в роту.

Михайловский постучал в дверь, Калмыков раскрыл ее. Холодом сдавило горло, закашлялся.

– Приехали! – объявил Михайловский. – Но курорта не будет. Выходи, доктор. Опять предстоит нам дорога, готовься.

Михайловский приказал часовому прислать дежурного по роте. Я вылез из будки. Мгла ночи рассасывалась, наступал рассвет. Полная луна освещала хатенки, утопающие в сугробах. Удивительно много было снега вокруг в отличие от Сталинграда, где он был утоптан или растаял от жарких боев.

Командир приказал объявить подъем личному составу. Созвал всех командиров взводов и отделений возле машины и поставил задачу. Суть ее сводилась к тому, чтобы срочно загрузить машины и после завтрака выехать в новый район. Первым рейсом идет весь личный состав и

ремонтная техника, вторым – склады. Погрузку начать немедленно.

Среди личного состава царило общее оживление. Рады были, что боевые действия в Сталинграде приходят к концу. Считаные дни остались до окончательного разгрома врага.

После завтрака колонна наших машин пошла в направлении города. Я сидел в кабине грузовой машины. Дорога была уже далеко не степной. В основном шли по наезженной трассе. Все чаще встречали развалины бывших населенных пунктов, взорванные, искореженные оборонительные рубежи, разбитую военную технику и трупы, замерзшие трупы вражеских солдат и офицеров. Шли навстречу санитарные машины, грузовые и повозки с ранеными. Все больше стоянок воинских частей и в большинстве на улице. Зенитные орудия, танки, минометы, артиллерийские батареи.

Стали встречаться колонны военнопленных. Часто останавливались – дороги забиты войсками. Через несколько часов достигли места расположения нашей группы технического обеспечения.

Все были очень расстроены. Утром от взрывов нескольких мин в расположении группы погиб один и ранены два ремонтника. Залетели какие-то случайные мины. Поблизости не было военных действий. Должно быть, небольшая группа немцев, притаившихся в оврагах, выпустила несколько мин, и они нашли свои жертвы. Раненых отвезли в медсанвзвод, а убитый лежал здесь, завернутый в брезент. Командир приказал труп погибшего взять с собой, сказал, что похороним у железнодорожного моста, где похоронены многие из нашей бригады. Ремонтникам группы приказал погрузиться и следовать за колонной. Путь наш продолжался по дорогам и по бездорожью только что прошедшего сражения. У моста через реку Царица похоронили нашего товарища. С трудом отрыли яму в промерзлой земле. Остался еще один холмик с табличкой похороненного.

Прозвучал залп карабинов, как традиция и память о погибшем. Колонна последовала дальше на северо-восток. В городе местами еще шли бои, где-то севернее. Различали бомбовые удары, артиллерийскую стрельбу и взрывы артиллерийских снарядов, мин.

Во вторую половину дня остановились в пригороде Сталинграда, именуемом Дар-Горой. Много вокруг было воинских частей. Здесь уже располагались некоторые наши подразделения: штаб бригады, медсанвзвод. Утром еще шли упорные бои, догорали дома, постройки. Прочесывали овраги, из землянок еще выводили пленных. Много землянок было вдоль крутых берегов реки. Находили блиндажи с притаившимися немецкими солдатами и офицерами, которые в большинстве своем сдавались в плен. Некоторых приходилось вынуждать к этому. Многие боялись сдаваться и откровенно радовались, когда убеждались, что их не убивают. Из ряда землянок и блиндажей выходили как-то пережившие там это время наши гражданские люди. Им оказывали медицинскую помощь, помогали продуктами.

Командир выяснил место нашего расположения. Ранее намеченное оказалось занято другими частями. Через несколько часов повели колонну к реке и там остановились. Сказали, что располагаться будем здесь, кучно, в районе нескольких улиц, где сохранились одноэтажные дома, постройки. Но они были заняты пока воинской частью, которая должна уйти в другой район. Наступили сумерки, дома не освобождались. Мы находились на улице, мерзли.

Ночь провели возле машин, у костров. Кому удалось, устроились в машинах, летучках. В нашем южном районе города было уже тихо, выстрелов почти не было слышно. В северной части Сталинграда всю ночь шли бои.

У одного из костров грелся и вел беседу с красноармейцами представитель СМЕРШа старший лейтенант Китайчик. Вспомнил случай с красноармейцем мотострелкового пулеметного батальона Новохацким. Он среди группы

пленных узнал своего земляка и расстрелял его в упор. Его отдали суду военного трибунала.

– Какая судьба красноармейца, что расстрелял земляка среди немецких пленных? – спросил я его. – Что решил военный трибунал?

– Военный трибунал его не судил. Отстоял комбат, и поддержал командир бригады. Его перевели в другую часть, и он где-то рядом служит. В бригаде оставлять его нельзя было. Рады и такому решению.

Понедельник, 1 февраля 1943 г.
СОПРОТИВЛЕНИЕ ВРАГА ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Артиллерийская часть ушла в другой район, и мы разместились в оставшихся домах и постройках. Мне выделили сравнительно небольшой одноэтажный дом из двух комнат с кухней. В большой комнате развернул медпункт, в меньшей положил носилки, комплекты и другое медимущество. В доме еще было тепло. На дрова шли остатки заборов, построек. Убрал мусор, подготовил место для приема больных. Ждать их долго не пришлось. Особенно многие нуждались в перевязках. Из землянок выходили местные жители, и их оказалось немало. Многие из них нуждались в медицинской помощи.

Жили рядом с немцами в землянках, вырытых в крутых берегах. Там было сравнительно безопасно во время бомбежек и артобстрелов. Из землянок пришли хозяева этого дома – старик со старухой. Разместились они в отапливаемой пристройке к дому. У старика было ранение в голень, развилась гангрена, немецкие врачи сделали глубокие разрезы икроножных мышц, спасли ногу и его. Не закрывался у него свищ, давно не перевязывался, рана гноилась. Обработал рану и сделал ему перевязку. Вслед за ним стали приходить и многие другие из местных жителей. У некоторых были незаживающие пулевые и осколочные раны. Нуждались в квалифицированном хирургическом вмешательстве. По возможности оказывал им медицинскую помощь. Помогли многим и продуктами.

Осмотрел источники питьевой воды. Воду из колодцев, которой пользовались немцы, местные жители использовать не могли. Для них были отдельные или брали воду из реки Царицы. Более оборудованный и полноводный колодец был под замком, водой этой пользовались только немцы. Находился несколько далековато от нас – над руслом реки Царицы. Проверить качество воды было нечем. Красноармейцы наши пили и не отравились. Решили для кухни брать воду оттуда и выставили охрану. Все из нашей роты по отделениям и взводам разместились в домах. В некоторых были и местные жители с детьми.

В районе Дар-Горы оказалось много гражданского населения. Сохранились и дома, в которых они какое-то время жили. Многих из домов в свое время выселили немцы, куда сами поселились. Часть местных жителей оставили как прислугу.

В одном из домов жили две сестры сорока и сорока пяти лет. Жили у них и немцы до окончания боевых действий. Поселился у них наш техник-лейтенант Завгородний. Через несколько дней обратился ко мне с жалобами на рези при мочеиспускании.

Оказалось, что заболел острой гонореей. Имел неоднократные контакты с младшей сестрой – хозяйкой квартиры. Его должны были направить в командировку. Сказал его командиру, чтобы пока не направляли и по какой причине. Командир изменился в лице и признался, что и он имел с ней случайный половой контакт, когда пришел проведать Завгороднего и его не оказалось дома. Еще через несколько дней ко мне обратился красноармеец Сульян и сказал, что заразился гонореей от этой женщины. Посмотрел его – он не ошибся.

Доложил командиру роты и замполиту, что трое наших людей заразились гонореей и от кого и что нужно принимать срочные меры. Командир предложил собрать личный состав и предупредить всех. Я предложил пойти с замполитом к этой женщине и предупредить ее, что от нее заразились трое наших военнослужащих, чтобы прекратила всякие

связи с военнослужащими и приступила к лечению. Сказал, что при горбольнице открыт кожно-венерологический диспансер. Она в истерике назвала нас выдумщиками и рядом непристойных слов, что она здорова. Она могла и не знать о своем заболевании. Предложили принести справку из кожно-венерологического диспансера. Справку не приносила. Больные прошли курс лечения.

Произошел удивительный случай, героем которого стал красноармеец Пупынин. По натуре своей он искал и находил приключения. Решил раздобыть трофеи и обшаривал землянки вдоль реки Царицы. В одной из землянок напоролся на группу немцев, которые уже не воевали и сдаваться в плен боялись. Разные были потом версии, как это он сделал, а пришел в расположение роты с пятью пленными немцами. Впереди шел один из них с навешенными автоматами на шею, остальные за ним. Замыкал шествие сам Пупынин с карабином наперевес. Впечатляющее было зрелище, когда он их привел в расположение роты. Немецкий язык он не знал, они, видно, не знали русский, но все его команды из смеси каких-то только им понятных слов они выполняли четко. Немцы не сопротивлялись, были испуганы и растеряны и, возможно, рады, что их пленили и ничего плохого им не сделали.

Взяли их под стражу и на грузовой машине отправили в штаб бригады. Пупынин ходил героем, каждый раз рассказывал с новыми подробностями то, что было и не было, как он их взял в плен. С каждым разом рассказ получался все более героическим. Через какое-то время он предложил мне выбрать из кучи часов одни, которые отобрал у пленных немцев. Решил мне сделать подарок за «заслуги», которые, как он выразился, я оказал ему в прошлом. Как бы то ни было, он уже мог проколоть дырку в гимнастерке для «Славы» любой степени.

После обеда зашли ко мне Манько и Наумов посмотреть, как я устроился, и изъявили желание разместиться у меня. Манько я был рад, а хорошее настроение не позволило отказать Наумову, хотя его соседство никогда не ра-

довало. Для Манько принесли кровать и поставили в меньшей комнате, где стояла и моя кровать, для Наумова отвел кушетку в большой комнате. Опять мы стали жить вместе, как и прежде. Весь день ходили на прием больные.

В северной части города шли бои. Временами на врага обрушивались бомбовые удары авиации. Артиллерийский обстрел не прекращался.

Но многие уже сдавались в плен. Мимо нас все чаще вели с северной части города колонны пленных. Эти сохранили себе жизнь и в последующих боях не будут на пути нашего освобождения Родины.

Наши подтягивали отставшую и подбитую технику. Находились потерявшиеся отдельные машины и люди, подсчитывали потери личного состава.

До Дар-Горы дошли четыре наших танка после неоднократного ремонта, и все со значительным расходом моторесурса. Для серьезных и длительных боевых действий они были непригодны. Требовали капитального ремонта, что возможно на специализированных танковых заводах.

В последний час! 31 января 1943 года.

Наши войска закончили ликвидацию группы немецко-фашистских войск, окруженных западнее центральной части Сталинграда. ...К 23 ноября 1942 года под Сталинградом было окружено 330 тысяч войск противника, а не 220 тысяч, как сообщалось об этом ранее. ...К моменту генерального наступления наших войск – к 10 января 1943 года – окруженные под Сталинградом немецкие войска насчитывали до 190 000 солдат и офицеров.

СОВИНФОРМБЮРО

Вторник, 2 февраля 1943 г.

ВРАГ ПОЛНОСТЬЮ КАПИТУЛИРОВАЛ!

Свершилось! Капитулировала и северная группировка войск противника. Боевые действия в Сталинграде прекратились! Отстояли город! А главное – разгромили круп-

нейшую группировку противника. Несколько сот тысяч отборных войск заклятого врага уничтожены здесь, под Сталинградом, и наши войска начали изгнание его. Пришло возмездие! Все ликуют. Такая победа! И мы остались живы. Война не окончена. Еще много дел и испытаний впереди, много смертей. Но победа, победа наконец стала реальностью на нашем фронте. Когда узнали, что капитулировала северная группировка врага и боевые действия у Волги прекратились – поднялась беспорядочная стрельба. Каждый считал нужным разрядить пистолет, карабин или ракетницу в воздух. Возникла изнутри потребность выразить радость, восторг от этой долгожданной вести. И выразилась она беспорядочной стрельбой и разноцветным фейерверком по всему небосводу.

Перед ужином построили весь личный состав. Командир и замполит поздравили всех с разгромом немецко-фашистских войск под Сталинградом. Командир сказал, что отличившиеся воины роты представлены к правительственным наградам. Нам уже было известно, что составлены наградные листы и отправлены в штаб бригады. Писал их писарь Мезенцев. Он мне сообщил, что я представлен к ордену Красной Звезды.

Почтили минутой молчания память погибших товарищей. Потеряли много однополчан. За последние двадцать дней боев, с 10 по 30 января, бригада потеряла 287 человек. До Дар-Горы после ремонта дошли два танка Т-34, по одному Т-70 и Т-60.

С 10 января по 2 февраля 1945 года бригада уничтожила около пяти с половиной тысяч солдат и офицеров противника, много военной техники, захватила трофеи. Взято в плен совместно с 145-й морской бригадой и штурмовыми отрядами 422-й стрелковой дивизии около двенадцати с половиной тысяч гитлеровцев.

День проходил, как праздник. Еще перед обедом выпили свои сто граммов. Желающим попало больше – получали на весь личный состав, числящийся по штату. Хотелось в медсанвзвод – увидеть Майю, поделиться радостью по-

беды. Не знал я, где он расположен. Говорили, возле штаба, а он был километрах в пяти от нас.

Вечером пришли Ген, Саркисян, Дьяков, старшина «Крошка», старшина Кругляков. Каждый что-то принес, чем был богат. Манько выложил кое-что из своих припасов, которые никогда у него не иссякали. Выросла горка консервов, хлеба. Наскребли и спиртное. Немного добавил и кладовщик Лукьянов из своего «НЗ». Наумов наводил порядок на столе. Горела артиллерийская гильза, заправленная соляркой. Зажег керосиновую лампу, которую накануне принес хозяин дома. Праздник при полном освещении! Окна не завешивали – прошла необходимость в светомаскировке. Как все это здорово! Правда, еще долго до полной победы. Пока это только начало. В добрый час!

Так, в кругу однополчан – товарищей на Дар-Горе в Сталинграде отмечали столь долгожданный день – разгром врага в этом городе и начало его изгнания. Заходил и замполит, многие другие командиры, старшины, красноармейцы. Угощали, чем были богаты.

Была крайняя необходимость в братском общении, беседе. И не в спирте дело. Никто не пьянел. Мы были пьяные от счастья победы, от сознания того, что остались живы. Прошли такой трудный путь к сегодняшнему дню, столько повидали и пережили. И всему этому наступил конец!

Каждый из этих людей стал мне родным, и я стал родным, как мне казалось, для каждого из них, мы все сроднились одной судьбой. И новый замполит за очень короткий срок стал нам родным, близким. Так он расположил нас к себе своим отношением к каждому из нас, к общему делу. Михайловский как-то не сроднился с нами. Или таким и должен быть командир – выше и в стороне от всех? Навряд ли. У нас одинаковая судьба, общее дело. И в боевой обстановке не должен был обособляться от однополчан. Так думали и высказывались мои товарищи. «Крошка» считал, что всех надо отправить в отпуск. Заслужили мол,

да и после полутора лет пора посетить своих домашних, жену наконец, пока другого не нашла. Ему возразили. Кто же войну кончать будет? Он все доказывал, что сынишка его забудет, к другому привыкнет. Ладно жена, жив будет – найдет другую, а сына жалко. И он понимал, что войне конец не скоро и все мы ее пленники, и что дел хватит еще на пару лет. Саша Ген размечтался, сказал, что представляет, какая жизнь будет для всех после окончания войны. Так хорошо всему народу будет, как хорошо всем нам сейчас. Всенародное братство победителей будет – людей одинаковой судьбы, отстоявших Родину от ненавистного врага, поработителя. «Дожить бы до этого времени, – заключил он, – вот житуха-то будет – одинаково хорошая для всех!» – «Не может быть одинаково хорошая жизнь для всех, – вмешался Саркисян. – Подлецы и хапуги останутся, и если позволит должность, а совести будет мало, то ухватят себе побольше, за счет других». – «Не дадут, – возразил Манько, – осудят, или сам не позволит». – «Вот уж не позволит, – вмешался Наумов. – Если я буду большим начальником, то неужели я себе не позволю лучше жить, чем подчиненные? О каком равенстве идет речь? На то я и начальство. Большая ответственность и больше, соответственно, благ». – «Конечно, кто больше отвечает и у кого больший пост, то он и будет получать больше, но не очень много. В два раза, пожалуй, много. Процентов на тридцать больше можно. Вопрос идет о том, чтобы получал за труд свой, а не потому, что раз начальник, то можно брать для себя за счет других. Человек должен получать и иметь блага соответственно стоимости своей работы и, правда, какие-то налоги отдавать государству. Оклады будут у начальства не за счет других, а из государственных средств». – «Такой, как Костя, став начальником, будет загребать для себя побольше за счет других, не заработав этого». – « За счет государства», – уточнил Наумов. А государство откуда берет? Откуда-то, в виде налога. Богатство государства – народное богатство. Такой шел разговор...

Почему-то думают некоторые, что у государства не грех загребать, считая, что это не отражается на всех других.

– Всем одинаково и все одинаково не будет. Найдутся изворотливые, хитрецы, которые себя забывать не будут, – говорил о своих опасениях Саркисян.

– Законы будут приняты такие, что мразь не посмеет вылазить на арену. Будут наказаны, если пойдут против общества. Коммунизм строить будем. Это когда все по справедливости, всем сколько надо попадет, лишнего не возьмут. Для этого всем надо будет хорошо работать не только для себя, но и для других. Вернее, для других, тогда и тебе попадет. Без плетки. Сознание будет такое высокое, что каждый поймет, что к чему, без принуждения, – рисовал будущее общество после войны Ген.

– Поживем – увидим. Пока нужно войну закончить, и большего желать не надо. А там уже сама по себе справедливость наступит, и места для подлости не будет. За что воевали? – спросил себя и всех остальных Дьяков.

– За справедливую жизнь, чтобы подлостей не было.

– То-то.

Большинство верили, что наши страдания, потери не пройдут бесследно для оставшихся в живых и отразятся на всей последующей их жизни. Война очистит помыслы и души людей от скверны, подлости, и люди лучше будут понимать друг друга, все будут работать для всеобщего блага, как сейчас сообща весь народ наш добывает победу над врагом. Так мы думали и надеялись, и об этом в основном и был поздний ночной разговор за скромным солдатским застольем. Не может столь выстраданная победа, а в ней никто уже не сомневался, не пойти на благо и процветание всех народов нашей страны на веки вечные.

Среда, 3 февраля 1943 г. ПОЛУЧИЛИ ПОГОНЫ.

Проснулся с тяжелой головой. Должно быть, перепил. Трудно было вставать. Не лучше чувствовали себя Манько и Наумов, особенно Наумов. Все мы были хорошо «мятые».

С трудом собрался, ополоснул лицо, шею, быстро оделся. Нужно успеть снять пробу, чтобы народ не ждал меня.

Снятие пробы стало формальностью, но ее нужно соблюдать. Пища уже приготовлена и будет роздана и съедена. Повара проверены и научились готовить. Кто-то должен юридически отвечать за качество приготовления пищи, за ее безопасность. Вначале приходилось много заниматься поварами, санитарно-гигиеническими вопросами и технологией приготовления пищи, не обходилось и без того, чтобы запрещать выдачу некачественной пищи на свою же беду и наказание. Так что снимать пробу надо. Выскочил на улицу. Сразу сковало всего холодом, перехватило дыхание, веки слипались от мороза. Только сейчас почувствовал, какой стоит сильный, насквозь пробирающий холод. Такая суровая зима, и мы ее выдержали. Вокруг много снега, сугробы, а в оврагах можно и с головой провалиться. Несколько дней назад во время боев не замечали этого. Даже снега не было в местах, где шли бои – растаял от огня, копоти и дыма. И не очень-то мерзли – горячо было. А здесь, во дворах и в овраге, белым-бело от снега.

Завтрак был готов, и ждали меня. Народ уже собрался возле кухни и склонял меня, должно быть, до прихода. А сейчас не зло подшучивали. Я редко употреблял алкоголь, не видел в нем радости, и меня к нему не тянуло. Личный состав никогда не видел меня в состоянии алкогольного опьянения, поэтому удивлялись моему внешнему виду. Завтрак взял на троих. Пришли Манько с Наумовым. Позавтракали. Наумов нашел среди остатков, чем похмелиться, труднее всего было ему.

Планировал вырваться в медсанвзвод. Хотелось поздравить коллег, увидеть Майю, но пока не выходило по времени и не знал, где они размещены. Ко мне все шли на перевязку больные. Добился изготовления крышки и охраны колодца. Проверил наличие и качество продуктов на кухне. Хлеб был замерзший – ледяные кирпичи: ножом с трудом резался, крошился ледяными осколками. При-

няли решение выдавать его на сутки, чтобы согревался у людей.

Наступило время обеда. Снял пробу и принес в медпункт как обычно – на нас троих: меня, Николая и Костю. В двух котелках борщ на одного и двоих, в третьем котелке каша с мясными консервами и подливой на троих. Хлеб получил еще утром на целый день и сахар. Поставил обед на стол. Зашел Костя. Потирая руки, проговорил задорно:

– С мороза горяченькое пожрать неплохо.

Помыл руки и подошел к столу. Я пошел к умывальнику мыть руки. Обычно первое блюдо Костя ел из котелка, в котором было на одного человека, а из второго, где было на двоих, мы с Манько ели вместе. Здесь, в доме, были тарелки, но мы ими не пользовались. В зеркале через плечо увидел, как Костя подошел к столу, взял полный котелок, в котором был борщ на двоих, и слил с него жидкую часть в другой котелок, в котором было на одного. Котелок, с которого слил жидкую часть, поставил перед собой, сказав при этом:

– Где тут поменьше – мой котелок, – и стал кушать густое содержимое, где было борща на двоих.

Я, пораженный увиденным, все мыл руки, когда кончилась вода в умывальнике, вытер руки и не знал, как мне дальше поступить. Я не мог отойти от умывальника, все стоял, вытирал давно уже сухие руки. Что делать? Тут же разоблачить? И тогда?.. Что же потом? Выкинуть его из медпункта со скандалом? Быть вместе как были я уже не смогу. Затеять ссору, а может быть, драку? Я никогда не дрался и с подобной подлостью не встречался. Накинул шинель и выскочил на улицу. Он спросил вслед, буду ли кушать. Ответил, что сыт пробой, и хлопнул дверьми.

Встретился Манько.

– Обедал?

– Нет, не хочется, кушай, мне не оставляй. Я по делам.

И быстро ушел по степи в мороз, сугробы, к оврагу, к реке Царице. Если бы можно было, убежал бы далеко-далеко. Быстрой ходьбой успокоился немного и стал жа-

леть, что не разоблачил его на месте. Ругал себя слюнтяем, трусом. Действительно, почему не разобрался с ним сразу по горячим следам? Сдрейфил?

Пошел вдоль речушки. Левый берег, более высокий и крутой, был пронизан траншеями, между которыми виднелись входы в землянки, блиндажи. Немало землянок было на правом берегу. Русло Царицы промерзло, воды, должно быть, было мало, зато много намело снега – лежали высокие причудливые сугробы. Хотелось пройти в медсанвзвод, но не знал, где они и куда идти. Много стояло воинских частей вокруг, где шел. Возвращаться в роту не хотелось. Шел по каким-то улицам, дорогам, сугробам около двух часов. Затем вернулся в расположение роты. Все стояло на своих местах. В медпункте никого не было. Стол убрали, перемыли посуду. Решил все же объясниться с Наумовым. Нашел его в транспортном взводе возле колесных машин. Отозвал в сторону и сказал ему:

– Разбираться не будем. Ты должен уйти из роты, немедленно, сегодня же или устрою большой скандал, и с позором вынужден будешь бежать из бригады.

– Куда я уйду и зачем? Что ты придумал?

– Ты должен перевестись в другое подразделение или часть. Не спрашивай, почему. Знаешь, сам знаешь, гад ты.

– Ну-ну! Потише! Ничего я не знаю и не понимаю. Что ты затеял против меня?

– Ничего я не затеял. Ты сам решил за себя. Могу напомнить. Обедом ты решил свою судьбу. Забери свои шмотки и в медпункт впредь не показывайся. Ты и раньше немало делал подлостей. На этот раз прощения тебе не будет. Так что убирайся из нашей части.

– Никуда я не пойду.

– Тогда я сделаю, что уйдут тебя с большим позором.

– Ничего не понимаю, что затеял? А вообще, не становись мне костью в горле, выплюну, раздавлю! – прошипел он со злобой.

Вид его был страшен. Мне казалось, что он вытащит пистолет и выстрелит в меня. Почувствовал, что может

это сделать. Об этом говорила его поза с несколько выставленными сжатыми кулаками, глазами, налившимися кровью, и подергивающиеся желваки. Мы были одни среди колесных машин и сугробов снега и смотрели друг на друга. Он действительно не понимал, что случилось, или его обуял страх возможного позора, или просто возмутился, что вторгся в его действия. Подлость стал прикрывать наглостью. Уловка, самозащита наглеца? Какая же это скотина! Как он мог ложкой дегтя испортить бочку меда — радость победы, воинскую дружбу, братство? Как он мог? Такой может. Таков он, его нутро, его суть. За все эти месяцы общения с ним все его поведение было на грани бессовестности, подлости. А случай ограбления аптеки в начале августа прошлого года? Не зря едва терпел его Манько. Он думал только о себе, о своем благополучии, действовал в свою пользу и ни с чем и ни с кем не считался. С таким, как говорится, в разведку идти нельзя. Так мы простояли друг против друга какое-то время. Говорить уже было не о чем. Я ушел прочь от него и чувствовал спиной, что он смотрит мне вслед, просверливая насквозь. Неприятный холод прошелся по спине. Он на все способен. Страшно представить, что и такой человек войдет в новую послевоенную жизнь. Сколько хороших людей унесла война и сколько еще погибнет?..

Ко времени ужина прибыл приказ из штаба бригады вывезти личный состав роты на митинг, который состоится завтра, 4 февраля 1943 года, в Сталинграде, на площади Павших борцов. И началось. Все зашевелились. Пошли звонки в бригаду с уточнениями времени, места сбора, формы одежды и так далее. Командир со старшиной роты и писарем Мезенцевым отбыли в штаб бригады. Что-то должны получить и все уточнить. Мы ждали вестей.

Уже поздно вечером из бригадного склада старшина Николаев привез несколько десятков новых полушубков и погоны. Ввели погоны для наших войск. Погоны! Непривычное понятие, ассоциируется с царской армией и вдруг

нам, командирам и красноармейцам Советской Армии, – погоны. Не укладывается.

Полушубки раздали водителям, более квалифицированным и отличившимся ремонтникам и командирам, чаще других выезжавшим в составе групп технического обеспечения к месту боев. Новые полушубки распределял командир роты по списку. И назначал по своему усмотрению и личной симпатии. Старшина роты Николаев взял себе новый полушубок, хотя и до сих пор ходил в полушубке. Получил Манько. Мне не выдали, не внес меня в списки командир, считая, видимо, что меньше других нахожусь на морозе. Я не имел своей машины и не был прикреплен к какой-нибудь летучке. Мерз, как все. Находился, где придется. Конечно, не мешало бы обеспечить весь личный состав полушубками, но их не хватало на всех. Учитывая отношение ко мне командира, я и не рассчитывал получить полушубок, хотя он был мне положен, как и многим другим.

Стал пришивать погоны. Я пришивал на шинель. У кого были полушубки, пришивали к ним. Гимнастерок и погоны для них пока не выдавали. Под шинелью не было видно, и оставили гимнастерки с кубиками в петлицах.

Весь вечер только и было разговоров о предстоящем митинге, и к нему готовились. Очень поздно улеглись отдыхать. Погасил фитиль в гильзе. Уже стал дремать, как пришел Наумов. Все-таки пришел, разделся в темноте и лег спать на кушетке. И на этот раз он ни с кем не стал считаться. Поступил так, как было удобно только ему.

Общие потери вражеских войск в районе Дона, Волги, Сталинграда составили около 1,5 млн человек, до 3500 танков и штурмовых орудий, 12 тыс. орудий и минометов, до 5 тыс. самолетов и большое количество другой техники. Такие потери сил и средств катастрофически отразились на общей стратегической обстановке и до основания потрясли всю военную машину гитлеровской Германии.

Победа наших войск под Сталинградом означала коренной перелом в войне в пользу Советского Союза и начало изгнания вражеских войск с нашей территории..

Жуков Г. К., Сталинградская эпопея. М.: Наука, 1968, С.71.

Конечно, Сталинград являлся поворотным пунктом в истории Второй мировой войны, поскольку на Волге разбилась волна немецкого наступления, чтобы затем откатиться обратно, подобно волне прибоя. Но как ни тяжела была утрата 6-й армии, это не означало еще проигрыша войны на Востоке и тем самым войны вообще. Все еще можно было добиваться ничейного исхода, если бы такую цель поставили перед собой немецкая политика и командование вооруженных сил.

Фельдмаршал Э. Манштейн. Утерянные победы, С. 352.

Четверг, 4 февраля 1943 г. МИТИНГ ПОБЕДИТЕЛЕЙ.

Встал очень рано. Еще темень во дворе. Спешил снять пораньше пробу с завтрака, так как личному составу нужно еще привести себя в порядок до начала митинга. Захватил два котелка – мой и Манько и попросил его протопить печку. Выстудило за ночь комнату. Выскочил во двор. Мороз аж дух перехватил – такой крепкий стоял с ночи. Где-то под тридцать градусов. Не очень-то долго пробудешь на митинге при таком холоде, да еще в шинели. Далеко идти пешком, а там долго стоять на площади и мерзнуть. Задумаешься.

Кухни стояли на улице. Шихалев суетился возле них. Шапка завязана тесемками на подбородке, воротник и верхняя часть шинели покрыты инеем.

– Сейчас будет, товарищ фельдшер, – ответил он на мое приветствие. Все подпрыгивал, хлопая ладонями, – еще не согрелся. На завтрак приготовил перловую кашу, заправленную свиной тушенкой, чай. Лукьянов выдал сахар и хлеб. Опробовал пищу и разрешил выдачу завтрака. Взял завтрак на двоих, мне и Николаю, в один котелок кашу, в другой чай и понес в медпункт. На улице возле кухни ни-

кто пищу не принимал – было очень холодно. Кушали, где жили: в машинах, в домиках.

Наумов встал, увидев, что завтрак принес на двоих, не стал умываться, молча взял котелок и ушел.

– Почему не взял на всех завтрак? – спросил Николай.

– Больше вместе с ним не будем. Он не должен с нами жить. Ему вообще надо уйти из роты.

– Той тот, як его, – заволновался Манько, – что случилось?

– Случилось. Дрянь он. Пока сказать не могу. Для его же пользы должен уйти из роты, о чем я ему вчера сказал.

– Что же все-таки случилось? Живем вместе, я должен знать.

Я не мог ему рассказать о случившемся. Вспыльчивый по натуре, он бы ему не простил. Даже трудно представить, что бы он с ним сделал. Во избежание скандала я ему пока ничего не скажу.

– Время придет – узнаешь. Больше не спрашивай меня, договорились?

– От меня ты не должен был скрывать, что касается Кости. Он мой заместитель. Но пусть будет по-твоему.

Услышали по три удара с короткими промежутками в гонг – команда на построение. Мы поторопились к выходу. Смотр проводил командир роты. За ним как тень следовал его заместитель по техчасти Калмыков. Безукоризненно исполнительный и по-собачьи преданный ему, как Санчо Панса. Оба они были в новеньких белых полушубках, опоясанные ремнями, с висевшими на боку в кобурах пистолетами, планшетками и с погонами на плечах. Выдали бы и мне из старых полушубков. Было бы все-таки теплее. Надо будет поговорить. Рядом с ними стоял замполит в своем уже изношенном полушубке и также в погонах. Непривычно все-таки видеть наших в погонах. В строю на правом фланге поставили личный состав в полушубках, а в шинелях – на левом. Последних было значительно меньше. Новые белые полушубки были в основном почти у всех командиров, сержантов. Многим водителям

и ремонтникам, более отличившимся самоотверженной работой, достались уже поношенные полушубки, видно с плеч тех, кто взял себе новые. И поварам достались старые полушубки. У Наумова оказался тоже новый полушубок. Обменял у кого-то, не по доброй воле последнего, на правах старшего. Думаю, что это было так, ибо в списках на новый он не состоял. Все были в валенках. Обойдя строй и строго осмотрев всех, командир сказал:

– На митинг пойдут только те, кто в полушубках. Остальные остаются в роте. Слушай мою команду! Одетые в шинели выйти из строя!

Кто-то расстроился, кто-то был рад не мерзнуть день на холоде. Я почему-то остался стоять в строю. Так был настроен пойти на митинг, что не мог покинуть строй.

– Доктор! Выйди из строя!

Я, видимо, был так расстроен, что один из ремонтников меня пожалел.

– Доктор, возьмите мой полушубок, правда, не новый, – обратился он ко мне, – в аккурат должен подойти, только погоны рядовые, без звездочек.

Я тут же стал снимать шинель, а он полушубок, и мы ими обменялись.

– Может, погоны успею перешить, – промолвил я.

– Сойдет и так, надевайте, – раздавались голоса.

Последовала команда командира:

– Становись! Равняйсь!

Он видел, чем мы занимались на левом фланге, но ничего не сказал.

– Смирно!

Я продолжал приводить себя в воинский порядок: уже надел полушубок, застегнул ремень, поправил кобуру, через плечо перекинул санитарную сумку, с которой не расставался, и противогаз.

– Вольно! – последовала команда, и командир еще раз стал обходить строй, всех осматривал. Одного красноармейца в очень грязном полушубке вывел из строя и велел остаться. Просился ремонтник разрешить идти на митинг,

но командир решение свое не изменил. Подошел ко мне, скептически осмотрел.

– Хочется померзнуть. Оставайся, – проговорил он, – сойдешь за санитара.

Повернул колонну направо, стал во главе ее, и мы пошли из нашего расположения по Сталинграду на северо-восток к штабу бригады. Замыкающим в полушубке и валенках, с парабеллумом в кобуре, с санитарной сумкой через плечо, в конце колонны с моими боевыми товарищами шел я на митинг.

Шли по Сталинграду победители...

Отсюда началось изгнание врага с нашей Родины. Даже трудно представить по горячим следам значение случившегося. Сталинградское побоище и наша блестящая и трудная победа войдут золотой страницей в героическую историю нашей Родины на многие века. И я участвовал в этих событиях. Здорово! И иду, пусть замыкающим, вместе с однополчанами на торжественный митинг, посвященный разгрому врага. Душа ликует! Такое же настроение у всех моих товарищей.

Шли по Сталинграду победители...

Шагали по изрытой снарядами, минами и бомбами дороге, через расчищенные улицы, дворы, площади, мимо спаленных и разрушенных домов, мимо развалин к штабу бригаду, откуда всем составом пойдем дальше до места проведения митинга.

Еще расчищали тягачами и танками участки дороги по пути следования. Встречались колонны пленных немцев вдоль самой дороги и в стороне. Группы гитлеровских вояк расчищали завалы, дороги. Закутанные в платки и одеяла поверх серо-зеленых шинелей, бывшие вояки представляли сейчас жалкое зрелище. Сколько страданий причинили они нашему народу. И ходят на нашей земле для себя уже вне войны. Сохранили им жизнь, их кормят нашим хлебом, оказывают медицинскую помощь. Затем уедут к себе после войны. И все им простится. Только наш народ может быть таким великодушным.

Пришли к штабу бригады. Шли долго, километров пять. Мороз был нам нипочем – разогрелись в дороге. Подразделения бригады уже стояли, смотрелись командованием. Мы стали на левом фланге самыми крайними за личным составом подразделений обслуживания. Поздоровался с военфельдшером Модзелевским, тепло встретились с доктором Панченко. Медсанвзвод стоял за ротой управления.

Нашей роте сделали замечание, что много грязных полушубков. Должны понимать, что ремонтники. Всех оставили в строю. Пока шел смотр бригады, я позади строя побежал в голову колонны, к медсанвзводу. Поздоровался с коллегами, поздравил их с победой. Майю не увидел. Большакова заметила, что ищу кого-то, и сказала, что доктор Майя осталась в медсанвзводе, простужена и что кого-то нужно было оставить с больными.

К медсанвзводу подошел бригадный врач подполковник медслужбы Джатиев. Уже ходил без палочки. Тепло поздоровался со мной, поздравил с победой и отвел меня в сторону.

– Что было у тебя с Максимовым? – спросил он.

– Ничего не было.

– Не знаю почему, но он не подписал твой наградной лист. Поставил резолюцию: «Преждевременно».

Мы оба смотрели друг на друга. Он вопрошающе, а я с недоумением.

– Может быть, из-за медсестры Ладны, – отозвался я. – Царство ей небесное.

Затем добавил:

– Он мне как-то до ее гибели сказал, чтоб не становился поперед батьки – высечет или в пекло попаду. Я ее однажды рано утром поднял и заставил идти оказывать помощь раненым после ночи, проведенной у него. Она не хотела вставать. Может быть, и грубо обошелся с ней, и она ему пожаловалась.

– Как бы там ни было, тебя не представили к награде. Листы еще не отправлены в штаб фронта. Может быть, удастся что-нибудь сделать. Не отчаивайся, иди в строй.

Я побежал к себе. Жаль, что не увидел Майю. Конечно, был огорчен и сообщением Джатиева. Решил после митинга проведать доктора Майю, поздравить ее с победой и попросил разрешения у Михайловского на обратном пути зайти в медсанвзвод. Он категорически запретил.

– Вместе с ротой пойдешь в свое расположение. Только в роту! Понял? Болтаться надумал. В роту пойдешь, и никаких разговоров. Понял?

– Понял.

Последовала команда начальника штаба бригады:

– Равняйсь! Смирно! Равнение направо!

К строю шли командир бригады майор Садовский, начальник политотдела батальонный комиссар Максимов. Начальник штаба майор Калугин доложил, что бригада для следования на митинг построена. Командир поздоровался с личным составом, поздравил с разгромом немецко-фашистских войск. Мощное многократное ура прокатилось далеко по развалинам города. Раздалась команда:

– Под знамя, смирно!

Командир разведвзвода Сергей Большаков в сопровождении автоматчиков нес мимо нас на вытянутых руках вдоль строя развернутое боевое знамя 254-й танковой бригады. Первый раз видел знамя, когда его вручали при формировании бригады в Костырево перед отправкой на фронт.

Строй застыл. Они прошли в голову колонны и там остановились. Последовала команда, и личный состав 254-й танковой бригады походной колонной, с развернутым, опаленным в боях знаменем впереди, шел по наспех расчищенной от снега и завалов дороге среди развалин города на митинг. Впереди колонны – командир бригады и его боевые соратники – батальонный комиссар, командиры штаба бригады, за ними боевые батальоны, роты во главе со своими командирами, подразделения обслуживания, в том числе наша рота технического обеспечения и я – военный фельдшер, замыкающий всей бригады.

Шли по Сталинграду победители...

Мела поземка. Крепкий мороз сковывал жгучей болью колени и кисти рук в хлопчатобумажных рукавицах, морозный ветер белыми пятнами метил участки лица, иней от выдыхаемого воздуха оседал на бровях, усах, шапке-ушанке, воротнике! На ходу растирали лицо, следя друг за другом. Ускоряли шаг, разогревались быстрой ходьбой. Настроение было хорошее. Все вокруг ликовали, чувствовали себя участниками очень важного события. Враг был повержен и в таком большом количестве! Наши войска преследуют отступающего на запад противника и громят его. Значит, бить его можно. И враг будет разбит!

Шли по Сталинграду победители...

И здесь нам встречались колонны военнопленных, следовавшие в сборные пункты под охраной красноармейцев. Местами на дороге и в глубине работали группы немецких военнопленных по расчистке завалов и руин. И сейчас еще они извлекали замерзшие трупы своих солдат и офицеров и складывали их штабелями у разрушенных зданий. При прохождении нашей колонны военнопленные вытягивались и замирали. Надменные и самонадеянные, жестокие и беспощадные солдаты Гитлера в недалеком прошлом. А сейчас? Обросшие, руки в повязках, обмороженные части тела, в серо-зеленых шинелях, а поверх одеяла, странная очень большая соломенная или деревянная обувь, обмотки. Эти существа тоже из человеческого рода, но все человеческое растеряли своими нечеловеческими действиями. И не было к ним никакой жалости. Чего они искали здесь, у берегов Волги, исконно русской реки, в такой дали от своей Германии? Погибель? Подавляющее большинство ее нашли. А часть из них стоит навытяжку перед проходящими нашими колоннами – колоннами победителей. Стрелка часов истории окончательно повернулась к нашему народу.

Шли по Сталинграду победители...

Чувство уверенности в своих силах, в себе, чувство хозяина своей земли несли в себе люди, победившие врага. Впереди запели, и строй подхватил песню. Пели строевые,

задорные наши песни, и хорошо пелось в освобожденном от врага городе. В Сталинграде зазвучали песни, а не взрывы снарядов и бомб вдоль величавой реки Волги.

Шли по Сталинграду победители...

Шли мимо развалин города, насчитывавшего до войны 600 тысяч жителей. Пока не встречался ни один местный. Вокруг на многие километры пути коробки зданий с зияющими дырами бывших окон, зданий без крыш и перекрытий. Вдоль бывших улиц сохранились местами цементные столбы без электропроводов. Иногда стояли железные ворота, обозначавшие места бывших дворов и домов. Деревянные ворота и заборы сгорели или ушли на дрова. Враг полностью разрушил город, оставил одни руины. Пусть, но город в наших руках, и его вновь отстроят. Будет он еще лучше прежнего.

Шли по Сталинграду победители...

Перед взором проходили пережитые нами дни и ночи минувшего сражения, боевой путь бригады, совпавший со всеми этапами Сталинградской битвы.

Конец июля 1942 года. Формирование бригады и погрузка в эшелон.

Начало августа 1942 года. Выгрузка из эшелонов севернее Сталинграда и двухсотпятидесятикилометровый марш своим ходом по калмыцким степям на юг, и первый танковый бой с наступавшими на Сталинград танковыми войсками противника у разъезда 74-й километр. Неудачный для нас первый бой, большие потери, приобретение опыта. А затем бои совместно с другими частями и соединениями 64-й армии в районе Абганерово, Тингуты, совхоза имени Юркина, Аксай. Задержка на несколько недель продвижения противника на Сталинград ценой больших жертв.

Конец августа. Кровопролитные оборонительные бои с наступавшим противником и отход на новые оборонительные рубежи. Кратковременная задержка врага, давшая возможность нашим стрелковым дивизиям 64-й армии построить новую оборону. Потеряли там все танки, погибло много личного состава. Отход с боями к южной окраине.

Начало варварской бомбардировки Сталинграда с 23 августа. Город в огне, город разрушается, город сопротивляется. Начало сентября. Выход из боев на формирование. Переправа через Волгу на левый берег. Бомбовые удары, артиллерийский и минометный обстрел подходов к реке. Город в огне, берег в огне, переправы горят, горит поверхность реки Волги, взрываются и тонут баржи, буксиры. Гибнут наши гражданские люди в ожидании переправ у реки, гибнет скопившийся у берега Волги скот, угнанный с Украины, из ряда областей России. Все это мы пережили, выстояли, одолели, хотя и несли большие потери.

Шли по Сталинграду победители...

Конец сентября. Получили пополнение. Безумно длинный марш по Заволжью до Ханаты. Бои за плацдарм в межозерном дефиле, овладение поселком Садовое, бои за Тундутово и отход в степь. Притаились в отдаленном поселке калмыцких степей – Зергента, получили пополнение. Участие в окружении врага под Сталинградом, в боях за создание внешнего фронта окружения, отражение деблокирующей группировки Манштейна, рейды танковой бригады на Аксай, Жутов, Уманское до Котельниково. И, наконец, участие в разгроме окруженного врага под Сталинградом, тяжелые бои на его южной окраине, кровопролитные бои за каждый дом, улицу, вокзал и полный разгром врага.

Шли по Сталинграду победители...

Потери однополчан, потери техники, штабеля трупов врага, колонны военнопленных. А сейчас направо перед взором спокойно протекает скованная льдом Волга, отдыхающая от недавней бойни, свидетелем и участником которой она была.

Шли по Сталинграду победители....

Из боковых улиц на главную магистраль города выходили полки и дивизии с развернутыми знаменами, примыкали друг к другу, и торжественное шествие растянулось на многие километры. Все шли в одном направлении – на митинг победителей.

Судьбу Сталинграда решали не только танки и пушки, самолеты и другая военная техника, но и гнев, ярость защитников, ненависть к врагу за поруганную Родину, глубокое понимание того, что судьба близких и родных, судьба всей страны решается здесь, у берегов Волги, что придавало силы в борьбе за победу.

С такими мыслями пришли на площадь Павших борцов на митинг Победы. Дорога к ней вела нас более полутора лет. Многие однополчане, очень многие с нами не дошли. Всего за Сталинградскую эпопею 254-я танковая бригада потеряла с учетом пополнений девятьсот человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Трижды за время сражения, когда теряла все танки, выводилась на короткое время из боев для повторных формирований.

Не имея постоянного «хозяина», личный состав реже награждался правительственными наградами. Не награждались посмертно, что являлось бы памятью для родных.

Сотни тысяч наших воинов из других частей и соединений сложили свои головы в этой битве. Такой дорогой ценой досталась нам победа под Сталинградом. До окончательной победы еще далеко, но мы в нее верили, и Сталинград приблизил ее.

Пришли на площадь Павших борцов. Она была заполнена войсками, сражавшимися за Сталинград. Стояли здесь с развернутыми боевыми знаменами представители славных полков, бригад, дивизий, корпусов, армий и их прославленные командиры и командующие. Рядом с войсками строились колонны трудящихся сталинградских предприятий, ковавшие победу в осажденном городе и защищавшие его в народном ополчении.

Стояли в освобожденном Сталинграде победители в ожидании митинга на площади Павших борцов.

Вокруг коробки обугленных и разрушенных домов без окон, потолков и крыш, но мы твердо верили, что город на Волге будет возрожден из руин.

...Из репродукторов раздавались марши, советские песни. Жгучий мороз заставлял активно вести себя в строю,

некоторые отплясывали в такт музыке. Наконец все стихло, начался митинг.

Нас поздравило командование фронта с победой под Сталинградом. Со страстной речью выступил член Военного Совета фронта Хрущев. Зачитали приказ Верховного главнокомандующего товарища Сталина, в котором войска Сталинградского, Донского и других фронтов поздравляли с успешным завершением ликвидации окруженных вражеских армий и всем участникам сражения объявили благодарность.

В обращении к красноармейцам и командирам, зачитанном секретарем Сталинградского обкома ВКП(б) – Чуяновым, трудящиеся Сталинграда горячо благодарили воинов, отстоявших город на Волге, и поклялись восстановить его для новой созидательной жизни.

В заключение пожелали новых боевых успехов по изгнанию фашистских захватчиков из нашей Родины.

С площади многие части, соединения и армии ушли на запад и влились в новые фронты по изгнанию фашистских захватчиков. Ушла и наша 64-я армия, в составе которой в начале Сталинградской битвы и при ее завершении участвовала наша бригада. А 254-я танковая бригада осталась в Сталинграде на Дар-Горе и вошла в резерв Ставки. Получим пополнение, и ждут нас новые дороги, боевые действия. Боевого опыта нам не занимать. Личный состав получил его за период Сталинградского сражения.

Содержание

Научно-популярное издание

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: НЕИЗВЕСТНАЯ ВОЙНА

Фиалковский Леонид Иосифович

СТАЛИНГРАДСКИЙ АПОКАЛИПСИС

Танковая бригада в аду

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор *И. Петровский*
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Н. Билюкина*
Корректор *О. Супрун*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15

Для корреспонденции:
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 07.04.2011.
Формат 84x108 $^1/_{32}$. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52.

Тираж 3500 экз. Заказ №8081

Отпечатано в ООО «Северо-Западный Печатный двор» ,
188300, Ленинградская обл., г. Гатчина, ул. Железнодорожная, 45Б

ISBN 978-5-699-49076-9

9 785699 490769 >

Хотя дневники на фронте были под полным запретом, автор вел ежедневные записи на протяжении всего 1942 года. Этот уникальный документ – подробная летопись Сталинградской битвы, исповедь ветерана 254-й танковой бригады, прошедшей решающее сражение Великой Отечественной от донских степей до волжских откосов и от ноябрьского контрнаступления Красной Армии до отражения деблокирующего удара Манштейна и полной ликвидации «котла». За 200 дней и ночей Сталинградского побоища бригада потеряла более 900 человек личного состава и трижды переформировывалась после потери всех танков. Эта книга – предельно откровенный и правдивый рассказ о самой кровавой битве в человеческой истории, ставшей переломным моментом Второй Мировой войны.

«Упорные бои идут за каждую улицу, каждый дом. Подразделения бригады топчутся у железнодорожного моста через реку Царица – никак не удается овладеть им. Наши потеряли на подступах к городу 5 танков. Оттянуть их в безопасное место невозможно из-за массированного обстрела со стороны противника... Враг расчленен на две группы – северную и южную, – но продолжает упорно сопротивляться, выводя из строя наши танки и личный состав. Немцы сражаются до последнего, даже находясь в безвыходном положении, – голодают, замерзают, погибают, но не сдаются в плен. Даже раненые и больные продолжают сражаться... Какими же надо быть фанатиками, преданными своему фюреру, чтобы голодными, обмороженными драться до конца, пока в состоянии держать оружие, умирать за много тысяч километров от собственного дома – во имя чего?!.»

